Перекрёстки

N 3-4 / 2012

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ

EUROPEAN HUMANITIES UNIVERSITY
EHU
20
YEARS

Европейский гуманитарный университет
Центр передовых научных исследований и образования (CASE),
проект «Социальные трансформации в Пограничье: Беларусь, Украина, Молдова»

Перекрестки № 3–4/2012
Журнал исследований восточноевропейского Пограничья
ISSN 1822-5136

Журнал включен в международные базы данных
EBSCO-CEEAS (Central & Eastern European Academic Source)
и Indexed in the MLA International Bibliography

Журнал выходит с 2001 г.

Адрес редакции и издателя:
Европейский гуманитарный университет
Tauro str. 12, LT-01108
Vilnius Lithuania
E-mail: perekrestki@ehu.lt

Формат 70x108 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,78. Тираж 300 экз.
Отпечатано: «Petro Ofsetas»
Savanorių pr. 174D, LT-03153 Vilnius

На обложке использован фрагмент картины неизвестного художника
«Переправа наполеоновской армии через Неман. 24 июня 1812 г.».

ЕГУ выражает глубокую признательность за помощь и финансовую поддержку проекта
Корпорации Карнеги, Нью-Йорк.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЦЕНЗИИ

CONTENTS

REVIEWS

ОТ РЕДАКТОРА

Если читатель открыл очередной номер журнала, значит, он нашел в предшествующих номерах что-то, что его заинтересовало. Кто-то из авторов стал его собеседником, озвучил интересующую читателя информацию или высказал нетривиальную мысль.

В обоих случаях есть надежда, что наша работа не пропала зря.

«Главный герой» нашего журнала – Пограничье. Вернее, государства, народы и люди, оказавшиеся в ситуации пограничья и перелома. В ситуации глобальной и региональной трансформации, сказывающейся на судьбах и государств, и народов, и каждого человека в отдельности.

Это – «главный герой». Но писать о нем тоже можно поразному, поворачивая его, как «магический кристалл», разными гранями. В номере журнала, который Вы сейчас держите в руках, можно условно выделить три главные темы.

Тема первая связана с проблемой идентичности и самоидентификации. Как люди, живущие, говоря терминологией М.М. Бахтина, в «хронотопе перелома», определяют собственное «я». И как меняется это «я» в реальности – ведь самоидентификация и реальность далеко не всегда совпадают. Материал для размышлений на эту тему дают статьи Ирины Богачевской, Надежды Морозовой, Евгении Зеленской, Вадима Осина.

Тема вторая – это тема выбора. Есть выбор, который осуществлен до нас и за нас. Мы не выбираем национальность, место и время своего рождения. Мир вокруг нас складывает обстоятельства так, что мы рождаемся теми, кто мы есть, со своим генетическим кодом, а дальше уже эти же и другие об-

стоятельства формируют нас вне зависимости от нашего желания – потому что даже сопротивление обстоятельствам, в той или иной степени успешное, неизбежно есть реакция на них. Об этом, каждый – по-своему, говорят Олег Дзярнович, Татьяна Чулицкая, Елена Яцунская, Анна Горбан, Юрий Петрушенко.

И, наконец, тема сходства и различия. Осуществляемый государством, народом, индивидуумом выбор влечет за собой сходство и различие в переходящих от одного к другому этапу своего развития государствах, народах, индивидуумах. Герой Жюля Верна начертал на корме своего «Наутилуса»: «Подвижный в подвижном мире». Собственно, таков девиз всего, что способно меняться, что оказывается в ситуации Пограничья. И описывать эти перемены можно поразному – помня при этом, что каждое изменение есть своеобразный ответ на очередной вызов подвижного мира вокруг нас. Об этом пишут, в частности, Татьяна Еловая и Григорий Миненков, Анатолий Паньковский, Андрей Роленок, Татьяна Букос.

Возможно, кому-то покажется, что в статьях этого номера слишком много экскурсов в прошлое. Но именно в прошлом заложены причины тех перемен, которые происходят сейчас и будут происходить далее.

Возможно, кто-то сочтет, что столь подробные исследования процессов, происходящих в сфере духовного, излишни. Но изменения в сфере материального освещают журналы издательского дома «КоммерсантЪ».

Недовольство возможно даже тогда, когда самой редакции покажется, что выпущенный нами номер – идеален. А в том, что данный номер далеко не идеален, мы убеждены заранее. Но надежда, что и у него найдется читатель, нас всетаки не покидает.

В любом случае мы хотим, чтобы наш журнал менялся – раз уж он пишет о меняющихся объектах в меняющемся универсуме. Мы хотим, чтобы он становился лучше. Поэтому статьи, опубликованные уже в следующем номере «Перекрестков», будут подлежать внутреннему рецензированию. Редакция верит, что это сделает «Перекрестки» интереснее, а авторов стимулирует к более глубокому постижению заинтересовавших их проблем.

Удастся ли нам? «Перекрестки» изначально задумывались и как перекрестки мнений, как площадка для обмена информацией и идеями. Хочется, чтобы оценку дали читатели.

Мы ждем.

Александр Федута

Принимая вызов

Татьяна Еловая, Григорий Миненков

«НИЗОВОЕ ОБЩЕСТВО» КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Abstract

Radical social changes of the last decades detect more and more a failure of the established conceptual frameworks of knowledge in humanities and social sciences to «cope» with new social realities. In particular, today there is being shown a considerable interest to the concept (and metaphor) "grassroots society". While it is obvious closeness of this concept to concepts "everydayness" and "privacy" they are not identical. Under *grassroots society* we understand a multi-dimensional plexus of practices in private sphere, which works in the situation of the multilayer structure of the contemporary societies on the level of "hidden sociality" and has a number of distinctive features, above all, its projective orientation. In other words, grassroots society can be described as *a kind of a gap between everydayness and social institutions*. Summarizing the ideas of a number of leading social theorists the article describes characteristics that would allow to define specific features and functions of the phenomena of grassroots sociality in the context of interaction of political and social in the contemporary world. The authors make an attempt to develop an approach to the problem of grassroots society from "negative" (social implosion) and "positive" (life politics, individualization) points of view. The specific features of forming new forms of sociality in the framework of development of the network society are discussed. As a generalization the authors discuss features of "social imaginary" in the context of grassroots sociality and detect associated with this strengthening of value (ethical) regulatives.

Keywords: grassroots society, everydayness, privacy, liquid modernity, consumption, simulation, individualization, life politics, reflexivity, solidarity, network society, tribe, globalization, social imagination, work of imagination, ethical dimension.

Введение

Радикальные социальные изменения последних десятилетий поставили на повестку дня вопрос о фундаментальном пересмотре устоявшихся концептуальных структур и понятий социального и гуманитарного знания, которые, если воспользоваться удачной метафорой У. Бека, превратились в понятия-зомби, т.е. пустые понятия в кантовском понимании, что ведет к слепоте социальных наук по отношению к быстро меняющимся социальным реалиям[1]. Новые предметности требуют столь же новых аналитических языков. При этом очевидно, что перестают работать прежние дисциплинарные практики, политически и институционально задававшие «приемлемые» социальные формы. В ситуации размывания любых границ и принятых нормативных регуляторов, мутаций и ослабления государственных и иных традиционных социальных институтов все больший интерес привлекают «стихийно» созидаемые социальные формы, «низовое общество» («низовая социальность»), предварительное теоретическое описание которого в контекстах ряда направлений современной социальной теории и составляет цель данного исследования.

Не отрицая наличия и мощи «официального» упорядоченного общества-системы, явленного через символический универсум власти и удерживаемого в стабильном состоянии с помощью успешных стратегий народовластия (деполитизация, продуцирование социальной регрессии, патернализм и т.п.), мы хотели бы обратиться к концептуальной экспликации смыслов «скрытой экономии» (П. Бурдье) социальных практик. Это позволит прояснить успешность/неуспешность социальных контрактаций в рамках социальной динамики и понять, почему в той же Беларуси социальный контракт, предложенный населению властью, был принят (и население стало активно «потреблять государство»), а контракт, предлагавшийся оппозицией, отвергнут. И одновременно пытаться прогнозировать перспективы иных социальных контрактов с «массами», когда уйдет в прошлое нынешний политический режим и страна окажется в пучине жесточайшего социально-политического и экономического кризиса.

Термин «низовое общество» новый для социального знания. Чтобы понятнее стала логика нашего анализа, попытаемся обозначить, пока без аргументации, ключевые особенности соответствующего концепта. Под «*низовым обществом*» в рамках исследования мы понимаем многомерное сплетение практик приватной сферы, которое в ситуации многослойной структуры современных обществ функционирует на уровне «скрытой социальности» и обладает рядом отличительных особенностей – прежде всего явной проективной направленностью. Иными словами, мы не «изобретаем» здесь «новое общество» и не открываем некий новый его «слой», но предлагаем изменить перспективу взгляда на «общество» – с традиционного взгляда «сверху» на взгляд «снизу».

Очевидно, что обращаясь к данному концепту, мы неминуемо вспоминаем о понятиях *повседневности* и *приватности*. Вряд ли стоит доказывать, что все три концепта тесно взаимосвязаны и «подпирают» друг друга. Эта взаимосвязь постоянно будет иметься в виду. И все же содержание данных концептов не тождественно. В качестве основного отличия между концептами повседневности и низового общества мы предполагаем степень их дискурсивной выраженности. Повседневность уже изначально является дискурсом, даже если это молчаливое знание (tacit knowledge[2]). Низовое общество, напротив, еще только «готовится к проговариванию», находясь буквально у «корней травы» («grassroots society»). Повседневность, иными словами, есть субъективно значимая, базовая и сама собой разумеющаяся реальность, она непрерывно интерпретируется и воспроизводится как плоскость быта, отношений, ценностей, наивного знания, укореняя человека в уже существующих структурах[3]. Низовая социальность предполагает элемент рутинизации, однако не поглощается полностью властью институтов, дистанцируясь от них. Поэтому низовое общество можно предварительно охарактеризовать как *некоторый зазор между повседневностью и социальными институтами*. Более того, проективная направленность низового общества предусматривает и потенциальное создание новых институтов на низовом уровне. Приватность же представляет собой скрытую социальность, в то время как сфера открытой социальности (официально явленный «фасад») – сфера публичного. Приватность, следуя Х. Арендт, есть сфера (сферы), по той или иной причине избегающая открытости, общедоступности, здесь исключение преобладает над включением.

Конечно, четкой границы между низовым обществом, повседневностью и приватностью провести невозможно. Поэтому в рамках нашего исследования условный «дефис» между данными понятиями присутствует в значительной степени. «Низовое общество», повседневность и приватность находятся в постоянном переплетении и взаимовлиянии перспектив, но весомое отличие в оперировании понятием «низового общества» заключается именно в его проективной направленности, т.е. как то, что в будущем может «прорасти из корней травы» и выполнить активную социальную роль, тем самым, возможно, изменив и весь социальный мир.

Таким образом, основываясь на динамическом понимании социального, учитывая многослойную структуру общества, мы предполагаем, что адекватная концептуализация современной социальности требует смещения теоретической системы координат с общественного «фасада» на уровень «скрытой социальности», которая может быть концептуализирована с помощью метафоры «низовое общество». При этом отметим, что исследование скрытой социальности не предполагает ее редукции к своей партикулярности как иррациональному социальному остатку, напротив, речь идет о ее рассмотрении в общесоциальном масштабе как полноправной «реальности» наряду с официальным «фасадом».

Исследование опирается на серию разработанных современной социальной теорией интерпретаций новейших социальных процессов, которые наиболее близко подошли к проблематике «низовой социальности». В рамках современной социальной теории проблематика «низового общества» получила некоторую явную экспликацию в работах А. Аппадураи, который предлагает концепт «глобализации снизу»[4] (grassroots globalization). Именно теоретические наработки Аппадураи послужили для нас отправной точкой в желании начать разработку концепта «низового общества». Методологические ориентиры данного исследования связаны с целым рядом последовательно сопоставляемых концептуальных структур, начиная с концепции «общества потребления» и «молчаливого большинства» Ж. Бодрийяра, «индивидуализации» З. Баумана, «политики жизни» Э. Гидденса, «институционализированного индивидуализма» У. Бека и до «сетей» М. Кастельса, «нового трайбализма» М. Маффесоли, «работы воображения» А. Аппадураи и «социального воображаемого» и «морального порядка» Ч. Тейлора. Данные подходы весьма разнообразны, но они имеют общий отправной момент, а именно – критику «сильного понятия общества», т.е. понимания последнего в качестве естественной (эссенциальной) рамки социальной жизни, совпадающей с границами нации-государства, внутри которого социальное заключено.

1. Перспективные направления концептуализации низового общества

2.1. «Негативный взгляд»: «конец социального» и/или «текучая» современность (Ж. Бодрийяр и З. Бауман)

Экспликацию концептуальных элементов «низового общества» мы начинаем с анализа взглядов французского социального теоретика Жана Бодрийяра, предложившего одну из наиболее радикальных версий последних десятилетий интерпретации социальных трансформаций. Мы полагаем, что Бодрийяр открывает дорогу буквально к «корням травы», обильно «поливаемой» сегодня различного рода глобальными потоками. Соответственно, конструирование социального «снизу» оказывается все многообразнее, постоянно нарождаются новые формы локальностей. Здесь и обнаруживается роль политического в его исходном, идущем от Аристотеля понимании: новые формы отношений задают и новые формы социальности. У Бодрийяра это понятия симулякра и гиперсимуляции, потребления, «молчаливого большинства» и т.д. Не ставя перед собой задачи систематической реконструкции социальной теории Бодрийяра, мы намереваемся отобразить общую картину того, чем явилась социальная теория «после Бодрийяра» в контексте открытия ею «реальности» низового общества. Для нас важны по крайней мере три элемента данной теории: массовое потре-

бление как определяющий феномен повседневной жизни современного (западного) общества; переход от символического обмена к тотальной симуляции человеческой жизни; имплозия социального и политического как эффект гиперсимуляции, в результате жизнь смещается в гущу низовой социальности.

Итак, современное общество, по Бодрийяру, является *обществом потребления*. В ситуации распада прежних категорий ранжирования источником социальной дифференциации и индивидуализации становятся потребляемые людьми знаки. Потребление как таковое представляет собой систематический акт манипуляции знаками: потребление товара всегда означает потребление знака, тем самым власть кода распространяется не только на вещи, но и на потребителей. Выбор товара так или иначе контролируется установленным в группе кодом сигнификации – потребители хотят покупать только те вещи, которые принято иметь в их социальном окружении, даже если в действительности не нуждаются в них. Однако не следует понимать общество потребления у Бодрийяра лишь как некоторый субъективный процесс между индивидом и потребляемыми им вещами или идею, усвоенную коллективными представлениями[5]. Потребление необходимо рассматривать более фундаментально, а именно как то, что вплетено в схемы реверсивных материальных практик людей, причем обмен «дарами» происходит не между конкретными индивидами А и Б, но вписан во всеобщий кругооборот даров в рамках социальных группировок, оказываясь определяющим мотивом поведения и жизнедеятельности. Вещь потребляется как знак, на чем строится вся система социальных отличий, коммуникации и обмена. Замена потребительской стоимости символической означает превращение свободы выбора в фикцию. Потребление схожих знаков неминуемо приводит к групповой унификации, в обществе потребления «личность отсутствует, она мертва, выметена из нашей функциональной вселенной»[6]. Индивид превращается в конечный пункт, «терминал» в сети всеобщего обмена информацией и коммуникацией. Смерть отсутствует, имеет место просто прекращение (терминация) обмена. Логика символического обмена определяется не столько взаимностью, сколько реверсивностью. Используя язык нашего исследования, можно сказать, что Бодрийяр говорит о новой организации сферы приватного именно на уровне низовой социальности. Причем речь идет о закате западного индивидуализма, ибо подобный символический обмен чужд его природе, будучи укорененным не в уникальности «Я», но в «восточной» логике «мы», или сообщества[7].

Сферу повседневности Бодрийяр предлагает условно разграничивать на две части – на «трансцендентную» (политическое, социальное и культурное) и «имманентную» (быт, приватное). Сферу приватного традиционно принято считать несущественной, вторичной, даже примитивной, однако, согласно Бодрийяру, именно приватность в обществе потребления и обеспечивает индивиду своеобразную автономию в ситуации столкновения с «большим миром». Закрываясь

в приватности, люди нерефлексивно воспринимают знаки из внешней среды, «трансцендентное» для потребления становится излишним. Поэтому мы говорим как о тотальной политизации сферы повседневности, так и об исчезновении «трансцендентного» из жизни людей, которую нивелируют потребительские практики[8]. Иными словами, потребление находится «по ту сторону» объективного и субъективного и выступает сегодня основной социальной практикой.

Существенно обращение к концепции симулякров и симуляции Бодрийяра. Важно понять, что смысл симуляции не в искажении реальности, а в виртуальном характере последней; знаки реальности обретают самодостаточность и подменяют саму реальность. Имеет место тотальная автономизация ценности, переход к стадии полной симуляции, «ни-к-чему-не-привязанности, никому-не-обязанности, ни-во-что-не-верия»[9]. Все знаки могут обмениваться друг на друга, но больше не обмениваются на реальное. В итоге реальность перестает быть онтологически фундированной, становится «симулятивной гиперреальностью симулякров», чистой видимостью, реакцией на собственную же симуляционность, системой фреймов, аналогичных хайдеггеровскому Gestell. Символический капитал выражается в совокупности накопленных знаков, и именно последними фреймируется повседневная жизнь. Возможна ли победа над подобной системой? По Бодрийяру, единственно возможная стратегия противостояния системе – это обман с помощью ее же уловок. Именно здесь эмансипаторскую задачу могут выполнить потенциальные «неучтенные» институции низового уровня социальности – в силу существования некоторого зазора между системой и старающимися укрыться в толщах приватности людьми.

В работе «В тени молчаливого большинства» Бодрийяр предлагает эсхатологию «конца социального». Уточним, речь идет о конце прежнего, привычного социального в системе традиционных контрактов. Смена модерна постмодерном означает *замену категории общественного договора временным социальным контрактом*, т.е. считавшиеся очевидными рациональные «социальные отношения» разрушаются. Социальное теряет основную функцию – исчезает референт, оно все больше поглощается массами. Появление масс не случайно, ибо сопротивление социальному имело место во всей истории человечества, проявляясь в виде отголосков варварства. Появление новых коммуникационных технологий содействовало нарастанию этих протестных социальному отношений, что и кристаллизировалось в феномене масс. Воплощением массы выступает *«молчаливое большинство»*, которое не представляет общественной страты, общности, а является, скорее, статической категорией. Масса не есть субъект, поскольку не имеет автономного сознания, не может быть наделена конкретным предикатом. Но она и не объект, поскольку не может быть понята в терминах элементов, отношений и структур и не воспринимает информационную обработку. В итоге у социального остается референт «молчаливого большинства», но он не имеет никакой репрезентации. Репрезентация масс становится симуляцией.

Тем не менее Бодрийяр называет массу наиболее внушительной силой современности, вся реальность которой – в действии. Возникает вопрос: о каком действии можно вести речь, если мы говорим о «молчании»? Дело в том, что масса представляет собой действенную и актуальную силу нейтрализации, силу инерции, т.е. является эмпирической реальностью, а не видимостью, где «молчание» и индифферентность выступают только эффектом силы. *Имеет место мутация социального мира, и это новое состояние характеризуется собственной организацией*. Социальное овладело политическим и стало всепоглощающим. В итоге вместе с исчезновением социального означаемого происходит исчезновение и зависимого от него политического означающего, *другими словами*, политическому не на что опереться для легитимации себя (по Бодрийяру, модерные понятия класса, нации, гражданства становятся сегодня пустыми означающими). В результате воздействия современных медиа любые предложенные смыслы воспринимаются массами как шоу, социальное и политическое становится товаром индивидуального потребления. Если раньше власти старались заглушить голос масс, видя в них опасность, то сегодня, напротив, они проводят «информационные бомбардировки» с целью привлечения людей к участию в общественной деятельности. Как метко подмечает Бодрийяр, «политический референт уступил место референдуму»[10]. Власть стремится вновь обрести субъекта, но безуспешно – массы «проглатывают» смыслы и, тем самым, еще больше растут[11].

Итак, классические смыслы исчезают. Но возможны ли иные смыслы? Ответ Бодрийяра не вполне ясен. Очевидно, что катастрофа социального приносит нам новую геометрию социального пространства. У Бодрийяра массы способны выступать действующим лицом истории, переставая на некоторое (короткое) время быть «молчаливыми», но собственной истории они не имеют – их сила всегда актуальна, вершится «здесь и сейчас», вся жизнь перемещается с полюса исторического и политического в практики обыденной повседневности, где массы действуют по инерции, следуя за медиумом и симулякрами. Теперь реальность не константа, а переменная в ряду других, где эволюционная перспектива есть только один из возможных вариантов событий. Но что же тогда происходит у этих «корней травы»? Возможна ли новая «этика повседневности»? В целях поиска ответов на эти вопросы, четко поставленные уже Бодрийяром, поскольку символический обмен становится ключевым измерением форм повседневной жизни, обратимся к идеям Зыгмунта Баумана, предложившего своеобразный проект постмодернистской социологии, включающей систему плодотворных метафор для описания современных социальных процессов[12].

Хотя мы и не найдем у Баумана непосредственного использования концепта низового общества, однако практически во всех его работах низовая социальность является центральным мотивом, а именно *в качестве воспроизводства системы в контексте повседневных практик с характерной для них социальной неопределенностью*. Особенно значима в этом плане предложенная

Бауманом метафора «текучая современность (модернити)», маркирующая последний этап его творчества. Данной метафорой описывается «отдаленность и недостижимость системной структуры в сочетании с неструктурированным, текучим состоянием непосредственных обстоятельств реализации жизненных принципов»[13]. «Текучесть» – не просто некий новый социальный феномен, требующий изучения, но и экзистенциальная дилемма, побуждающая к практическому решению, в том числе с целью обретения новой безопасности и морали. Современное общество, полагает Бауман, разительно отличается от прошлых форм социальности, ибо сегодня «мы вступили на территорию, которая никогда прежде не была населена людьми, – на территорию, которую культура в прошлом считала непригодной для жизни»[14]. Эта «непригодность» связана с утратой прежнего социального порядка, его моральных оснований, рациональности, баланса между общественным и приватным. Нарастает процесс индивидуализации, и именно этот концепт, полагаем, позволяет проникать к тому, что происходит у «корней травы». Индивидуализация означает отказ от «предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности… социальной роли»[15], преображение идентичности из «данности» в «задачу».

В основе усиления индивидуалистических тенденций, полагает Бауман, лежат негативные последствия глобализации, ведущие к переориентированию интересов и установок индивидов на реализацию личных жизненных проектов. Если модернити боролась против амбивалентности, то в ситуации постмодернити имеет место ее «приватизация». Оторванному от модерных «корней» индивиду нужно успеть реализовать себя как личность сегодня, ибо завтра такой возможности в силу нарастания социальной динамики может и не быть. Иными словами, индивидуализм в форме конструирования новых границ явился своего рода защитной реакцией на вызовы мира социальной неопределенности, одной из форм благоприятного устройства в нем, принимая различные формы в зависимости от социальных и культурных обстоятельств. Скажем, весьма любопытным примером тому является очевидное резкое усиление индивидуализации в постсоветском пространстве.

Современному человеку постоянно приходится лавировать между двумя крайностями – рискованной «свободой стать кем-то» и устоявшейся «свободой быть кем-то». Отсутствие высшего ведомства, определяющего правильное и неправильное, превращает мир в огромный супермаркет возможностей. В такой ситуации уйти от груза ответственности проще всего через превращение выбора в развлечение, каковым и становятся практики индивидуального потребления. Бауман обращает внимание на корреляцию между ростом индивидуализации и усилением значения в обществе практик потребления, которые при этом порождают новый тип иррациональности.

Прежде жизнь была организована вокруг роли производителя, что предполагало существование набора минимальных потребностей для выживания

и определения максимального уровня потребностей, недоступных для абсолютного большинства. Предполагалось, в том числе с привлечением дисциплинарных властных практик, что индивид будет искать баланс между этими двумя пределами, чтобы жить «как все». Напротив, жизнь, организованная вокруг акта потребления, не терпит стандартов соответствия, а регулируется постоянно изменяющимися желаниями, концентрируясь вокруг «Я». Стремление удовлетворять потребности уступило место желанию потреблять. Причем если раньше выбор товара навязывался потребителю через ограниченное количество предложений, то теперь именно потребитель делает продавца реальным. В свое время Ю. Хабермас предупреждал о последствиях вторжения общественной сферы в сферу частную. Бауман же указывает на противоположную тенденцию современности – *«колонизацию» публичной сферы вопросами, которые раньше считались приватными*. Налицо не просто пересмотр границ частного и публичного, но новое определение сферы общественного[16]. Особенно серьезным следствием этого является смерть «политики, какой мы ее знаем», Политики с большой буквы. Сегодняшние авторитеты выступают, скорее, в роли нанимаемых консультантов, нежели лидеров; они не «трансляторы» между индивидуальным и общим благом, а помощники для решения индивидуальных приватных проблем. Выдаваемые консультантами рецепты «хорошей жизни» недолговечны, ибо «в потребительском соревновании финишная черта всегда удаляется быстрее, чем перемещаются самые стремительные из бегунов»[17]. В итоге потребление превращается в бесконечный процесс, что изменяет формы коллективного и индивидуального воображения, определяющие практики конструирования стандартов жизни и ее оценки.

Стремление обрести социальную определенность приводит к поиску устойчивой идентичности, однако на поверку она оказывается «твердой» только внешне. Здесь на помощь приходит фактор моды, которая как никто другой отвечает требованиям текучей современности, создавая своеобразный «супермаркет идентичностей». Следование моде означает обретение успешности и стабильности, пусть даже иллюзорных. Бауман подчеркивает невозможность отказа от перманентного выбора идентичности, чем снимается модерная проблема противопоставления свободы и необходимости. Поэтому мы не можем говорить просто о массовизации жизни (как у Бодрийяра); речь идет, скорее, о том, что можно было бы назвать «ассоциативной индивидуальностью». С расширением возможностей растет опасность конфликтности и фрагментации, в итоге мы видим не унификацию условий жизни и солидарность, но жесткую индивидуализированную конкуренцию между людьми. Таким образом, мобильность и гибкость идентификации в обществе потребления выступают не столько освободительными силами, сколько инструментом перераспределения свобод.

Здесь мы непосредственно выходим к *морально-этическому горизонту низового общества*, отсутствующему в концепции Бодрийяра (мораль у него

имплозировала вместе с политикой и социальностью). Современная этическая проблематика у Баумана определяется двумя фундаментальными свойствами постмодерна – плюрализмом авторитета и центрированностью на индивидуальном выборе индивидов[18]. В силу отсутствия стабильных моральных императивов этические конфликты не могут адекватно разрешиться на межличностном уровне, переходя в сферу политики, экономики и т.п. Поэтому не стоит удивляться возрастанию интереса к этическим спорам и институциям моральной экспертизы в контексте самых различных контрактных практик. Кроме того, само понятие выбора всегда означает принятие ответственности, и по этой причине имеет характер морального акта. Поэтому мораль никоим образом не исчезает из жизни людей, просто нужно видеть ее новый статус и новые задачи в современном обществе[19]. Если вернуться к языку Бодрийяра, далеко не чуждому и Бауману (собственно, такой подход – ведущий в современных интерпретациях оснований морального порядка), то речь может идти об «эстетизации» этики, этики реверсивности индивидов, полностью вписанных в формы жизни, в Dasien[20]. Оборотная сторона индивидуализации состоит в эрозии коллективных социально-политических институтов, кризисе гражданственности и «опустении агоры». Конечно, наивно было бы думать, что до сегодняшнего момента большинство было озабочено идеей реализации «общего блага», но тем не менее чувство онтологической сопричастности играло ключевую роль. Традиционная семья, национальное государство, церковь и т.д. конституировали стабильную социальную систему, в которой каждому было гарантировано место; они давали людям смысл жизни. Сегодня же власть все больше глобализируется и детерриториализируется, изгнанные же из киберпространства институты власти остаются локально закрепленными и не могут адекватно отвечать на вызовы современности. Люди не верят, что активная гражданская позиция может каким-то образом улучшить ситуацию и предпочитают заниматься частными проблемами, нежели жертвовать собой ради высоких общественных идеалов («терять время попусту», «быть использованными»). Смирение перед невозможностью контролировать условия собственной жизни приводит к *исчезновению общественной автономии*. Именно боязнь «беспорядка» под лозунгами «За стабильную Беларусь!» может привести к легитимации авторитаризма в отдельных локальностях. В этом случае социальный контракт между гражданами и властью предусматривает «добровольно-принудительное» ограничение горизонта мышления и действия людей сферой повседневности[21]. Однако, предупреждает Бауман, чем сильнее желание установить порядок с целью противостояния чуждому и непонятному, социальному другому, тем больше в нашу жизнь приходит неопределенности и беспокойства.

Эрозия модерных идей гражданственности, коллективизма и политики приводит к необходимости формирования их новых форм. Какие же «лекарства» предлагает Бауман? Очевидно, что общество не может быть автономным без

автономных граждан, равно как и граждане не могут быть автономными вне автономного общества. Здесь следует найти способы *вернуть политические институты к реальному управлению* в современных условиях, во-вторых, необходимо *усилить влияние индивидов на общественную жизнь и вернуть им статус ответственных граждан*. Солидаризацию общества может вызвать только *новая этика*, что является задачей политической. Таким образом, ставится задача о моральной ответственности индивида за судьбу государства на уровне изначального приватного выбора, исходных локальностей. Однако Бауман не дает ответа на прямой вопрос, как установить солидарность в меняющихся условиях; он говорит о необходимости утверждения таких условий, в который солидарность возможна: «ключ к решению проблем, поразивших современную политическую жизнь и беспокоящих ее исследователей, нужно искать (и находить) в устранении причин, обусловливающих беспомощность существующих институтов коллективных политических действий»[22]. Это значит, что должны развиваться такие политические ассоциации, в которых сочетались бы моральная ответственность и различие, что и будет основой действительной политической и публичной свободы[23]. Иными словами, современные процессы на уровне низовой социальности требуют формирования новой системы заключения социальных контрактов на всех уровнях общества с целью достижения нового синтеза свободы и сообщества[24].

2.2. «Позитивный взгляд»: «политики жизни» и практики индивидуализации (Э. Гидденс, У. Бек)

Итак, и Бодрийяр, и Бауман рисуют нам пессимистическую картину имплозии современной социальности. Правда, Бауман пытается наметить определенные тенденции ее позитивного движения, но перспективы предлагаемого им развития очерчены довольно туманно. Возможен ли «позитивный взгляд» на процессы, происходящие у корней «социальной травы»? Обратимся к идеям английского социолога Энтони Гидденса. Представляется, что Гидденс «полезен» для нашего исследования – практически весь используемый нами язык данного автора может трактоваться как описание низового общества, особенно это касается его *проективной направленности*, а также фиксации внимания на определяющих повседневные действия людей феноменах *безопасности* и *доверия*. Гидденс, как и Бодрийяр и Бауман, констатирует разрушение прежних форм социальной интеграции, нарастание противоречий, конец Политики с большой буквы и уход масс в толщи частной жизни. Однако и отмечает, что вместе с отмиранием старого происходит возникновение новых (альтернативных) форм социальности, солидарности и политики – как на уровне отдельных личностей, так и на уровне институтов. В работе «Модернити и самоидентичность» Гидденс обращает внимание на серьезные трансформации, которые происходят сегодня

в жизни людей. Ключевым моментом становятся изменения *обыденных способов поведения, трансформация сферы приватного*, что приводит к репрезентации новой социальности как прорастания *иного поведения и иного состояния ментальности*, с помощью чего открывается потенциал изменения публичных социальных институтов. Если Бауман говорит о возможности нового индивидуализма, то Гидденс рассматривает индивидуализм уже в качестве серии конкретных практик повседневности, что мы можем наблюдать на примере демократизации приватной сферы, которая определяется новыми «политиками жизни» и влияет на реорганизацию общества на макроуровне.

При описании современного общества мы прежде всего должны обратить внимание, полагает Гидденс, на высокую степень его рефлексивности, что проявляется в постоянных сомнениях относительно наличного знания (в том числе знания экспертного) и в его пересмотре. «Я» становится рефлексивным проектом – «мы являемся не тем, что мы есть, но тем, что мы сами из себя создаем»[25]. Причем рефлексия, как правило, не осознается субъектом, а незаметным образом вплетается в ежедневные социальные практики. Интересно отметить, что хотя отличительной чертой современности у Гидденса выступает детрадиционализация, гиперрефлексивность современного общества отнюдь не приводит к исчезновению традиции[26]. Изменяется лишь ее статус: это уже не «естественная» данность, но преднамеренно сконструированный людьми в том или ином культурном и временном контексте механизм социальной интеграции. Другими словами, рефлексивность, разрушая прежние традиции, одновременно создает новые. В этом смысле бодрийяровское «общество, ставшее своим собственным мифом» можно с известной степенью вольности трактовать как «общество, ставшее своей собственной традицией». Продолжив рассуждение, можно предположить, что имплозия социального у Гидденса значила бы не «конец социального», а лишь закономерную его трансформацию (деформацию «сильного» понятия общества) в перспективе модерной эволюции: *социальное выходит за рамки «контейнера» нации-государства на глобальную арену*. Общество перестает казаться организующей рамкой социального и, скорее, выступает в роли институционализированной «надстройки» *над многомерным переплетением социальных практик*[27]. Гидденс приходит к выводу, что эта новая общественная динамика в конечном счете должна определяться «снизу», через понятие повседневных практик и конкретные контексты взаимодействия, которые и обусловливают природу социальных структур.

Специфика современных социальных процессов определяется все возрастающей *взаимосвязью институциональных и личностных процессов:* «впервые в человеческой истории «самость» и «общество» оказываются связанными в глобальном масштабе»[28]. С одной стороны, мы видим явное развитие транснациональных форм социальных практик, с другой, вызовы «большого мира» ведут к росту потребности в сообществе и стабильной идентичности. Проду-

цирование ситуации необходимости самостоятельного повседневного выбора наряду с непредсказуемостью будущего, развитием науки и техники приводит к возрастанию рисков. Имеющие глобальные последствия современные риски (проблема экологии и т.п.) объединяют людей; естественное стремление к *онтологической безопасности* выводит на передний план проблему *доверия* между людьми[29]. Доверие позволяет снизить «тревогу», без него невозможна самоидентификация личности, ибо идентичность всегда определяется посредством установления границы с другими. При этом не следует забывать, что риски связаны не только с опасностями, но и с *шансами*, как открытыми возможностями для личностного развития.

В подобной ситуации кардинальным образом *изменяются межличностные отношения, точнее, происходит трансформация этики личной жизни*. Эти изменения особенно заметны на примере семейных или сексуальных отношений в среде более молодых поколений[30]. Они высвобождаются от внешних влияний экономики, государства, традиции, отношений кровного родства и все более приобретают форму «чистой связи», становятся самодостаточными, создавая свою специфическую интимность. Трансформации на личностном уровне изменяют нормы и институты низовой социальности, например, сексуальные отношения все больше утрачивают коррелят репродуктивной функции и связываются с наслаждением[31]. Гидденс предлагает смотреть на эту ситуацию не только как на некоторый компенсаторный психологический механизм в ситуации атомизации, но и позитивно; ведь в построенных на доверии и открытом диалоге отношениях существует больше возможностей для раскрытия проекта самости. Важно подчеркнуть, что рефлексивность «Я» не означает личной самодостаточности, но, наоборот, требует креативной работы с социальным контекстом и интеграции его в собственную идентичность. Это стимулирует возникновение новых горизонтальных отношений солидарности. Таким образом, сегодня мы можем говорить о *демократизации отношений повседневности.* Они характеризуются не распадом старой конфигурации (исчезновением лояльности к локальному под глобальным воздействием), но *амбивалентным переплетением отношений близкого и далекого окружения*.

Очевидны параллели между идеей трансформации интимности Гидденса и этикой постмодерна Баумана, который отмечает трансформацию единой моральной системы координат в этику локального уровня межличностных взаимодействий. Возросшая потребность в обретении безопасного «дома», «общины», где не нужно одевать маски публичности, приводит к актуализации экзистенциального вопроса бытия с Другим и бытия для Другого[32]. Столь же очевидно политическое измерение новой этики повседневности Гидденса, где «правила» раскрытия проекта самости задаются «политиками жизни».

Самость хотя и конституируется через защитное отрицание политики в угоду сфере приватного, тем не менее не может быть полностью отделена от

политической сферы. Политика перестает концентрироваться в сфере государственного управления, конвенциональных публичных практик и «растекается» по всей области социального, тем самым политизируя повседневность. Радикализировав этот тезис Гидденса, можно утверждать, что сегодня любой феномен социальной жизни является политическим – неполитических проблем не существует. Политика жизни – своего рода *ответ «снизу» на новые вызовы современности*, это способ нахождения своего места в глобальном мире.

Политика жизни в эпоху поздней модернити приходит на смену политике эмансипации. Динамизм модерных институтов стимулировался идеями освобождения субъекта и суть политики эмансипации, ориентированной на иерархическое понятие власти, заключалась в утверждении социальных императивов справедливости, равенства и участия. Однако Гидденс указывает на недостаточность такого понимания политики. Политика эмансипации направлена на создание условий для свободы в рамках некоторого ограниченного социального контекста, чем является политикой свободы и выбора в прямом смысле слова. Это политика скорее свобода «от», чем «для». Гидденс подмечает интересный момент, связанный с тем, что вопросами политики жизни («кто я есть», «как мне жить») начинают задаваться те индивиды, которые уже достигли определенного уровня эмансипированности. В итоге, если политику эмансипации можем определить как политику жизненных шансов, то политику жизни – как политику *стиля жизни*. «Политика жизни касается политических проблем, которые проистекают из процессов самоактуализации в посттрадиционных контекстах, где влияния глобализации все глубже проникают в рефлексивный проект самости и где, с другой стороны, процессы самореализации оказывают воздействие на глобальные стратегии»[33].

Политика жизни работает с понятием *трансформативной власти как политики самоактуализации*, где власть и этика используются как генеративные понятия. Однако неверным было бы предполагать, что разрушение «больших нарративов» приводит к всеобщей плюрализации, фрагментации и моральному хаосу. Сегодня моральные проблемы активно возвращаются и выдвигаются в сферу публичных дебатов – этика становится насущной политической задачей. В качестве нормативного ориентира политики жизни можно выделить самоактуализацию как расширение ментальности, что предполагает возрастающую толерантность к иному образу жизни. Соответственно, этика политики жизни связана с проблемой совмещения личностной автономии с контекстами глобальной взаимозависимости индивидуальных и общих интересов. Гидденс связывает происходящую сегодня реморализацию повседневности именно с возникновением *рефлексивного проекта самости*. Стремление к безопасности в обществе риска предусматривает избегание таких областей опыта, которые могут ее пошатнуть, так как выходят за границы «защитного кокона» индивида. В конечном счете экзистенциальные дилеммы «Я» приводят к ощущению бес-

смысленности своего существования. Мы, очевидно, можем констатировать прямую связь между моралью и рефлексией, но не факт, что больший объем рефлексии означает больший объем морали в социальных отношениях. В условиях глобальных рисков и политика, и этика принимают довольно консервативную форму – «бросание на амбразуру» с целью преодоления (или, по крайней мере, сдерживания) быстрого нарастания рисков может вызвать только интенсификацию неопределенности в обществе. Иными словами, «дергать траву», чтобы она быстрее росла, не стоит.

Используемый нами для описания низовой социальности язык Гидденса можно конкретизировать с помощью концептуально близких к Гидденсу (а в ряде моментов и Бауману) идей немецкого социолога *Ульриха Бека,* предложившего проект *институционализированного индивидуализма.* Такая институционализация, полагаем, как раз и позволяет четко ввести понятие низового общества в его отличии от понятия повседневности и закрепить его проективную и конструктивную (возможность новых институтов) составляющую.

Современные социальные процессы Бек *описывает* как переход от классической к рефлексивной модернити, чем определяются новые конфигурации социального на макро- и микроуровнях, побуждая концентрировать внимание на феноменах, относимых нами к низовой социальности[34]. Продуктом рефлексивности является рост *индивидуализации.* Процесс индивидуализации обусловлен тем, что в новой социальной реальности жизненные траектории отдельного индивида и социальных структур перестают совпадать и принимают новые конфигурации[35]. Обобщенная модель индивидуализации включает три измерения: освобождение от заданных традицией связей и форм господства и обеспечения; освобождение от догматизма в отношении знания и норм («расколдовывание»); новый тип социальной интеграции в духе толерантности, демократизма и мобильности. Эти измерения дополняются ростом внимания к конструированию идентичности и личностному самоутверждению.

Традиционные жизненные ритмы перекрываются *институциональными биографическими образцами* – сегодня категория «нормальных биографий» все меньше соответствует социальным реалиям[36]. Частным случаем социального контракта как общей тенденции современности по Беку выступает тип «договорной семьи на время», представляющий любопытную амбивалентную ситуацию: индивиды все еще ориентируются на семейные формы жизни как вариант эмоционального обмена, но в любой момент могут «продать» их для удовлетворения индивидуальной ситуации. В итоге жизненный проект индивида все больше зависит от его личных решений, становится «*авторефлексивным*». Социальные кризисы и глобальные риски начинают восприниматься как индивидуальные. Происходит не просто нарастание рисков, но их качественное изменение – риски связываются с категорией «распределения вины». Люди, высвобождаясь из ранее считавшихся «естественными» форм жизни и мышления,

теряют возможность опереться на традиционные формы подавления страха: старые защитные механизмы больше не действуют, однако проблемы никуда не исчезают, более того, нарастают. Позитивные стороны индивидуализации относятся к активному (творческому) типу самореализации, а негативные – к пассивному (адаптационному) типу.

Поскольку новые институциональные нормы обязывают к самостоятельной организации собственной жизни, *индивид одновременно и освобождается, и испытывает новое принуждение.* Последнее проявляется в виде новой формы сознания, неявно навязываемой СМИ, модой и конъюнктурой. Особенно в этом плане отличается телевидение, которое в скрытой форме конструирует усредненного индивида, «стандартизированное коллективное бытие разобщенных массовых отшельников»[37]. Причем формируются не только вкусы, стиль или политические предпочтения, но даже недельный и дневной распорядок семьи. Таким образом, вычленить, где начинаются частная воля и выбор, а где институциональная сфера, политический контроль и влияние, становится практически невозможно. Это снова-таки побуждает обратиться к вопросу построения морально-этических оснований человеческого общежития, и новую этику Бек видит в контексте формирования проекта космополитической демократии[38].

Бек, как и Гидденс, показывает, что новые риски вызывают к жизни и *новые формы социальной солидарности на низовом уровне.* Глобализация, отмечает Бек, это «нечто такое, что с неодолимой силой меняет нашу повседневную жизнь и принуждает всех приспосабливаться и отвечать на эти изменения»[39]. В итоге имеет место нарастание спонтанного конструирования локальностей, или глокализация, не только на уровне политических элит, но прежде всего на низовом уровне конкретных социальных практик[40].

Вытесненные коллективные отношения вновь проявляются, если находят точки соприкосновения с частной сферой, осознание *«коллективной судьбы»* может возникнуть даже в связи с прокладкой улицы недалеко от собственного двора. Однако не следует питать иллюзий по поводу реинкарнации утраченной модерной солидарности: формы восприятия становятся, с одной стороны, частными, с другой – внеисторическими. В конечном счете события смещаются к горизонту «здесь и сейчас». Временные сообщества образуются под влиянием нелинейного синтеза различных рисков, и степень интеграции в них индивидов является непостоянной величиной, будучи связанной с желанием удовлетворить собственные нужды. Общество и «общие проблемы» становятся только частью биографии, далеко не определяющей. Побочный результат этого – десоциализация, растущее отчуждение, аполитичность, замыкание интересов в границах повседневности. Все это приводит к формированию в современном обществе серьезной *политической дилеммы.* С одной стороны, отмечает Бек, именно в сфере политики ярким образом проявляются риски и вызовы глобализированного мира. Соответственно, правительственные институты должны

заниматься укреплением социальной составляющей демократического государства, а также быть в состоянии обеспечить релевантный усиливающимся транснациональным влияниям режим его функционирования. С другой стороны, индивидуализация создает проблемы для коллективных идентичностей и политического консенсуса вообще: в то время как на уровне низового общества нарастают противоречия и увеличивается активность, на уровне публичном они уменьшаются. Этот перекос приводит к тому, что общество в прямом смысле слова начинает меняться снизу. Поэтому и вопрос о проективном потенциале институтов низового общества остается открытым.

2. Перспективы новых форм социальной организации: сетевое общество и новый трайбализм (М. Кастельс и М. Маффесоли)

Обращение к концепции сетевого общества в рамках тематики нашего исследования существенно, ибо *сетевые социальные структуры являются тем субстратом, через который сегодня «прорастает» новая социальность.* В связи с этим остановимся на идеях испанского социолога *Мануэля Кастельса,* который с помощью метафоры «сети» предлагает концептуализировать современное общество и его специфическую форму организации – как открытую и динамичную структуру, включающую в себя «комплекс взаимосвязанных узлов»[41]. Возникновение сетевого общества связано с качественными изменениями в системах стратификации, коммуникации и передачи знания, с появлением информационального труда, что привело к переопределению социальных общностей и отношений власти, к новым формам политической и иной мобилизации[42]. *Сетевые структуры заменяют прежние модерные формы личной и вещной зависимости*, и это изменение социального устройства, опирающееся на информационные технологии, настолько значительно, что, по мнению Кастельса, оставляет позади исторический переход от аграрного к индустриальному и от индустриального к сервисному хозяйству.

Сегодня сетевая форма организации человеческой деятельности приобретает глобальное значение, встраиваясь во все сферы общества, создавая *новую культуру* взаимоотношений и требуя от индивидов, желающих успеха, максимальной повседневной гибкости. Изменяются сфера повседневности, соотношение индивидуального и коллективного, политика, экономика, границы времени и пространства. Главной чертой сетевого общества является не просто акцент на знании и информации, но принципиальное изменение их роли. Сегодня пользователи не просто потребляют товар или символы, но могут влиять на технологии их производства. Более того, отмечает Кастельс, мы вправе говорить о появлении социальной детерминанты более высокого уровня: *власть сетевой структуры становится сегодня сильнее структуры власти*. Принад-

лежность к той или иной сети обеспечивает доступ к определенного рода информации; если мы признаем последнюю главным ресурсом современности, то принадлежность к сети (фигурально выражаясь, статус «on-line») обеспечивает «доступ к жизни». Таким образом, социальная морфология становится доминирующей перед социальным действием[43]. Политика все больше разыгрывается на поле СМИ и в интернете, поскольку традиционные социально-политические институты не успевают за социальной динамикой; рушится институт традиционной экспертизы как прерогативы избранных «экспертов»[44].

Кризис легитимности традиционных институтов власти означает, *что власть перемещается на другой уровень – уровень низового общества*, ибо здесь сетевая организация, задающая тон современному обществу, проявилась наиболее отчетливо. На уровне низовой социальности сегодня происходит *активное зарождение новых индивидуальных и коллективных идентичностей*. Как отмечает Кастельс, «именно на этих задворках общества, будь то альтернативные электронные сети или же самые низовые сети сопротивления сообщества, я усматриваю зародыш нового общества»[45]. Фактически низовое общество можно назвать благодатной почвой, которая свободно оформляется в «борозды» (потоки и узлы, имеющие функции власти) сетевых структур, что позволяет проявиться проективному потенциалу низовой социальности, учитывая, что вертикальная корпоративность все более заменяется горизонтальной. Разворачивающаяся сегодня глобальная сетевая морфология позволяет говорить не только о потенциале новых конфигураций в отношениях индивидуального и локального, но и выходить на транснациональный уровень. Более того, сегодня можно говорить о формировании концепта и практик «глобального гражданского общества». Концепт этот является одновременно и описательным, и нормативным: речь идет, с одной стороны, о растущем числе негосударственных субъектов, действующих за пределами национальных обществ, политических устройств и экономик, с другой – о формировании новых глобальных норм и ценностей, фиксирующих локальные различия этих субъектов и особенности их взаимодействия[46].

Проблема в том, что в действительности жизнь современного общества находится *на стыке взаимодействия между сетевым обществом и идентичностью «Я»*. В сетевом обществе не меньшее значение, чем индивидуалистические тенденции, получают «идентичности сопротивления«, «сегментированные локальные сети, зачастую имеющие этническую основу», которые «считают своим главным ресурсом идентичность, отстаивая свои интересы и, в конечном счете, саму свою суть»[47]. Подобного рода сообщества возникают как реакция на попытку аннексии со стороны системы и отличаются самодостаточностью и враждебностью к внешней среде (например, локальные общины мигрантов, религиозные фундаменталистские группы). Деятельность подобных структур не реконструирует общество (его институты и ценности), а лишь фрагменти-

рует его. Возможностью же радикального изменения наличной общественной ситуации, по Кастельсу, обладают только две категории субъектов. Во-первых, это «пророки» – символические харизматические персоналии, выступающие от имени недовольных. Ко второй и более действенной категории относятся пришедшие на смену прежней ригидной классовой структуре «новые социальные движения», организованные по принципу децентрированных сетевых структур и являющиеся носителями «*проективной идентичности*» и новых политик идентичности. Они вырастают из идентичностей сопротивления, нацелены на изменение институтов общества и всегда связаны с конкретным институциональным и культурным контекстом[48]. Классическим примером их деятельности можно назвать невиданную ранее протестную активность молодежи в 1968 году на Западе.

Сегодня сетевая логика стала основой гражданской мобилизации во время подготовки и проведения «цветных революций» или же так называемой «арабской весны». В условиях диктатуры деятельность объединений, функционирующих по принципу сети («автономных ячеек»), является едва ли не единственной относительно безопасной и эффективной возможностью ее нейтрализации. Принятие в ряде «проблемных» стран законов о цензуре в интернете[49], уголовное преследование за участие в деятельности незарегистрированных организаций[50] является ярким показателем значения в политической борьбе горизонтальных сетевых структур и используемых ими современных медиа-технологий (SMS-рассылок, блогов, социальных сетей и т.п.). Важно зафиксировать, что *социальная логика подобного рода структур изначально альтернативна статической логике наличных социальных институтов*, а потому и имеет потенциал к изменению последних[51]. Если у Бодрийяра речь шла о «молчащих массах», то в рамках концептуального аппарата сетевого общества мы можем говорить о возникновении феномена «умных масс».

В чем-то близкую версию перспектив низовой социальности, хотя и в ином языке, предлагает французский социальный теоретик *Мишель Маффесоли*. Рассуждая, как и Бодрийяр, об имплозии социального и политического, означающей разрушение прежних форм институционализации и схем анализа социальной действительности, Маффесоли, однако, ведет речь не о конце социального, но о поиске *новых, немодерных, форм социальной и политической организации* с помощью нового методологического инструментария. Трагика «молчания масс» теперь выступает защитой и освобождением от тотализирующих дискурсов современности[52].

Примерно с 1980-х годов в западных обществах наблюдается амбивалентная ситуация отхода от глобальных ценностных ориентиров, заданных обществом, и в то же время *поиск новых смысловых оснований совместного существования*, теперь уже в конкретной локальности в границах непосредственной близости. Социальное и политическое тело в данном случае не исчезает, а «*преобража-*

ется», переориентируясь на «действительно важное» – повседневность, организованную по понятным, стабильным и привычным для всех рутинным правилам[53]. Маффесоли подчеркивает, что постмодерное общество вообще нельзя назвать обществом в традиционном понимании, ибо сегодня оно представляет собой мозаику социальностей и отдельных практик интеракции[54]. Фрагментация приводит к трансформации общества до формаций сообществ, малых групп, *«трайбов» (племен)*, в которых индивиды создают новые формы утраченной солидарности. Здесь очевидна перекличка с концепцией «племенной культуры» Ж. Делеза и Ф. Гваттари, которые при исследовании феномена маргинальности также приходят к выводу о наличии тенденции к дроблению современного общества на более мелкие локальные образования. Эти новые сообщества продуцируют определенные культурные стереотипы, снимающие традиционное разграничение сфер науки и магии, профанного и экспертного знания и ведущие к «карнавализации» и витализации жизни. В то же время Маффесоли подчеркивает, что поскольку трайбы создаются на основе общих эмоциональных чувств (без рефлексии, иррационально), то солидарность внутри них нестабильна, «распылена» и зависит от обстоятельств (очевидны параллели с «текучей» постмодернити Баумана).

Предлагая обратиться к социальности ближайшего окружения, Маффесоли *пересматривает соотношение индивидуального и коллективного, которое должно рассматриваться сквозь призму социального воображаемого.* Именно последнее является тем цементом («божественным социальным»), который не позволяет обществу окончательно атомизироваться. «Трайбализм... основывается одновременно на религиозном духе и на локализме (близости к центру, природе)»[55]. Логическая причинность и утилитаризм не могут объяснить склонности людей к стремлению объединяться, точно так же как эгоизм не разрушает стремления сосуществовать вместе. В виде «народной памяти», коллективного бессознательного оно актуализируется тогда, когда общество чувствует нестабильность и стремится поддерживать картинку реальности. На этой основе индивиды способны упорядочить социальную реальность и восстановить чувство онтологической безопасности. Стремление к утраченной солидарности заметно в современной дегуманизированной культуре города (отсюда возникновение различных субкультур и т.п.).

В эпоху модерна все было просто: сначала политика или даже все есть политика. Демократия стала логическим концом политики, ибо убеждение в рациональных терминах не достигает сегодня поставленных целей. Такая деградация официальной институциональной рамки негативна для модерного понимания индивида как активного участника общественной жизни, но для Маффесоли она несет прежде всего позитивный оттенок: *это не регресс, а «возвращение домой»*. Новые конфигурации политического характеризуются *возникновением социальных низов как институционализированной силы*, вырвавшейся из тра-

диционных институтов власти. Трайбализм, благодаря своей внутренней плюрализации, размывает границы навязанных схем интерпретации реальности. Акцент на воображаемом предполагает главную смену в парадигме: вместо доминирования над миром имеет место *примирение со статус-кво и интеграция посредством эстетики созерцания, бездействия*[56]. *Смысл жизни переориентируется с установки на изменение мира на установку по исполнению своей жизни как таковой*. Однако, согласно Маффесоли, неучастие, безразличие, гедонистические ценности – это не порок, но своего рода «народный стоицизм». Массы не участвуют в публичной политике и не проявляют гражданской активности, так как они от них оторваны и слабо подвергается влиянию «извне», но в то же время институты политики не могут работать без участия людей. Именно благодаря эстетизации сознания люди не замыкаются в своей индивидуальности, а приходят к пониманию необходимости укрепления коллективного духа «снизу».

3. Социальное воображаемое в перспективе низовой социальности (А. Аппадураи, Ч. Тейлор)

Предпосылкой социального конструктивизма является понимание индивида как свободного и автономного существа, способного творчески переосмыслять и преобразовывать наличную социальную реальность, себя, культурные коды общества, которые не задаются раз и навсегда, а изменяются вместе со становлением человечества[57]. Соответственно, социальная реальность представляется не закрытым детерминированным универсумом, а *изначально открытым для интерпретаций полем*. В то же время изменение общественных конфигураций было бы наивно связывать только с волюнтаризмом отдельных индивидов, и именно здесь актуальным становится понятие «социального воображаемого», которое упоминалось выше несколько в ином контексте («божественное социальное» у М. Маффесоли).

Проблематика *социального воображаемого* занимает в современной социальной теории значительное место и рассматривается целым рядом исследователей – от постмодернистов до коммунитаристов[58]. Некоторый общий тон нашим размышлениям может задать схематичное описание социального воображаемого, как оно понимается у *К. Касториадиса*. Расширяя понимание воображаемого у Ж. Лакана, Касториадис определяет социальное воображаемое как творческий потенциал, который всегда присутствует в рамках любого общества, содержит альтернативный проект социального устройства и не сводится к наличному положению дел. Социальное воображаемое – это «что-то изобретенное»[59], некая *абсолютная креативность* («магма»). Единицами социального воображаемого являются смысло-образы, формирующие между собой социально воображаемые сигнификации. Важный аспект, на который следует обратить внимание, касается непосредственной связи между воображаемым

и символическим: символическое материализует воображаемые смыслы в социальной реальности, придавая им конкретную форму воплощения (в вещах, институтах и т.п.) и тем самым заменяя реальность ее образом.

Очевидно ключевое значение социального воображаемого для современных обществ. Именно механизм социального воображаемого может предложить альтернативы общественного устройства в ситуации эрозии старых институтов и идентичностей и возникновения новых. Социальное воображаемое предлагает нам *некоторый образец, согласно которому будет изменена действительность*. Причем «эмансипаторское» значение оно приобретает не только исходя из своих задач (как конструирование альтернативной картины мира), но и по специфике внутренней организации. Как мы зафиксировали выше, социальное воображаемое появляется «ниоткуда», читаем – снизу, «из-под корней травы», из сферы невидимого и неучтенного. Как правило, вначале оно материализуется в лозунгах и действиях узкого круга интеллектуалов, ища потенциал развития среди различного рода низовых организаций и сообществ, и только затем, в случае поддержки, получает воплощение в институтах всего общества. Взрыв молодежной протестной активности в 1968 году, явивший собой окончательное расставание с идеалами былой эпохи, можно назвать одним из наиболее удачных примеров смены варианта социального воображаемого, наряду с проектом Просвещения, коммунистической утопией, модерном и постмодерном.

Обратимся к идеям индийского социального теоретика *Арджуна Аппадураи*, который анализирует проблему социального воображения в ракурсе трансформаций модерного дискурса. В центре внимания Аппадураи находится концепт *«работы воображения»*[60]: разрыв в модернити возникает благодаря совместному воздействию *электронных медиа и массовой миграции* на практики социального воображения, которые выступают определяющим фактором формирования современной субъективности. Чтобы понять новую роль социального воображения в современном мире, Аппадураи предлагает синтезировать идеи «воображаемого сообщества» Б. Андерсона, «механически производимых образов» Франкфуртской школы, идущее от Э. Дюркгейма французское понимание «воображаемого» как ландшафта коллективных устремлений (imaginaire).

Технологические изменения XX-го века привели к качественному сдвигу («перелому») условий жизни, в итоге воображение превратилось в коллективный социальный факт. Аппадураи выделяет следующие особенности, которые современная эпоха вносит в процесс работы воображения. *Во-первых*, если раньше воображение было в основном достоянием сферы искусства, то сегодня оно включается в логику обыденной жизни, становится частью ежедневной ментальной практики людей. *Во-вторых*, мы должны признать несостоятельность упрощенной критики массовой культуры франкфуртцами и идущего от Вебера (Н. Элиас, Д. Белл и др.) представления о модерном мире как «железной клетке», согласно которому воображение тормозится силами коммерциализации, инду-

стриального капитализма и всеобщей регламентацией и секуляризацией мира. Согласно Аппадураи, нет реальных доказательств исчезновения религий, наций и торжества рационализма; скорее, происходит их мутация, переопределение относительно соотношения глобального и локального. Далее, медиа не являются исключительно орудием «Большого Брата» для одурманивания масс. Кроме «зомбирования» и унификации они продуцируют иронию, критическое отношение к реальности, повседневную творческую деятельность. Домохозяйки, пытающиеся строить собственную жизнь по примеру сериала, тому наглядное свидетельство. Таким образом, мы должны отделять понятие социального вображения от фантазии как ухода от реальности; если воображение имеет потенциал создания коллективных идентичностей, то фантазия касается, скорее, индивидуального. *В-третьих*, коллективное воображение приобретает все большее значение, инициируемое прежде всего медиа. В различного рода транснациональных сообществах (интернет-сообщества и т.п.) сливаются различные локальные опыты, но тем не менее участники ощущают принадлежность к единому целому. В итоге социальное воображение становится для людей своего рода *пространством борьбы за включение глобального в опыт повседневности*.

Здесь мы выходим на проблему языкового описания роли воображения в социальной жизни без его привязки к конкретной локальности в ситуации все усиливающихся процессов глобализации и детерриториализации. Аппадураи предлагает использовать метафорику *скейпов* – своеобразных ландшафтов различного уровня протяженности, которые взаимодействуют между собой и создают организующие рамки глобальным культурным потокам[61]. Глобальные потоки функционируют во взаимодействии, пересечении и разрывах между скейпами. Последние представляют собой не объективные данности, а своеобразные сконструированные перспективы восприятия реальности различными социальными игроками (государствами, диаспорами, индивидами и т.п.). Скейпы выступают строительными элементами воображаемых миров и пронизывают социальное воображение на низовом уровне общества. Аппадураи выделяет этноскейпы, медиаскейпы, финансовые скейпы, техноскейпы и идеоскейпы, причем современный мир характеризуется все более глубоким разделением глобальных потоков относительно рамок восприятия отдельных скейпов. Именно скейпы обладают способностью к закреплению и институционализации воображения на низовом уровне восприятия.

Обратной стороной усиления глобальных транснациональных процессов становится *новая локализация*, когда огромные массы людей повторно закрепляются за некоторой территорией и получают отказ в доступе к мировым благам, их «голоса» остаются не услышанными, что в итоге вызывает усиление социальных противоречий. Обыгрывать эту новую социальную динамику с пользой для всех можно посредством обращения к концепту *«глобализации снизу»*. Как отмечает Аппадураи в работе «Глобализация снизу и исследования

воображения», в период нехватки механизмов консолидации в ситуации ослабления власти национальных государств и влияния традиционных иерархических организаций социальное воображение является тем основополагающим фактором, который способствует возникновению социальной регуляции на новом уровне. «В то время как глобальный капитал и система наций-государств устанавливают условия возникшего мирового порядка, всемирный порядок институтов свидетельствует о том, что мы можем назвать «низовой глобализацией» или «глобализацией снизу»[62], являющейся своеобразной концептуальной альтернативой неолиберального понимания дискурса глобализации (как глобализма).

Центральным мотивом работы Аппадураи становится вопрос о *производстве знаний* в современном мире. Сегодня очевиден диссонанс между вариантом знаний о мире, предложенным академической научной средой, и их локальными вариантами, а также между «глобализацией знания» и «знанием о глобализации». Учитывая, что знание и социальная структура неотделимы друг от друга, поскольку именно когнитивные схемы конструируют наше представление о реальности[63], эта проблема требует повышенного внимания. Претензия академического сообщества на универсальность и объективность *не в состоянии дать голос знанию «снизу»*, без учета которого говорить об успешном построении глобального гражданского общества не только наивно, но и лицемерно. Аппадураи выявляет три «отсутствия» в подходах большинства современных исследователей, работающих с тематикой глобализации и образования. Это отсутствие критической пространственной аналитики; альтернативного знания и знания подчиненного (субальтерна); отсутствие исследовательской рефлексии над измененным ландшафтом и политикой демократической репрезентации глобальных процессов. Очевидно, что назрела необходимость соединения видений различных регионов мира, что также является условием для интернационализации научных исследований. Поэтому основная задача научного сообщества сегодня заключается в создании нового исследовательского ландшафта глобализации, который непременно должен учитывать *механизмы принятия глобализации на низовом уровне общества*.

Если определять интеллектуалов как тех, кто в состоянии «первыми почуять важное» (в смысле Ю. Хабермаса), то в модерном обществе им нет места: единожды принятую рациональную истину не нужно интерпретировать и подвергать критике – рефлексия может разрушить ее легитимность. С подобным статусом знания был связан весь европейский колониальный дискурс, однако глобальные перемены прошлого века полностью подорвали подобные представления[64]. С развитием массового образования, повышением его качества, распространением различного рода мультимедийных и дистанционных технологий познание перестало быть прерогативой элит, стало общедоступным (поэтому современное общество и называют «*обществом знания*»). Знание

приобретает все большую связь с повседневной практикой, конструируется «снизу» простыми обывателями. С данными процессами связаны не только позитивные, но и негативные моменты, на что обращают внимание многие исследователи. Поскольку исчезают всеми признанные авторитеты, то знание и незнание возрастают в геометрической прогрессии, соответственно, возрастает и уровень рисков, они становятся глобальными. Аппадураи обращает внимание на тот факт, что все большую актуальность получает проблема регрессивной глобализации, когда процессы глобализации в отдельных локальностях могут быть повернуты в обратную сторону (под предлогом выбора «третьего пути» развития, «возвращения к истокам», «сохранения суверенитета», что мы можем наблюдать и в постсоветском пространстве). Переориентирование внимания академического сообщества на институты, горизонты и словари глобализации на низовом уровне позволит по-новому концептуализировать проблему адаптации отдельных локальностей к реалиям динамичного мира[65]. В итоге, по мнению Аппадураи, это позволит ограничить негативные последствия глобализации.

Уместно напомнить и о проекте построения космополитической социологии У. Бека. Согласно Беку, глобализация представляет собой нелинейный диалектический процесс, в котором глобальное и локальное сосуществуют в качестве не столько культурных противоречий, сколько имплицирующих друг друга взаимозависимых принципов[66]. Космополитизм в таком случае можно понимать как точку отсчета для эмпирического исследования интернализированной глобализации («глобализацию изнутри»), которая развивается в рамках конкретных локальностей и в значительной степени трансформирует повседневное сознание и идентичность. Это позволяет посмотреть на реальность с нового, еще не зашоренного, ракурса, что может помочь увидеть проблемы и явления, которые пока не актуализированы публично.

И вновь мы выходим к этическому измерению низовой социальности. Обратимся к взглядам канадского философа Чарльза Тейлора, который, предлагая свою версию концепции социального воображаемого, поднимает и подробно рассматривает через призму последнего *вопросы этики и конструирования нового морального порядка* в современном глобализированном мире. С помощью концептуального аппарата Тейлора обобщим смысл обращения современной социальной теории к этическому измерению воображаемой и конструируемой социальности. Подчеркнем, что *этическое измерение является одним из центральных сюжетов функционирования низового общества*, поскольку институты в низовом обществе, как правило, еще не оформлены, а нормы и правила уже конструируются и проявляют себя на практике. Низовое общество оказывается субстратом становления неких первичных сообществ в контексте современной глобализации, выявляя новые формы индивидуализации, регулируемые прежде всего моралью.

Во многом опираясь на идеи Б. Андерсона, Тейлор отмечает небывалое возрастание значения социального воображаемого (социальной имажинерии) в жизни современных обществ. Тейлор исходит из наличия трех уровней понимания. Наиболее абстрактен уровень философских и иных теорий – развернутых доктрин об обществе, божественном и космосе. С другой стороны, ближе к практике уровень габитуса, или «материализованного (embodied) понимания», не эксплицированного понимания того, как действовать в определенных ситуациях. Между этими уровнями и расположено воображаемое. Выраженное в ритуалах, символах и произведениях искусства, оно более эксплицитно, чем привычки, и побуждает к имитации. Взращиваемое габитусом, социальное воображаемое становится формой его выражения, наделяя смыслом и легитимностью наши совместные практики. Социальное воображаемое, по мысли Тейлора, предполагает нечто намного более широкое и глубокое, нежели интеллектуальные схемы для осмысления социальной реальности: «Я использую термин воображаемое, (i) потому что меня, скорее, интересует способ, с помощью которого простые люди «воображают» свое социальное окружение, и это часто выражается не в теоретических терминах, а находит свое воплощение в визуальных образах, историях и легендах. Кроме того, (ii) теория – это прерогатива меньшинства, тогда как тем, чем интересно социальное воображаемое, является то, что его разделяют большие группы людей, если не целое общество. Что приводит к третьему различию: (iii) социальное воображаемое – это такое общее понимание, которое делает возможным общие практики и общий смысл легитимности»[67]. Иными словами, Тейлор, как и Аппадураи, делает акцент *на практиках коллективных представлений, которые исполняются в локальных и повседневных опытах*. Если Аппадураи уделяет основное внимание работе воображения, опосредованной медиа и массовой миграцией, то Тейлор стремится проникнуть «ближе к корням», сосредоточиваясь на нормативных регуляторах социального воображения, назначение которого – предложить «лучшее объяснение» (best account) смысла нашей жизни.

Социальное воображаемое имеет комплексный характер, в любой момент времени включает целый ряд смыслов и ожиданий, позволяющих нам исполнять коллективные повседневные практики. У индивида не может не быть социального воображения, точнее, он не может «из него» выйти; верования, истории, правила передаются из поколения в поколение, образуя определенный габитус (в смысле Бурдье). Конструирование социальной реальности как таковой всегда представляет собой переплетения идей, практик и социального воображаемого, где каждый элемент, согласно Тейлору, имеет важное значение. Однако история показывает, что без учета варианта социального воображаемого конкретной локальности развитие общества может замедлиться (позитивный пример – это институционализация демократии в США). Отметим, что без привлечения социального воображения невозможна легитимация чего-либо, поэтому государ-

ство, являющееся, как правило, наиболее могущественным социальным агентом, всегда стремится повлиять на построение определенного варианта социального воображаемого.

Обращение к концепту социального воображаемого имеет глубоко практическое значение для реалий Беларуси. Определенная, преднамеренно сконструированная властью, модель социального воображаемого – один из ключевых аспектов успешного функционирования официального символического универсума. Легитимация наличного институционального порядка обусловлена не только навязыванием «госидеологии» (вкупе с экономически выгодными положениями социального контракта и т.п.), но и подразумевает принятие гражданами этого порядка на дорефлексивном, дотеоретическом уровне. Данная логика в той или иной степени характерна для всех сообществ, но в ситуации несвободных стран приобретает исключительное значение. Это не просто согласие с предложенным политическим курсом, но неосознанное принятие его как естественно данного, а значит, не подлежащего сомнению, базиса социального ландшафта: «Республика Беларусь – государство для народа». Тем самым создается иллюзия объективности того варианта реальности, который предлагает власть. Построение альтернативного проекта социального воображаемого обязательно вскроет тайну имажинерии власти, конструирующей белорускую реальность. Только в этом случае претензия на успех альтернативного политического проекта может быть потенциально реализована. Во всех же других случаях действия оппозиции большинством будут расцениваться в логике официального варианта социального воображаемого, т.е. станут считаться изначально антинародными и несущими опасность дестабилизации естественного «порядка». В итоге, поскольку социальные практики основываются на социальном воображаемом, смена власти в стране, инициированная гражданами «снизу», может произойти только в случае принятия большинством альтернативного проекта воображаемого (который надо заранее сконструировать, что особо актуально для Беларуси!).

Тейлор акцентирует внимание на определении социального воображаемого именно как нетеоретического понимания, границ и раз и навсегда заданных правил которому предложить мы не можем: «способы, посредством которых люди воображают свою социальную экзистенцию, то, как они подходят один к одному, какие имеют ожидания и какие более глубокие нормативные понятия и образы встроены в эти ожидания»[68]. Такое понимание воображаемого является одновременно и фактическим, и нормативным: у нас есть ощущение того, как что-то обычно происходит, но это сплетено с идеей, как это должно происходить. Пример – участие в процессе всеобщих выборов: «фоновое понимание», которое заключено в акте голосования, выражается в уверенности в совокупном действии, охватывающем всех граждан, когда каждый совершает индивидуальный выбор среди одинакового набора альтернатив, в итоге эти индивидуальные вы-

боры слагаются в одно коллективное решение. При этом наличествует наша способность идентифицировать непотребные на предмет соответствия нормам действия (фальсификации и т.п.). Неявным в этом понимании норм выступает способность признать «идеальные случаи», в нашем примере – это выборы, где голоса всех избирателей были бы услышаны.

Здесь, в этом более широком фоне понимания вне данного идеального случая, актуализируется понятие *морального порядка* как некоторого смысла, который и делает нормы и идеалы осуществимыми[69]. Воображаемое и есть определенное понимание морального порядка, наделяющего нормативным смыслом наши практики, смыслом, предполагающим вербальную и образную артикуляцию. Если радикализировать эту мысль, то без наличия морального порядка серьезные социальные трансформации [к лучшему] вообще невозможны. Люди не выходят на демонстрации протеста ради утопии, ради невозможного. Тейлор приводит пример людей, вышедших на площадь Тяньаньмэнь во время известных событий в Пекине, которые верили (понимали), что могут жить в демократическом обществе и, несмотря на скептицизм большинства, могут свергнуть диктаторский режим. Без наличия более широкого контекста понимания, без отсылок к этическим нормативам это немыслимо.

Гипотеза Тейлора в том, что *«центральной в западном варианте модернити является новая концепция морального порядка общества»*[70]. Это новое видение морального порядка возникает в XVII веке в теории естественного права Локка и Гроциуса как ответ на беспорядок, вызванный изменением роли религии в обществе. Идея нового морального порядка с течением времени стала интегралом модерного социального воображаемого, распространившись на все западные общества. Нормативный моральный порядок модернити фундируется на *взаимном уважении и акценте на взаимозависимости всех членов общества*. Если говорить о формах модерного варианта социального воображаемого, то оно основывается на трех составляющих: экономике, публичной сфере, народном суверенитете. Индивиды служат дополнением друг другу, поддерживая коллективную безопасность и участвуя в экономическом обмене. Этот момент предусматривался и в более старых моральных порядках: духовенство молилось о непосвященных, а непосвященные работали для духовенства. Основное отличие морального порядка модернити в том, что функциональная структура дифференцирования современных обществ не имеет онтологического статуса иерархии. Увеличилась как вертикальная, так и горизонтальная мобильность. Если современный индивид получил профессию, то не обязан работать по ней до пенсии. Ранее же называться моральным гражданином было возможно, лишь включаясь в иерархию бóльшего социального целого, которое находилось вне компетенции индивида (порядок *уже* присутствовал «в вещах»). Сегодня же мы говорим о возможности реализации морального порядка *«здесь и сейчас», в контексте коммуникации.*

Изменения в общественных конфигурациях последних десятилетий приводят к необходимости обновления морального порядка модернити, учитывающего новое понимание человека и *новое понимание социального*. Основными «болезнями» современности Тейлор называет индивидуализм, инструментальное мышление и утрату индивидом реальной свободы. Индивидуализм приводит к тому, что человек перестает испытывать «чувство высшей цели, чего-то такого, за что стоит умирать»[71], концентрируясь на сфере своего ближайшего окружения, в результате возникает «этическая энтропия». Преобладание инструментального мышления в обществе побуждает к измерению жизни в категориях эффективности и рациональности и утрате духовной составляющей. Предельная атомизация обществ приводит к утрате гражданами реальной свободы, что вновь актуализирует вопрос существования патерналистской власти. Помочь снизить негативное влияние данных явлений на человеческую жизнь, по мнению Тейлора, может восстановление утраченного статуса этики, причем этики в модерном, «коммунитаристском» смысле слова.

Сегодня моральный порядок изменяет традиционные способы взаимозависимости, повышая роль «индивидуализма» за счет «сообщества». Если раньше правила коллектива казались единственной гарантией выживания, то сегодня проект индивидуализма настолько укоренился в социальном воображаемом, что мы не представляем других возможных вариантов существования. Политическое сообщество, как оно понимается в современной либеральной теории, должно служить интересам и правам людей, на практике же нейтральная доктрина «всеобщего благосостояния» оборачивается индивидуализмом и утилитаризмом[72]. «Эксклюзивный гуманизм» как продукт модерного процесса секуляризации создает мораль, которая не требует обращения к трансцендентному, но всецело центрируется на «буферизированном» индивиде, способном самолично изменять общественные конфигурации[73]. Однако свобода быть собой имеет вторую сторону – это ощущение одиночества, отчужденности от мира. Поэтому так важно возродить значение религии, этики, ценностей сообщества. Индивидуализация и возвращение к духовности, по Тейлору, не противоречат друг другу, надо только правильно определить точки их соприкосновения. Правда, именно здесь и скрыта основная проблема, а потому вопрос о том, как можно практически реализовать подобные установки, требует дальнейших серьезных исследований[74].

Согласно Тейлору, основное преимущество солидарного сообщества и, соответственно, преимущество коммунитаристского морального порядка, заключается в предоставлении бóльших возможностей для индивида в формировании и проявлении своего «Я». Мало обладать способностью самостоятельно выбирать жизненные ориентиры – аутентичность может полностью определить себя лишь в *диалоге* и онтологически всегда связана с признанием со стороны Другого[75], что подразумевает элемент сравнения и отличия[76]. Тем самым мы

можем говорить о наличии в каждом обществе надиндивидуальных ценностей, относительно которых реализуется возможность самоосуществления субъекта, и эти ценности обязательным образом апеллируют к диалогичности нашего существования в социальном мире.

Заключение

Основываясь на результатах исследования, выделим существенные характеристики и структурные элементы «низового общества».

1. Низовое общество находится в постоянном взаимодействии и переплетении с концептами *повседневности* и *приватности*, переопределяя значение последних. Особенность оперирования данным концептом в его проективной направленности, как чего-то такого, что в будущем может «прорасти из корней травы», обретая активность путем создания новых идентичностей, сообществ и институтов на низовом уровне.

2. Отправным моментом в рассуждении о понятии низового общества является констатация *разрушения прежних модерных институтов и идентичностей* на всех уровнях социальной организации, в результате жизнь смещается с полюса исторического и политического в практики приватности и обыденной повседневности. Это приводит к необходимости смещения перспективы рассмотрения общества на уровень низовой социальности и открывает перспективу для конструирования *новых форм социальной и политической солидарности* «снизу».

3. Сегодня практики *потребления* выступают матрицей концептуализации социальной жизни. Если прежде задачей индивида было «жить, как все», то жизнь, организованная вокруг акта потребления, регулируется постоянно изменяющимися желаниями. Из этого выводится специфическая замкнутость сферы повседневности и редуцирование человека к потребностям.

4. Нарастание индивидуализации в обществе связано с интенсификацией глобализационных процессов, которые приводят к росту неопределенности, чувству незащищенности и нарастанию рисков. Парадокс «институционализированного индивидуализма» в том, что люди концентрируются на своих личных жизненных проектах, национальное же государство продуцирует индивидуализацию в виде ее стандартизации.

5. Социальная регрессия приводит к возникновению в низовом обществе *феномена масс* («*молчаливого большинства*»). Массы не участвуют в публичной политике и не проявляют гражданской активности, политика от них оторвана. Смысл жизни переориентируется с установки на изменение мира на установку по исполнению своей жизни как таковой. Однако гиперконформизм представляет собой не просто соглашение с властью как соглашение с сильным, но является своеобразной моделью автономии, суверенности как формы активного сопротивления политической манипуляции. Фрагментация общества приводит к

возникновению на низовом уровне новых форм организации в виде различного рода сообществ, «*трайбов*», в которых индивиды создают новую форму утраченной солидарности по принципу аффективного единства.

6. Эрозия гражданственности, коллективизма и политики приводит к необходимости утверждения их новых форм, что выражается в возникновении новой этики. *Демократизация приватной сферы* связана с трансформациями интимности как роста иного поведения и ментальности, определяется новыми «*политиками жизни*» и влияет на реорганизацию общества на макроуровне. Если модерная «политика эмансипации» была политикой жизненных шансов, то «политика жизни» касается самого стиля жизни, работает с понятием трансформативной власти как политики самоактуализации.

7. Определяющими феноменами современности становятся вопросы безопасности и доверия. Коллективные отношения были вытеснены, но вновь проявляются, если находят точки соприкосновения с частной сферой. В то время как на уровне низового общества нарастают противоречия и увеличивается активность, на уровне публичном они уменьшаются. Этот «перекос» приводит к тому, что общество в прямом смысле слова начинает меняться снизу. Субполитика низового общества ограничивает претензии национального государства на легитимность, поэтому и вопрос о потенциале институтов низового общества открыт.

8. Общество получает специфическую форму организации, морфологию которой можно определить через метафору «сети». Именно через сети социальной структуры «прорастает» сегодня новая социальность. Власть перемещается на уровень низового общества, ибо именно здесь сетевая организация проявилась наиболее отчетливо. На низовом уровне происходит активное зарождение новых идентичностей, что оказывается его начальной иституционализацией, позволяющей скрытой социальности выйти из тени на публичную арену. Возрастает значение «проективных идентичностей» (новые социальные движения и т.п.), которые не вырастают из традиционного гражданского общества, ибо их социальная логика изначально альтернативна логике наличных социальных институтов, поэтому и имеет потенциал к изменению последних.

9. Сегодня общество характеризуется глобальной *сменой форм социального воображаемого* – специфического понимания, которое делает возможным общие практики и общий смысл легитимности. Ключевое влияние на современное социальное воображаемое оказывают электронные медиа и массовая миграция. «Работа воображения» становится частью ежедневной ментальной практики обычных людей. Скейпы – сконструированные перспективы восприятия наличной реальности – пронизывают социальное воображение, закрепляя и институционализируя воображаемое на низовом уровне общества.

10. *Этика* является одним из центральных сюжетов функционирования низового общества и может иметь хорошие перспективы для отдельного исследо-

вания, поскольку институты в низовом обществе еще не работают, но нормы и правила уже конструируются и проявляют себя на практике. Низовое общество выступает субстратом становления первичных сообществ в контексте современной глобализации, выявляя новые формы индивидуализации, регулируемые прежде всего моралью. Старые формы социальности разрушились, но люди не успели освоиться в новых условиях, сформировав обновленный вариант социального воображаемого. Уменьшить влияние негативных последствий динамизма современности может восстановление утраченного статуса этики как нормативного регулятора социальной жизни.

Обобщив, можно констатировать, что низовое общество имеет амбивалентную логику, характеризуется разрушением традиционных форм сообществ и институтов и возникновением новых; превалированием практик потребления; нарастанием индивидуализма в виде реакции на риски глобализации; демократизацией сферы приватного; гиперконформизмом наряду с созданием собственных «политик жизни»; сетевой морфологией; наличием собственного варианта знания о «реальности»; нарастанием значения социального воображаемого и потребностью в новых морально-этических регуляторах. Динамизм глобализирующегося мира приводит к изменению соотношений между частным и публичным, коллективным и индивидуальным, этикой и политикой, что открывает для зарождающихся сообществ и институций низовой социальности перспективы выхода из тени и актуализации потенциала.

Мы полагаем, что использование концепта низового общества для исследования социальной реальности, несмотря на довольно слабую его проработку на сегодняшний момент, имеет хорошие перспективы в будущем в качестве значимого средства адекватной концептуализации современной социальной динамики. Особенно это касается постсоветского контекста, где классический инструментарий социогуманитарных наук зачастую не работает (например, как это произошло с транзиторной концепцией демократии или происходит с концептом публичности), а порой и мешает релевантному социальному исследованию, ибо не учитывает региональной специфики.

Обозначим *перспективы рассмотрения данной проблематики относительно белорусской ситуации*. Они касаются этического измерения низовой социальности, теории социальной контрактации, проективного потенциала низового общества как места возникновения и оформления альтернативных общественных институтов (интернет-сообщества, различного рода низовые организации) в ситуации слабо развитого гражданского общества. В этическом плане интерес вызывает реконструкция ценностных ориентиров низового общества в условиях все нарастающей неопределенности и рисков глобализирующегося мира, которые неминуемо будут оказывать все большее влияние на закрытые локальности вроде «Республики Беларусь». С другой стороны, важно изучение официального «символического универсума» как социально-морального ре-

сурса власти, легитимизирующего режим посредством включения большей части населения в официальный проект социального воображаемого. Как мы увидели на примере концепций Ж. Бодрийяра и М. Маффесоли, скрытая за официальным фасадом социальная жизнь сегодня имеет инволюционную перспективу развития, однако может быть описана не только негативно как пассивность и апатия, но и положительно. В ситуации Беларуси низовое общество может быть артикулировано с помощью получающего все большую популярность категориального аппарата теории социальной контрактации. «Порабощенное» население заключает своего рода негласный общественный договор с властью, обыгрывая ее с пользой для себя («потребляя государство») и в итоге получая статус своеобразной автономии на своем низовом уровне. Если принять тезис о том, что система управления держится на воспроизводительных экономиях низовых практик, наделяющих или не наделяющих власть легитимностью, то можно сделать вывод о серьезном политическом потенциале низового общества.

Примечания

1 Бек, У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3. С. 32.

2 См., например: Collins, H. Tacit Knowledge, Trust and the Q of Sapphire // Social Studies of Science. 2001. Vol. 31 (1).

3 Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 38.

4 Appadurai, A. Grassroots Globalization and the Research Imagination. Public Culture. 2000. Vol. 12 (1). P. 1–19.

5 Фурс, В. Контуры современной критической теории. Минск: ЕГУ, 2002. С. 119.

6 Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. С. 119.

7 См.: Lash, S. // Dead Symbols: An Introduction, Theory, Culture and Society. 1995. Vol. 12 (4); Lee, L. R. M. The Tao of Exchange – Ideology and Cosmology in Baudrillard's Fatalism, Thesis Eleven. 1998. Vol. 52 (1).

8 Ср. с тезисом Г. Маркузе о том, что в эпоху «одномерного человека» не может существовать отчуждения и утопии, потому как индивид растворился в обществе потребления, здесь может быть только динамика моды, но не системное переустройство. Маркузе, Г. Одномерный человек. В кн.: Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 121–146.

9 Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 52.

10 Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства. М., 2002. С. 26.

11 См.: Merrin, W. Television is Killing the Art of Symbolic Exchange: Baudrillard's Theory of Communication. Theory, Culture and Society. 1999. Vol. 16 (3).

12 См.: Jacobsen, M.H., Marshman, S. Bauman's Metaphors: The Poetic Imagination in Sociology // Current Sociology. 2008. Vol. 56 (5).

13 Бауман, З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 14.

14 Бауман, З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 316.

[15] Там же. С. 139.
[16] Об украинском опыте трансформаций отношений между публичной и приватной сферами см. подр.: Кобец Р. «Интимизация» публичности – постсоветский пусть «расколдовывания» политики в Украине. В кн.: Постсоветская публичность: Беларусь, Украина: сб. науч. статей / под ред. В. Фурса. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 76–91.
[17] Бауман, З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008, С. 80.
[18] Bauman, Z. A Sociological Theory of Postmodernity // Readings in Contemporary. Political Sociology. Oxford, 2000. P. 238–249.
[19] См.: Bauman, Z. Postmodern Ethics. Oxford, 1993. Bauman, Z. Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality. Oxford, 1995.
[20] Lash, S. Dead Symbols: An Introduction // Theory, Culture and Society. 1995. Vol. 12 (4). P. 76–77.
[21] О властных стратегиях воспроизводства патогенной регрессии личности см.: Фурс, В. Белорусская «реальность» в системе координат глобализации (постановка вопроса) // Топос. 2005. № 1(10).
[22] Бауман, З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. LXIII.
[23] См.: Marotta, V. Zygmunt Bauman: Order, Strangerhood and Freedom. Thesis Eleven. 2002. Vol. 70 (1).
[24] Весьма любопытным и важным в контексте нашего исследования является анализ Бауманом направлений изменений городского пространства в эпоху постмодернити, когда причудливая взаимосвязь глобальных и локальных процессов, противостояние «пространства потоков» и пространства мест» задают весьма необычные контуры низовых социальных процессов: «Современные города – это поля сражений, на которых встречаются, сталкиваются, борются и ищут приемлемого или просто более или менее сносного успокоения глобальные силы и упрямо локальные смыслы и идентичности, а формы общежития, на которые возлагаются надежды на прочный и продолжительный мир, как правило, оказываются всего лишь перемирием, паузой для залатывания брешей в обороне и развертывания новых войсковых частей» (Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. С. 38). Современные города, ставшие «массовой индустрией незнакомцев», что порождает самые неожиданные «низовые» социальные формы, раздираются «миксофобией», т.е. негативной реакцией на поразительное многообразие человеческих типов и образов, встречающихся на улицах этих городов, что вызывает у людей стремление «к островкам подобия и сходства посреди моря разнообразия и различия» в качестве «страховки от рисков», и «миксофилией», т.е. стремлением к очаровывающему разнообразию городской жизни, создающей пространство для реализации самых различных возможностей (Там же. С. 47–49). «Город – это свалка страхов и опасений, порождаемых глобально вызванной неуверенностью и неопределенностью; но город – это также учебная площадка, на которой могут быть опробованы и, в конечном итоге, освоены и применены средства ограничения и преодоления этой неуверенности и неопределенности» (Там же. С. 52). См. также: Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3.
[25] Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: PolityPress. 1991. P. 75.
[26] Фурс, В. Контуры современной критической теории. Минск: ЕГУ, 2002. С.156–157.
[27] О критике методологических установок классической социологии и необходимости нового понимания социального см. подр.: Гидденс, Э. Девять тезисов о будущем

социологии // THESIS. 1993. № 1. С. 57–82; Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003. Фурс, В. Социальная теория в меняющемся мире: к динамической концепции социального // Problemos. Vilnius. 2004. № 66 (1). С. 23–39; Touraine A. Sociology without Societies: Pressures for Continuity in the Context of Globalization, Current Sociology. 2003. Vol. 51 (2). P. 123–131.

28 Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 32.

29 О роли доверия в обществе см. подр.: Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ; 2004. Селигмен, А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.

30 См.: Гидденс, Э. Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер. 2004. С. 191–208; Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004. С. 67–97.

31 См. также: Фуко, М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004.

32 См.: Bauman, Z. Community: Seeking Safety in an Insecure World. Cambridge: Polity Press, 2001.

33 Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: PolityPress, 1991. P. 214.

34 См.: Beck, U., Bonss, W. and Lau, C. The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme. Theory, Culture and Society. 2003. Vol. 20(2); Elliott, A. Beck's Sociology of Risk: A Critical Assessment, Sociology. 2002. Vol. 36 (2).

35 Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. С. 193.

36 Примером тому может служить идеал «нормальной женской биографии», который трансформируется в вынужденную задачу для современной женщины вести двойную жизнь – домохозяйки и профессионала на работе.

37 Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. С. 195.

38 См.: Бек, У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1.

39 Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 42–43.

40 См.: Robertson, R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. *In* Featherstone, M., Lash, S. Global Modernities. London: Sage, 1995.

41 Кастельс, М. Становление общества сетевых структур. В кн.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 492–505.

42 См.: Halcli, A., Webster, F. Inequality and Mobilization in The Information Age, European Journal of Social Theory. 2000. Vol. 3 (1).

43 См.: Castells, M. The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616 (1).

44 О роли экспертов в современном обществе см. подр.: Бауман, З. Законодатели и толкователи // Неприкосновенный запас. 2003. № 1.

45 Кастельс, М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 308.

[46] См., например: Anheier, H., Glasius, M. and Kaldor, M. Global Civil Society. Oxford: Oxford University Press. 2001. Chandler, D. Constructing Global Civil Society: Morality and Power in International Relations. Palgrave-Macmillan. 2004. Интересны в этой связи и идеи, разрабатываемые Дж. Урри: Urry J. Mobile Sociology. British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51 (1). P. 185–203; Urry J. Sociology Beyond Societies. London: Routledge, 2000.

[47] Castells, M. The Informational City: Information, Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process. Oxford: Blackwell, 1989. P. 228.

[48] См.: Smart, B. A Political Economy of New Times?: Critical Reflections on the Network Society and the Ethos of Informational Capitalism, European Journal of Social Theory. 2000. Vol. 3 (1); Westenholz, A. Identity Work and Meaning Arena: Beyond Actor/Structure and Micro/Macro Distinctions in an Empirical, American Behavioral Scientist, 2006. Vol. 49 (7).

[49] См. заявление международной правозащитной организации «Reporters Without Borders» от 6.01.2010 г. по поводу проекта Указа Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента глобальной компьютерной сети Интернет»: Government tightens grip on Internet. <http://www.rsf.org/Government-tightens-grip-on.html>

[50] Согласно статье 193.1 Уголовного Кодекса Республики Беларусь «незаконная организация либо деятельность общественных организаций, религиозных групп или фондов, а также участие в их деятельности» грозит лишением свободы на срок от шести месяцев до двух лет: <http://pravo.kulichki.com/vip/uk/index.htm>

[51] См., например: Juris, J.S. The New Digital Media and Activist Networking within Anti–Corporate Globalization Movements // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 2005. Vol. 597 (1). Отметим также, не останавливаясь подробно, анализ А. Мелуччи специфических («низовых» в нашем языке) практик новых социальных движений, выходящих за пределы традиционного гражданского общества и оказывающихся вызовом традиционным политическим и иным кодам (См. подр.: Melucci, A. Social Movements and the Democratization of Everyday Life. Civil Society and the State: New European Perspectives. London: Verso, 1988. Melucci, A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge: UK, 1996).

[52] См.: Maffesoli, M. The Social Ambiance // Current Sociology. 1993. Vol. 41 (2).

[53] См.: Maffesoli, M. The Sociology of Everyday Life (Epistemological Elements). Current Sociology. 1989. Vol. 37 (1). P. 1–16.

[54] См.: Делез, Ж., Гватари, Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М.: ИНИОН, 1990.

[55] Маффесоли, М. Околдованность мира или божественное социальное. М.: Прогресс, 1991. С. 277.

[56] Maffesoli, M.: The Social Ambiance. Current Sociology. 1993. Vol. 41 (2). P. 9.

[57] Dougiamas, M. A journey into Constructivism. [cited December 5, 2009]. 1998. <http://dougiamas.com/writing/constructivism.html>.

[58] См.: Kenway, J., Fahey, J. A Transgressive Global Research Imagination. Thesis Eleven, 2009. Vol. 96 (1).

[59] Castoriadis, C. The Imaginary Institution of Society. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 127.

[60] Appadurai, A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. P. 2.

[61] Appadurai, A. Disjuncture and Difference in the Global Culture Economy. The Phantom Public Sphere. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

[62] Appadurai, A. Grassroots Globalization and the Research Imagination. Public Culture, 2000. № 12. P. 17.

[63] Согласно методологической установке социального конструктивизма. См., напр.: Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

[64] Милликен, Дж. Постмодернизм и профессионализм в высшем образовании // Высшее образование в Европе. Т. XXIX. 2004. № 1.

[65] Отдельный интерес и потенциал для изучения в данном ракурсе вызывает концепция «множественных модернити» Ш. Эйзенштадта. См. подр.: Eisenstadt, Sh. Multiple Modernities. Daedalus. 2000. Vol. 129 (1). P. 1–29; Eisenstadt Sh. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity. Cambridge, 1999. Эйзенштадт, Ш., Шлюхтер, В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис: журнал о будущем. 2007. № 2 (10). С. 213–214.

[66] См.: Бек, У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1.

[67] Taylor, Ch. Modern Social Imaginaries. Durham and London: Duke University Press, 2004. P. 19.

[68] Ibid. P. 19.

[69] В данном контексте интересно проследить корреляцию между рассуждениями Тейлора и «фоновыми практиками» Л. Витгенштейна. Согласно Витгенштейну, в каждом конкретном обществе скрыто всегда присутствует нормативный культурный пласт, некоторое количество допущений касательно образа жизни и специфики взаимодействия с другими. Бессознательно обращаясь к этим первичным дискурсам, индивиды выстраивают свой оригинальный проект идентичности. Однако однозначного соответствия между нашим языком и действительностью не существует, равно как не существует и единственно правильного языка отображения действительности. Поэтому социальные практики Витгенштейн предлагает концептуализировать через понятие «языковой игры» – подвижной игры контекстов восприятия и употребления. Рассматриваемые в изоляции, слова обладают лишь скрытыми смыслами, и только в специфическом контексте употребления получают свой действительный смысл и воплощение в оригинальных «формах жизни». См. подр.: Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. М.: Наука. 2009.

[70] Taylor, Ch. Modern Social Imaginaries. Durham and London: Duke University Press, 2004. P. 3.

[71] Тэйлор, Ч. Етика автентичності. К.: Дух і Літера, 2002. С. 7.

[72] См.: Тейлор, Ч. Неразложимо социальные блага // Неприкосновенный запас. 2001. № 4.

[73] Taylor, Ch. Modern Social Imaginaries. Durham and London: Duke University Press, 2004. P. 591–592.

[74] См.: Levy, N. Charles Taylor on Overcoming Incommensurability // Philosophy and Social Criticism. 2000. Vol. 26 (5); Morello, G. Charles Taylor's. `Imaginary' and `Best Account' in Latin America // Philosophy and Social Criticism. 2007. Vol. 33 (5).

[75] Taylor, Ch. The Politics of Recognition. Multiculturalism: Examining of Politics of Recognition. Princeton: PrincetonUniversityPress, 1994. P. 32–33.

[76] В этом плане идеи Тейлора весьма близки теории интерсубъективности А. Хоннета. См., напр.: Honneth, A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. MIT-Press, 1996.

Евгения Зеленская

«ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОГРАНИЧЬЯ»: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЗАДАЧА ИЛИ ТАЙНЫЙ ОКСЮМОРОН?

Abstract

How the usage of term "identity" determines the goals and results of Borders studies is considered in the article. Firstly, the transformation of its meaning in the middle of XX century is described and explained. Then, I tend to demonstrate that following the term is not just scholar way of thinking, but a certain political and ideological gesture. The meaning of the latter consists in inscribing the social and cultural dynamics in the three-axial structure – a) conquest for self-images, b) their representation in c) the global capitalism. This structure, as I prove, threatens the very ends of Borders studies – hence, the usage of "identity" must be reflexively limited as well as the new ways of conceptualization of Borders' subjectivities must be coined.

Keywords: identity studies, border thinking, self-images, representation, global capitalism.

Даже беглого взгляда на заголовки книг и статей, посвященных теме Пограничья, достаточно, чтобы убедиться: понятие «идентичность» играет в них если не ключевую, то одну из главенствующих ролей. При этом сам факт частого обращения к термину обычно не вызывает интереса. Учитывая, что чаще всего исследуют проблемы культуры, этничности и национальности, «идентичность» кажется уместным и гармоничным понятием. Действительно, нашему уху привычно слышать обороты «национальная/этническая идентичность», «гендерная идентичность» и т.д.

Но если избавиться от наивной установки по отношению к этому термину, то окажется, что обращение к нему и активное его использование в исследованиях Пограничья не

является само собой разумеющимся и очевидным. Во-первых, начиная с середины 50-х годов прошлого столетия он обозначает нечто существенно иное, нежели то, что подразумевалось в классических работах европейского модерна. Эта трансформация значения была не случайной и свидетельствовала о серьезных сдвигах в социальном и культурном (вос)производстве культуры, равно как и в знаниях о человеке и мире – поначалу в западных академиях, а впоследствии и в других связанных с ними сферах (не-западных и/или не-академических).

Во-вторых, данная трансформация не столько технический прием, как будто бы «идентичность» является всего лишь более удобным и точным синонимом других подобных терминов – самость, дух и т.д. Скорее, активное использование данного понятия изменяет саму ментальную оптику, сам способ концептуализации социального и культурного мира, в результате обращение к идентичности следует понимать как идеологический и политический жест.

Следовательно, в-третьих, последний представляет собой определенную идеологическую установку, приводимую в действие для воспроизводства определенных социальных, культурных, политических практик. Эта их «определенность», упущенная наивным словоупотреблением, может быть раскрыта содержательно, причем окажется, что это содержание станет противоречить сути исследования Пограничья, и – шире – общей установке антиметафизического и антиэссенциалистского подхода, господствующих в исследованиях идентичности.

Рассуждение представляет собой лишь общую схему, которой я собираюсь следовать в дальнейшем. Теперь время перейти к конкретике: о какой трансформации значения термина «идентичность» можно говорить? Как преображенное значение меняет способ концептуализации социально-культурной реальности? Почему эта концептуализация опасна для исследования Пограничья и border-thinking?

«Нетождественное тождество» как новый тренд

Концентрация внимания на самих исследованиях идентичности, а не на идентичности как объекте исследования (национальной, этнической, гендерной и т.д.) – методологический или, если угодно, философский ход, который я здесь предлагаю – еще раз попутно ставит вопрос о пределах переводимости интеллектуальных текстов (равно как и текстов вообще) с различных языков (будь то национальные, исторические или любые другие разнящиеся языки). Вместе с этим – опять-таки попутно – еще раз становится очевидным, как неискоренимая дистанция между языками, их нетождественность друг другу, несовпадение друг с другом, дает шанс для рождения новых смыслов и новых языков.

В самом деле, когда мы на русском языке произносим «идентичность» или на белорусском «ідэнтычнасць», мы быстрее попадаем в ловушку наивного слово-

употребления, нежели чем когда говорим на английском «identity». Почему? *Потому что мы в первую очередь напрямую обращаемся к современным смыслам понятия, начисто лишая себя возможности обращения к его корням, первоначальным значениям.* Тем самым рефлексивное, критическое рассмотрение данного термина становится невозможным, а это – как я постараюсь показать – делает нас безоружными перед той «идеологической» заряженностью, которая присутствует в подобном словоупотреблении.

В английском языке укорененность термина «идентичность» в своих первичных смыслах более наглядна. Когда мы встречаем в английском тексте слово «identity», то для адекватного его понимания и перевода должны учесть контекст – исторический и культурный – в котором оно употреблено. Этот довод может показаться банальным и очевидным, но самый простой пример из истории философии покажет, что имеется в виду. Если необходимо перевести англоязычный текст, скажем о Готфриде Лейбнице, на русский язык, то, конечно же, ни один специалист не переведет «identity» как «идентичность», но только как «тождество». «Identity law» – это, конечно же, не «закон идентичности», но «закон тождества». В то же время переводить название классической работы Стюарта Холла «Who needs identity?» как «Кому нужно тождество?» является *признаком здорового чувства юмора*.

Итак, трансформация значения слова «идентичность» может быть описана следующим образом. *В философии модерна оно имело «техническое» значение – употреблялось в логике для описания закона тождества, равенства вещи самой себе, т.е. первоначально идентичность – это «всего лишь»* ***тождество***.

Казалось бы, что же нового добавляет здесь современное использование «identity»? Ведь человек точно так же может быть тождественен самому себе, «обладать идентичностью». Но в том-то и дело, что тождественность сознания самому себе – важнейшая тема для новоевропейских наук о человеке – это не «identity» в современном смысле слова. В новоевропейском Модерне человек всегда возвращается к своей природе, понятой не как особенность отдельной личности, но как природа Человека и человечества. Одним из многочисленных примеров может послужить тождество, которое Человек обретает с природой в своем первобытном состоянии (Руссо); или тождество, которое Человек обнаруживает на своем историческом пути – в стремлении к гуманности (Гердер). В то же время подобное тождество не принадлежит человеку (тем более оно не принадлежит отдельной личности), не является формой его самовыражения и т.д. Оно остается лишь частной формой проявления закона тождества, распространяющегося на все мироустройство.

Лишь постепенно «тождество» утрачивает свой исключительно технический, логический характер и из констатации факта равенства вещи самой себе превращается в синоним самости и личности человека, другими словами, тождество превращается в идентичность. Мы – помещенные

в русскоязычный контекст (равно как и белорусскоязычный) – не имеем возможности уловить всю парадоксальность такого смещения, но поскольку мы говорим об «идентичности», а следовательно, следуем целому вороху англоязычных версий Identity studies, то обязаны хотя бы на рефлексивном уровне осознать удивительный характер этой трансформации.

Ведь тождество вовсе не обязательно является главным и/или основным свойством личности, если под личностью нечто отличное от кантовского трансцендентального субъекта. Как раз-таки наоборот, когда Эрик Эриксон стал говорить об идентичности применительно к своим пациентам, то он говорил именно о нетождественных, травмированных и глубоко уязвленных самостях, – к примеру, о ветеранах войны, так и не преодолевших жуткие воспоминания травмирующего опыта. Почему же тогда их опыт фрагментированности, рассыпания собственной самости описывается Эриксоном с помощью понятия «идентичность», «тождество»? Не является ли это терминологической путаницей?

Пока еще нет, хотя здесь мы на правильном пути. Ведь, рассуждал Эриксон, сам травмирующий опыт становится травмирующим лишь потому, что в нем утрачивается естественная непрерывность самопонимания и самоощущения человека. Именно такое – утраченное и идеальное – самовозвращение человека к себе, именно такое тождество и именно такая идентичность проявляются в травмирующем опыте в негативном модусе. Отсюда уже рукою подать до знаменитого эриксоновского определения: «Идентичность – это ощущение тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве, а также осознание того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими». (Эриксон 1996: 59).

Другими словами, исследования рассыпающейся на осколки самости правомерно могут рассматриваться как опосредующее звено между двумя пониманиями идентичности – как «тождества» и как «подлинной самости». Мысль Эриксона, очевидно, в том, что именно в утрате тождества и проявляет себя уже утраченная подлинная самость.

Несмотря на то, что Эриксон находился в рамках прежней традиции понимания «identity», даже в его работах можно различить признаки трансформации значения «идентичности». Тождество начинает ассоциироваться с индивидуальностью моего существования, и сам этот термин начинает стремительно приобретать социально-культурные коннотации, избавляясь от философского и логического звучания.

Но важнее всего то, что *рост популярности термина «идентичность» продолжился даже тогда, когда эриксоновская идея о возвращении к подлинной самости была поставлена под вопрос, и, по сути, отвергнута.* И этот тренд нужно отметить особо – если возвращение к цельной, подлинной самости невозможно, то применение к ней термина «идентичность», т.е. «тождество», парадоксально и требует своего объяснения.

Чтобы нащупать путь к описанию и постижению этого парадокса, предлагаю обратиться к другой классической в данном отношении книге – сборнику «Идентичность и беспокойство: выживание человека в массовом обществе» («Identity and Anxiety: Survival of Person in Mass Society»), который был опубликован в США в 1960 году под редакцией М. Стайна, А. Видича и Д. Уайта. Этот сборник интересен не только потому, что это первый десант Identity studies, закрепивший за термином «идентичность/тождество» его полноправное присутствие в социальных и культурных исследованиях, не только в философских и логических. Важно также и то, что это смещение от identity в смысле тождества как свойства сущего к identity в смысле квинтэссенции самости и индивидуальности закрепляется в терминах, отличающихся от эриксоновских, тем самым дающим нам путеводную нить в объяснении указанной выше парадоксальности.

В частности, отмечая рост тревожности в современном обществе по поводу подлинности человеческого существования, подлинности идентичности человека, составители сборника говорят в предисловии: «Как человек может достичь подлинного образа себя (self-image) в современном западном обществе? Что это за черты массового общества, которые, наряду с тем, что порождают беспокойство, затрудняют процесс самовыражения человека?» (Stein, Vidich, & White 1960: 17).

Именно здесь, на мой взгляд, начинает проступать то специфическое понимание термина «идентичность», благодаря которому оно и получило столь широкое признание. Редакторы сборника уловили важный мотив – *в современном им обществе важна не столько цельность и тождество личности* (Эриксон: «тождество и непрерывность признаются окружающими»), *сколько возможность представления себя посредством образа*. «Идентичность», как о ней говорят сегодня, неразрывно связана с визуальной культурой и взглядом – вот что удалось уловить Стайну, Видичу и Уайту.

В самом деле, именно развитие индустрии по созданию образа себя, равно как и технических средств по созданию подобных образов (от массовой косметики до кино- и аудиоаппаратуры), ставшее повсеместным в 50–60-е годы минувшего столетия, позволило родиться на свет новым практикам заботы о себе, на сей раз собранных воедино под знаменем «идентичности».

Визуальность, идентичность и современный капитализм

Тождество, отзвуки которого все еще слышатся в разговорах об идентичности, не приверженность человека своей судьбе, как в трагедиях античности, и не следование человека всеобщему свету разума, как то было у Спинозы. Это даже не стремление к божественной природе, к послушному вниманию божественного слова, тождества с ним, как то было в христианской душе Средневе-

ковья. Это тождество – совершенство, завершенность и идеальность внешнего образа себя, направленного на репрезентацию себя другим, а посредством последних – на репрезентацию себя себе.

Личность может быть сколь угодно разорванной и шизофреничной – утрата идентичности, тождества здесь не самое страшное. Главное – не тождество личности, но тождество образа личности: совершенство поверхности, на которую *Я* проецирует собственные идеально гладкие, завершенные образы себя. Страдание или преступление уже не проклятье, если только удается выразить их посредством подобающей картинки. ***Создание образа себя и ставка на репрезентацию посредством этого образа*** – вот формула, объясняющая успех термина «идентичность» в середине XX века, равно как и смысл именно этого исторического момента. Внешний образ здесь – не только внешний вид человека (хотя и это весьма значимый аспект), но все, что может подпадать под рубрику «репрезентации другим», все, что учитывает взгляд другого как конститутивный момент: вид, мысли, поступки и т.д.

Самый простой пример – просмотр фильма в кинотеатре. Со времен Жака Лакана (или Кобо Абэ – кому как удобнее) принято говорить о взгляде как о важнейшем механизме идентификации. Кинозритель идентифицирует себя, во-первых, со своим собственным взглядом; во-вторых, с образами героев на телеэкране (якобы зеркальными отражениями себя); в-третьих, зритель идентифицирует себя с точкой зрения камеры. «Фабрика грез» поэтому не только помогает скрасить досуг, но и является важным источником и механизмом создания образа себя, их присвоения – т.е. освоения как культурных и социальных практик, а следовательно, является чуть ли не основным способом идентификации. Именно образы того, как «на самом деле» любят, дружат, враждуют, являются в первую очередь готовыми образами себя, примериваемыми для репрезентации себя другими и самому себе – для идентификации.

Именно аналогия с фильмом и киноискусством плоха тем, что она в целях демонстрации связи между образом и идентичностью как присвоением образа довольно сильно упрощает эти термины. В самом деле – образ себя не обязательно должен исчерпываться визуальным объектом, обитающим на поверхности экрана или в массмедиа. Просто это очевидный пример, отнюдь не являющийся парадигматическим, т.е. не кино и не визуальная техника сделали возможной подобную образность, но стремление человека к образности подстегивало поиск надлежащих средств и, в итоге, реализовало себя в визуальной культуре последних десятилетий.

Поведение человека в той или иной ситуации, его жесты, мимика, мысли так же могут быть направлены на создание и репрезентацию образа себя, даже если создание визуального образа затруднено или невозможно. Условно говоря, человек может вести себя как будто бы он(а) позирует перед камерой, хотя доподлинно известно, что никакой камеры нет и съемка не идет.

Очевидно, что мы не можем двигаться дальше, пока не сможем хотя бы в общих чертах объяснить, что же следует понимать под образом и визуальностью – если не просто оптические механизмы, то что же? И будут ли они удачными и уместными терминами, или же «визуальность» станет размытой аллегорией, чтобы эффективно использоваться в исследованиях культуры (включая данное)?

Мое убеждение в том, что визуальность и образность неправомерно сводить только к оптическим явлениям, включая кино и фотографию. Нечто иное является сутью образа, вовсе не только световые волны, фиксируемые нашими глазами. Я не одинока в этом убеждении, и отстаивать его можно было различными путями, но я выберу лишь один, пусть и несколько эзотерический, но, на мой взгляд, самый эффективный. Мартин Хайдеггер в своих послевоенных работах неоднократно обращался к темам визуальности и образа, и именно его статьи помогут мне пролить свет на то, как следует понимать данные темы и каков их вклад в «археологию» Identity studies.

Я обращусь к двум его работам, которые, на первый взгляд, рассматривают темы, далекие от здесь обсуждаемых, – «Время картины мира» и «Вопрос о технике». Действительно, в первую очередь в этих статьях Хайдеггер занимается проблемами науки и техники в Новое время – в чем их специфика по отношению к знанию в предыдущие эпохи и какое значение они имеют для эволюции человеческого мира сегодня. В то же время постараюсь показать, что на поверхности хайдеггеровских работ лежат идеи, касающиеся визуальности и образности, как они существуют в современной культуре, равно как и рассуждения о том, какие преимущества и опасности в данной ситуации таятся.

Что еще объединяет эти работы, кроме общего тематического плана, так это оппозиция Хайдеггера к общепринятым суждениям относительно того, что в европейском модерне, науке и технике является причиной, а что следствием. В самом деле, традиционно считается, что наука и техника существовали всегда, но лишь с XVII века и в Западной Европе они стали на путь истинный. Также традиционно считается, что западноевропейская наука открывает «истины» относительно мира, которые потом находят свое применение в технике. Для Хайдеггера все должно описываться с точностью наоборот – причину и следствие нужно менять местами.

Во-первых, бессмысленно спрашивать, что лучше – поэзия Эсхила или Шекспира, настолько же бессмысленно утверждение, что аристотелевское представление о стремлении легких предметов ввысь уступает в истинности галилеевской идее о свободном падении тел. Другими словами, не европейский модерн создал «правильную» науку и технику, но технонаука, как мы ее знаем сегодня, впервые проявила себя в Новое время. То есть Хайдеггер пытается представить новоевропейскую науку не как единственное истинное познание «того, что есть», но как один из способов «обращения с сущим», или, переводя с эзотерического

языка, лишь один из способов познания и понимания мира. Но если это так, мог бы возразить потенциальный оппонент, почему же наука и техника именно модерна смогли изменить этот мир так, как никакие другие их виды – древнекитайская или средневековоевропейская – сделать не могли?

А потому, сказал бы Хайдеггер, что, во-вторых, связка «наука/техника» точно так же должна мыслиться иначе, чем мы это обычно делаем. Большинство полагает, что наука открывает непременные истины, на основе которых впоследствии техника изобретает удобные для нас, людей, вещи. Но правда в том, утверждал философ, что все должно пониматься с точностью до наоборот. Антропоцентризму не место в понимании техники – техника не изобретает вещи для облегчения нашей жизни, у нее другая цель. И прежде чем ответить на вопрос, что это за цель, необходимо указать и крепко-накрепко запомнить – в Модерне именно техника является причиной, а наука, как мы ее знаем, только лишь следствием. Иными словами, мир сначала понимается как техническая задача, и лишь потом с помощью науки выискиваются способы описания и объяснения мира так, чтобы он стал походить на образ, создаваемый техникой.

Наука работает в поле, очерченной техникой, и поэтому не может нам сказать что-либо о мире, что не соответствовало бы техническому мышлению – все, что таковым является, попросту отсекается и объявляется несущественным/несуществующим. В работе «Время картины мира» Хайдеггер подробно останавливается на описании механизма влияния технического мировоззрения на возникновение и развитие новоевропейской науки. Три отличительные черты этого мировоззрения – исследование, метод, производство – помогают науке представить наш мир таким образом, чтобы сделать его абсолютно податливым для технического преображения. И вот здесь самое время задаться вопросом – что же является целью такого преображения?

Конечной целью новоевропейской технонауки, а следовательно, и модерна в целом, является превращение мира в абсолютно предсказуемый, познаваемый феномен, который, будучи таковым, станет легким объектом для технического манипулирования. Мир должен быть легко исчисляемым, а следовательно, **он должен быть ре-презентирован, представлен, поставлен перед субъектом как образ, зрелище, схватываемое и постигаемое технонаукой целиком и сразу**.

«Где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он поэтому хочет соответственно преднести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле поставить перед собой. Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выно-

сится кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» (Хайдеггер 1993: 57).

Образ и все, что связано в Новом времени с визуалистикой – не просто оптические явления, но способ познания и способ действия субъекта, направленный на схватывание и преобразование мира. Особенность визуального образа не в том, что он «бросается в глаза», а еще точнее – нужно еще объяснить, откуда берется его способность в глаза бросаться. ***Эта особенность, полагает Хайдеггер, в том, что образ возможен лишь там, где объект – будь то мир или человек – полностью исчислен, т.е. предсказуем и полностью нами постигаем***. Превращение объекта в свой образ не оставляет ничего непредсказуемого, тайного, никакого «ничто». Мы живем в эпоху, когда весь мир становится картинкой – не картинкой мы пытаемся понять мир, но мир понимаем лишь как картинку. «Эпоха, когда мир понимается в качестве картинки» – вот хайдеггеровский диагноз нашему времени.

«Вопрос о технике» решает следующую важную задачу – более подробно показать, в чем же особенность именно новоевропейской «представленности» сущего в его отличии, скажем, от средневековых икон или от вавилонских гороскопов. Сравнивая познание мира в античности и в современности, Хайдеггер делает вывод, что сегодня мы точно так же открываем мир, «выводим» его в свет знания, но делаем это так, чтобы он всегда был в нашем распоряжении, под нашей рукой. То в мире, что таковым быть не может, попросту остается в забвении.

Следовательно, суть техники в том, чтобы мир был всегда податливо готов к технологическим вмешательствам – и вовсе не с целью облегчить отдельному человеку жизнь. По сути, преобразование мира в безропотный объект технологического переустройства уже является конечной целью науки, техники и Модерна в целом.

Общий вывод, который следует сделать, заключается в том, что именно визуальный образ, понятый не как оптическое явление, но как исчисленный, прозрачный объект, поставленный в распоряжение субъекту и всегда под рукой, является главным инструментом познания и преобразования мира сегодня. Человек, будучи частью этого мира, не избежал подобной судьбы: то, что мы погружены в разговоры об идентичности, знак все того же процесса. Мы точно так же должны сделать себя тождественным объектом (self-image), будучи всегда в распоряжении, всегда готовыми быть под рукой. Но вот вопрос – в чьем распоряжении и под чьей рукой? Хайдеггер не идет дальше ответа «в распоряжении техники», полагая, что это есть судьба новоевропейской культуры и вызов, брошенный судьбой человеку.

Обходя стороной это убеждение, считаю возможным несколько изменить словарь, используемый Хайдеггером, дабы посмотреть на данную проблему под иным углом, открывающим новые перспективы исследования. Если философ

полагает, что техника, понятая как исчисляемость и представимость всего мира, включая человека, есть судьба Западной Европы, то не будет ли продуктивным сравнить эту идею с той мыслью, что судьбой Западной Европы является несколько иной феномен, точно так же понимаемый в терминах исчислимости?

Речь идет о капитализме как основе экономической, а следовательно, и политической, социальной и культурной жизни Европы. Действительно, если капитализм понимать именно в духе Маркса – как вовлечение всего и вся в обмен на основании меновой стоимости для получения прибавочной стоимости – то идея об исчислимости мира как основании капиталистических отношений не может не прийти на ум. Как для познающего субъекта мир и вещи в нем должны быть лишены своих качественных различий, несхожести друг с другом, дабы подлежать математическому исчислению и, следовательно, техническому схватыванию, точно так же и экономический субъект должен рассматривать вещи как лишенные своих качественных различий. Чтобы машина капиталистического производства продолжала действовать, она должна приравнять все вещи к единому эквиваленту и рассматривать их как полностью взаимозаменяемые в процессе обмена – ничто не может остаться вовне него.

Следовательно, рост популярности термина «идентичность» не является случайным: значения, которые он за собой скрывает, помогают адекватно схватить положение человека в исторической ситуации, определяемой доминированием техник визуальности (от камеры до сетей массмедиа) и новым типом капитализма.

Связь между современным, глобальным капитализмом и визуальными техниками подчеркивалась неоднократно, равно как и положение идентичности в этой связке. К примеру, Стюарт Холл напрямую увязывает возникновение глобальной культуры со способностью визуального образа пересекать всевозможные границы – пространственные, социальные, культурные и даже временные. «Во всемирной массовой культуре господствуют современные средства культурного производства, господствует образ, способный пересекать языковые барьеры во всех направлениях гораздо живее и легче; образ вещает, невзирая на языки, гораздо более непосредственным образом. В этой культуре господствуют все те способы, посредством которых визуальные и графические искусства прямо участвуют в воссоздании народной жизни, развлечении и досуге. В ней господствует телевидение и кино, образ, воображение и стили массовой рекламы». (Hall 1997: 27). Другие известные примеры – это, в первую очередь, Фредрик Джеймсон (Jameson 1998) и Уильям Митчелл (Mitchell 2002).

Общий знаменатель данных теорий в том, что образ важен для современного глобального капитализма не только потому, что он обладает изумительной мобильностью и способностью обращения. Это тоже важно, поскольку позволяет капиталистическим отношениям распространяться экстенсивно и интенсивно. Но наряду с мобильностью образы обладают возможностью создавать

прибавочную стоимость, если переходить на марксистский сленг. Поэтому когда Митчелл говорит «у образа есть ноги», он подчеркивает не столько способность образа пересекать границы и пространства, но и его способность переходить из одного контекста в другой, рождая все новые смыслы – образ способен двигаться в символическом пространстве и тем самым приобретать новые значения, а следовательно, и приносить новую прибыль, в том числе и экономическую. «а) Визуальные образы являются частью сознательной организации людей, идей и объектов; б) Организация поля видимости во многом связана с общественными отношениями, неравенством и властью; в) Организация связана с политической и классовой структурой общества, равно как и производством и обменом материальных вещей в качестве товаров; г) Визуальные образы являются объектами, перемещающимися по всему Земному шару». (Poole 1997: 8–10)

Такая способность визуального образа объясняется значением, которое он приобретает в процессе идентификации, и наоборот – очевидным становится, по мнению многих исследователей, тот факт, что идентификация сегодня (понимается ли под этим национальная идентификация, этническая, гендерная и т.д.) осуществляется лишь в глобальном потоке образов, а следовательно, и в рамках глобальных систем капиталистических рынков. «В широком смысле идентичность есть способ того, как мы воспринимаем себя самих и как другие воспринимают нас; она образуется в диалектике «вижу» и «меня видят». В своем средоточии, следовательно, идентичность являет собой вопрос репрезентации; она появляется в и посредством репрезентации». (Shi 2007: 16) Тем самым визуальная идентификация, равно как и доминирование массмедиа в культурной и социальной сферах, дает многим исследователям основания полагать, что подобная практика вызовет или уже вызывает чудовищное по масштабам манипулирование людьми и их сознанием. Шу-мей Ши, исследователь идентичности американцев, говорящих на китайском языке, несмотря на приведенную выше цитату, полагает, что такие страхи преувеличены. Она усиливает тезис Митчелла и считает, что несмотря на коммодификацию образы всегда несут в себе возможность появления новых смыслов и новых возможностей для идентификации, в результате чего полная и тотальная идеологическая система, построенная на их основании, становится невозможной.

Итак, попытаемся ответить на следующий вопрос, поставленный мною во введении – о каких трансформациях в концептуализации социально-культурной реальности говорит нам рост популярности термина «идентичность»? ***Поиск идентичности означает, что мы ищем а) визуальный образ себя; б) способный репрезентировать нас для других, а, тем самым, и для нас самих; в) в условиях глобального капитализма***. Еще раз видим, что рост популярности Identity studies не зря пришелся на середину XX века.

И хотя Ши убедительно сражается с антиутопическими и конспирологическими представлениями о глобальном визуальном капитализме, несмотря на

то, что она весьма убедительно показывает антиколониальную природу визуального образа (Shi 2007:14), остается открытым вопрос, возможна ли в такой системе альтернатива? Я хочу заострить внимание именно на аспекте репрезентации в процессе поиска, создания и поддержания идентичности.

Несмотря на то, что идентичность в глобальном капитализме может использовать визуалистику для антиколониальной борьбы за самоутверждение, она не может изменить сами правила игры. Другими словами, идентичность, используя визуальные образы, может оспорить первенство у метрополии, но лишь для того, чтобы занять ее место; ***делая ставку на «идентичность», она не может обнаружить и предложить альтернативу***. Причины этого просты и вскрываются элементарным аналитическим усилием: ***идентичность не существует вне рамок репрезентации***, а поэтому она неизбежно будет использовать визуалистику, сети медиа, а следовательно, входить в систему глобального капитализма и играть по его правилам.

Есть ли идентичность у Пограничья?

Важность прояснения истории и употребления термина «идентичность» в рамках исследования Пограничья очевидна. Все многообразное понимание Пограничья – будь то культурные или цивилизационные разломы и соответствующие пограничные пространства; имеются ли в виду многочисленные сосуществующие границы различного происхождения и не укладывающиеся в одну систему; идет ли речь о транзитивных обществах; подразумевается ли антиколониальное мышление, избегающее привязки к дихотомии «центр-периферия» – в общем, всевозможные концептуализации Пограничья только пострадают от некритического и нерефлексивного использования термина «идентичность». ***Речь идет об ущербе идеологическом и политическом, нежели чем просто о «правильном» употреблении научного термина***. Сама ситуация, в которой Identity studies появились на свет, оставила на них неизгладимый отпечаток, и поэтому каждый раз, когда человек говорит об идентичности как о чем-то, определяющем его или ее существование, осуществляется не просто описание какой-то ситуации, но ее конструирование. Причем конструирование в соответствии с тремя осями, о которых речь шла выше – визуальный образ, репрезентация и глобальный капитализм. Таким образом, ***концептуализация опыта то ли отдельной личности, то ли социальной группы, то ли целого региона в терминах идентичности есть определенная идеологическая и политическая практика***.

Если Пограничье должно быть освобождено от идей транзитологии, не учитывающих своеобразие региона, а механически переносящих на новую территорию чужой опыт, то вместе с транзитологией должна отправиться в утиль и погоня за идентичностью и репрезентацией. Ведь неизбежно чужой опыт будет

пытаться подгонять аутентичный опыт под свои представления. Поэтому если мы ищем свободы от него для себя, то должны забыть о всякой возможности репрезентации – у другого не будет слов, чтобы прочитать наш опыт и представить нас.

Если мы пытаемся избавиться от постыдного колониального прошлого, не впадая в крайности мании величия (новой имперскости) или, с другой стороны, комплекса неполноценности; если мы стремимся раскрепоститься, нам надо избавиться от мышления в терминах идентичности. *Идентичность всегда подразумевает визуальный образ, постоянно вовлекает нас в соревнование за репрезентацию, в итоге перенося это соревнование на всемирный масштаб*.

Если мы хотим следовать Пограничью как пространству различных дискурсов, не укладывающихся в прокрустово ложе единой системы, то опять-таки идентичность – пусть даже понятая как отсутствие идентичности – препятствует достижению этой цели. Стремление представить себя другим и посредством этого понять, что есть мы сами – стремление, составляющее суть идентификации – крайне неблагожелательно к актуальному многообразию дискурсов: в репрезентации неизбежно это многообразие будет снято.

Напоследок я хотела бы еще раз обратиться к тексту Мартина Хайдеггера. Так уж получается, что его идеи, представленные даже в эскизной форме, способны ярко очертить сложную и парадоксальную ситуацию, сложившуюся с идентичностью, наметить то, что могло бы быть выходом из сложившегося тупика – необходимостью пространства Пограничья себя артикулировать и опасностью понятия идентичности для подобных целей.

Хайдеггер поднимает вопрос об идентичности применительно к человеку и человеческому существованию в еще одном из своих поздних текстов. Правда, как может показаться, речь идет о старом классическом понимании идентичности как тождества – сам текст *Identität und Differenz* переводится на русский как «Тождество и различие».

Говоря о тождестве, Хайдеггер ссылается на известную фразу Парменида – «мысль и бытие есть одно и то же». Важно то, говорит Хайдеггер, что есть возможность отойти от привычного понимания данной цитаты, утверждающей рациональность бытия, и увидеть, что идентичность, о которой здесь идет речь (бытия и мышления) является выражением сопринадлежности человека и бытия.

Важно то, что выявление подобной сопринадлежности, подобной идентичности мыслимо, согласно Хайдеггеру, лишь когда ***идентичность будет освобождена от оков репрезентации***. «Мы все еще не вступили в эту сопринадлежность. Но как происходит такое вступление? Оно происходит, когда мы отступаем от установки представляющего мышления. Отступая, мы совершаем прыжок [...] Не прыжок ли это в безосновную бездну? Да, так и есть, если мы лишь представляем прыжок, не выходя за пределы кругозора метафизического

мышления. И совсем нет, если мы прыгаем и себя отпускаем. Куда же? В то, с чем мы всегда уже связаны: в принадлежность к бытию». (Хайдеггер 1997: 16)

С одной стороны, здесь очевиден традиционализм Хайдеггера, верящего, что человек «всегда уже принадлежит бытию». С другой стороны, нельзя отказать ему и в определенной здравой и рациональной идее – пока мы стремимся только и исключительно к репрезентации, мы не живем. Жить мы начинаем лишь тогда, когда отказываемся от постоянной ставки на представление. В общем, очевидна новая формулировка классической дилеммы: казаться (репрезентировать свою идентичность) или быть (вступать в сопринадлежность с бытием).

Заключение

Во вступительном слове в первом номере «Перекрестков» Игорь Бобков и Павел Терешкович так обозначили одну из задач исследований Пограничья в рамках проекта CASE: «Обретение имени – одна из граней миссии нашего проекта, за которым, будем надеяться, начнется понимание культурной самоценности и самодостаточности своего «пограничного» существования» (Бобков, Терешкович 2004: 9).

Цель, безусловно, достойная. Но вкупе с постоянным обращением к «идентичности» исследователей Пограничья она становится несколько утопичной. В самом деле, нужно задаться вопросом – ***кто*** *начнет понимать «культурную самоценность и самодостаточность»*? Как я понимаю логику большинства исследователей в данной сфере, на поставленный вопрос они могли бы ответить двояко. Во-первых, начнут понимать те, кто раньше этой ценности не видел, пытаясь навязывать нам собственные представления о нас (вариант, также озвученный в только что процитированной статье). Во-вторых, к такому пониманию должны придти мы сами, избавившись от комплекса неполноценности и столь часто сопутствующей ему мании величия.

И здесь снова повторю свое убеждение – пока мы размышляем в духе Identity studies, мы в обоих вариантах окажемся в западне. В первом случае, как я уже говорила, мы будем втянуты в бесконечную борьбу за право репрезентации в глазах Другого, за его взгляд, за его признание. А ведь это не просто символическая борьба: "The human gaze has a power of conferring value on things; but it makes them cost more too". (Wittgenstein 1984: 1e). Вслед этой борьбе за признание развернется борьба за ресурсы – материальные, символические, социальные и т.д.

Даже если предположить, что мы в такой борьбе окажемся победителями, то это будет означать лишь то, что в сложившейся системе репрезентаций изменились силовые линии (центральная позиция перешла к другому субъекту или таких центральных позиций стало много), но сама эта система, завязанная на визуальном образе, репрезентации и глобальном капитализме, ничуть не окажется поколебленной. Возможно, что многие участники этого состязания пре-

следуют именно эту цель, но точно так же для многих важнее создание реальной альтернативы сложившемуся порядку вещей.

Во втором случае самодостаточность пограничного существования должна раскрыться нам самим. Если такое раскрытие будет осуществляться с помощью Identity studies, то возникнет опасность того, что самодостаточность превратится в *самодовлеющее и самодовольное* оберегание собственного образа в целях нарциссической репрезентации, старательно очищающее себе теплое местечко и защищающая эту монаду-прелесть от всякого движения и развития, влезающего в ее незапертые окна.

В обоих случаях поиск идентичности превращает нас в ее заложников – *мы как будто бы должны стать менеджерами наших идентичностей*, толково и расчетливо проталкивать их визуальные образы на площадки репрезентации в глобальном капитализме.

Здесь, конечно, нет места морализаторству – если определенные силы выбирают подобную стратегию, то это их право. Но при этом право всех остальных участников игры – тех, кто пытается прояснять ситуацию Пограничья и себя в ней *другими* способами, – называть вещи своими именами и искать альтернативные данному менеджеризму пути опеки своего существования.

В самом общем виде подобный поиск руководствуется проблемой: какой должна быть субъективность Пограничья, чтобы в равной степени успешно противостоять и пустому универсализму и самодовольному монадизму? Как сохранить все богатство языков и практик Пограничья без скатывания в обособленную самодостаточность, пытающуюся сохранить то, что ей не дано сохранить в условиях глобального капитализма? Вместо того чтобы искать *идентичность* Пограничья, надо искать условия, которые позволили бы Пограничью быть и собой, и другим, делить что-то общее с другим и общаться с другим. И все-таки: как сочетать здесь и тождество, и различие?

Литература

Hall, S. The Local and the Global: Globalization and Ethnicity. В A. King, Culture, Globalization, and the World-System: Contemporary Conditions for the Representation of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1997. P. 19–39.

Jameson, F. Transformations of the Image in Postmodernity. В F. Jameson, The Cultural Turn. London – New York: Verso, 1998. P. 93–135.

Mitchell, W.J. The Surplus Value of Images. Mosaic. 35 (3). 1–23. 2002.

Poole, D. Vision, Race, and Modernity: A Visual Economy of the Andean Image World. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Shi, S. Visuality and Identity. Berkeley, London: University of California Press, 2007.

Stein, M., Vidich, A., White D.M. Identity and Anxiety. Survival of the Person in Mass Society. New York: Free Press, 1960.

Wittgenstein, L. Culture and Value. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

Бобков, И., Терешкович, П. Вместо предисловия. Перекрестки (1–2). 2004. С. 5–9.
Хайдеггер, М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
Хайдеггер, М. Тождество и различие. М.: Гнозис-Логос, 1997.
Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Вадим Осин

ПРЕДЕЛЫ СУБЪЕКТНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОГРАНИЧЬЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ПОЛИТИКА ЗНАНИЯ КАК ТРИУМФ АВТОНОМИИ УГНЕТЕННОЙ/ПОДЧИНЕННОЙ СТОРОНЫ

Abstract

The main purpose of this article is to verify one of the most significant implications of a subject-oriented paradigm during the research of phenomena with collective identity. It means that the components of new identity are passive when powerful actors attempt to create the new formation irreducible to its components.

This purpose assumes carrying out a content analysis of power and academic discourses of Ukraine between 1993 and 2011. Two newspapers have been chosen as the indicators of power discourse: "Holos Ukrainy" ("The Voice of Ukraine") – the newspaper of the Verkhovna Rada of Ukraine and "Uryadovy Kuryer" ("The Governmental Courier") – the printed edition of the executive branch of power. Also two academic editions have been selected as the indicators of academic discourse: the Bulletin of Oles Gonchar Dnepropetrovsk National University (Series "Philosophy, sociology, political science") and the Bulletin of Taras Shevchenko National University of Kyiv (Series "International relations").

The results of this content analysis give the possibility to come to the conclusion about a high degree of autonomy of Ukraine in comparison with a specific project of the Russian Federation, the EU and the USA. Thus, in the frames of (Ukrainian) power and academic discourses there is no any notion about the coherence between Ukraine, Moldova and Belarus. In other words, Ukraine does not identify itself and moreover does not realize itself as one of the components – alongside with Belarus and Moldova – of united/specific (geopolitical) formation – a Borderland in Central and Eastern Europe.

In addition the content analysis gives the opportunity to talk about the existence of the extreme autonomy of scientific and

power discourses, which ideally have to be mutually complementary and adjustable. Thus, the Academy does not make knowledge of all possible further developments, which active objects are Ukraine, Belarus and Moldova. So the real problem is that: the absence of relevant information complicates the decision-making process as well as the way of finding the appropriate foreign policy.

Some hypotheses explaining the obtained data from within the politics of knowledge perspective are also suggested in this article.

Keywords: subject-oriented paradigm, politics of knowledge, power and academic discourses, content analysis

Политика знания, идентичность, Другие и угнетенные: экспликация перспектив

Суть политики знания часто связывается с парафразом известного выражения, согласно которому наука представляет собой «форму политики, проводимую другими средствами» (Пелс 2010: 15). Подставляя в эту формулу наиболее распространенное понимание политики как процесса принятия а́кторами коллективных решений, можно сделать два вывода, один из которых касается онтологии феноменов, а второй отсылает к особенностям их проявления.

В рамках перспективы политики знания невозможно говорить об онтологии неких явлений, сохраняющих тождественность самим себе длительное время. Как принятию всегда-тождественных решений в политике за долгий период времени препятствует ограниченность распределяемых в обществе ценностей, так и возникающие в науке «эпистемические вещи» своему статусу обязаны перманентно изменчивой конфигурации когнитивных и/или социальных интересов определенных групп исследователей.

Поскольку же появление актуальных для научного изучения процессов может быть рассчитано по той же строгой схеме, по которой политика некогда описывалась как «параллелограмм сил», то и подавляющее большинство направлений в политике знания базируется на принципиальном утверждении идентичности. Подобно тому как политика в каждый данный момент времени есть результирующая разнонаправленных векторов влияния всегда изменчивых а́кторов, «идентичность» любого научного явления создается во взаимодействии с Другими, разными в каждой области или уровне, но одинаковыми в своей инаковости.

Роль Других в становлении идентичности «научных вещей» легче всего заметить на примере появления таких политических сущностей, как Пограничье Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). В частности, всегда условное начало истории последнего датируется ранними 1990-ми гг., когда параллельно роспуску Варшавского договора и распаду СССР усиливается роль США в регионе, а завершающий этап наступает в 2006 году. Именно в этот период «исклю-

ченность Украины, Молдовы и Беларуси из процессов европейской интеграции, устойчивое геостратегическое влияние со стороны США над пространством Центрально-Восточной Европы, геоэкономическое доминирование ЕС в этом регионе и геополитические амбиции России создают феномен Пограничья Центрально-Восточной Европы» (Крысенко 2006: 273).

Конечным итогом этого становится выявление абсолютно нового политического феномена: «Украина (вместе с Беларусью и Молдовой), как региональная нациокультурная система, включена в более сложный региональный кластер современной мир-системы, так называемое Пограничье Центрально-Восточной Европы… Пограничье ЦВЕ является геоисторическим институциональным сообществом, представляющим собой особую, нетипичную культурную, нормативную и экономическую структуру» (Крысенко 2006: 267).

Уже этот вариант истории, принятый во внимание по причине, прежде всего, его удаленности от основных субъектов Пограничья ЦВЕ, со всей отчетливостью демонстрирует, какой *может быть* идентичность того, что создается во взаимодействии с Другими. И многие работы, имеющие в рамках border studies статус классических, симптоматичны – помимо всего прочего – одним обстоятельством: *при исследовании Пограничья, как и любого феномена (с) коллективной идентичностью, внимание обращают только на тех а́кторов, которые формируют эту идентичность*.

Ни Э. Саид (Саид 2006), ни Л. Вульф (Вульф 2003), ни И. Нойманн (Нойманн 2004) в своих летописаниях роли, играемой Востоком, Восточной Европой, Россией или турками в создании коллективной европейской идентичности, не цитировали и не принимали в расчет самих турок, россиян или (других/иных) представителей восточноевропейских наций.

Наиболее четко эту мысль высказал Э. Саид в своем исследовании ориентализма, который есть «*распространение* геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты» (Саид 2006: 23–24). То есть, будучи производным от способности Запада сделать Восток ориентальным, сам «ориентализм является… важным измерением современной политико-интеллектуальной культуры, и в качестве такового имеет больше общего с “нашим” миром, нежели с Востоком» (Саид 2006: 24).

Это то, что можно назвать субъектной парадигмой в конструировании коллективной идентичности, выступающей отражением известного правила, в соответствии с которым историю всегда пишут победители. Парадоксальной характеристикой этой парадигмы является игнорирование самого результата, т.е. конструируемого феномена. Интерес каждого из а́кторов искажает конечный итог, понуждая не замечать как интересы других а́кторов, так и голос новой идентичности.

Другими словами, субъектная парадигма имплицирует полную пассивность со стороны составляющих новой идентичности. Независимо от того, по какому принципу моделируется процесс создания идентичности, предполагается безболезненное принятие новой стигматы как со стороны властей, так и со стороны научных групп.

Подобная установка одного из влиятельнейших направлений в политике знания[1] делает актуальным вопрос Г. Спивака: «Может ли угнетенный (subaltern) говорить?» (Spivak 1995: 25). Значимость этого вопрошания обусловлена неопределенным эпистемологическим статусом автора статьи, а именно: можно ли писать о Пограничье внутри самого Пограничья? При всей кажущейся простоте подобного вопроса ответить на него не всегда возможно, поскольку речь идет о необходимости иметь категории, адекватные опыту угнетенного. В то же время последний, по определению, выступает эпифеноменом целенаправленных и длительных усилий со стороны неизмеримо более сильных а́кторов, а потому их категории мышления и сознания имеют все шансы стать его категориями.

Таким образом, нам не подходит имеющая длительную традицию перспектива, согласно которой «угнетенные, если им дана такая возможность…, и находящиеся на пути к солидарности через политику союза…, *могут говорить и знают свои условия*» (Spivak 1995: 25). Мы всегда должны считаться с возможностью негативного ответа или невозможностью вообще какого-либо ответа на следующие вопросы: «Как мы можем коснуться сознания людей, даже когда мы исследуем их политику? Каким голосом-сознанием может говорить угнетенный» (Spivak 1995: 27).

Соответственно, двумя целями данной статьи выступает как обоснование самой возможности выявления (угнетенного/подчиненного) украинского голоса Пограничья ЦВЕ, так и описание ряда его характеристик. Эти цели достигаются путем эмпирической верификации субъектной парадигмы на примере властного и академического дискурсов Украины. Это требует уточнения ряда исходных понятий.

Прежде всего, по аналогии с *классом для себя* и *классом в себе*, следует различать дискурс *о* Пограничье (ЦВЕ) и дискурс (самого) Пограничья (ЦВЕ). Если первый дискурс представляет собой некую вариацию взгляда из ниоткуда, имплицируя нахождение в точке, равноудаленной от всех субъектов Пограничья (ЦВЕ), то второй имеет дело с восприятием Пограничья в самом Пограничье или «самим Пограничьем». Дискурс (самого) Пограничья (ЦВЕ) есть дискурс объекта, т.е. речь угнетенного или подчиненного.

Голос подчиненного в данном случае полифоничен, поскольку выделяются две его разновидности, «властный дискурс Украины» и «украинский научный дискурс». Последние есть системы высказываний, роль ограничений в которых выполняют Другие, представления о которых лишь частично отражают то, чем

Другие есть на самом деле, но в не меньшей степени то, что мы представляем или можем представлять собой.

В качестве *репрезентаментов* властного дискурса выступают две газеты: «Голос Украины», печатный орган законодательной власти, и «Правительственный курьер», печатное издание органов исполнительной власти. Научный дискурс индикатируется Вестником Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (Серия «Философия, социология, политология») и Вестником Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Серия «Международные отношения»).

В качестве основного метода исследования был выбран контент-анализ, из множества разновидностей которого я предпочитаю ориентироваться на ту, что недвусмысленно связывает последний с количественным измерением: «*Количественный контент-анализ* представляет собой систематическое и воспроизводимое исследование символов коммуникации, которым приписываются числовые значения в соответствии с правилами валидного измерения, и анализ взаимоотношений, включающих эти значения, с использованием статистических методов с тем, чтобы описать коммуникацию, получить выводы о ее значении или для получения из коммуникации выводов о ее контексте – как производства, так и потребления» (Riffe, Lacy, Fico 1998: 19–20).

Пограничье Центрально-Восточной Европы: фрагментарность властного дискурса Украины, молчание научного

Рассмотрим особенности властного дискурса Украины в части, касающейся Пограничья (ЦВЕ). Контент-анализу подвергался каждый десятый номер «Голоса Украины» и «Правительственного курьера» за период 1993–2011 гг., что в сумме дает около 1000 номеров. Данная выборка может рассматриваться в качестве случайной, поскольку номера выбирались не на основании прагматических соображений, а путем механического отбора. Кроме того, выборки номеров двух газет синхронизированы относительно друг друга, соответственно их содержание вполне сопоставимо. Наконец, количество статей, подпадающих под категориальную схему и насчитывающую свыше 180 единиц анализа, превышает показатель в 3300.

Выбор «Голоса Украины» и «Правительственного курьера» в качестве репрезентаментов властного дискурса Украины обусловлен следующими соображениями. Существует некий континуум событий межгосударственного значения, осветить который во всем его разнообразии не под силу никакому средству коммуникации. Следовательно, возникает необходимость выбирать, о чем именно следует информировать в первую очередь, а что можно вообще не упоминать. В процессе этой селекции приоритетом обладают события, комплементарные ценностям и интересам тех, кто принимает соответствующие

решения, что, в свою очередь, отсылает к находящемуся при власти истеблишменту.

Кроме того, представители законодательной и исполнительной ветвей власти склонны уделять внимание различным событиям не только по причине неодинаковости ценностных установок и противоположности преследуемых интересов. Немаловажным фактором являются и различные сферы деятельности, как бы естественно предполагающие больший объем в освещении, скажем, межпарламентскому или межправительственному сотрудничеству.

Комбинация этих двух факторов, несовпадающие сферы деятельности и подчас полярные ориентации позволяют надеяться, что в долгосрочной перспективе, при игнорировании в значительной мере темпоральной динамики, на страницах «Голоса Украины» и «Правительственного курьера» *отражаются* различные ценности, знания и интересы украинской политической элиты, релевантные целям данного исследования.

В табл. 1 представлена часть результатов контент-анализа, а именно: количество и характер публикаций, посвященных вполне определенной конфигурации государств (Украина, Молдова и Беларусь).

Таблица 1. **Публикации о Пограничье ЦВЕ (1993–2011 гг.)**

Год	ГУ / ПК*	Тип публикации**	Площадь***	Отношение: отрицательное	Отношение: нейтральное	Автор: Спикер, народный депутат	Автор: Корреспондент газеты	Автор: отсутствует	РФ: политическое сотрудничество	СНГ: политика	РФ: Грузия, Абхазия	ЕС: политическое сотрудничество	ЕС: ЯО, ЧАЭС****	НАТО	Пограничье: Мировой банк	Пограничье: Европарламент	Пограничье: Миграционные центры ЕС	Пограничье: РФ, НАТО	Пограничье: ЕС, РФ	Пограничье: гуманитарная деятельность
1994	ГУ	ФС	71		+			+											+	
1997	ГУ	ФСС	83		+			+					+			+				
1998	ГУ	ФСД	162		+		+											+		
1998	ГУ	СБ/ ФС	333		+		+											+		
1999	ГУ	ФС	225		+		+											+		
1999	ГУ	СБ/ ФС	900		+	+												+		
2003	ПК	ФСС	323		+			+	+	+									+	

2006	ГУ	СБ/ФС	182	+			+					+					+			
2008	ГУ	СБ/ФС	319	+			+											+		
2008	ГУ	ФС	418	+			+				+							+		
2008	ГУ	СБ/ФС	297		+		+				+			+				+		
2008	ГУ	СБ/ФС	188		+		+											+		
2008	ГУ	СБ/ФС	255		+		+											+		
2009	ГУ	ФС	35		+			+							+					
2009	ПК	СБ/ФС	221		+		+								+					
2009	ПК	ФС	153		+		+													+

* «ГУ» и «ПК» – «Голос Украины» и «Правительственный курьер» соответственно.

** ФС – фактологические сообщения о различных аспектах межгосударственных отношений. ФСД – фактологические сообщения о предстоящем и/или планируемом официальном событии межгосударственного уровня (встречи президентов, премьер-министров, предусматривающих подписание соответствующих договоров). ФСС – фактологическое сообщение о состоявшемся официальном событии межгосударственного уровня (встречи президентов, премьер-министров, предусматривающих подписание соответствующих договоров). СБ – статьи, анализирующие ближний прицел, т.е. события, вероятность появления которых в будущем имплицируется официальными встречами на высшем уровне и/или другими аспектами межгосударственных отношений.

*** Площадь – измеряется в квадратных сантиметрах (округлена до целых чисел).

**** ЯО, ЧАЭС – ядерное оружие, Чернобыльская атомная электростанция.

За 19 лет на страницах «Голоса Украины» и «Правительственного курьера» появилось всего 16 соответствующих публикаций, причем ровно половина из них приходится на 2008–2009 гг. (и это согласуется с историей формирования Пограничья, современный этап которой начинается с 2006 года). Более того, внимание к типу публикации свидетельствует о том, что лишь трижды, в 1997, 1998 и 2003 гг., речь шла об официальных мероприятиях, предусматривающих подписание межгосударственных и/или межправительственных соглашений и договоров.

Наконец, судя по автору публикации, два из трех рассматриваемых случаев не привлекли особого внимания редакции газет «Голос Украины» и «Правительственный курьер», информировавших о них лишь посредством ссылки на информационные агентства. И это при том, что вероятный ход событий согласованных действий Украины, Беларуси и Молдовы, как показывает доминирование (8 из 16) статей, анализирующих ближний прицел, привлекал внимание законодательной и исполнительной ветвей власти, пусть его относительные объемы совсем не впечатляют.

Таким образом, данные табл. 1 показывают, что *в рамках властного дискурса (Украины) отсутствует представление о связанности Украины с Молдовой и Беларусью*. Более того, денотат публикаций о Пограничье демонстрирует, что практически все они «вписаны» в деятельность или международных (НАТО, Мировой банк), или европейских организаций (Европарламент, ЕС в целом), или же, при сохранении ранее указанных а́кторов, предполагают включение России.

Так, если обратиться к публикациям, в которых Украина, Беларусь и Молдова рассматриваются как единое целое, то первое подобное упоминание встречается в 1994 году в газете «Правительственный курьер»: «17 жовтня Премєр-міністр України Віталій Масол прийняв голову Фонду підприємництва для нових незалежних держав Гленна Хатчінса та президента і директора-розпорядника фонду Скотта Карлсона. Цей фонд створено у США для підтримки приватного бізнесу в Україні, Білорусі та Молдові» (Урядовий кур'єр 1994: 456, 1). Практика видеть Украину, Беларусь и Молдову в качестве единого целого присуща не только США, но отдельным европейским государствам, например, ФРГ: «Президент України Віктор Ющенко виступить перед депутатами Німецького Бундестагу під час візиту до ФРН наступного тижня, повідомив голова Представництва Фонду Фрідріха Еберта в Україні, Білорусі та Молдові…» (Урядовий кур'єр 2005: 2954, 1).

Появление наднациональных структур, скажем, Европы и/или ЕС, в соответствующих публикациях датируется 1997 годом: «У Києві перебуває делегація Європейського парламенту (парламентської структури Європейського Союзу) у зв'язках з Україною, Молдовою та Білоруссю, яку очолює Еріка Манн» (Голос України 1997: 1620–1621, 1). Пограничье (ЦВЕ) также оказывается связанным и с ООН: «Як зазначила на засіданні прес-клубу Міністерства закордонних справ регіональний представник Управління Верховного комісара ООН у справах біженців у Білорусі, Молдові та Україні С. Волькен…» (Урядовий кур'єр 2009: 4057, 3). Не говоря уже о Мировом банке: «Про це учора у ході прес-конференції повідомив старший економіст представництва Світового банку в Україні, Білорусі і Молдові Руслан Піонтковський» (Урядовий кур'єр 2009: 4097, 2) или: «Як передає УНІАН, документ підписано міністром палива та енергетики Юрієм Проданом і директором Світового банку у справах України, Білорусі і Молдови Мартіном Райзером» (Урядовий кур'єр 2010: 4097, 3). В попытке создать Пограничье (ЦВЕ) несколько международных организаций могут объединить свои усилия, как это произошло с ЕС и ООН: «Нещодавно в Україні розпочато впровадження першого етапу проекту «Україна, Білорусь, Молдова проти наркотиків» (БУМАД), що фінансується за рахунок бюджетів ЕС та ООН» (Белоконь 2004: 2744, 8).

Иначе, можно предположить, что *Украина не воспринимает и тем более не осознает себя в качестве одной из составляющих – наряду с Беларусью и Молдовой – единого/особого (геополитического) образования.*

Таковым их пытаются «делать», и делать достаточно безуспешно, если основываться на количестве и характере публикаций, ЕС в целом и европейские организации в частности, Российская Федерация и, частично, международные организации вроде НАТО. Поводом, побуждающим всех указанных «игроков» создавать организационные рамки для объединения Украины, Беларуси и Молдовы, выступают военные действия России в Грузии и Абхазии, напряженные отношения между РФ (и ее «политического крыла» на постсоветском пространстве, СНГ), НАТО и ЕС, а также комплекс проблем, связанных с Чернобыльской катастрофой. Никаких других причин, ответственных за осознание политическим руководством Украины своей общности с Беларусью и Молдовой, проведенный контент-анализ не позволяет обнаружить.

Контент-анализ *Вестника Киевского национального университета (серия «Международные отношения»)* проводился за период 1995–2009 гг., когда было опубликовано 34 выпуска, и за исключением вып. 6 и вып. 7 (часть вторая) все они были проанализированы. Всего за отчетный период в этих выпусках появилось 638 статей. Что касается *Вестника Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (Серия «Философия, социология, политология»)*, то в период с 1993 по 2011 гг. был издан 21 том (два из них, 2010 и 2011 гг. – в двух частях) и все они, за исключением одного, были подвергнуты контент-анализу. Всего за это время было опубликовано 1042 статьи.

Основной результат таков: за отчетный период на страницах двух *Вестников… не было обнаружено ни одной статьи, посвященной Украине, Беларуси и Молдове, рассматриваемых в качестве некого специфического пространства, объединяемого общностью (гео)политики, культуры или права*.

Триумф автономии угнетенных/подчиненных в политике знания: случай Пограничья Центрально-Восточной Европы и Украины

Как уже указывалось, одним из допущений субъектной парадигмы в политике знания выступает тезис, согласно которому составляющие новой идентичности пассивны перед попытками тех или иных а́кторов создать новое образование, не сводимое к его составляющим. Однако часть данных проведенного контент-анализа показывает, что Украина, одна из угнетенных/подчиненных составляющих Пограничья ЦВЕ, проявляет высокую степень автономности по отношению к предпринимаемым усилиям. Это противоречит имплицируемым допущениям, когда сама способность ЕС, США и РФ сделать Украину пограничной зоной должна автоматически гарантировать ее реальный статус пограничной зоны.

Ситуация осложняется также тем, что в принципе пограничный статус Украины мало кем отрицается даже из числа украинских политиков. Скажем, в одном из своих интервью Б. Тарасюк, тогдашний министр иностранных дел, на

вопрос о своем видении роли Украины в ближайшие 15 лет, ответил, что «Україні не підходить ні роль буфера, яким вона й була впродовж багатьох століть і в останні 15 років, ні роль сателіта…»[2] (Інтерв'ю Міністра закордонних справ України Бориса Тарасюка журналу «Політика і час»).

Обращаясь к народу в 2005 году, тогдашний Президент Украины В. Ющенко, говоря о будущем положении Украины среди других государств, использовал прием противопоставления все еще актуальному прошлому: «Українці посядуть гідне місце у спільноті народів. Україна не буде ні буфером, ні полем чиїхось змагань» (Звернення Президента України Віктора Ющенко до українського народу (Київ, Майдан Незалежності, 23 січня 2005 р.)). И список подобных высказываний политиков самого высокого ранга можно продолжить практически до бесконечности.

В академическом дискурсе также можно встретить подобные рассуждения. Скажем, в одной из своих статей, посвященных международной и внутренней политике Украины со времен обретения ею независимости, Б.В. Зажигаев делает вывод о неизбежности пограничного статуса Украины: «У найближчій перспективі Україна буде буферною державою, яка перешкоджає просуванню на свою територію ліберально-демократичних цінностей і одночасно амортизуючи й поглинаючи негативний вплив Росії на Європу» (Зажигаев 2011: 2, 33).

Таким образом, можно говорить о присутствии некой аномалии, по условиям которой о пограничном статусе Украины знают, но либо предпочитают молчать, либо говорить преимущественно в свете более радужных (будущих) перспектив.

В конце концов, даже если буферность Украины очевидна, то все равно о ней говорят не так много, как можно было бы ожидать. Скажем, очевидность некоторых свойств погоды или спорта отнюдь не препятствие для их обсуждения, и даже наоборот. Именно сценарии возможного развития событий не блещут оригинальностью, предусматривая либо развал украинской государственности под действием разнонаправленных центров тяготения, либо ее окончательное вхождение в сферу влияния ЕС или России. На мой взгляд, любая из этих возможностей требует и понуждает к более тщательной проверке исходных допущений, их верификации и т.п. Трудно себе представить, что астрономы смогли бы объявить о том, что в ближайшее время Земля развалится или упадет на Солнце, и никто не потребовал бы от них убедительных доказательств. Или что не предпринималось бы никаких мер для предотвращения этого сценария или минимизации жертв.

В данной части работы я предлагаю объяснение того, почему пограничный статус Украины не стал проблемой научного дискурса, и ответ на вопрос напрямую зависит от того, что представляет собой наука, научный дискурс, научная работа и т.п. Я решил концептуализировать данное затруднение посредством понятия научного поля П. Бурдье, на принадлежность творчества

которого к своему дисциплинарному полю уже давно претендуют социологи, философы, политологи и антропологи.

В своей классической статье «Поле науки» он определил последнее в качестве места, или игрового пространства, «конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и – одновременно – как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность легитимно (т.е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки» (Бурдье 2005: 474).

Другими словами, П. Бурдье полагает, что наука столь же социальна и политична, как и любая другая деятельность: «Из строгого определения научного поля как объективного пространства игры, где задействованы специфические ставки, следует, что бессмысленно проводить разграничение между сугубо научными и сугубо социальными детерминациями практик…» (Бурдье 2005: 476). Вместе с тем само функционирование науки «производит и предполагает специфическую форму интереса» (Бурдье 2005: 474–475). Суть последнего П. Бурдье определил не через его содержательные характеристики, а посредством указания на структурные черты окружения, инвариантные множеству видов социальных институтов: «Нет такого научного “выбора”…, который не был бы – хотя бы в одном из своих аспектов, в котором, конечно, труднее всего распознать, – политической стратегией инвестиции, направленной – во всяком случае объективно – на увеличение чисто научной прибыли, т.е. признания, полученного со стороны коллег-конкурентов» (Бурдье 2005: 478–479).

Таким образом, по мнению П. Бурдье, наука «выглядит “незаинтересованной” лишь относительно других интересов, производимых и востребованных другими полями» (Бурдье 2005: 475), на самом деле действия всех вовлеченных а́кторов «ориентированы на достижение научного авторитета (престиж, признание, известность и т.д.)» (Бурдье 2005: 475).

Если взять это представление за направляющее, то можно предположить, что за отсутствие (академического) дискурса Пограничья и/или Пограничье (ЦВЕ) ответственно то, что знание о принадлежности Украины к данному (геополитическому) образованию не может гарантировать своему «владельцу» ни научного авторитета, ни права «легитимно… говорить и действовать от имени науки». Речь идет о том, что пограничность Украины настолько очевидна, что говорить об этом в пространстве, целью которого является исследование и освоение нового, – значит демонстрировать свой дурной вкус, тем самым лишаясь всех шансов на признание со стороны коллег, достижение авторитета и приобретение соответствующей разновидности социальной власти.

Иначе, для украинского научного сообщества фактически невозможна квалификация Пограничья (или Пограничья в составе Беларуси, Украины и Молдовы) в качестве того, что Х.-Й. Райнберг назвал «эпистемической вещью».

Это понятие означает «предметы или феномены, вокруг и по поводу которых разворачивается исследовательский процесс в науке. Они остаются «эпистемическими», «исследовательскими», т.е. интересными для познания до тех пор, покуда остается неизвестным доподлинно, что они собой представляют и какова их функция» (Райнбергер 2007: 286).

С этой точки зрения Пограничье Украины не воспринимается в качестве чего-то непознанного и непонятого; в данном случае как раз преобладает очевидность, когда о буферности Украины говорят как о чем-то само собой разумеющемся и основывающемся на длительной традиции.

В частности, в докладе «Нова зовнішня політика: "Україна має план"» об особенностях взаимоотношений Украины и ЕС говорят в терминах историчности: «Такий підхід сформувався історично та є типовим для всіх наддержавних утворень інтеграційного типу, до яких безумовно належить і ЄС. Європа використовувала цей підхід ще за часів Римської імперії, коли укладала із сусідніми народами домовленості, прагнучи захистити свої кордони від навали варварів. Європейська політика сусідства нагадує радше спроби Римської імперії залучити варварів до охорони власних кордонів» (Нова зовнішня політика: Україна має план 2011: 1–2, 48). Прямым следствием этого становится доминирование категоричности: «Європейський Союз не бачить ані турків, ані українців європейцями, але змушений підтримувати інтеграційні процеси з нашими державами. Можливо, таким чином він прагне запобігти входженню цих країни у конкурентні зони впливу – мусульманську – для Туреччини, російську – для України – та створити з них буферну зону» (Нова зовнішня політика: Україна має план 2011: 1–2, 49).

Распространенность представлений об Украине как о пограничном, буферном государстве в течение столетий, если верить Б. Тарасюку, делает их чем-то сродни общественным благам, установление монополии на которые выступает либо чрезвычайно расточительным предприятием, либо невозможным, либо лишенным всякого смысла. Там, где нет эзотеричности и возможности появления посвященных в тайну, где отсутствуют практические шансы на монополию, там редко когда можно встретить борьбу за специфические интересы (авторитет, социальная власть эксперта и т.п.), составляющие суть науки, или научного поля.

Перспектива научного поля П. Бурдье делает явными несколько дотоле скрытых обстоятельств, и наиболее важным среди них представляется то, что отсылает к причинам отсутствия глубокой заинтересованности *исследователей* в феномене Украины как пограничного государства.

Научный дискурс Украины и Пограничье ЦВЕ: частотный контент-анализ двух «Вестников»

В заключительном параграфе данной статьи я хочу дать голос угнетенной/подчиненной стороне Пограничья ЦВЕ путем выявления долгосрочных, не зависящих от случайных факторов ориентаций украинского политико-научного сообщества, т.е. привлекательных политических и социальных идеалов и ценностей, репрезентируемых определенными государствами или их объединениями. Для этого необходимо вернуться к контент-анализу академического дискурса, представленного Вестником Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (Серия «Философия, социология, политология») и Вестником Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Серия «Международные отношения»).

Формирование соответствующей категориальной схемы включает конкретные фигуры Других Пограничья (ЦВЕ). Здесь я полагаю возможным отталкиваться от одной из разновидностей истории последнего (Крысенко 2006: 4, 273), в соответствии с которой за создание этого особого геополитического образования ответственны Российская Федерация (РФ), Европейский союз (ЕС) и США. Стремление избежать реификации и добиться большей аутентичности в категориях, посредством которых Украина осознает себя и свои интересы, понуждает расширять этот список в зависимости от материала путем дробления этих трех акторов Пограничья (ЦВЕ).

Категориальная схема формировалась путем «снежного кома», в дальнейшем зафиксированные единицы анализа агрегировались в более крупные категории. В качестве единицы счета принимался факт появления статьи, а единицы анализа – тема, релевантная Пограничью (ЦВЕ).

Я также классифицировал статьи по тому, упоминалась там Украина или нет: в первом случае статья помечалась как праксеологическая, а во втором – как эпистемическая. Наконец, в ходе контент-анализа *Вестника Киевского национального университета…* я также фиксировал характеристики авторов (научная степень и область специализации).

Исходным допущением выступал основополагающий тезис частотного контент-анализа: частота встречаемости определенных тем, релевантных категориальной схеме, отражает уровень заинтересованности и/или осознания учеными важности и значимости проблем и ценностей, имплицируемыми этими темами.

Немного сложнее все обстоит в случае низкой частоты встречаемости тех или иных тем, поскольку ограничения апофатических определений хорошо известны. Тем не менее в качестве общего принципа интерпретации можно предложить следующий: отсутствие неких тем или низкая частота их встречаемости свидетельствует как об отрицании их важности и значимости, так и о неприятии имплицируемых ими ценностей.

За 1995–2009 гг. в *Вестнике Киевского национального университета (Серия «Международные отношения»)* 638 статей, и 231 из них фиксировалась принятой категориальной схемой. Основные результаты контент-анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2. **Абсолютные и относительные показатели контент-анализа Вестника Киевского национального университета имени Тараса Шевченко по темам и авторам (1995–2009 гг.)**

Темы	Всего		Автор: доктор		Автор: кандидат		Автор: без степени		Автор: должностные лица		Автор: не указан	
	Кол-во	Процент*	Кол-во	Процент*	Кол-во	Процент*	Кол-во	Процент*	Кол-во	Процент*	Кол-во	Процент*
ЕС	41	16.73%	3	9.38%	18	19.78%	15	15.96%	2	50.00%	6	17.65%
МО	32	13.06%	2	6.25%	10	10.99%	19	20.21%	0	0.00%	2	5.88%
ЕО	22	8.98%	3	9.38%	9	9.89%	8	8.51%	0	0.00%	3	8.82%
ЦВЕ	16	6.53%	0	0.00%	6	6.59%	9	9.57%	0	0.00%	2	5.88%
Конфигурации государств и организаций	16	6.53%	3	9.38%	3	3.30%	8	8.51%	0	0.00%	2	5.88%
Старая Европа	14	5.71%	2	6.25%	6	6.59%	4	4.26%	0	0.00%	2	5.88%
Украина – конфигурации государств и организаций	13	5.31%	3	9.38%	6	6.59%	3	3.19%	0	0.00%	2	5.88%
Украина – ЕС	12	4.90%	4	12.50%	3	3.30%	5	5.32%	0	0.00%	1	2.94%
Украина (остальное)	12	4.90%	5	15.63%	5	5.49%	2	2.13%	0	0.00%	2	5.88%
США	11	4.49%	1	3.13%	4	4.40%	4	4.26%	0	0.00%	2	5.88%
СНГ и отдельные страны	11	4.49%	1	3.13%	4	4.40%	2	2.13%	1	25.00%	3	8.82%
Украина – РФ	8	3.27%	2	6.25%	2	2.20%	2	2.13%	0	0.00%	2	5.88%
Украина – МО	6	2.45%	0	0.00%	2	2.20%	3	3.19%	0	0.00%	1	2.94%
Украина – ЕО	6	2.45%	0	0.00%	4	4.40%	1	1.06%	0	0.00%	1	2.94%
Украина – старая Европа	5	2.04%	1	3.13%	4	4.40%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%
Отдельные страны новой Европы	6	2.45%	0	0.00%	2	2.20%	3	3.19%	0	0.00%	1	2.94%
РФ	4	1.63%	0	0.00%	1	1.10%	3	3.19%	0	0.00%	0	0.00%
Новая Европа в целом	4	1.63%	1	3.13%	1	1.10%	1	1.06%	0	0.00%	1	2.94%
Украина – США	2	0.82%	0	0.00%	0	0.00%	1	1.06%	1	25.00%	0	0.00%

Страны с переходной экономикой	2	0.82%	1	3.13%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%	1	2.94%
Крым	2	0.82%	0	0.00%	1	1.10%	1	1.06%	0	0.00%	0	0.00%

* Процентное соотношение высчитывается от общего количества статей и/или авторов в том или ином разряде (колонке).

С определенной долей уверенности можно сделать следующие выводы: во-первых, ни внутренняя политика России (1.63%), ни украино-российские отношения (3.27%) не вызывают особого интереса со стороны исследователей, публикующих свои материалы в соответствующем *Вестнике*. Иначе, РФ, сотрудничество и ассоциируемые с нею ценности не воспринимаются научным сообществом в качестве нормативных (политических) ориентиров. Сказанное также верно в отношении других релевантных тем, например, СНГ, где роль РФ представляется определяющей (ни одной работы, посвященной взаимодействию Украины с СНГ, хотя 4.49% статей рассматривают те или иные аспекты функционирования СНГ).

Во-вторых, из всех áкторов Пограничья (ЦВЕ), РФ, ЕС и США наибольшее внимание уделяется ЕС (16.73%) и другим европейским организациям (ЕО) наподобие Совета Европы (8.98%). Соответственно исходным посылкам подобная ситуация может интерпретироваться в том ключе, что именно сотрудничество с ЕС и европейскими организациями, а также ценности и перспективы, ассоциируемые с этим, представляются для этой (региональной) группы ученых наиболее привлекательными.

Следует обратить внимание и на то, что темам, так или иначе связанным с США, «США» (4.49%), «Украина-США» (0.82%), «Украина-МО (международные организации» (2.45%) и «МО (международные организации» (13.06%), где преобладает тема НАТО, посвящено больше статей, чем РФ. Это может интерпретироваться как знак (радикального) неприятия всего того, что связано с РФ. Или в качестве отражения тенденции, согласно которой в глазах ученых перспективы, открываемые сотрудничеством с США, лишь чуть менее важны, нежели те, что символизируются сотрудничеством с европейскими странами и организациями.

В-четвертых, нет оснований говорить о наличии осознания названной выше группой исследователей связанности Украины с Беларусью и/или Молдовой. Беларусь и Молдова как политические проекты вообще не принимались во внимание. В этом случае можно отметить их имплицитное объединение в рамках обсуждения проблем стран с переходной экономикой (0.82%).

В-пятых, интересным видится обстоятельство, согласно которому достаточно много статей приходится на темы о странах Центрально-Восточной Европы (6.53%), однако их авторы практически никогда не включают в этот регион Украину. Исключениями в этом случае выступают О. Шнирков и О. Кучеренко, вписавшие Украину в эту группу стран в формулировке «для постсоціалістичних

країн Центральної та Східної Європи» (Шнирков 1998: 8, 75) и Е. Макаренко (Макаренко 2000: 17, 64–77), упомянувшая Украину как участника центрально-европейской инициативы.

Отсутствие Украины показательно в свете ее отнесения к Пограничью данного региона, однако еще более примечательной кажется склонность исследователей не просто избегать обсуждения пограничного статуса Украины, но и концептуализировать его, в случае невозможности игнорирования этой проблемы, в (более) благоприятном ключе. Так, например, поступает А. Копийка, закавычивший понятие «(стратегическое) соседство» при характеристике отношений между Украиной и ЕС, но эксплицировавший его как стремление ЕС создать на своих восточных границах пояс стабильности и безопасности за счет повышения материального благосостояния соответствующих стран и уровня их демократичности (Копійка 2005: 31–32, 7–11).

В-шестых, симптоматичным может оказаться тот факт, что большинство релевантных статей касаются организаций, более-менее стабильных конфигураций государств и различных региональных объединений, но в то же время весьма мало внимания уделяется отдельным странам и сотрудничеству Украины с ними.

И последнее: данная (региональная) группа исследователей демонстрирует явно выраженный акцент на статьях эпистемического характера, что может рассматриваться и как свидетельство определенного стиля мышления в области международных отношений, заинтересованного в накоплении информации о потенциально важных государствах или организациях, и, как знак, отсылающий к действительному состоянию дел в этой области. В частности, из 231 закодированной статьи 78 оказываются праксеологическими (33.77%) в сравнении со 153 статьями эпистемичного толка (66.23%).

Что касается распределения авторов разной квалификации по темам, оно, в целом, согласуется с ранее представленными выводами. Так, «ЕС», «ЕО (европейские организации)» и «Украина-ЕС» аккумулировали в сумме наибольшее число докторов и кандидатов наук (31.26% и 37.37% соответственно), что, по идее, имплицирует и важность этих тем, и соответствующий уровень разработки.

Наиболее простым оказался контент-анализ *Вестника Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (Серия «Философия, социология, политология»)*. В период с 1993 по 2011 гг. был издан 21 том (два из них, 2010 и 2011 гг. – в двух частях) и все они, за исключением одного, были подвергнуты контент-анализу. Всего за это время опубликовано 1042 статьи, и лишь 18 из них фиксировались категориальной схемой.

Тематическое распределение выглядит следующим образом: 4 статьи по теме «Украина-ЕС», 3 статьи по теме «ЕС и европейские ценности» и по 2 статьи по темам «Украина-США» и «Проблемы посттоталитарных/постсоветских государств». Оставшиеся 7 тем представляют собой, по сути, классы с одним-единственным членом: «Молдова (политика)», «Россия (политика)»,

«Украина-РФ (политика)», «Италия (политика)», «Украина-НАТО», «Восточноевропейские межгосударственные объединения» и «Векторы внешней политики Украины».

Если попытаться сформулировать выводы на столь необъемном материале, то можно констатировать значительное совпадение результатов с результатами контент-анализа *Вестника Киевского национального университета*. Сказанное относится к привлекательности ЕС и европейских ценностей и идеалов, а также отторжению всего того, что связывается с РФ (и в этом смысле полное отсутствие внимания к СНГ и ЕврАзЭС весьма показательно).

То же можно утверждать в отношении чуть меньшей степени привлекательности США и всего американского; в частности, темам, так или иначе связанным с США, «Украина-США» и «Украина-НАТО», посвящено больше статей, чем РФ. Кроме того, как и в случае предыдущего *Вестника..*, группа ученых, условно, Днепропетровского региона, также не склонна постулировать общность интересов Украины с Беларусью (0 статей) и/или Молдовой (1 статья, посвященная внутренней политике).

Однако следует отметить, что некий уровень понимания общности Украины, Беларуси и Молдовы прослеживается на более высоком уровне абстрагирования, во время включения всех названных стран в одно постсоветское, или посттоталитарное пространство. Нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что в данном случае исследуются тенденции, общие для всех этих государств, а не то, что их отличает друг от друга.

Наиболее же важным отличием выступает то, что авторы *Вестника Днепропетровского национального университета* склонны отдавать приоритет темам праксеологического характера (11 из 18 статей релевантных целям проекта) и тем самым игнорировать важность аккумуляции информации.

Выводы и гипотезы

Подводя итоги, следует указать на то, что результаты контент-анализа позволяют заключить о высокой степени автономности Украины по отношению к конкретному проекту со стороны РФ, ЕС и США. Можно выдвинуть три гипотезы, объясняющие полученные данные. Какая бы из гипотез не оказалась верной, все они указывают на пределы того, что в данной работе названо субъектной парадигмой.

Во-первых, опыт и мощь тех или иных а́кторов в деле конструирования разнообразных коллективных идентичностей мало что значит, если исходные посылки для объединения той или иной конфигурации государств ошибочны.

Другими словами, РФ, США и ЕС могут исходить из неверных посылок об общности (исторической, экономической, культурной, правовой или даже политической) Украины, Молдовы и Беларуси. Взгляд извне не всегда позволяет

надежно и валидно выявить объединяющие факторы или же придать им адекватную значимость в сравнении с теми, на основании которых происходит различение определенных государств *внутри* последних.

Во-вторых, Украина, возможно, является подлинным Пограничьем, т.е. зоной чрезвычайно неопределенной в силу приложения к ней множества разнонаправленных интересов самых разных а́кторов как извне, так и внутри. По этой причине в Пограничье, по сути, не в состоянии прижиться ни один проект даже самых мощных а́кторов, если он предусматривает достижение того, что можно назвать темпорально стабильной онтологией.

В-третьих, когда речь идет о таких а́кторах, как РФ, США и ЕС, легко впасть в соблазн реификации, забыв о том, что все эти субъекты не являются гомогенными и монолитными образованиями. Внутри каждого из них можно обнаружить огромное количество «игроков», частные интересы которых не совпадают с интересами и усилиями, что предпринимаются органами, уполномоченными действовать от имени всей совокупности более мелких а́кторов. Это также может препятствовать достижению успеха проекта Пограничья ЦВЕ.

Проведенный контент-анализ дает возможность утверждать наличие чрезвычайной степени автономности научного и властного дискурсов, в идеале должных дополнять и корректировать друг друга. Другими словами, подлинная проблема в том, что отсутствие релевантной информации усложняет процесс принятия решений и выработки соответствующего курса государственной политики в области внешней политики[3].

Более того, если принять данные контент-анализа *Вестника Киевского национального университета* в качестве репрезентативных для всего научного дискурса, то этот вывод можно немного радикализировать. Скажем, легко видеть не только то, что данные об одном из ключевых акторов Пограничья, Российской Федерации, весьма неполны, но и то, что свидетельства о деятельности ЕС и соответствующих ему объединениях достаточно многочисленны, что имплицирует привлекательность в глазах (украинской) Академии преимущественно европейских ценностей и перспектив (сотрудничества).

Более примечательна тенденция, согласно которой в Академии преобладают эпистемические статьи, не ставящие своей целью исследование связей Украины с основными акторами Пограничья (ЦВЕ). Это вполне может быть отражением реального состояния дел, когда в области межгосударственного сотрудничества существует знание, подчеркнуто не связанное с соответствующим праксисом, а добывается оно исключительно в силу общего стремления обладать подобным знанием.

С другой стороны, учитывая признание пограничного статуса Украины и многочисленные усилия по ее включению в Пограничье (ЦВЕ), также можно

сказать, что есть длительное и стабильное взаимодействие государств, не сопровождающееся при этом рефлексией над собственными основаниями.

Таким образом, Академия не производит знания обо всех возможных сценариях развития событий, *действующими объектами* которого являются Украина, Беларусь и Молдова. По этой причине в этой области преобладает, как сказал бы Э. Саид, «абсолютно нудное чередование присутствия и отсутствия» собственной (объектной) идентичности, принципы которого к тому же не поддаются верификции.

В качестве альтернативы, которую необходимо исследовать, можно было бы указать Пограничье, в основание которого положено понятие *frontier*, а не *border*. Тогда «идея пограничной цивилизации подразумевает цивилизацию, где правовые нормы и правила хорошего тона исчезают, поскольку человек возвращается к природному состоянию. Граница тогда становится местом первозданности. Но она также часто изображается как место, где люди… могут проверить себя и где неспособные к действию слабости цивилизованного мира могут породить новую силу» (Ashcroft, Griffiths, Tiffin 1998: 109).

Литература

Американський капітал для України // Урядовий кур'єр. 1994. № 456 (18 жовтня). С. 1.

Белоконь, С. Інтерв'ю // Урядовий кур'єр. 2004. № 2744 (24 квітня). С. 8.

Бурдье, П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 473–518.

Буфер – не найкраща роль // Голос України. 1996. № 1321 (17 липня). С. 1.

Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Зажигаев, Б.В. «Задвірки» цивілізації в центрі Європи або «самогубне державне управління» // Проблеми міжнародних відносин: зб. наук. праць. К.: КиМУ, 2011. Вип. 2. С. 6–39.

Звернення Президента України Віктора Ющенко до українського народу (Київ, Майдан Незалежності, 23 січня 2005 р.) [Електронний ресурс] / Міністерство закордонних справ України. – Режим доступу: http://www.mfa.gov.ua/mfa/ua/ publication/content/3104.htm?lightWords=%D0%B1%D1%83%D1%84%D0%B5%D1%80. – Дата доступу: 28.03.2012.

Здається, стосунки з'ясували… // Голос України. 1997. № 1620–1621 (3 липня). С. 1.

Інтерв'ю Міністра закордонних справ України Бориса Тарасюка журналу «Політика і час» [Електронний ресурс] / Міністерство закордонних справ України. – Режим доступу: http://www.mfa.gov.ua/mfa/ua/publication/content/6816.htm?light Words=%D0%B1%D1%83%D1%84%D0%B5%D1%80. – Дата доступу: 28.03.2012.

Копійка, В.В. Становлення нового формату відносин між Україною та ЄС // Вісник Київського університету імені Тараса Шевченка. Вип. 31–32. 2005. С. 7–11.

Кошти для реабілітації ГЕС // Урядовий кур'єр. 2010. № 4097 (18 лютого). С. 3.

Крысенко, А. Теория Пограничья в контексте символической географии Европы // Ойкумена. 2006. № 4. С. 261–275.

Макаренко, Є. Європейське інформаційне суспільство: виклики XXI століття для країн Центральної та Східної Європи // Вісник Київського університету імені Тараса Шевченка. Вип. 17. 2000. С. 64–77.
Місток між Росією і НАТО чи буферна зона? // Голос України. 1996. № 1341 (22 травня). С. 1.
Методы анализа текстов и дискурса / С. Тичер [и др.]. Х.: Гуманитарный Центр, 2009.
На найвищому рівні // Урядовий кур'єр. 2005. № 2954 (4 березня). С. 1.
Нойманн, И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
Пелс, Д. Смешение метафор: политика или экономика знания? // Знание: собственность и власть. Хрестоматия. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2010. С. 11–41.
Перспективні дослідження. Нова зовнішня політика: Україна має план: журнал. К.: Міжнародний центр перспективних досліджень. 2011. № 1–2.
Подяка за гуманітарну діяльність // Урядовий кур'єр. 2009. № 4057 (4 вересня). С. 3.
Приємні наміри Роландаса Паксаса // Голос України. 2003. № 3011 (21 січня). С. 1.
Райнбергер, Х-Й. Частицы в цитоплазме: пути и судьбы одного научного объекта // Наука и научность в исторической перспективе. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2007. С. 284–316.
Саид, Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Міръ, 2006.
Світовий банк поліпшує прогнози // Урядовий кур'єр. 2009. № 4097 (16 жовтня). С. 2.
Серио, П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 12–53.
Шеллинг, Т. Стратегия конфликта / пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2007.
Шнирков, О.І. Актуальні питання проектами міжнародної технічної допомоги в перехідний період економіки України // Вісник Київського університету імені Тараса Шевченка. Вип. 8. 1998. С. 75–83.
Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H. Key Concepts in Post-colonial Studies. New York: Routledge, 1998.
Riffe, D., Lacy, S., Fico, F. Analyzing Media Messages: Using Quantitative Content Analysis in Research. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1998.
Said, E. The Politics of Knowledge // Raritan. 1991. Volume 11, No. 1. P. 17–31.
Spivak, G. Can the Subaltern Speak? // Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. (Eds.) The post-colonial studies reader. New York: Routledge, 1995. P. 24–29.

Примечания

1 Есть и другие точки зрения. В частности, Э. Саид указывал, что акцент на идентичности в политике знания похож на «определенный вид сепаратизма, который желает лишь привлечь внимание к себе, в результате чего он пренебрегает интеграцией» (Said 1991: 25). Причина в том, что «получив однажды такое признание, субъекту придется всего лишь тихо сидеть при разворачивающемся действии, как если бы он или она вообще отсутствовали» (Said 1991: 24–25). Однако, с моей точки зрения, систематически разработанной альтернативы приоритету идентичности в политике знания в настоящее время не существует.

2 В данном случае понятия «пограничье», «пограничная зона», «буфер», «буферная зона», «санитарная граница» рассматриваются как синонимичные.

[3] Не будем наивными, чтобы повторять расхожие заблуждения, согласно которым сам характер ставок в области международных отношений делает всех причастных акторов рациональными. Показательна в этом контексте реакция Нобелевского лауреата по экономике Т. Шеллинга на восхищение бывшего министра обороны Великобритании Дж. Стрэчи, проявленное тем в отношении классической «Стратегии конфликта»: «До тех пор пока он не прочитал эту книгу, он просто не понимал, что могут существовать конфликты, имеющие по своей природе ненулевую сумму… Ученый, занимающийся проблемами монополистического капитализма и классовой борьбой, ядерной стратегии и политики альянсов, работающий на позднем этапе своей карьеры над вопросами ограничения вооружений и поддержания мира, читая мою книгу, неожиданно наткнулся на столь элементарную идею, что я даже не подозревал о ее неочевидности» (Шеллинг 2007: 11).

Анатолий Паньковский

В ТЕНИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА

Abstract

The content of the paper is the reinterpretation of research of social contracts (implicit agreements between the state and social groups) carried out by the Belarusian Institute for Strategic Studies. Subject area is the limits of applicability of contract theories to describe the Belarusian reality in the aspect of stability of the political regime and social circumstances in general. The hypothesis underlying the study treats the social contracting as hypocrisy, while the Belarusian social contract in his actual incarnation is not the system of conditions, but a set of conventions, on the other side of which operates "shadow" social practices. The study also analyzes the political implications of the main presumptions of contract theories. The basis of the research strategy are hypothesizes proposed P. Rozanvallon, P. Bourdieu and Q. Skinner.

Keywords: democracy, strategy, social contracting.

В соответствии с гиппократовской традицией настоящая медицина начинается с познания невидимых болезней, т.е. фактов, о которых больной не говорит либо потому, что их не осознает, либо потому, что забывает на них указать. Такова и социальная наука, пытающаяся познавать и понимать действительные причины социального зла, которое обнаруживает себя в виде социальных знаков, трудно поддающихся интерпретации по причине того, что они кажутся слишком очевидными.

Пьер Бурдье, «Социология и демократия»

Если очертить границы адекватного применения теорий социальной контрактации в настоящих условиях, то это, скорее, область воображаемого, область утопии, нежели область реального. Любая утопия живет до тех пор, пока не возникнут исторические условия, способные ее аннулировать. Исторические условия для действенного и действующего общественного договора в Беларуси пока не возникли, но это не означает, что у данной идеи плохое будущее. Другими словами, идея общественного договора хороша в своем нормативном воплощении, поскольку может составить основу перспективной политической стратегии, направленной на позитивную трансформацию реальности, в то время как в своей «реалистической» ипостаси – используемая с целью выявления логики «теневых» процессов, конденсирующих «стабильность» социально-политической системы, – она, в общем, недостаточно эффективна.

Стабильность или устойчивость – наиболее очевидный и в то же время наиболее загадочный феномен белорусских обстоятельств (или шире – постсоветских обстоятельств), который подкрепляется фатализмом «объясняющего» контрактуализма. Why men don't rebel?[1] – можем мы спросить себя, перефразируя Т. Гура, – люди не бунтуют потому, что они согласны «с тем положением вещей в стране, которое определено властью»[2]. Почему они согласны с таким положением вещей? – потому что они привержены социальному контракту, который фиксирует тотальный расчет согласия. Эта самодовлеющая тавтология, лежащая в основе исследования, проведенного под эгидой Белорусского института стратегических исследований, изначально включает в себя все ответы по поводу «загадки стабильности», но застенчиво молчит по поводу вопросов, которые могут быть поставлены по отношению к условиям протекания «переговорного процесса» по поводу обмена базовыми общественными благами, включая свободы граждан. Имеется широкий диапазон обхождения государства с социальными трансфертами – скажем, от полного сворачивания пенсионных выплат в Туркмении и монетизации льгот в России до нереформированной пенсионной системы в Беларуси, – нигде в этих странах система не пошатнулась, и это обстоятельство заставляет иначе взглянуть на роль контракта в постсоветских условиях.

Хочу быть правильно понятым: я не отрицаю существования социального контракта или, лучше сказать, дифференцированной системы неявных соглашений между государством и «основными» социальными группами, однако проблема устойчивости политической системы прямо не соотносится с такой констатацией. Вопрос касается границ применимости теорий социальной контрактации в условиях авторитарного государства. Гипотеза, лежащая в основе последующих рассуждений, касается социального лицемерия, и в этом смысле, действительно, «социальный контракт» – понятие, значение которого сложно недооценить в настоящих условиях по той причине, что имитация исполнения контрактных соглашений агентами составляет саму суть социальной и по-

литической жизни в Беларуси. Явный пример такой имитации – отношение к социальному контракту, высшим воплощением которого является Конституционный договор, со стороны правящего класса олицетворяемый режимом Лукашенко. Белорусский социальный контракт в его актуальной ипостаси – не *система условий*, но *набор условностей*. Это довольно простое утверждение, но чтобы придти к нему, потребуется проделать некоторую интеллектуальную работу.

Элементы исторической реконструкции: контракт, рынок, политический рынок

Исследовательская стратегия социальной контрактации не обладает потенциалом универсальной применимости, и в этом смысле целесообразно указать на ее корни, основные презумпции и, наконец, оценить модернизационный радикализм контрактной теории применительно к наблюдаемой постсоветской действительности.

Концепция «общественного договора» (буквальный перевод термина «социальный контракт»), представленная в трудах Гоббса (XVII в.), Локка и Жан-Жака Руссо (XVIII в), родилась в эпоху религиозных войн, когда освященная традициями феодальная регламентация стала постепенно уступать место сознательному регулированию гражданского общества. Развитие контрактной этики и культуры соблюдения договоров было настоятельной необходимостью, и в этом смысле теория общественного договора изначально была иллюзией особого типа. Деперсонализация как непременное условие расколдовывания социального мира у Гоббса еще не фигурирует в качестве ключевой интеллектуальной фигуры, однако в «Левиафане» формулируется фундаментальное положение, являющееся и причиной и следствием формирования стабильных монополий силы: благодаря общественному договору у граждан меняются горизонты ожидания по отношению друг к другу, они не боятся за свои инвестиции, за свою собственность, они постепенно привыкают к своему ужасному Левиафану, начинают ему доверять и постепенно – можно модифицировать Гоббса, незаметно перейдя к Локку, – создают новую ситуацию: назовем ее «буржуазной революцией» – ее закономерным итогом становится то, что граждане превращаются в миноритарных акционеров государства как конторы по производству безопасности и стабильности.

Говоря коротко, достаточно было мыслителям XVIII века предположить, что коллизии политики могут быть разрешены без ссылки на религиозный авторитет, за счет механики интеллектуальных принципов и воображаемого вовлечения в политику множества людей, прежде на это не посягавших, – и королевский трон рухнул. Так, в Новое время «тело короля» как регулирующая инстанция, непостижимая в своем существе, метафизический центр власти, за-

менили механической куклой политического саморегулирования, в фундамент которого, собственно говоря, просились две конкурирующие идеи – контракта и рынка.

Как отмечает Пьер Розанваллон в своей блистательной книге «Утопический капитализм. История идеи рынка»[3], понятие рынка в той форме, в которой оно складывается в XVIII веке в трудах шотландских экономистов (прежде всего Адама Смита), носило в первый черед социологический и политический характер. Понятие рынка не является «техническим» (определяющим способ регулирования экономической деятельности через систему свободно формирующихся цен) и активно противопоставляется идее социального контракта в качестве саморегулирующегося, *неопосредованного* гражданского общества. Основная особенность этой концепции, говорит Розанваллон, заключается в полном отказе от политического: не политика, а рынок должен управлять обществом. Таким образом, роль «невидимой руки» рынка не ограничивается лишь функциями организации экономической деятельности, ей придается более радикальное в социальном и политическом отношении значение. С этой точки зрения Адам Смит, этот яркий образец антируссоизма, оказывается не столько отцом-основателем современной экономики, сколько теоретиком увядания политики[4]. Такая аполитичная в строгом смысле этого слова интерпретация, – заключает Розанваллон, – предлагает видеть в рыночном обществе архетип нового понимания социального: не (политический) контракт, но (экономический) рынок является истинным регулятором общества – не только экономики.

Рынок создает архетип неиерархической системы, в рамках которой принимаются решения, независимые от чьей-либо воли – тем более персонифицированной воли. Формальные процедуры и профессиональная логика приходят на смену произволу. Этот процесс, продолжающийся поныне, составляет основную черту современных обществ и обуславливает появление нового понимания концепции социальных изменений. В строго процедурном, т.е. обезличенном и подчиняющемся юридическим законам, пространстве, – говорит Розанваллон, – не остается возможности для революций прежнего типа, поскольку исчезает руководящая инстанция, которую можно было бы сместить или заменить. Возможно, – добавляет он, – что в рамках рынка не остается места для настоящих восстаний, о чем свидетельствует определенный социальный фатализм по отношению к такому явлению, как безработица.

Этот фатализм без особых затруднений перекочевал и в исследование BISS. «Группы контракта» – в частности бюрократия и пенсионеры – разумеется, не помышляют о социальном недовольстве, поскольку по условиям игры приписаны к социальному контракту (согласию). Такой эффект закономерен, поскольку теоретические концепции, на которые опирается указанное исследование, – а они оформились в послевоенные годы (1950–60 гг. XX века) – уже произвели впечатляющую миграцию понятий из экономики в политическую науку, объе-

динив конкурирующие идеи контрактной и рыночной саморегуляции, в рамках которой собственно политической игре почти не остается места.

Трактовка политики как процесса обмена восходит к диссертации шведского экономиста Кнута Викселля «Новый принцип справедливого налогообложения» (1896), а в книге Дж. Бьюкенена и Г. Таллока «Исчисление согласия» (1962) проводится широкая аналогия между государством и рынком. Отношения граждан с государством рассматриваются при этом согласно принципу «услуга за услугу» (quid pro quo) – например, налоги в обмен на безопасность. Эти идеи, получившие дальнейшее развитие в работе Дж. Бьюкенена «Границы свободы» (1975)[5], легли в основу теории общественного выбора (public choice theory), в разработке которой участвовали также Д. Мюллер, У. Нисканен, М. Олсон, Р. Толлисон и др.

Исследование договорных и конституционных основ теории принятия экономических и политических решений – предсказуемая стратегия в рамках доминирующей ныне в США легалистской и законоведческой парадигме в политических науках, персонализированным воплощением которой стали Дж. Ролз, Р. Дворкин, Б. Аккерман и др., однако, как мне представляется, важно указать на актуальные и потенциальные политические последствия «коммерческого» видения политики, мощное начало которому было положено на заре Нового века. В том числе – последствия для Беларуси.

(По)следствия

Первое последствие с позиций процесса демократических трансформаций следует оценить как позитивное. Важнейшим положением и выводом, сохранившимся в новом контрактуализме от старых договорных теорий, является *вывод о необходимости формирования и совершенствования институтов для согласования общественных интересов посредством политических переговоров* (вне зависимости от того, о прямой или представительной демократии идет речь). Применительно к странам постсоветикума на уровне отношений государство/граждане пока имеет смысл говорить только об имитации таких институтов[6]. Таким образом, контрактом в строгом смысле можно именовать лишь некоторый результат переговоров – вне зависимости от того, зафиксирован он в виде юридического документа, или же нет.

Разумеется, существует масса сложностей в аспекте применимости контрактных теорий в постсоветских условиях, посему трактовки социального контракта (в данном случае – «гоббсовского» или «вертикального») получают вид: «Когда представители различных групп интересов не могут друг с другом договориться о взаимных правах, то эти права сдаются в казну правителю, который дальше начинает эти права перераспределять без согласия людей, не сумевших договориться между собой»[7]. Как отмечает А. Аузан, математические модели

Мартина Макгира и Мансура Олсона, описывающие механизм смены вертикального контракта на горизонтальный, помимо прочего, показывают, что даже крайние формы тирании содержат в себе элементы общественного договора. С этим вполне можно согласиться, однако указанные элементы не определяют общей картины.

Метафора, трактующая о «передаче прав правителю» уводит в сторону, поскольку опыт наблюдения за политическими процессами в Беларуси, России и других постсоветских странах свидетельствует в пользу того, что люди не столько обменивают свои права на безопасность, сколько обнаруживают себя в условиях, которые на предмет наличия или отсутствия прав чаще всего не рефлексируются. Авторитарное бюрократическое государство – это, с одной стороны, способ воспроизводства тотальной асимметрии социальных отношений (в идеале: абсолютное господство – безоговорочное подчинение) – недоговорной в своей основе, с другой стороны – специфический способ структурирования общества, членения его в соответствии с «учетно-статистическими категориями», которые не являются социальными (или договорными) группами, располагающими интересами и так или иначе соответствующими этим интересам поведенческих паттернов, тем более – политическим стратегиям. «Термин «стратегия», – напоминает Ж. Бодрияр – призван отображать имеющиеся возможности, потому это привлекательный термин». Это очень хороший термин. Он задает форму рассуждений, взывает к воображению. Он предполагает высокую квалификацию и обращает вас к пространству. Но, как мне кажется, сегодня он больше не означает ничего действительно великого, поскольку для того, чтобы была стратегия, необходим соответствующий субъект стратегии – кто-то, обладающий волей и способностью исходить при этом из результата. И должна быть завершенность действий, его предполагающая. Но если определяющее влияние на стратегию оказывают сами по себе варьирующиеся условия ее осуществления, то это уже не стратегия в собственном смысле этого слова. Иначе говоря, «если и можно продолжать пользоваться этим термином, то только в метафорическом смысле»[8].

Данное высказывание содержит два важных инсайта, имеющие отношение к белорусскому обществу в частности и современному обществу в принципе. Во-первых, опыт пассивного приспособления к меняющимся условиям, которым располагают как отдельные индивиды, так и государство как корпоративный «субъект», можно именовать стратегией лишь в силу отсутствия более подходящего термина. «Стратегия самосохранения» (или «выживания») – это оксюморон, хотя агенты, склонные постфактум легитимировать свои индивидуальные действия и бездействия, воображают последние в качестве элементов рациональных программ (на предмет которых их время от времени опрашивают социологи). Во-вторых, серьезной проблемой сегодня является сам субъект политического действия. В этом смысле сложно доказать то, что зачастую прини-

мается нами по умолчанию – т.е. существование таких коллективных агентов, как «власть», «оппозиция», «средний класс», «пенсионеры» и пр., иными словами, коллективных агентов, способных производить определенное действие или определенное бездействие. Но поскольку частью всякого индивида – возможно, наиболее социологически значимой частью, является его принадлежность к группе (например, профессиональной) – то под вопросом оказывается социально-политическая субъектность как таковая.

Однако повторимся: нормативный или утопический аспект контрактуализма остается принципиально ценным. Общественный договор – цель, а не факт. Именно в качестве целевой утопии он образует нормативную базу для критики наличного политического режима.

Второе последствие связано с концепцией «экономического человека» (homo economicus), который оказывается основной действующей фигурой политического процесса. В рамках теорий общественного выбора рациональность индивида имеет универсальное значение. Это означает, что все – от избирателей до президента – руководствуются в своей деятельности в первый черед экономическим принципом: сравнивают предельные выгоды и предельные издержки, стремясь к выполнению условия:

$MB > MC$,

где MB – marginal benefit – предельные выгоды,

MC – marginal cost – предельные издержки.

Sine qua non контрактных теорий – рациональность – это, с одной стороны, дань декартовскому «резону» (представлению о том, что интроспекция являет собой базовую характеристику субъекта, в результате которой тот неизбежно наталкивается на несомненность своей способности к суждению, т.е. способности рассуждать и на основе своих рассуждений принимать решения), а с другой – бентамовскому утилитаризму (понимаемому как субъективное право человека, как выразился один исследователь, «ни о чем декартовом не думать» и просто совпадать со своей жизнедеятельностью, целью которой является поиск удовольствий и избежание страданий). В итоге имеем две фундаментальные фикции: (1) фикцию индивида, который планирует свое поведение и заранее «просчитывает» положительные и отрицательные последствия своих действий; (2) фикцию об эгоистичном субъекте, который никогда не забывает о своем интересе, который четко выражен и носит актуальный характер[9].

Более реалистический взгляд на поведение индивида представлен в работах Г. Саймона[10]. Его теория ограниченной (или неполной) рациональности (bounded rationality) учитывает существование не только информационных издержек, но и когнитивных ограничений. В данной теории предполагается, что индивид не только не способен собрать весь объем информации о сделке и о ситуации на рынке, он не способен и собранную информацию обработать оптимальным образом, поскольку разум и способность к обработке информации

адекватным образом представляют собой редкий ресурс. Однако причина того, что практика вообще и политическая практика в частности довольствуется неполной и фрагментарной логикой и ограниченной рациональностью, не только в том, что индивид вынужден экономить на мышлении, но также, напоминает П. Бурдье, из принципа *экономии времени* – «если помнить, что практике свойственно функционировать в условиях безотлагательности и что даже лучшее на свете решение не стоит ни гроша, если оно найдено слишком поздно, когда удобный случай или ритуальный момент уже миновали (о чем забывают аналитики и экспериментаторы, поступающие так, будто участник игры может помедлить и вдуматься в ее смысл, не рискуя быть практически наказанным за свое промедление)»[11]. Наконец, неизбежный волюнтаризм («иррационализм») человеческих решений связан с тем практическим и одновременно теоретическим обстоятельством, что многие блага несовместимы, т.е. нельзя сопоставить и выбрать «лучшее» посредством введения некой общей мерной инстанции («провалы транзитивности»[12]).

Для наших целей важно не столько изложить все аргументы против рационалистического взгляда на агентов политического процесса, сколько указать на то обстоятельство, что люди в повседневной жизни опираются на практическое чувство и, по всей видимости, правильно делают, поскольку бесконечное сравнение выгод и издержек может привести их к неоднозначным выводам или даже блокировать процесс принятия решений. «Неявные» культурные практики, неформальные институты, призванные снизить неопределенность, – это также хорошее подспорье для того, чтобы экономить на мышлении, а также экономить время. Социологи, предлагающие вопросы, связанные с выбором предпочтений, так или иначе вынуждены игнорировать то, что «осознанность» ответов не имеет одинаковой силы и, следовательно, данные ответы сложно агрегировать в виде общего мнения. Можно спросить у женщины, почему она терпит насилие своего мужа – и мы получим рационализированный постфактум ответ, который якобы выявляет неявное содержание семейного контракта, и велика вероятность того, что этот ответ будет максимально щадить ее самолюбие. Граждане, говорящие о том, что они, выражаясь языком Хиршмана, предпочитают стратегию «лояльности» стратегиям «голоса» или «выхода», скорее всего, будут говорить о благах, которые им поставляет власть, поскольку сознаваться в том, что они являются ничтожествами и лизоблюдами, нет необходимости.

Если продолжать рассуждать в этом ключе, то следует рассмотреть сам термин «согласие», спорный в случае с разъяснением политической устойчивости. «Согласие» или «лояльность» – это не обязательно совокупный результат сопоставления выгод и издержек – в этой связи можно рассуждать в терминах «вынужденного принятия» власти, когда граждане повинуются режиму, но внутренне отказывают ему в нормативном одобрении[13]. Как отмечают Р. Роуз, Н. Манро и У. Мишлер, в странах с «вынужденным принятием» власти по-

следняя стремится проводить такую политику, которая обеспечивала бы политическую пассивность населения или, другими словами, чтобы элемент «лояльности», «одобрения» или «согласия» не был ключевым. Наконец, что касается совокупного мнения «контрактных» социальных групп, то допустимо говорить о своего рода «контрактной» спирали молчания[14] – возникающей в силу простого принципа: «большинство одобряет большинство», поскольку никто не желает оставаться в изоляции.

Таким образом, мы подходим к одному из положений, которое в контексте данной публикации является одним из центральных. Система социальных контрактов в Беларуси – это группа условностей, формальное соблюдение которых задает коридоры общей игры. Власти делают вид, что обеспечивают граждан всеми возможными благами, в то время как граждане всячески изображают лояльность, инициативность и трудолюбие. Власти изображают, что соблюдают права и свободы граждан, в то время как граждане при необходимости правильно голосуют – разумеется, не без сюрпризов, но власть на этот случай использует различные защитные механизмы. Словом, речь идет, с одной стороны, о «минимальном» соблюдении обязательств, с другой – об обоюдном лицемерии, которое выступает в качестве принципиальной оставляющей системы контрактации, таким же образом, как и другие имитационные институты, включая парламент, суды и пр. Важно отметить, что участники игры – благодаря опыту и практическому чувству – большей частью осознают этот обман, но отношение к нему так, как если бы его не было, является составляющей игры, в результате которой агент признается в качестве «члена правительства», «парламентария», «профессионала» и пр.

Третье последствие неоднозначно, в основе его – *обмен (в идеале равноправный), который принимается за архетип всех возможных социальных отношений*. Для Беларуси рассмотрение политики как арены обмена благами – довольно серьезная модернизация наличного положения вещей, поскольку «неоцененные дары власти» и другие сильнодействующие эффекты фетишизма затрудняют обменные процессы. В. Силицкий отмечает, что социальный контракт в Беларуси носит ассиметричный характер[15] – и в этом смысле, по всей видимости, мы можем говорить о воспроизводстве неэквивалентного обмена. Поэтому исследовательское любопытство, движимое мотивом разыскания источников стабильности, следовало бы направить не столько на содержание предполагаемого соглашения между властью и гражданами, сколько на условия, обеспечивающие «неэквивалентность» указанных обменов.

Можно обратить внимание, например, на то, как белорусские власти всячески завышают обменный курс ключевого общественного блага – безопасности. Вместо того чтобы говорить о том, что рисков не существует, власть, напротив, – всячески их преувеличивает. Она всякий раз пользуется возможностью напомнить о той или иной опасности, раздув ее образ до неимоверных мас-

штабов (расширение НАТО, газовые проблемы, мировой финансовый кризис, свиной грипп и пр.), как бы поддерживая режим «стабилизации» рисков за счет – не столько усилий государства, которое в соответствии с определением ряда западных политологов является «слабым»[16], сколько лично А. Лукашенко. Белорусскому обществу и государству еще предстоит пройти путь деперсонализации и демистификации властных отношений, и в этом смысле потребительское или, если угодно, меркантилистское отношение к государству как к конторе по производству стабильности – это все еще будущее. Между тем этот процесс, несомненно, идет, причем процесс двусторонний: не только граждане, но и государство во все большей степени опираются на «меркантилистскую» этику обмена услугами. Это – в позитиве.

В негативе – то обстоятельство, которое рационалистический контрактуализм фатально игнорирует, а именно символический характер господства, который, если следовать П. Бурдье, является решающим для выявления условий его воспроизводства (например, «патернализм», домашняя эксплуатация женщин мужчинами, экономическая неустойчивость и пр.), поскольку доминирующий не только присваивает большую часть произведенных благ, но и заставляет признать саму легитимность господства: он принуждает доминируемого видеть его и окружающую реальность глазами доминирующего – отношение, которое является в данном контексте ключевым. Чаще всего загадка воспроизводства политической системы разгадывается либо посредством законоведческих подходов (что особенно характерно для политологии), либо за счет опросов общественного мнения (что характерно для социологии) – обе стратегии обычно упираются в то, что можно обозначить в качестве «расчета согласия» – и обе стратегии упускают из виду собственно механизмы воспроизводства системы – начиная от воспроизводства «легитимных» элит и кончая вопросами монополии на производство мнений.

Четвертое последствие касается сведения всех отношений – собственно торговых и политических – к «рыночным» как к единственной «естественной» форме социальных отношений. В случае с теориями общественного выбора политический рынок анализируется по аналогии с товарным, причем государство рассматривается как арена конкуренции людей за влияние на принятие решений, за доступ к распределению ресурсов и т.д.; при этом государство – это рынок особого рода, участники которого – избиратели и политики – трактуются как индивиды, обменивающиеся голосами и предвыборными обещаниями. Здесь в принципе отчетливо видна чисто нормативная функция экономических наук, о которой говорил Ф. Симиан: она участвует в общей работе по подчинению социального устройства доминирующей логике экономического пространства. Как отмечает Ф. Лебарон, «неоклассическая экономическая теория есть воплощение, научная рационализация illusio экономического поля, чья власть тем более сильна в обществе, чем более этот illusio там распространен»[17]. Существование

экономического универсума – результат процесса, который завершился автономизацией порядка социальной реальности, – продолжает Лебарон, – экономического устройства, выделив определенный illusio, веру в ценность игры, некую форму libido – особой энергии, которая заставляет экономических актеров, кем бы они ни были, максимизировать свой выигрыш (представляемый обычно как индивидуальный денежный выигрыш). Распространение этого illusio есть результат долгого и противоречивого процесса, в котором государство сыграло решающую роль, обеспечив денежную унификацию и фискальную монополию, главным образом благодаря созданию относительно стабильного пространства обмена и денежного обращения.

Между тем использование фикции рыночного обмена для понимания политики приносит специфические плоды, из которых для нас интерес представляют те из них, которые символизируют уход в тень социального контракта (обеспечивающего обмен лояльности на стабильность), огромные анклавы социальной жизни. В результате получаем исключение из поля зрения различного рода экономик (социальных, политических и собственно экономических), в основе которых лежит, например, патлач, дар, а не обмен, а также различных форм управляемой экономики. Для исследования процессов управляемой экономики российские неоинституционалисты используют специфический концептуальный аппарат «административного рынка», однако, как представляется, – это первое приближение к проблеме, хотя, безусловно, сама тема достойна серии основательных исследований. Между тем достаточно вспомнить о существовании различных «антиэкономических» кругов, т.е. пространств, в которых поиск символического капитала связан с определенным отрицанием денежной экономики (артистический, научный, бюрократический и др. универсумы), чтобы показать, что обмен является лишь частным случаем включения в социальную игру.

Экономика времени

Результирующая функция общественного договора должна состоять в социальном доверии, снижающим неопределенность, тем самым очерчивающим горизонты взаимных ожиданий. В этом смысле общественный договор в Беларуси – если брать его не в гипотетическом или нормативном, а в актуальном регистре – базируется на недоверии или, если угодно, страхе – если понимать последний не столько в бытовом, сколько в экзистенциальном – подобно Киркегору: страх как головокружение от осознания своей свободы. Это утверждение, равнозначное отрицанию одного из ключевых положений старого, нового и новейшего контрактуализма, тем не менее имеет значение – если мы действительно говорим об актуальном общественном договоре в Беларуси.

Сегодня общепризнанным является положение, в соответствии с которым политический порядок основывается не только на принуждении и репрессиях,

но также на согласии и убеждении, и это верно также для авторитарных политических режимов. Между тем в строго теоретическом смысле можно было бы построить минималистскую модель политического равновесия, базирующегося преимущественно на страхе и недоверии, которые, собственно говоря, вынуждают стороны – государство и общество – воздерживаться от экстраординарных выходок. В более точном смысле здесь должна работать двойная бухгалтерия сотрудничества – базирующегося на страхе и возникающего, например, в случаях захвата террористами заложников. Подобный «контракт» в некотором отношении является гоббсовским, но с одной существенной поправкой: «война всех против всех» не устраняется после установления отношений сотрудничества и продолжает оставаться фоновым обстоятельством общего соглашения.

Если имеется принципиальное объяснение тому факту, что на фоне «спада» мирового финансового кризиса происходит удорожание потребительских товаров (т.е. инфляция) во всей Европе, то это страх правительства перед народом. Вместо того чтобы некоторым образом приостановить спад производства, правительства – и белорусское правительство в особенности – бросает все силы на спасение банков и финансовой системы в целом. Внешне это можно интерпретировать таким образом, что у банков с властью имеется особый контракт, который сильнее, скажем, контрактов с промышленными группами. Однако дело не в контрактах, дело в том, что больше тех или иных групп правительство опасается населения. Население является пугалом любой власти, а маргинализированное и пауперизированное население – в особенности. Таким же приблизительно образом и население опасается власти во всех ее узнаваемых проявлениях – от налоговой полиции до милиции и армии.

Исследователи, имеющие в голове представление, в соответствии с которым принципиальным условием политического равновесия в Беларуси является обмен, осуществляемый по принципу «голоса в обмен на социальные поблажки», игнорируют, по меньшей мере, два существенных момента. Во-первых, нет необходимости естественную склонность человека к выживанию, т.е. в данном случае необходимость продавать свой труд, полагать условием какого-либо равноценного или даже не вполне равноценного обмена. Или другими словами: в силу определенных причин власть всегда находится в выигрышном положении, поскольку общий успех может приписать себе, а неуспех распределить по всему обществу. Во-вторых, если бы голоса играли существенную роль в белорусском политическом процессе, власть не стремилась бы монополизировать механизмы учета и подсчета этих голосов – тем самым как бы снижая или вообще аннулируя их вес и ценность. Лукашенко принципиально не доверяет своему народу, и по этой простой причине ему, как и его режиму, жизненно необходимы такие инструменты.

Итак, в самом общем виде «контрактная» составляющая социально-политического равновесия – это балансир, одну сторону которого составляет страх

перед охлократией и социальным бунтом, другую – страх перед изоляцией, возможностью потерять работу, экономической неустойчивостью и пр. Эта своеобразная система сдержек и противовесов предполагает, как уже сказано, определенный минимальный уровень согласия или доверия. Так, например, правящий класс и оппозиционные партии составляют специфическую пару, отношения между которыми тоже при желании можно рассматривать в терминах контракта: власть применяет репрессии в ограниченном режиме, в то время как оппозиция использует стратегии, условно говоря, концентрирующиеся в пределах «нормированного» коридора возможных действий.

Из сказанного вытекает, что социальное лицемерие – необходимое условие для совершения обширного ряда акций и ритуальных действий (проистекающих из предположительно законтрактированных социальных обязательств) или же воздержания от них. Александр Лукашенко, скорее всего, лицемерит, утверждая, что средняя зарплата превысит планку в 500 долларов, хотя, с другой стороны, никто в особенности и не рассчитывает, что он выполнит это обязательство (как и множество других обязательств и предвыборных обещаний). Самое главное, что избиратели принимают его таким – играющим свою роль – без особых возражений, поскольку социальное признание базируется не на том, что кто-то думает или делает в действительности, а на том, насколько он соответствует «ролевым» признакам занимаемой позиции. В этом смысле доверие, о котором говорят политологи и социологи, следует понимать в том смысле, в котором Станиславский произносил «верю!». Эпизод сериала «Доктор Хаус», который называется «социальный контракт», повествует о больном, чей симптом состоит в неспособности лицемерить. И поскольку он говорит людям то, что думает, он оказывается исключен из социальных сетей. Подобным же образом – при всех натяжках – клей лицемерия скрепляет белорусские слои и страты. К сказанному следует добавить, что потенциал доверия/недоверия будет сильно варьировать в зависимости от позиций агентов, объективно занимаемых в социальном пространстве, причем сама по себе система социальных контрактов являются не единственной и далеко не ведущей скрепой социального мира.

Менее очевидное наблюдение говорит в пользу того, что существует или, по меньшей мере, должно существовать достаточно обширное множество «контрактов» (с пересекающимися, дублирующими и взаимоисключающими контентами), позволяющее индивидам маневрировать между теми или иными контрактными условиями и обязательствами. Так, например, «белорусские университеты продолжают активно сотрудничать с европейскими партнерами в рамках программы Tempus, а ее национальным координатором является высокопоставленный чиновник Академии управления – кузницы бюрократических кадров режима»[18]. Это лишь один из множества примеров подобного рода. Государственные чиновники и «народные» парламентарии оказывают покровительство бизнес-структурам, этим агентам глобализации, а частный бизнес вовлечен

в многоплановое взаимодействие с местными администрациями, наконец, партийная оппозиция так или иначе подыгрывает режиму в смысле поддержания его политической устойчивости, обеспечивая своего рода «демократическое» алиби.

Люди не обладают свойствами, которые им обычно приписываются экспертами, интерпретирующими данные соцопросов («сторонники» или «противники» того-то и того-то) и, в сущности, не делают выбора между демократией и авторитаризмом, между капитализмом и плановой экономикой, между свободой и рабством, между повиновением и бунтом, они ищут свою частную – политическую, экономическую, потребительскую – свободу в зазоре между тем и другим. Так в сложной сети социальных сетей и рынков разнообразных услуг формируются своего рода двойные или двусмысленные структуры адаптации – трудноуловимые и малозаметные по причине своей двусмысленности. Именно в этих «двусмысленных» позициях и положениях – вовсе не в напряжениях (в т.ч. социальных сил) между Востоком и Западом, демократией и антидемократией, государством и обществом и другими активно использующимися аналитическими антагонистическими парами – следует искать ключ к ситуации. В этих же «промежуточных» структурах адаптации, возможно, следует искать причины устойчивости политического режима, поскольку: (1) зачастую именно рассогласование между неформальными нормами и формальными правилами приводит к двусмысленному положению, когда никому не выгодно следовать предписаниям потенциально более эффективных правил. Следовательно, выгоднее играть на разнице курсов между одними и другими правилами (или, если угодно, контрактами), т.е. в иных случаях следовать формальным предписаниям, в других – неформальным правилам, в том числе выбирая между неформальными правилами и т.д.; (2) представление о выгоде – скорее из области практического чувства, отсылающего к конкретной ситуации, нежели из области рационального расчета, апеллирующего к универсальным (т.е. в принципе обмениваемым на деньги и, таким образом, располагающим определенным «обменным курсом»), лежит в основе практикуемых индивидуальных и групповых стратегий. Это верно, что люди склонны экономить на издержках – и прежде всего издержках времени, верно и то, что они стремятся максимизировать функцию полезности – опять-таки, скорее в смысле увеличения объема свободного или эффективно использованного времени – но подобный расчет является практическим, а не рациональным в строгом смысле.

Эффективным инструментом для понимания различного рода социальных обязательств – законтрактированных или же нет – является идея социального капитала, несколько в различной манере трактуемая Дж. Колманом, Р. Патнэмом и П. Бурдье. Патнэм использует трехфакторную модель социального капитала – нормы взаимности, доверие и социальные сети, – в то время как последователи Колмана рассматривают социальный капитал как атрибут индивида, дающий

ему серьезные преимущества в достижении жизненных целей, карьере, доступе к информации и пр. Экономическое значение социального капитала, по Колману, состоит в том, что он уменьшает издержки на координацию совместной деятельности, заменяя контракты, формальные правила и бюрократические процедуры отношениями доверия или, говоря проще, неформальными нормами, которые передаются культурными традициями и образованием. Для Бурдье социальный капитал представляет собой «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе»[19].

Важное замечание Бурдье касается того не всегда очевидного обстоятельства, что различные виды капитала, в частности культурный и социальный, могут проистекать из экономического капитала или конвертироваться в него, однако ценой более или менее серьезных усилий по трансформации, необходимых для производства типа власти, наиболее эффективного в том или ином поле. К одним благам экономический капитал обеспечивает непосредственный доступ без вторичных затрат, другие можно получить только посредством отношений социального капитала (или социальных обязательств), которые не могут возникать мгновенно и приобретаются ценой инвестиций в общение, которое с необходимостью является долгосрочным. «В отличие от циничной (но и экономичной) прозрачности экономического обмена, в котором эквиваленты одномоментно переходят из одних рук в другие, сущностная неоднозначность социального обмена <…> предполагает гораздо более тонкую экономику времени»[20].

С точки зрения экономической рациональности презентации, которые проводят политические партии, общественные организации, финансовые учреждения и на которые приглашаются эксперты, политики, дипломаты и просто «люди со связями», является пустой тратой времени и денег, между тем подобные акции не бессмысленны, поскольку направлены на наращивание социального капитала, т.е. полезных в различных отношениях связей. Иными словами, трансформация экономического капитала в социальный предполагает трудовые затраты, т.е. неоплачиваемые затраты времени, внимания и участия, которые должны означать трансформацию сугубо денежного понимания обмена и, тем самым, самого смысла обмена в целом. С точки зрения логики социального обмена примеры, на которые мы указываем, – инвестиции, прибыль от которой в конечном итоге проявится в денежной или какой-то иной форме. «Согласно определенному принципу (эквивалентному принципу сохранения энергии), – отмечает Бурдье, – прибыль в одной области неизбежно оборачивается затратами в другой. Так что понятие пустых трат лишено смысла в рамках общей науки о хозяйстве практик. Универсальный эквивалент, мера всех эквивалентностей есть не что иное, как время, затраченное на труд (в самом широком смысле); а сохранение социальной энергии во всех видах происходит, если в

каждом случае мы принимаем во внимание рабочее время, как накопленное в форме капитала, так и необходимое для трансформации одного типа капитала в другой»[21]. То же касается затрат на приобретение культурного капитала, который в инкорпорированном состоянии представляет собой навыки, знания и компетенции, а в институционализированном – дипломы и сертификаты.

В заключение необходимо сказать о том, что поскольку прямая передача и распределение экономического капитала остается одним из наиболее контролируемых средств воспроизводства групп, удельный вес и воздействие социального (включая «закулисные игры», «приятельские связи» и пр.) и культурного капиталов возрастает и, как правило, корректирует воздействие санкций. Так в тени социального контракта происходят игры доверия (формирования групп), не совпадающие с унифицирующей работой государства по структурированию социального пространства.

Примечания

1 См.: Gurr, T. R. Why Men Rebel? Princeton University Press, 1970.

2 Социальные контракты в современной Беларуси / Под ред. К. Гайдука, Е. Раковой, В. Силицкого. СПб: Невский простор, 2009. С. 5.

3 Розанваллон, Пьер. Утопический капитализм. История идеи рынка / Пер. с фран. А. Зайцевой, ред. В. Каплун. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

4 В конечном итоге деперсонализация мира становится непременным условием прогресса и свободы. В своих «Политических эссе» Дэвид Юм идет, пожалуй, дальше всех, восхваляя в духе этих идей привычку и обычай. Чтобы общественный порядок не строился больше на зависимости личности от политической или религиозной власти, говорит он, необходимо, чтобы поведение общества регулировалось принципом наиболее безличным, наименее поддающимся присвоению или манипуляции – традицией.

5 Бьюкенен, Дж. М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы // Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1. Фонд экономической инициативы. М.: Таурус Альфа, 1997.

6 Достаточно указать на такую имитацию, как Общественно-консультативный совет при Администрации Президента Республики Беларусь.

7 Аузан, А. Вертикальный контракт неустойчив // Отечественные записки 2004. № 6. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2004/6/2004_6_16.html

8 Baudrillard, J. Vivisecting the 90s. Interview conducted and translated by Caroline Bayard and Graham Knight, Ctheory, 1995. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.egs.edu/faculty/baudrillard/baudrillard-vivisecting-the-90s.html

9 Stephen, L. Jeremy Bentham in The English Utilitarians. London, 1900. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.efm.bris.ac.uk/het/bentham/stephen1.htm

10 Simon, H. Rationality as Process and as Product of Thought / American Economic Review, 1978. 68 (2). С. 12.

11 Бурдье, П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. С. 204.

[12] Raz, J. The Morality of Freedom. Oxford. Clarendon Press, 1986. С. 335–345.

[13] Роуз, Р., Манро, Н., Мишлер, У. Вынужденное принятие «неполной» демократии. Политическое равновесие в России // Полит.ру. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.polit.ru/research/2005/05/12/ravnovesie.html

[14] Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания. М.: Прогресс, 1996.

[15] Силицкий, В. От общественного договора к общественному диалогу: некоторые соображения о природе и динамике социальной контрактации в современной Беларуси / Социальные контракты в современной Беларуси. СПб: Невский простор, 2009. С. 171.

[16] McFaul, M. Russia's 'Privatized' State as an Impendiment to Democratic Consolidation / Security Dialogue, 1998. 29 (2). С. 191–199; Solnick, St. Russia's 'Transition': Is Democracy Delayed Democracy Denied? / Social Research, 1999. 66 (3). С. 789–824; Stoner-Weiss, K. Central Weakness and Provincial Autonomy: Observations of the Devolution Process in Russia / Post-Soviet Affairs, 1999. 15 (1). С. 87–106.

[17] Лебарон, Ф. Социология Пьера Бурдье и экономические науки/ Журнал социологии и социальной антропологии, 2004. Том VII. № 5. С. 146.

[18] Усачёнак, А. Высшее образование в Беларуси: изоляция versus интернационализация / Высшее образование в Беларуси: вызовы интернационализации. Вильнюс. ЕГУ, 2007. С. 36–43.

[19] Бурдье, П. Формы капитала / Экономическая социология, 2005. Том 6. № 3. С. 66.

[20] Там же. С. 70.

[21] Там же. С. 70.

Дух и вера

Виржилиу Бырлэдяну

BYZANCE APRÈS BYZANCE: ПОСТИМПЕРСКИЕ КОНФИГУРАЦИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (опыт и контексты молдавской/румынской историографии)

Abstract

The study is devoted to the interpretation of the problem of Byzantine continuity in the medieval Moldavian principality. Location of the Carpatho-Danubian area at the border of empires – Roman, Byzantine (Ottoman), Russian for two thousand years has produced a multitude of cultural configurations confirming the interaction between center and periphery, as well as the identity structures characterizing the borderland as *a space of cultural communication* (Lotman). In the borderland of post-Byzantine epoch new sovereign peoples and dynasties have emerged, which appealed to the symbolic infrastructure of the empire as a resource of legitimacy and authority, and, in the end, this fact turned into a change of patterns of internal organization of the empire.

Keywords: post-Byzantine heritage, borderland, Terra Moldavia.

Понятие ***Византии после Византии*** введено в научный обиход румынским историком Николае Йорга, привлекшим внимание исследователей к политическому, социальному, культурному наследию Византийской империи. В книге «Byzance après Byzance**.** Continuation de l'Histoire de la vie Byzantine[1]» (1935) вопреки дискуссиям о закате империи и упадке Константинополя в 1453 г. и византийской государственности, Морейского деспотата и Трапезунда (1460–1461 гг.) автор представил «образ выжившей Византии»[2] на юго-востоке Европы, наделив историческую эпоху классического и позднего Средневековья в дунайских княжествах, Валахии и Молдавии значением ***византийской преемственности***. По мнению историка, византийские институты и идеи, сохра-

нившиеся в культуре, обрели здесь формы наследуемой цивилизации, ставшей фактором идентичности сообществ вплоть до времен укрепления и распространения идеологии национального государства. Издание книги в период между двумя мировыми войнами XX в., возможно, было откликом на развернувшиеся поиски новой геополитической идентичности юго-восточной Европы. Преемственность Византии, как в румынской, так и в юго-восточной историографии, представлялась исторически очевидным фактом, основывавшимся на преобладающем в общественном сознании образе православной церкви, хранившей традиции и приобщившей народы к византийскому духовному наследию[3]. Сакральные образы истоков государств и народов юго-восточной Европы, унаследовавших византийский принцип ***симфонии*** (греч. συμφωνία) и определивших особую роль православия в национальной мифологии, на другом полюсе дискурса о византийском наследии, однако, обернулись воплощением черт старомодного и вредного традиционализма. Соотнесение византийской традиции с модернизацией европейского толка, под воздействием которой воплотился проект национального государства в XIX в. и свершилось объединение румын в 1918 г., фиксировало образ Византии как препятствие на пути к ранней модернизации, стагнацию в сравнении с Западом, что превратило румын в соучастников становления новой империи, перенявшей идеологию «нового», «третьего Рима»[4].

В этом контексте историки, исходя из присущих данному этапу методологических подходов, примененных при основании концептов «нация», «государство», и сохраняя особое почтение к «целостности структур» и «непреложным законам развития», выстроили и предложили свое определение и обстоятельства ***цивилизационного выбора,*** сделанного до и после 1453 г.[5] В частности, выбор знати валашских княжеств объяснялся следствием «преимущественно интеллектуальных и культурных влияний, в том числе посредством установленных [с Византией] прямых политических взаимоотношений»[6]. Христианство рассматривалось в качестве составляющего звена этногенеза румын, а византийское крещение славяно-болгар непосредственно «отобразилось на последующем развитии церковной организации, культуры и духовной жизни к северу от Дуная»[7]. В этом контексте представлялось совершенно очевидным, что введение «славяно-византийской религиозной обрядности» обозначило принятие румын под юрисдикцию константинопольской патриархии и особый статус румын, оставшихся до наших дней единственным романским народом среди православных, и следовательно, «сохранивших лингвистические связи с Римом и духовные с Константинополем»[8].

В 1964 г. издан труд румынского исследователя Александра Елиана о взаимоотношениях Византии и молдавского княжества в XV в. Целый раздел книги посвящен сообщению молдавского Митрополита Георге IV (1723–1729) о визите в Килию византийского императора Иоана VIII Палеолога и о его встрече с молдав-

ским господарем Александру чел Бун. Описание данного события, довольно часто встречающееся в молдавской исторической традиции XVIII–XIX вв., благодаря автору превратилось в историческую легенду со многими политическими подоплеками. В синодальном акте Митрополита Якова Путняну от 1 января 1752 г. против проникновения греков в церковную иерархию Молдавии этот эпизод «подкрепился» новыми деталями, ставящими акценты на правовой независимости молдавской Церкви. Описанный в легенде диалог двух суверенов заканчивается тем, что вернувшийся в Константинополь император в знак уважения выслал Александру ***корону*** и ***пурпурную мантию*** (sic), сохранившиеся впоследствии в традиции господарских одеяний, и выполнил обещание, предоставив независимость молдавской Церкви – наподобие «Охрида, Ипека или Кипра». Собор подкрепил это решение документами, которые якобы хранились в монастыре Нямц до вторжения поляков во времена правления Думитрашку Кантакузино (1673, 1674–1675, 1684–1685), что описано Митрополитом Георге[9]. Интересно, что и Димитрий Кантемир упоминает несколько ранее в «Описании Молдавии» (Descriptio Moldaviae) другой символ признания независимости – присланную императором diadema regium**.** Подобные рефлексии книжников на тему независимости Молдавии в начале XV в. могли быть вызваны находкой Митрополита Дософтея (1624–1693) в монастыре Пробота – грамота 1392 г. господаря Романа I содержала обращение ***велики самодержавныи***[10]. Письменная находка впоследствии оказалась настолько важной, что неоднократно воспроизводилась многими книжниками, а для Димитрия Кантемира, как и в описании Митрополита Георге, участие Молдавии в сообществе непокоренных государств, находящихся в начале XIV в. под духовным началом византийского басилевса, имела особый смысл, подкрепленный наследуемыми символами политической власти.

Данная легенда в начале XXI в., когда казалось, что все ее мифологические обстоятельства известны, получила развитие и обрела «новые детали» в книге экс-президента Петра Лучинского «Молдова и молдаване»[11]. Упомянув унаследованный средневековой Молдавией на короткий срок статус «второй Византии» и приобретенное молдаванами в составе Российской империи «имперское сознание», автор в стиле постсоветского историко-политического канона в главе о господаре Александру чел Бун (Добром) и образовании административных политических структур средневековой Молдавии в начале XIV в. поведал о деталях посещения «нашей страны» византийским императором. Цитируя летописца, автор утверждает, что, возвращаясь из Вены в Константинополь, Иоанн II Палеолог остановился в Сучаве, был принят Александром и со всеми почестями препровожден до Галац. «[…] Вернувшись в Константинополь, самодержец послал Александру императорскую корону, пурпурную мантию и золотой пояс, что фактически являлось международным признанием молдавской государственности. Тогда же митрополит Иосиф получил от императора хламиду – шелковую архиерейскую одежду и митру, а жена Александра Анна – чудотворную икону

Божьей Матери. Сей господарь, акцентирует автор, создал Бессарабию, отодвинув восточные границы Молдовы до Днестра»[12].

Нужно уточнить, что научные споры о влиянии Византии на карпато-дунайское пространство последние десятилетия затронули характеристики заимствований и преобразований. Более того, критики концепции Византии после Византии выразили свои сомнения относительно подлинности наследуемых форм, возникших не в центре, а на периферии византийской цивилизации. Было подчеркнуто, что передача политической власти, культуры и ментальности византийских моделей произошла при посредничестве юго-дунайских соседей – болгар и сербов, а это не могло не повлечь за собой заимствованный характер элементов «неимперскости» или сопротивления «проектам наднациональных политических объединений»[13]. Андрей Пиппиди, посвятивший свою книгу византийской политической традиции в румынских государствах, отметил, что на протяжении XVI–XVII вв. румынские правители не присваивали себе имперских титулов, а лишь предпочитали «ограничиваться уклончивыми или прямыми намеками по поводу природы своего достоинства, близкой по сущности к имперской»[14]. По его мнению, гипотеза ***translation imperii*** в румынских княжествах противоречила бы самой конфигурации политической власти, разделенной между несколькими административными и культурными центрами – Тырговиште или Бухарест в Валахии и Сучава или Яссы в Молдавии. Выдаваемое историками стремление господарей Валахии и Молдавии принять на себя роль наследников византийских императоров часто оказывалось плодом литературного творчества и никогда не являлось предметом достижимых проектов. В действительности, указывает автор, ***возрождение Византии*** для румын было двойственным политическим идеалом. Проекты восстановления Византии, связанные долгое время с необходимостью освобождения Константинополя, не соответствовали текущим интересам, а участие западных стран в антиосманских кампаниях в корне меняло смысл таких проектов, и, вероятно, могло иметь нежелательные последствия. В конечном итоге автор утверждает, что феномен ***византийской преемственности*** в истории средневековой Молдавии и Валахии может рассматриваться в контексте лишь постоянно согласованной с политической конъюнктурой ***символической принадлежности***[15].

Впрочем, последующие исследования обусловили ряд вопросов и полемик. Сорок лет спустя после издания книги Николае Йорга было сформулировано мнение, что концепция ***Byzance après Byzance*** свидетельствует о том, «что народы юго-востока Европы, в первую очередь румыны, смогли выразить себя лишь со значимой помощью Византии, в противовес ей выстраивая собственный ***non-Byzance»***[16]. По отдельным темам исследования определились направления дополнительного рассмотрения и детализаций: был ли в средневековой Молдавии и Валахии проект ***возрождения Византии*** политическим идеалом, нормативной парадигмой, «горизонтом ожиданий», мифом или но-

стальгией по образу Царьграда? каковы были отголоски имперской идеи или ее попытки возрождения в политической практике, социальной памяти или книжной традиции? В контексте развернутых дискуссий о византийской преемственности проблема культурной идентичности непосредственно определила круг вопросов данной статьи: какое влияние оказывало на эти процессы пограничное месторасположение Молдавии по отношению к Византийской империи, а в последующем Османской и Российской империям? в чем проявлялось в Пограничье несоответствие между идеалом возрождения империи и воссозданной практикой, проектами и их разночтениями? происходили ли перемены в сохраненных образах прошлого, чем обусловлены чередующиеся отдаления и сближения с данной традицией?

Без сомнения, ответы на многие вопросы дает экскурс в историю. Основание «нового Рима» в IV в. на берегах Босфора обозначило смещение центра Римской империи на Восток и в очередной раз перечертило пространство юго-восточной Европы как зону конвергенции цивилизаций[17]. Политическая деятельность в рамках византийской идеологической парадигмы осмысливалась лишь как область проявления Божественной воли и воплощения христианских императивов, а пространство империи, ее границы должны были расширяться за счет народов и территорий, привлеченных как христианским миссионерством, так и политическими средствами. Британский историк Дмитрий Оболенский в своей книге «Византийское содружество наций» представил этапы крутого поворота в истории Восточной Европы, вовлекшие ее народы и государства в политическую и культурную орбиту империи[18]. В юго-восточной части Европы северная граница Византийской империи, установленная после завоеваний императора Василия II к 1019 г., шла вверх по Дунаю до впадения в него реки Драва и далее по ее нижнему и среднему течению. К северу от этой линии простирались земли, «которыми византийцы никогда не владели, но которые они рассматривали, по крайней мере в раннем Средневековье, как входящие в сферу их влияния»[19]. Причины этому были отчасти идеологические, отчасти политические, так как «византийские правители, считавшие себя преемниками Цезарей Рима, хорошо помнили, что те владели некогда Паннонией и Трансильванской Дакией и что во II в. н.э. римские легионы вступили в Словакию и продвинулись на север до предгорий Карпат»[20]. Кроме того, постоянное давление на центральную власть с окраины образовало специфическую конфигурацию политического универсума Византийской империи. Внимание к задунайским землям диктовалось и тем, что начиная с III в. и вплоть до IX в. это пространство было «плавильным котлом» для племен, которые постоянно держали под напряжением ***limes*** империи и которых приходилось укрощать «средствами византийской дипломатии и культуры». Также непосредственная связь Балкан с задунайским пространством была обусловлена проходящими здесь торговыми путями, как и ведущими к Босфору, Эгейскому и Адриатическому морям из Центральной и Северной Европы или с

Востока направлениями военных вторжений[21]. Упрочение болгарского владычества и появление новых центров политической жизни в этой части Европы, по мнению автора, привели к развитию общественных институтов, формированию этнического самосознания и вскоре все устремили взоры к плодам византийской цивилизации в северной части Балканского полуострова. Данные процессы развивались во второй половине IX в., относительно мирный период, и продолжались на фоне бурных катаклизмов, сотрясавших полуостров в X в., вплоть до конца I тысячелетия, когда ***Византийское Содружество Наций*** в Восточной Европе достигло наибольших размеров и «невиданного до того времени культурного и политического единства»[22]. Вопреки спаду политических связей во второй половине XII в. и на протяжении XIII в. народы и государства от Финского залива до южного Пелопоннеса, от Адриатического моря до Кавказа были объединены византийским влиянием на их религию, культуру и общественные институты, поддерживали в той или иной степени узы верности по отношению к Византийской Церкви и империи либо непосредственно входили в ее состав.

Согласившись в целом с концепцией Византии после Византии, Дм. Оболенский, однако, не разделил стремления рассматривать данные процессы преимущественно в категориях этничности. По мнению автора, статус вассалов по отношению к Порте не мешал правителям Валахии и Молдавии ощущать себя единственными христианскими правителями, сохранившимися в Юго-Восточной Европе. Торговля зерном и скотом приносила значительные богатства, и это позволило им оказывать поддержку и покровительство церквям Константинополя, Александрии, Иерусалима, а также монастырям горы Афон. В силу этих и иных причин, считает автор, «они считали себя наследниками византийских императоров», а к северу от Дуная, под их покровительством, складывалась своего рода «Византия в миниатюре», признанная на большей части Юго-Восточной Европы и в христианских общинах Ближнего Востока, «пропитанная политической и культурной традицией империи гораздо глубже, чем их современники в России, московские цари»[23].

Образовавшиеся два румынских средневековых княжества – Валахии к 1330 г. и Молдавии к 1359 г., несомненно, имели характерные для юго-восточной Европы той исторической эпохи черты. Эти процессы предусматривали создание собственных церковных иерархий, а обстоятельства признания Константинополем молдавской православной митрополии, произошедшей, по мнению румынских историков, в 1387 г. или немного ранее, относятся к вопросу международного политического признания молдавского княжества и подтверждения юрисдикции одного из фундаментальных институтов средневекового государства. Достижение этой цели потребовало немало усилий от молдавских и валашских господарей на фоне стремления Вселенской Патриархии устанавливать во главе признанных церковных структур лишь греческих архиереев. Конфликт с патриархией, возможно, был обусловлен именно проявлением интересов местной по-

литической знати и церковной иерархии, существующей к этому времени *de facto* в рамках молдавского государства. Историки придерживаются мнения, что в контексте непререкаемого авторитета Константинополя церковная жизнь в Молдавии во второй половине XIV в., в частности малое и среднее духовенство, имела тесные отношения с галичской епархией, обозначенной в византийских записях в качестве епископата (1328, 1347) или митрополии (1303–1305, 1341)[24]. Это позволило молдавскому господарю Петру Мушату (1375–1391) убедить именно галичского митрополита посвятить в сан двух епископов Молдавии: Митрополита Иосифа и епископа Мелетия. В ответ патриарх Константинопольский Антоний IV отказался признать Иосифа митрополитом Молдавии, возвел в сан Теодосия и Еремию, а за отказ принять их в Молдавии предал анафеме господаря и все население страны[25]. После долгих переговоров и безуспешного визита в 1395 г. послов молдавской Церкви под началом протопопа Петру конфликт при господаре Александру чел Бун (1400–1432) удалось разрешить. В Сучаве – резиденции молдавского господаря – произошла интронизация Иосифа в качестве митрополита с признанием молдавской Церкви как находящейся под юрисдикцией Вселенской Патриархии[26].

Впрочем, грядущий период, по мнению некоторых исследователей, не был лишен проявлений ***религиозного национализма*** – второй весомый удар, нанесенный по ***византийскому универсализму*** после распада империи и потери западной части к моменту падения Константинополя. На этом фоне, как ни парадоксально, турецкая Порта внесла свой вклад в поддержку христианского универсализма Византии. Не делая различий между религиозной и этнической принадлежностью, османы определили христиан к населению, находящемуся под началом Константинопольской патриархии. В этом случае власть императора над христианами переходила в руки патриарха, потерявшего свободу в данный период, но не авторитет среди своей паствы[27]. В ***берате,*** выданном в январе 1454 г. султаном Мехмедом II, Константинопольский патриарх признавался ***етнархом*** (милет-баша), визиром султана всех христиан, главой православной церкви не только на захваченных территориях, но и за их пределами[28]. Также в бератах 1483 и 1525 гг., выданных турецкими султанами Баязидом II и Сулейманом I, находим упоминание двух дунайских княжеств – Валахии и Молдавии, находящихся в подчинении патриархии. Во второй грамоте султана 1525 г. указывается также порядок признания патриархией валашского и молдавского митрополита, описанный позже Димитрием Кантемиром, идентичный порядку назначения митрополита Киева, отошедшего в 1465–1467 гг. под юрисдикцию Константинопольской патриархии[29].

Вскоре после падения Константинополя редкие кампании осман на Молдавию[30] сменились постоянным военным давлением и чередой тяжелых сражений и перемирий на протяжении второй половины XV в., завершившихся завоеванием османами Килии, Аккермана[31] и началом выплат дани Порте. Новая

попытка господаря Петру Рареша (1527–1538 и 1541–1546) отбросить османское господство вызвала в 1538 г. разрушительную кампанию Сулемана I, следствием которой было установление османского сюзеренитета и аннексия Буджака и Тигины. Вместе с тем турецкие завоевания на Балканском полуострове и падение Константинополя определили уникальное положение Валахии и Молдавии. Сохранив относительную политическую и культурную автономию на протяжении XV–XVII вв., молдавские и валашские господари освоили роль защитников культурных и духовных традиций Византии на юго-востоке Европы. Не исключая взаимодействия между традицией и инновацией данных процессов, впредь политические проекты господарей дополнялись несколькими компонентами: помощь Афону и православному востоку, соблюдение принципов, соответствующих греко-романской модели и византийскому идеалу (*concordia*) и придающих особый смысл, торжественность и сакральность институтам внутреннего правления и внешнему противодействию османскому Порте[32]. В этом контексте нужно отметить, что военные кампании османов на юго-востоке Европы, вызвавшие падение Сербского деспотата в 1459 г. и Морейского деспотата в 1460 г., покорение Трапезундской империи в 1461 г., королевства Босния в 1463 г. и Албании в 1468 г., как и другие последующие события, периодически вызывали волны скитальцев, направляющихся на север – к христианской Европе. Среди нашедших пристанище в Молдавии, Валахии и Трансильвании были и греки, несшие с собой богатое идеологическое и духовное наследие, подпитывавшее внутреннюю политическую и церковную жизнь румынских государств и антиосманское сопротивление. Также они все чаще встречаются при дворах господарей, расширяя свое участие в привилегиях боярства посредством выслуженных или приобретенных поместий[33]. Третий брак Штефана чел Маре с Марией Мангупской исходил, по-видимому, из стратегии политического альянса с византийской императорской династией, спланированной в период 1471–1475 гг. и закончившийся завоеванием турками юго-восточной части Крыма и падением под их натиском Мангупской крепости[34]. Исследователи не нашли подтверждения гипотезе имперских притязаний Стефана чел Маре на наследие императорского трона, однако, по мнению некоторых из них, развитие имперской идеи в румынских княжествах, в частности средневековой Молдавии, может составить «недостающее звено в преемственности Православной империи от второго к третьему Риму»[35].

Другим важным культурным фактором образовавшегося пограничья является то, что проникновение христианства на север от Дуная начиная с XI в. происходило посредством церковно-славянского языка, пришедшего в Валахию и Молдавию из Болгарии и Сербии. Церковный славянский язык стал языком канцелярии и протокола господарского двора, сохранив неизменным свой статус до середины XVII в. Православная церковь и язык литургии стали проводником византийской культуры, а круг литературных источников до второй половины

XV в. состоял почти полностью из византийских и южнославянских переводов. Наиболее ранним образцом старославянского текста местного происхождения была летопись епископа Макария (1531–1558), покрывающая период молдавской истории 1504–1551 гг. Для повседневного использования в широком обращении ходили жития святых и хроники, множество историй и легенд, среди которых самыми популярным были «Жизнь Александра Великого», сербская версия которой была переписана в 1562 г. в монастыре Нямцу, старославянский перевод романа-жития «Варлаам и Иоасаф» и «Синтагма» – свод византийских законов Матея Бластареса.

Так же развиваются отношения и с польско-литовско-украинскими православными сообществами, формируется особая культурно-религиозная среда. В Киеве и в Брацлаве православная знать хранила свое влияние и поддерживала, как и в Подолье, Волыни и частично Красной Руси, тесные связи с греческим духовенством и молдавской знатью. В 1589 г. участвовавший при учреждении московской патриархии и закрепивший за Москвой на историко-каноническом уровне определение «Третьего Рима»[36] патриарх Константинополя Иеремия II возвращается через польские земли и принимает участие в обустройстве местных церковных иерархий, нуждавшихся во взаимодействии перед угрозой контрреформации, в частности православных «братств» в Вильне и Львове. Не менее характерным для сложившегося культурного климата в Восточной Европе представляется то, что эмиссаром престола Константинополя во время Брестской унии был Никифор, один из представителей византийского аристократического рода Кантакузино. Также представителем александрийской патриархии был Кирилл Лукарис, известный в истории православной церкви XVII в., обвинениями в его адрес в сближении с лютеранством, которое, как предполагают исследователи, начиналось еще в Вильне[37].

Другим представителем данной эпохи, своеобразной aggiornamento восточного христианства перед лицом наступления контрреформации, был Митрополит Петр Могила (1597–1647). Будучи потомком молдавского господарского рода (рум. Movilă), Петр Могила[38], с 1627 г. архимандрит Печерской Лавры, а с 1632–1633 гг. митрополит Киева, получил поддержку культурной среды под началом митрополитов Иова Борецкого, Исайя Копинского и Архиепископа Мелетия Смотрицкого, приложил достаточно усилий для духовного обновления православия на новой для своего времени теоретико-теологической основе. В представленном к обсуждению Священному Синоду в Киеве в 1640 г. катехизисе «Confessio fidei orthodoxae» («Православное исповедание») против тезисов патриарха Кирилла Лукариса митрополит отмечает лишь два пункта разгласий с католиками[39]. Митрополит Петр реформировал основанную в Киеве еще в 1615 г. школу по иезуитской модели, переименовал ее в Академию и впервые внедрил в ее учебную программу латинский, греческий, русский, польский языки, философию, арифметику, риторику, богословие и другие дисциплины.

Как и в других частях средневековой Европы или на заре Нового времени, в Валахии и Молдавии умножилось число господарей, не имеющих родственной связи с господарскими династиями Басарабов и Мушатинов, но которые для поддержки своей политической легитимности на внутригосударственном и международном уровнях старались акцентировать ***непрерывную связь с традицией и династической идеей.*** Часто это становилось подлинной политической программой, отражалось в текстах летописей, архитектуре или живописи. Желание утвердить непрерывную связь с традицией и последовательность династической идеи определило в румынских княжествах в XVI–XVII вв. поиск и идентификацию предшествующих политических моделей и перевело ***конверсию политических моделей*** в ***культурно-художественную плоскость.***

Вместе с учреждением православной церковной иерархии молдавского княжества возникла практика основания монастырей и их посвящение афонским монастырям, патриаршествам Антиохии и Иерусалима. Монашеская «республика» на горе Афон, находившаяся под юрисдикцией Вселенской Патриархии согласно акту 1312 г., выданному императором Андроником II Палеологом патриарху Нифону I и подтвержденная патриархом Иоакимом I в 1498 г. Патронаж молдавского господаря Стефана Великого (1457–1504) над афонским монастырем Зограф к 1502 г., согласно венецианскому источнику, расширился над всем Афоном. Греческие монахи неоднократно заезжали и участвовали в управлении церковными делами на протяжении XV–XVIII вв. и во времена фанариотского правлении (1711–1821). Среди многочисленных греческих клерикалов и ученых, обосновавшихся в столицах Валахии и Молдавии, были Дионисос Комненос, Пантелеймон (Паисиос) Лигаридис и Игнациос Петрицис, основавший греко-латинский колледж в Тырговиште в 1646 г. Неовизантийские модели просматривались в характерных свойствах правления Василе Лупу, сумевшего поднять престиж своей страны в православном мире и организовать в 1642 г. Синод православной Церкви с участием патриарха Константинополя и митрополита Киевского. В том же году при непосредственном участии киевского митрополита, содействующего организации печатного дела в Молдавии, в Яссах были напечатаны заключения синода на греческом языке под названием «Синодальный Декрет патриарха Парфения». В 1640 г. Василе Лупу основал в Яссах школу с преподаванием на греческом и латинском языках.

В течение второй половины XVII в. греческие преподаватели часто нанимались господарями Молдавии в наставники своих детей. Известный молдавский ученый и политический деятель Димитрий Кантемир учился у Иеремии Какавела, получившего образование в Константинополе, Вене и Лейпциге[40], и будущего митрополита Афин Мелетиоса, а воспитанием детей его брата, Антиоха Кантемира, занимался греческий ученый Азарос Цигалас.

В панегирике патриарха Константинополя Афанасиоса Петалороса обращение к молдавскому господарю производилось как к «живому преемнику

императоров, прежде правивших в Византии». Щедрое субсидирование и патронаж православия румынскими господарями в XVI–XVII вв. поддерживали в греческой среде определенный престиж и надежду на восстановление Византийской империи. О взятой на себя роли говорит число догматических и полемических работ, направленных против католиков и кальвинистов и написанных греческими учеными. Они печатались в Яссах и Бухаресте, обычно за счет молдавского и валашского дворов[41]. Работа печатных станков в Бухаресте и Яссах, перенимая инициативу друг у друга на протяжении второй половины XVII в., не прерывалась с помощью греческих ученых-книжников. Валашские господари Шербан Кантакузино (1678–1688) и Константин Брынковяну (1688–1714) видели себя покровителями греческого Ренессанса. С помощью Севастоса Киминитиса, бывшего директора константинопольской академии, Константин Брынковеану в конце XVII в. основал греческую академию в Бухаресте, реорганизовав ее позже, в 1707 г., под патронажем патриарха Иерусалима Хризантемоса Нотара. Около 1700 г. Бухарест посетил патриарх Антиохии Атанасиус Даббас с просьбой содействия в печати молитвенников на арабском языке. Впоследствии Антим Ивиряну по приказу валашского господаря берется за издательство церковных книг на греческом и арабском языках. Также по совету Антима Ивиряну и с помощью валашского мастера Михаила в Тбилиси по просьбе правителя Грузии Вахтанга была открыта печатная мастерская, напечатавшая впервые Евангелие на грузинском языке и еще несколько десятков книг. Мастерская прекратила работу в 1722 г., так как была разрушена турецкими завоевателями.

После смерти Константина Брынковяну начался новый этап истории в Молдавии и Валахии, длившийся на протяжении всего XVIII в., – период господарей фанариотов, греков по происхождению из константинопольских династий Фанара, назначенных турецким султаном на трон северодунайских княжеств. Активная политика эллинизации администрации, проводимая фанариотами, преданность греческой культуре гарантировали, что наследство Византии не будет забыто среди образованных христиан на Балканах. Произошло сближение двух сильных течений эллинизма: ***неовизатийства*** и ***византийского эллинизма***. Во второй половине XVIII в. греческие правители и торговцы принесли в Бухарест и Яссы веяния юго-восточного модерна, греческие газеты и литературу, изданную в Вене, вместе с новостями о событиях в Западной Европе.

Как и их предшественники, фанариоты продолжали патронаж над церковью и образованием, часто делались щедрые пожертвования Церкви в княжествах в форме денег, земель или пластины. Греческие академии в Бухаресте и Яссах начиная с 1776 г. были реорганизованы принцем Александросом Ипсилантисом, который ввел элементарные науки в учебный план, привлек студентов и учителей из-за рубежа. Однако вне академий стандарт обучения был определенно низким, отражая острейшие проблемы развития румынских княжеств под турецких игом в XVIII в. Андреас Волфф, доктор из Сибиу, писал в 1796 г. относи-

тельно греческих учителей в Яссах следующее: «Трудно найти одного или двух, кто может читать с пользой, не говоря уже о комментарии древних греческих авторов»[42].

Плодородные области Молдавии и Валахии представляли возможности личного обогащения господаря и его окружения, а назначение от турецкого султана на трон для греков фанариотов было делом политической интриги и подкупа, что требовало немалых средств, которые господари пытались восполнить во время короткого пребывания у власти. Эта система коррупции и эксплуатации была осуждена самими греками (такими историками, как Афанасиос Ипсилантис и Константинос Дапонтес) и часто получала уничижительный эпитет «***византийский***».

Литература фанариотской эпохи включала хроники, эпиграммы, анакреонтические стихи, учебники и теологические работы[43], которые отражают окружающий мир в первую очередь как православный, с центром в Константинополе и видениями будущего возрождения Византийской империи. Мессианские верования, предсказывающие освобождение греков от османского ига, распространялись и влияли как на посвященных, так и на непосвященных в тайны международной политики. Историку Дапонтесу, служившему секретарем у Константина Маврокордата (несколько раз был и господарем Молдавии и Валахии), в Бухаресте в 1738 г. явилось видение двуглавого орла с императорской короной. Но этим надеждам не суждено было сбыться, новые веяния распространялись среди образованных греков. На заре была эпоха Просвещения.

Примечания

1 Iorga, Nicolae. Byzance après Byzance. Continuation de l'Histoire de la vie Byzantine. Institute d'Études Bizantines. Bucharest, 1935.

2 Virgil, Cândea. Postfaţă // Nicolae Iorga. Bizanț după Bizanţ. Bucureşti: Editura Enciclopedică Română, 1972. P. 266.

3 Leustean, Lucian N. Orthodoxy and political myths in Balkan national identities // National Identities. Vol. 10. № 4. December 2008. P. 421–432.

4 Lovinescu, Eugen. Istoria civilizaţiei române moderne. 3 vol. Bucureşti: Ed. Ancora, 1924–1925.

5 См.: Laurent, V. Les études byzantines en Roumanie 1939–1946 // Revue des études byzantines. T. 6. 1948. P. 241–268.

6 Elian, Al. Moldova şi Bizanţul în secolul al XV-lea // Cultura moldovenească în timpul lui Ştefan cel Mare. Culegere de studii / ed. M. Berza. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1964. P. 97–179.

7 Păcurariu, Mircea. Istoria Bisericii Ortodoxe Române. Chişinău: Ed. Ştiinţa, 1993. P. 66.

8 Ibid. P. 68.

9 Elian, Al. Moldova şi Bizanţul în secolul al XV-lea // Bizanţul, Biserica şi cultura românească. Studii şi articole de istorie. Iaşi: Ed. Trinitas, 2003. P. 39–41.

10 Costăchescu, M. Documente moldoveneşti înainte de Ştefan Mare. Vol. I, Iaşi, 1931. P. 7–13; apud: Al. Elian. Op. cit. P. 51.

[11] Лучинский, Петр. Молдова и молдаване / пер. Бориса Мариана. Кишинев: Изд. Cartea Moldovei, 2006.

[12] Там же. С. 78.

[13] Pippidi, Andrei. Tradiția politică bizantină în țările române în secolele XVI–XVIII. București: Ed. Corint, 2001. P. 12–13, 20.

[14] Ibid. P. 13.

[15] Ibid. P. 22.

[16] Georgescu, Valentin. Bizanțul și instituțiile românești până la mijlocul secolului al XVIII-lea. București, 1980. P. 289; apud: Daniel Barbu. Bizanț contra Bizanț. Explorări în cultura politică românească. București: Ed. Nemira, 2003. P. 16.

[17] Condurachi, Em., Theodorescu Răzvan. Europa de Est, arie de convergență a civilizațiilor (I) // Revista de istorie. T. 34. № 1. P. 32.

[18] Оболенский Дмитрий. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М.: Изд. Янус-К, 1998.

[19] Там же. С. 145.

[20] Там же.

[21] См.: Istoria românilor. Vol. III: Genezele românești / coord. Ștefan Pascu, Răzvan Theodorescu. București. Ed. Enciclopedică, 2001. P. 29–38, 288–305.

[22] Оболенский Дмитрий. Ук. соч. С. 79, 218.

[23] Там же. С. 221, 394–395.

[24] См.: Istoria românilor. Vol. III: Generele românești / coord. Ștefan Pascu, Răzvan Teodorecu. București. Ed. Enciclopedică, 2001. P. 598.

[25] Păcurariu Mircea. Istoria Bisericii Ortodoxe Române. Chișinău: Ed. Știința, 1993. P. 108.

[26] О дискуссиях вокруг статуса, обозначенного исследователями как равный автокефалии или элементам местной автономии молдавской церкви в период XV–XVI вв., см.: Păcurariu Mircea. Istoria Bisericii Ortodoxe Române. P. 112–113; Pilat Liviu. Între Roma și Bizanț. Societate și putere în Moldova (secolele XIV–XVI). Iași: Editura Universitâți «Al. I. Cuza», 2008; Mureşan Dan Ioan. Patriarhia ecumenică şi Ştefan cel Mare. Drumul sinuos de la surse la interpretare / În amintirea lui Alexandru Elian: Omagiere postuma a reputatului istoric si teolog, la zece ani de la trecerea sa in vesnicie / ed. Vasile Muntean. Timişoara: Arhiepiscopia Timişoarei, 2008. P. 121–130.

[27] Babuş Emanoil. Bizanțul, istorie și spiritualitate. București: Ed. Sophia, 2003. P. 329–330. По мнению некоторых исследователей, падение Константинополя вызвало разрыв отношений молдавского княжества с патриархией на несколько десятилетий и смещение последнего из греков с престола митрополита Молдавии – Иоакима, так как их продолжение для Молдавии означало бы признание присоединения к Милетт-Руму и подчинение султану (см.: Gorovei Ștefan S. Un episod din «recuperarea» Bizanțului: prima «opera» a spătarului Nicolae «Milescu» / Anuarul Institutului de Istorie «A.D. Xenopol». T. XXII. 1985/2. P. 441–460; Pilat Liviu. Ioachim, Teoctist I și sfârșitul "perioadei bizantine" // Analele Putnei. I. 2005. 2. P. 73–90).

[28] Runciman, Steven. The Great Church in Captivity: a study of the Patriarchate of Constantinople from the eve of the Turkish conquest to the Greek War of Independence. Cambridge University Press, 1968. P. 169–172.

[29] Mureşan Dan Ioan. Bizanț fără Bizanț? Un bilanț // Studii și Materiale de Istorie Medie. Vol. XXVI. 2008. P. 294–295.

[30] Первая кампания османской армии против Молдавского княжества произошла в 1420 г.

[31] Рум. Четатя Албэ (Cetatea Albă).
[32] Pippidi Andrei. Tradiția politică bizantină în țările române în secolele XVI–XVIII. București: Ed. Corint, 2001. P. 81.
[33] Ibid. P. 79, 83.
[34] Cazacu, Matei. Stratégies matrimoniales et politiques des Cantacuzène de la Turcocratie (XVe-XVIe siècles) // Revue d'études roumaines. XIX–XX. 1995–1996. P. 157–181.
[35] Bizanț versus Bizanț: introducere la o dezbatere privind devenirea românească / coord. Mihail E. Ionescu. București: Editura Militară, 2010. P. 94.
[36] В грамоте Московского собора 1589 г. определение Третьего Рима изложено от лица патриарха Константинополя Иеремии II: «[…] твое же, о благочестивый царю, великое Росейское царствие, третий Рим, благочестием всех превзыде».
[37] Theodorescu Răzvan. Civilizația românilor între medieval și modern. Vol. I. Orizontul imaginii / Ed. Meridian. București, 1987. P. 90.
[38] Рум. Petru Movilă.
[39] Theodorescu Răzvan. Op. cit. P. 93.
[40] Коробан, В. Дмитрий Кантемир // Вопросы литературы. № 10. 1973. С. 151.
[41] Среди них: Спор о примате папы римского париарха Ерусалима Нектариуса (1682); Против Ереси Архиепископа Фессалоников Симеона (1683); Руководство против учения Иоана Каррофиллиса Патриарха Иерусалима Досития (1694).
[42] Şăineanu, L. Istoria filologiei române. Bucureşti, 1895. P. 81–82.
[43] См.: Bianu, I., Hodos, N. Bibliografia românească veche, 1508–1830. Vol. I. Bucureşti, I903. P. 509–512.

Олег Дзярнович

ВИЗАНТИЙСКИЙ КОД: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СВЯЗЬ МЕЖДУ СОВРЕМЕННЫМ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМ СТАТУСОМ И ИСТОРИЧЕСКИМ ГЕОКУЛЬТУРНЫМ ВЫБОРОМ?

Abstract

One question is still relevant for the East-European Borderlands: Is there a relationship between modern civilization and historical status geocultural choice?

Democracy cannot be established with the help of institutional changes or manipulations of the ruling elite. The survival of democracy depends largely on the values and beliefs of so-called ordinary people. And cultural and religious environment in the process is an important place. We have a historical and cultural experience of the countries located between the Baltic and the Black Sea. Based on this experience, you can come to the same conclusion, that the culture promotes the establishment of democracy, and not vice versa.

Keywords: civilization, culture, religion, democracy.

Цивилизации Запада и Византии

В наших поисках памяти о Византии среди современного европейского интеллектуального и общественного ландшафта мы должны обратиться к проблеме цивилизации, которая волновала многих мыслителей, таких классиков мысли, как Т.Г. Бокля, О. Конта, Г.В.Ф. Гегеля, О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона. Дискуссии продолжаются и по сей день[1].

Под понятием «цивилизация» подразумевают совокупность функциональных и корреляционных связей между социально-экономическими, политико-правовыми и культурологическими факторами, образующими тенденции, традиции, институты, отношения в определенном, достаточно длительном, пространственно-временном диапазоне. Такие

связи составляют содержание нравственных и ценностных понятий, явлений культуры, мировоззренческих доктрин, социально-экономических отношений, экономических, политических и правовых теорий, самосознания этноса и социума. Механизм же воспроизводства цивилизации во времени определяется действиями людей, спецификой переработки ими циркулирующей в обществе социальной информации[2].

Свой взгляд на развитие исторических процессов предлагают сторонники идей философской синергетики, популярные среди философов и математиков[3]. В соответствии с этой концепцией исторические процессы обладают саморегуляцией. Оппоненты этой школы обращают внимание на то, что исторические тенденции и процессы суть результаты интенциональной деятельности людей. Эти результаты отчуждаются от человека и противостоят ему[4]. Карл Поппер отмечал, что социальные институты не действуют, действуют только отдельные личности через институты[5]. Возникает кардинальный вопрос – насколько прошлое ответственно за настоящее?

Если мы обратим свой взгляд на Византию с ее многосторонней культурой, то можно утверждать, что византийская цивилизация воспроизводит себя и после гибели византийского государства. Происходит это благодаря и геокультурному выбору других народов, принявших некоторые важнейшие черты византийской цивилизации. По мнению же самих византийцев, знание о прошлом существенно для ориентации в современных событиях[6].

Некоторые исследователи выделяют особую православную цивилизацию – на сегодня с центром в России – отличную от западного христианства по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе[7].

Западная же цивилизация зародилась в VIII–IX вв. и приобрела отличительные черты в последующие столетия. Если восточное христианство, с его иудейской родословной и городской средой существования, было целиком поглощено человеком и его отношениями с Богом, то западная религия демонстрировала больше интереса к природному миру. Забота об урожае, «священные» растения и животные, приписывание осязаемых духовных свойств лесным чащобам, вместе с праздниками весны, летнего и зимнего солнцестояния и конкретными верованиями, такими как представление о магических свойствах трехчастных предметов, – все эти древние представления и повторяющиеся действия постепенно вовлекались в орбиту западного христианства[8].

Запад был Западом задолго до того, как он стал *современным*. Центральные характеристики Запада, которые отличают его от других цивилизаций, возникли раньше его модернизации. Многочисленные исследования дают ответы на вопрос, каковы же были отличительные черты западного общества, которыми оно обладало в течение сотен лет до своей модернизации? Эти ответы расходятся

в деталях, но сходятся в определении *ключевых институтов и традиций*, которые можно по праву назвать стержневыми для западной цивилизации.

Отличительные черты ранней западной и собственно византийской цивилизации можно сопоставить следующим образом:

Западная цивилизация (по Самюэлю Хантингтону)[9]	Византийская цивилизация
Античное (классическое) наследие: греческая философия и рационализм, римское право, латынь, христианство.	**Античное (классическое) наследие:** непосредственное генеология и, одновременно, двойственное отношение. Но этот пункт, скорее, объединяет, чем разъединяет византийскую цивилизацию от западной. Другое дело, что в последующей православной цивилизации античное наследие представлено в значительно меньшей мере.
Католицизм и протестанство: это, несомненно, самая важная историческая особенность западной цивилизации. В течение большей части I тыс. западная цивилизация известна как западное христианство.	**Православие:** восточное христианство, оформленное в Византии
Европейские языки, латынь: Язык как фактор определения людей одной культуры уступает только религии. Запад отличается от большинства других цивилизаций своим многообразием языков. Запад унаследовал латынь как универсальный язык. К XVI в. национальные языки, как правило, приобрели свою современную форму.	**Греческий**, первоночально также **латынь**.
Разделение духовной и светской власти: столь явное разделении ни в одной другой цивилизации не имели место. Это разделение властей внесло неоценимый вклад в развитие свободы на Западе.	**Идея симфонии**: Император – младший партнер Бога.
Господство закона: концепция центрального места закона унаследована от римлян. Эта традиция лежит в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности.	**«Правовой авторитаризм» императоров**
Социальный плюрализм: исторически западное общество было в высшей ступени плюралистическим, там возникали и продолжали существовать разнообразные автономные группы, не основанные на кровном родстве или узах брака[10]. Помимо корпоративного плюрализма существовал плюрализм классовый.	**Патернализм:** сдерживание центральной властью социального расслоения и ограничение существования автономных корпораций. Но в византийской истории были периоды, когда те или иные общественные движения проявляли себя очень явно.

Представительные органы: социальный плюрализм рано дал начало сословиям, парламентам и другим представительным институтам. Эти органы обеспечили формы представительства, которые во время модернизации развились в институты современной демократии. Ни одна современная цивилизация не имеет даже сравнимой тысячелетней истории в области представительных органов. Представительство на национальном уровне дополнялось значительной автономией и самоуправлением на местном, чего не было в других регионах мира.	**Отсутствие представительных органов** в общегосударственном масштабе и ограничение местной автономии.
Индивидуализм: многие из перечисленных отличительных черт западной цивилизации способствовали возникновению чувства индивидуализма и традиции индивидуальных прав и свобод, не имеющих равных среди цивилизованных обществ, в которых превалировал коллективизм. В результате оказалось, что ценности, которые наиболее важны на Западе, менее важны во всем остальном мире[11].	Сакрализация человека в его общественной жизни

Сопоставляя цивилизационные особенности Византии и Запада, не следует применять ценностные характеристики и классифицировать ту или иную цивилизацию как более или менее прогрессивную. Но в рамках критерий цивилизации, созданной в Новое время на европейском Западе, византийский традиционализм, связанный с отказом от создания новых социальных институтов и нежеланием существенных изменений в политико-правовой мысли, не способствовал *развитию* в его новоевропейском понимании.

Можно полагать, что архетипы форм правосознания, соответствующих демократии, либерализму, конституционному государству, восходят на Западе еще к Раннему Средневековью. В своих последних работах Арон Гуревич показал, что роль свободного населения на средневековом Западе и присущих ему форм менталитета и ментальности в выработке позднейших западной культуры и правосознания, была гораздо большей, чем это принято считать. В частности, Гуревич передвигает «дату рождения» европейского индивида вглубь Средневековья[12]. Свою колоссальную роль в этом выполнял и аграрный индивидуализм – явление, убедительно доказанное новейшими данными археологии и истории древних поселений[13].

Византийский социум отличался несравненно большим традиционализмом. На протяжении столетий мы не наблюдаем возникновения новых социальных институтов масштаба, подобных западным, равно как и существенных изменений в правосознании и политико-правовой мысли. За тысячелетнее суще-

ствование в Византийской империи доминировал режим, восходящий своими истоками к римскому режиму домината[14], а также политико-правовая доктрина, основанная на идеях римских стоиков, римского права и на христианских принципах[15]. Но эта серьезная правовая основа способствовала и возникновению различий Византии с Западом. Наличие в Византии классического римского права, дополненного императорскими новеллами и правом прецедентов, существование централизованного государства избавило империю от необходимости бороться с западным партикуляризмом, сеньориальной власти и господством частного права, которое в Византии не только выразительно отличалось от права публичного, но и было ему подчинено.

Византия оставалась на протяжении всей своей истории традиционным государством, политическая элита которого остерегалась перемен. Но имея в своем арсенале развитые мировоззренческую и политико-правовую доктрину, эта элита сумела в сложных условиях нарастающей внешней угрозы сохранить высокую духовную культуру и политические традиции, которые пережили эпоху государственной независимости империи.

Правовые традиции Запада

Но что же в эту эпоху формирования восточно-христианского мира происходило на Западе континента? Христианство и Римское право, объединившись в Западной Римской империи (и, как отмечает немецкий историк права Фридрих фон Халем, – только там!), произвели на свет совсем новое и особое образование, которое мы сегодня называем «католицизм»[16]. Подробности этого развития окончательно не выяснены и по сей день.

Созданные одним из первых выдающихся теологов Западной Римской империи Тертуллианом юридических конструкций видоизменили систему отношений между Богом и человеком. Если первоначально в христианстве эти отношения опирались на любовь и милость, то в дальнейшем место этого эмоционального фундамента заняли правовые договорные отношения. Это был колоссальный мировоззренческий переворот, в результате которого в Западной Римской империи в веру вторгается логично-рациональное мышление юриста, а отношение к Богу освобождается от эмоций и подчиняется здравому смыслу. И более того, сам Бог подчиняется праву.

Важно, что Римское право не знает понятия субъективного права и стремится к созданию закрытой системы, исключающей противоречия. И если юрист обучен такой правовой теории, то его мышление развивает особое понятие *истины*. Причем это понятие не ограничивается только правовой наукой. Напротив, своими корнями оно уходит в математику и логику. Поэтому говорят, что юрист Западной Римской империи не развивал понятия истины, а так его трансформировал, что стало возможным применить его к взаимоотношениям

людей. В итоге через правовую науку это понятие истины проникло в христианскую веру Западной Римской империи.

И если в остальном мире понятие истины применялось только в области математики, логики и естественных наук, на Западе оно стало использоваться в области отношений между людьми. Соответственно, на Западе происходит четкое разделение понятий «право» и «нравственность» («справедливость»)[17].

Формируется концепция идентичности истины веры и рациональной истины. Более того, истина веры тоже стала соизмеряться действительностью и доказывалась ею. Наглядным примером стали доказательства существования Бога, распространенные в западном богословии. Жителю восточной части империи сама мысль о том, что человек со своим недостаточным и ограниченным разумом осмеливается доказывать существование самого Творца, была бы настолько непонятна, что он бы расценил эти интеллектуальные теолого-правовые выкладки как плохую шутку или наглую заносчивость.

На Западе *лицо* как единственно возможный носитель права имеет значимость, которую невозможно переоценить. В принятом в юридическом смысле Византия дала миру только одно «лицо», а именно – императора. Только император мог иметь права.

Отсутствие западного правового понятия «лица» приводит и к отсутствию объединения лиц, а именно «корпорации», объединения лиц, являющегося юридическим лицом. Католическая церковь была и есть такой корпорацией. Корпорации отличаются от других объединений тем, что принадлежность к ним определяется рациональными критериями и что эти объединения могут сами иметь и выражать свою волю.

Совсем по-другому обстояли дела за пределами Запада. Безусловно, там также действуют процессы формирования воли внутри какого-либо объединения лиц, например, государства. Но они не подчинены юридически утвержденным правилам. Там действует другой фактор, называемый «властью». На Западе власть, конечно же, так же существует, но в отношениях между корпорацией и людьми играет второстепенную роль. Подобная рационализация и «приватизация» отношений составляет вызов для византийской (восточно-христианской) цивилизации.

Мировозренческий потенциал византийского наследия

Существует ли возможность нового импульса для народов «поствизантийского круга», не желающих отказаться от своей идентичности? Очевидно, тут необходима ревизия ценностных установок. И далеко не все может быть «выброшено» из византийского багажа. Это актуально, в частности, в связи со стремлением преодолеть декартовский дуализм разума и веры.

Восточная патристика и византийское богословие содержат идеи, историческая роль и значимость которых высоко оценивается в наши дни. Идеи божественных волений-логосов, присутствующие в ниспосылаемых свыше в мир божественных энергиях, развиваемые представителями восточной патристики, а затем оформленные в сочинениях Георгия Паламы, снимает основное противоречие, характерное для всей западной эссенциалистской метафизики. Термин *эссенциализм* используется применительно к теориям, в которых утверждается наличие неизменных и вечных качеств вещей, объединенных родовой характеристикой. Западную же философию, вплоть до XX в., когда на смену метафизике пришли представления неклассической и постклассической рациональности, отличало признание, с одной стороны, непознаваемой Божественной сути, а с другой – причастности человека Божественному естеству.

В Византии же идеи Божественных энергий и ответной со стороны человека синергии имели инструментальное значение и рассматривались как практическая философия, так как оказывали непосредственное влияние на понимание византийцами ориентации человека в обществе. Эти мысли находили отражение в преамбулах поздневизантийских императорских жалованных грамот, где говорилось о роли синергии в управлении земными делами. Синерг*ия* (от греч. συνεργία (synergos) – (syn) вместе и (ergos) действующий, действие) предусматривает взаимодействие двух или более факторов, которые характеризуются тем, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы (Аристотель: «целое больше простой суммы своих частей»). В этом смысле византийский опыт может быть полезным в администрировании и управлении – в том, чему бюрократию огромной империи обучали философы. Тут нужно учитывать, что для обозначения некоторых институтов повседневности в византийской практике использовались наименования, в семантическом диапазоне которых присутствовал богословский смысл.

После сопоставительного анализа западной и восточной традиции, после изучения попыток саморефлексии культур восточноевропейского Пограничья, можно сделать один вывод относительно перспектив этого региона. Если поствизантийские традиции, ощущение принадлежности к кругу восточнохристианской цивилизации имеет реальную ценность для этих культур, то позитивный потенциал этого наследия может быть реализован в рамках современного общества. Демократическая политическая система обнажает мировоззренческие и моральные проблемы массового общества, система правового государства, основанная на римском праве, сдерживает противоречия между людьми. И в такой системе опыт византийской синергии может способствовать гармонизации отношений между человеком, обществом, государством. В противном случае отягощение грузом культуры может привести к отсутствию динамизма и, как следствие, очередному цивилизационному состязанию на опережение.

Культура и демократия

Исходя из веберовской традиции, многие политологи XX в. (Фукуяма, Харрисон, Хантингтон, Патнэм) приходят к утверждению, что культурные традиции необычайно устойчивы и благодаря этому формируют политическое и экономическое поведение современных обществ. Но, по мнению теоретиков модернизации, начиная с Карла Маркса и заканчивая Даниэлем Беллом, подъем индустриального общества влечет за собой культурные сдвиги, изменяющие и расширяющие традиционную систему ценностей.

Возможно, как об этом и пишет американский социолог Рональд Инглхарт[18], что в равной степени верны и одновременно работают оба тезиса:

– Развитие влечет за собой синдром непредсказуемого отхода от абсолютных социальных норм в пользу все более рациональных и гибких.

– Культуры действительно довольно самостоятельны. Православное, католическое, протестантское прошлое того или иного общества формирует культурные зоны, которые отличаются самобытной системой ценностей и способны противостоять натиску экономического развития.

Рональд Инглхарт видит существенную разницу между обществами в зависимости от того, что они выдвигают на первый план – «ценности выживания» или «ценности самовыражения». Предполагается, что социум, опирающийся на ценности последнего типа, имеет гораздо больше шансов стать демократическим. Далее – вероятно, что экономический прогресс влечет за собой постепенный переход от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения», поэтому богатые общества в большей мере принимают демократию.

Таким образом, можно поставить следующий вопрос – благоприятствуют ли демократии широко понимаемые «ценности самовыражения» (включая межличностное доверие, терпимость, участие в принятии решений), или же демократические институты стимулируют развитие в обществе таких ценностей? Среди же тех факторов, которые обусловливают самобытность цивилизаций, выделяют религиозные традиции.

Кроме того, Френсис Фукуяма добавляет, что готовность общества к конкуренции на мировых рынках обусловлена таким фактором, как степень межличностного доверия – системы, в которых доверие не является общественной ценностью, отстают, поскольку неспособны к созданию крупных и сложных социальных институтов.

Очень важный эмпирический и аналитический материал о влиянии культурных традиций на демократическое развитие разных обществ дают материалы всемирного опроса по изучению ценностей (WVS – World Values Survey), который проводился в 1990-х гг. в три этапа и охватил 65 государств и 75% населения планеты.

Мировоззрение людей, живущих в богатых обществах, отличается от мировоззрения «бедняков» по широкому кругу политических, социальных и религиозных норм и представлений. Факторный анализ раскрыл наличие двух главных измерений, упорядочивающих показатели переменных и объясняющих большую часть межкультурной вариативности. Сам же факторный анализ – это процедура, с помощью которой большое число переменных, относящихся к наблюдениям, сводят к меньшему количеству независимых влияющих величин, называемых факторами. При этом в один фактор объединяются переменные, сильно коррелирующие между собой. Переменные из разных факторов слабо коррелируют между собой. Таким образом, целью факторного анализа является нахождение таких комплексных факторов, которые как можно более полно объясняют связи между переменными.

В главных же измерениях исследования отражается межнациональная поляризация, разделяющая *традиционное и секулярно-рациональное отношение к власти*, а с другой стороны – *ценности «выживания» и «самовыражения»*. С помощью названной системы координат каждое общество удалось разместить на культурной карте мира.

Противопоставление «традиционного» и «секулярно-рационального» отражает контраст между теми обществами, в которых религия играет существенную роль, и теми, в которых подобного нет. Но дело не ограничивается этим. Главными темами, наряду со стремлением избежать политических конфликтов и подчеркиванием приоритета консенсуса над конфронтацией, являются уважение к семейным связям и почтение к власти. Общества, пребывающие на традиционалистском полюсе, поощряют религию, абсолютные стандарты и устоявшиеся семейные ценности; благоприятствуют многодетным семьям; отвергают разводы; выступают в защиту жизни в таких вопросах, как аборты, эвтаназия, самоубийства. Они предпочитают социальный конформизм индивидуальным достижениям, согласие – открытому политическому конфликту, поддерживают уважение к власти и отличаются высоким уровнем национальной гордости и патриотизма. По всем этим пунктам общества, разделющие «секулярно-рациональные» ценности, занимают противоположные позиции.

Одним из центральных компонентов этого ценностного измерения является поляризация материалистических и постматериалистических ценностей. Эта разновидность доминант отражает происходящую со сменой поколений переориентацию от приоритетного стремления обеспечить экономическую и физическую безопасность к желанию добиться наиболее полного самовыражения, субъективного благосостояния и высокого качества жизни[19]. Описанный культурный сдвиг можно обнаружить во всех передовых индустриальных обществах. Его инициируют те поколения, которые выросли в условиях гарантированного выживания.

Общества, где преобладают «ценности выживания», отличаются низким уровнем личного благосостояния, отсутствием межличностного доверия, нетерпимостью к инакомыслящим, невниманием к равенству полов, повышенным интересом к материальным аспектам жизни, верой в могущество науки и техники, готовностью поддерживать авторитарные режимы.

Ориентация обществ на ту или иную разновидность ценностей имеет важные объективные последствия. Как показывают исследования, государства, в которых господствуют «ценности самовыражения», имеют больше шансов стать стабильными демократиями, чем страны, ориентированные на ценности «выживания».

В результате удалось разместить 65 обществ относительно двух упомянутых измерений.

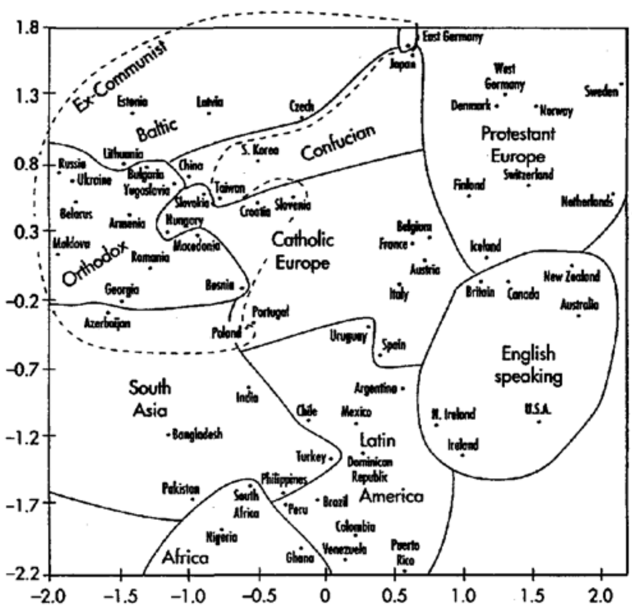

Рис. 1. Расположение 65 обществ относительно двух изменений межкультурной вариантности. Вертикальная ось: поляризация двух трактовок власти – традиционной и секулярно-рациональной. Горизонтальная ось: противопоставление ценностей «выживания» и «самовыражения». Границы между группами стран проведены с учетом теории культурных зон, выдвинутой Хантингтоном

Как и предполагали Вебер и Хантингтон, религиозные традиции оказывают долгосрочное воздействие на современные системы ценностей 65 государств. Но религия – не единственный фактор, формирующий самобытность культурных зон.

Коммунизм явно наложил отпечаток на ценностные представления тех, кто жил при нем (пример Восточной и Западной Германии; Китай; Азербайджан). Бывшие колониальные связи: Латинская Америка – Испания и Португалия – англоязычная культурная зона.

Авторы исследования утверждают, что размещение наций на рис. 1 объективно, ибо обусловлено факторным анализом информации, полученной по каждой стране. Между тем границы, отделяющие эти общества друг от друга, субъективны – они основаны на выделении предложенных Хантингтоном культурных зон.

Насколько «реальны» такие зоны? Разграничительные линии можно проводить по-разному, поскольку на развитие социумов влияют разнообразные факторы. Именно поэтому рубежи зон перекрывают друг друга (бывшая зона распространения коммунизма накладывается на протестанские, католические, православную, конфуцианскую и исламскую культурные зоны; Британия расположена на пересечении двух зон – англоязычной и протестантской). Несмотря на очевидные отклонения, общества с единым культурным наследием попадают в один и тот же сектор. На особенности их расположения в исследовательских диаграммах влияет уровень экономического развития, структура занятости, религиозные традиции и другие исторические влияния.

Как предполагается, уровень экономического развития мощно влияет на культурные ценности. Ценностные системы богатых и бедных стран стабильно отличаются друг от друга. На рис. 1 явно видно размежевание между этими группами: бедные тяготеют к левому нижнему углу, богатые сосредоточены вверху справа.

Следующая диаграмма (рис. 2) конкретизирует данный факт. Представляя собой модифицированную версию, она изображает экономические зоны, на которые распадаются 65 рассматриваемых государств.

Все 19 стран, доля ВНП на душу населения в которых превышает 15 тыс. долларов, занимают высокие позиции в обеих измерениях и попадают в зону в правом верхнем углу. Эта экономическая зона перекрывает границы протестантской, бывшей коммунистической, конфуцианской, католической и англоязычной культурной зон. И наоборот, все общества с доходом на душу населения менее 2 тыс. дол. оказываются в секторе, в нижнем левом углу, в экономическом пространстве, которое охватывает африканскую, южноазиатскую, бывшую коммунистическую и православные культурные зоны. Данные говорят о том, что сходное состояние экономики влечет общества в одном и том же направлении, независимо от культурного наследия. Тем не менее четко выраженные культурные зоны продолжают существовать даже два века спустя после начала промышленной революции.

Доля ВНП на душу населения – лишь один из целого ряда индикаторов, свидетельствующих об уровне экономического прогресса. С изменением природы

рабочей силы сменяют друг друга три самостоятельные стадии экономического развития: аграрная, индустриальная и постиндустриальная[20]. Существует еще одна градация. Страны, где большая часть рабочей силы занята в сельском хозяйстве, расположены у нижнего поля, страны с преобладанием промышленных рабочих – у верхнего края, а страны с высокой занятостью в сфере обслуживания – у правого края карты.

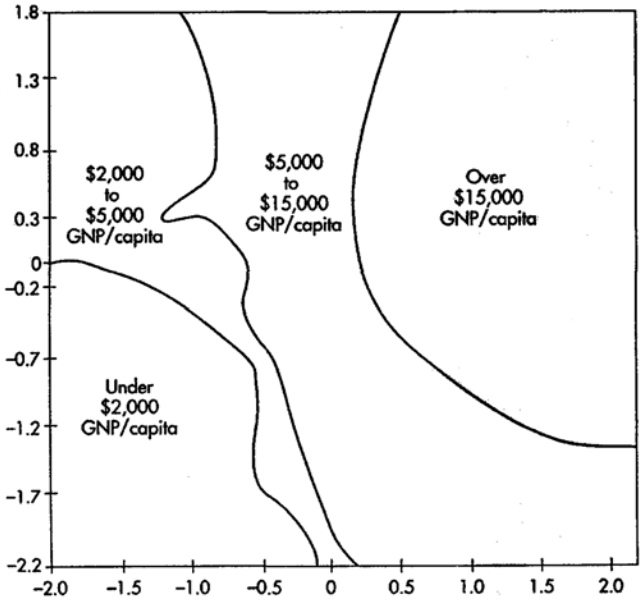

Рис. 2. Уровни экономического развития 65 обществ в сопоставлении с двумя измерениями межкультурной вариантности (World Development Report, 1997. P. 214–215)

Можно ли говорить о том, что «культурные секторы» просто отражают экономические различия? На этот вопрос следует ответить отрицательно. При проверке показателя доли ВНП на душу населения и структуры рабочей силы с помощью множественного регрессивного анализа влияние историко-культурного наследия общества сохраняет свою силу.

Для показа степени когерентности выделенных секторов характерно рассмотрение одной из ключевых переменных, используемых в литературе по межкультурным различиям – *межличностного доверия* как составляющей измерения «выживание – самовыражение»[21].

Межличностное доверие важно для созидания общественных структур, на которых стоит демократия, а также сложной системы социальных взаимосвязей, обеспечивающих расцвет предпринимательства.

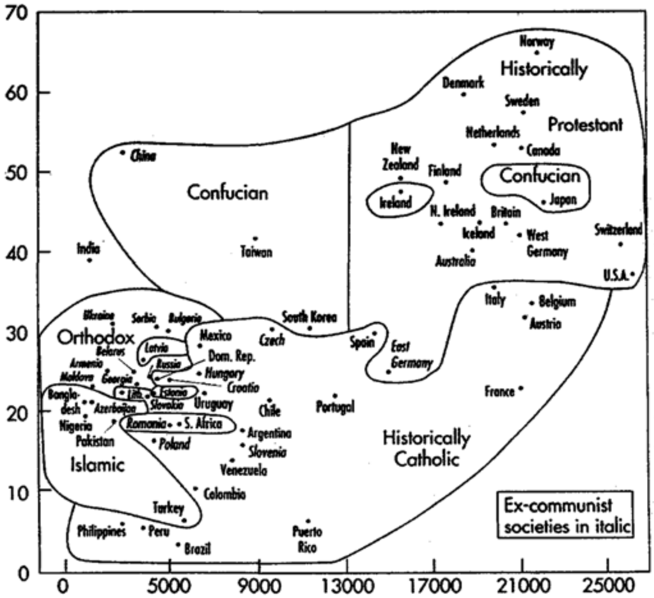

Рис. 3. Межличностное доверие в сопоставлении с культурными традициями,
уровнем экономического развития и религиозной традицией

Рис. 3 свидетельствует, что в плане межличностного доверия почти все протестантские страны опережают католические – межличностное доверие тесно коррелирует с уровнем ВНП на душу населения, но даже богатые католические страны по данному параметру отстают от богатых протестантских обществ. Практически все бывшие коммунистические страны отличаются низкими значениями межличностного доверия. Из 19 стран, в которых более 35% населения полагает, что большинству людей можно доверять, 14 являются протестантскими, 3 – конфуцианскими, в 1 преобладают индуисты и еще в 1 – католики. Из 8 наименее развитых европейских государств, отображенными на рис. 3, католическими являются 8, а протестантских среди них вовсе нет. Рональд Инглхарт обращает внимание на поразительную согласованность этих данных с индексом организации «Transparency International» восприятия коррупции.

Тут все же нужны некоторые уточнения. В рамках конкретных обществ католики могут ценить межличностное доверие столь же высоко, как и протестанты. Но решающее значение в таких вопросах играют не индивидуальные свойства, а совокупный исторический опыт нации.

Межличностному доверию благоприятствует наличие горизонтальных, снизу контролируемых организаций. Напротив, господство больших, иерархических и централизованных бюрократий расшатывает межличностное доверие[22]. Исторически римо-католическая церковь была прототипом иерархизи-

рованного института, в то время как протестантские церкви были относительно децентрализованными и открытыми для контроля снизу.

Очевидно, что эти межкультурные различия не отражают современного уровня влияния соответствующих деноминаций. Католическая церковь за последние десятилетия изменилась. Во многих протестантских странах причастность населения к церковной жизни сократилась до такого уровня, что только незначительное меньшинство посещает храмы регулярно. Но даже несмотря на то, что большинство населения европейских стран практически не имеет контактов с церковью, воздействие некогда мощных католических или протестантских традиций ощущает всякий, кто подвергается социализации в конкретном обществе.

Тезис, что политическая культура тесно связана с демократией, широко обсуждается с 1963 г., когда вышла книга Арнольда и Верба «Гражданская культура»[23]. Как в этой связи проанализировать судьбы народов бывшего СССР? Со времени предпринятого ими в 1991 г. прорыва к демократии они не стали здоровее, счастливее, терпимее, не стали больше доверять друг другу или разделять постматериалистические ценности. Даже наоборот: в большинстве своем они двигаются в противоположном направлении. Конституционная нестабильность Латинской Америки – пример подобного рода.

Демократия – это не та вещь, которая достигается простым заимствованием соответствующих законов. Культурная среда таких стран, как Россия, Беларусь, в какой-то мере Украина и Армения, не слишком благоприятствует демократии.

Если исходные данные этого исследования корректны, то можно говорить об эмпирическом подтверждении концепции Вебера. Вероятно, экономический прогресс влечет за собой постепенные изменения в сфере культуры, которые стимулируют среди широкой публики желание обзавестись демократическими институтами или поддержать их, если таковые уже имеются. Подобная трансформация не происходит автоматически. Кроме того, одного богатства для приобретения демократии недостаточно (пример – Кувейт и Ливия). Но процесс модернизации влечет культурные сдвиги, благоприятствующие демократии.

Демократию невозможно учредить с помощью институциональных изменений или манипуляций правящей элиты. Выживание демократии в основном зависит от ценностных установок и убеждений простых граждан. И культурно-религиозная среда занимает в этом процессе важное место.

Учитывая историко-культурный опыт стран, расположенных между Балтийским и Черным морем, можно прийти к выводу, что именно культура содействует становлению демократии.

Примечания

1 Цивилизация. Вып. 1–8. М., 1993–2008; Современные теории цивилизаций. Реферативный сборник. М., 1995; Сравнительное изучение цивилизаций мира. Сб. ст. / Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2000; Ионов, И.Н., Хачатурян, В.Н. Теория цивилизаций от античности до конца XIX в. М., 2002; Хвостова, К.В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005.

2 См.: Хвостова, К.В. Развитие правовых понятий в эпоху Средних веков (методологический и конкретно-исторический аспекты проблемы) // Вопросы философии. 2004. № 1.

3 См.: Хакен, Г. Синергетика. М., 1980; Пригожин, И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 9; Буданов, В.Г. О методологии синергетики // Вопросы философии. 2006. № 5.

4 Хвостова, К.В. Византийская цивилизация. С. 7.

5 Поппер, К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000. С. 313.

6 Хвостова, К.В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.). М., 1992. С. 121.

7 Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 56.

8 Осборн, Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. С. 213.

9 Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. С. 97–101.

10 Deutsch, K.W. On Nationalism, World Regions, and the Nature of the West // Mobilization, Center-Periphery Structure, and Nation-Bildung: A Volume in Commemoration of Stein Rokkan / Ed. Per Torsvik. Bergen, 1981. P. 77.

11 См.: Triandis, H.C. Cross-Cultural Studies of Individualism and Collectivism // Nebraska Symposium on Motivation 1989. Lincoln, 1990. P. 44–133.

12 Гуревич, А.Я. Человеческая личность в средневековой Европе: реальная или ложная проблема // Гуревич, А.Я. История – неоконченный спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 822, 841–842; Гуревич, А.Я. «В этом безумии есть метод»: К проблеме «индивид» в средние века // Мировое древо. 1994. Вып. 3. С. 80–97.

13 Гуревич, А.Я. Феодализм перед судом историков, или О средневековой «Крестьянской цивилизации» // Гуревич, А.Я. История – неоконченный спор. С. 864–865. Общинная марковая теория остается популярной только в некоторых постсоветских историографиях.

14 Словом «доминат» обозначают период истории Древнего Рима с IV по VI века н.э. Поиному этот период может называться «поздней античностью». Полагают, что термин «доминат» происходит от обычного для того времени обращения к императору – «господин и бог» (dominus et deus). Слово dominus может переводиться и как «государь». Доминат стал следующим этапом постепенной трансформации Римской республики в монархию с неограниченной властью императора. В период принципата старые республиканские институты сохранялись и формально продолжали действовать, а глава государства, принцепс («первый») считался лишь первым гражданином республики. В период домината сенат превращается в сословие с декоративными функциями. Основателем системы домината считается император Диоклетиан. Он установил при своем дворе обычаи, позаимствованные с Востока. Основным центром власти стал бюрократический аппарат, ориентированный на личность доминуса. Основой режима домината являлся разветвленный центральный и местный бюрократический аппарат, развитию которого способствовала реформа провинциального управления.

[15] Хвостова, К.В. Византийская цивилизация... С. 199.
[16] Халем, Ф. Историко-правовые аспекты проблемы Восток–Запад // Вопросы философии. 2002, № 7. С. 28.
[17] Халем, Ф. Историко-правовые аспекты проблемы Восток–Запад. С. 30.
[18] Инглхарт, Р. Культура и демократия // Культура имеет значение. Москва, 2002. С. 106–128.
[19] См.: Ingelhart, R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles in Advanced Industrial Society. Princeton, 1977.
[20] См.: Bell, Daniel. The Coming of Post-Industrial Society. New York: Basic, 1973; Bell, D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York: Basic, 1976.
[21] Coleman, James S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. V. 94, 1988. P. 95–121.
[22] См.: Putnam, Robert. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993.
[23] Arnold, Gabriel and Verba, Sidney. The Civic Culture. Princeton, 1963.

Надежда Морозова

СТАРОВЕРЫ ЛИТВЫ: К ВОПРОСУ О МЕСТАХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Abstract

Socio-economic differences and political reforms ripering in Russia, broke out in the second half of the XVII century by a number of complex and self-contradictory phenomena: these are increased centralization and formalization of serfdom; Ukraine's accession to Russia; suppression of several uprisings in Moscow, Novgorod and peasant war led by Stepan Razin. However, the main event in the middle of the XVII century that determined the fate of the Russian Orthodox Church and Russian people for centuries ahead was the church reform of tsar Alexei Mikhailovich and patriarch Nikon. Apparently, this was one of the most tragic events in Russian history, and undoubtedly, the most tragic event in the history of Russian Church.

Keywords: old believers, reform, schism.

Социально-экономические противоречия и политические реформы, назревавшие в России, разразились во второй половине XVII в. целым рядом сложных и внутренне противоречивых явлений: это усиление централизации и оформление крепостного права; присоединение Украины к России; подавление нескольких восстаний в Москве, Новгороде и крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Однако главным событием середины XVII в., определившим судьбы русского православия и русского народа на столетия вперед, стала церковная реформа, предпринятая царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Это, видимо, одно из самых трагических событий в русской истории и, несомненно, самое трагическое событие в истории русской церкви.

Вслед за реформой последовал внутрицерковный раскол. Борьба между противниками и сторонниками «новой веры» закончилась в пользу последних. Московский собор 13 мая 1667 г. наложил анафему на сторонников старого обряда и велел предавать их «градскому суду», т.е. уголовному преследованию со стороны государственных властей.

Таким образом, в результате раскола русской церкви в русском православии во второй половине XVII в. сформировались два основных направления – собственно православие (новообрядчество) и древнеправославие (староверие, старообрядчество).

Карта-схема 1. Старообрядческие общины на территории в начале XIX в.

Следствием церковного раскола стала миграция приверженцев старого обряда за рубеж и появление новых русских (точнее, российских), теперь уже религиозных, эмигрантов на территории соседних с Россией государств. Фактически сразу же после начала реформ патриарха Никона, уже во второй половине XVII в., староверы преимущественно северо-западных регионов России (Псковской, Тверской, Смоленской, Новгородской губерний) устремились на запад – в Речь Посполитую, вассалом которой была также Курляндия, и восточно-балтийские владения Швеции[1]. В конце XVIII в. староверы поселились в Сувалкско-Сейненском регионе современной Польши. В результате непрекращающегося наплыва эмигрантов из России в течение всего XVIII в. количество русского населения в балтийском регионе резко возросло. К концу XVIII в. только на территории современной Литвы насчитывалось не менее 17 старообрядческих общин. Основные центры русского старообрядческого населения

в северо-восточной, отчасти центральной и южной Литве (в Рокишкском, Зарасайском, Аникщяйском, а также в Йонавском, Тракайском и Кайшядорском р-нах, которые существовали до недавнего времени или существуют до сих пор), сформировались в 1770–1790-е гг. По подсчетам Г. Поташенко, старообрядцев на балтийских и польских землях к 1820-м гг. могло быть приблизительно от 75 до 85 тысяч человек.

В Литве традиционно проживают староверы-беспоповцы, ныне принадлежащие к поморскому согласию[2]. Общая история староверия в Литве описана в работах Г. Поташенко[3], поэтому в данной работе будет представлена ситуация, сложившаяся к середине XX в.

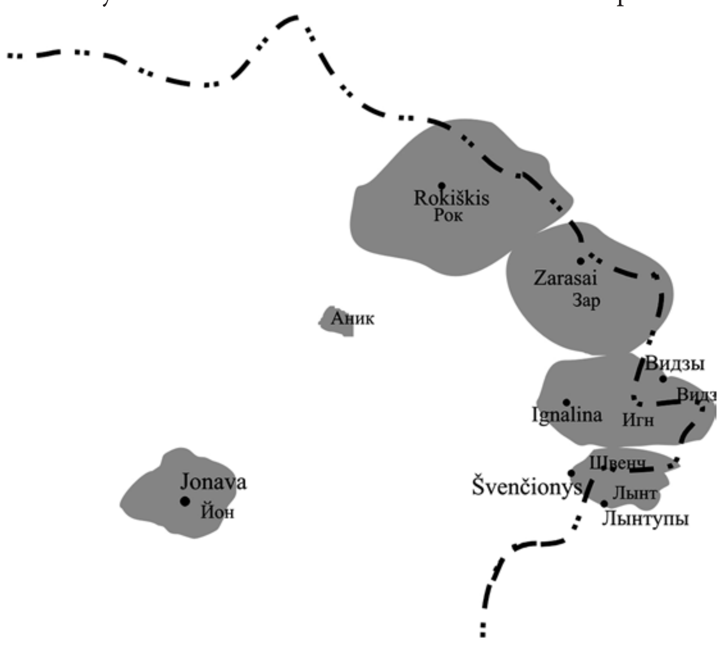
Общее представление о расселении старообрядцев в сельских местностях и, следовательно, о распространении старообрядческих говоров на территории послевоенной Литвы дает карта-схема 1, составленная по данным карты *Размещение и национальный состав населения*[4], отражающей сведения переписи 1979 г. о *русском сельском* населении республики. Поскольку группы населения численностью менее 50 чел. на этой карте не отмечены, то на ней не указаны смешанные деревни, в которых старообрядцы проживали совместно с католиками и/или составляли меньшие по численности группы; в то же время, насколько нам известно, такие группы существовали в большинстве районов Литвы[5].

Карта-схема 2. Русское сельское население Литвы по данным переписи 1979 г. (на карте-схеме обозначены только районы, на территории которых во время переписи проживали старообрядцы)

Как можно судить по карте-схеме 2, русское сельское население – предположительно старообрядческое – к 1979 г. было сосредоточено в основном в Йонавском, Рокишкском, Зарасайском, Игналинском и Швенчёнском районах; меньшие по количеству жителей островки находим в Вильнюсском, Утенском, Молетском, Радвилишкском и Кельмеском районах. Сравнение данных этой карты с данными карты-схемы А. Станкевича[6], а также картой В.Н. Немченко показывает, что ареалы его концентрации остались такими же, как и в начале XX века.

В 1996–2002 гг. во время многочисленных диалектологических экспедиций удалось посетить абсолютное большинство сохранившихся деревень в Рокишкском, Зарасайском, Игналинском, Швенчёнском, Йонавском, Кельмеском и Радвилишкском районах на территории Литвы, а также в прилегающих районах Латгалии и Беларуси, и в обследованных деревнях побеседовать практически со всеми жителями[7]. Кроме того, предварительные записи были сделаны в целом ряде населенных пунктов Вильнюсского и Шальчининкского районов.

Карта-схема 3. Старообрядческие общины на территории Литвы. Данные приведены по состоянию на 2008 г.

Эти исследования показали, что сельское старообрядческое население Литвы многократно уменьшилось с 1979 г., многие деревни и целые группы деревень перестали существовать, но *общая конфигурация основных демографи-*

ческих ареалов расселения старообрядцев, сформировавшихся к началу XIX в., сохраняется до начала XX века[8]. По рассказам местных жителей, массовый исход сельского старообрядческого населения в города начался в послевоенные годы, а сселение в «перспективные» поселки, сопровождавшееся уничтожением десятков и сотен мелких населенных пунктов, осуществлялось одновременно с созданием укрупненных совхозов и мелиорацией, которая проводилась с размахом и с огромным пренебрежением к традиционному местному ландшафту[9].

На основании приведенных историко-демографических сведений и данных, собранных к настоящему времени, можно говорить о существовании в Литве и сопредельных районах Беларуси и Латвии *Рокишкской*, *Зарасайской*, *Йонавской*, *Игналинско-Видзовской* и *Швенчёнско-Лынтупской* зон, а также *Вильнюсского*, *Радвилишкского* и *Кельмеского* ареалов распространения старообрядческого населения (см. карту-схему 3). Естественной структурной единицей этих зон и ареалов является сельский церковный приход. Далее вкратце описываются границы перечисленных зон и ареалов, которые на карте-схеме 4 обозначены приблизительно, без указания деревень, не являющихся центрами приходов.

Карта-схема 4. Зоны и ареалы расселения старообрядцев во второй половине XX в. Границы зон и ареалов указаны приблизительно

Рокишкская зона является самой большой по территории; основными в ней были приходы в дд. *Манеевка* (лит. Maineivos[10]) и *Милюнцы/Милюнай* (лит. Miliūnai). Одним из самых больших и густонаселенных был в свое время сипайлишкский приход, однако д. *Сипайлишки* (лит. Sipailiškis), расположенная почти на границе с Латвией, обезлюдела, ее недействующая молельня разрушается, а население сохранившихся деревень посещает моленные в Зарасай и Рокишкис.

Милюнский и манеевский приходы, а также бывший приход с центром в д. *Буткуны/Буткунай* (лит. Butkūnai, моленная сгорела только несколько лет тому назад) вместе с Сипалишкским образуют северную окраину Рокишкской зоны.

Федоришкский приход (моленная в д. *Федоришки*, лит. Kvedariškis) находится уже на территории соседнего с Рокишкским Биржайского района. К югу от Федоришек, на территории совр. Купишкского района, расположена д. *Богданцы* (лит. Bagdonys) – центр небольшого прихода из трех деревень. Эти приходы составляют северо-западную часть Рокишкской зоны.

Приблизительно в 20 км к югу от Богданцев – на территории совр. Аникщяйского района – расположена д. *Поезерцы* (лит. Paežeriai), центр многолюдного в прошлом прихода, который можно было бы рассматривать и как самостоятельный ареал. Учитывая то, что между жителями богданского и поезерского приходов существовали устойчивые конфессионально-демографические связи, мы сочли возможным считать последний частью именно Рокишкской зоны.

На самом юго-западе этой зоны находится бобришкский приход (д. Бобришки, лит. Bobriškis) – наследник первого на территории Литвы староверского прихода, основанного, по сообщению *дегуцкого летописца*, в 1710 г. в д. Пуща (совр. лит. Rupetos)[11]; сама деревня Бобришки уже фактически не существует, церковь практически не действует. В 2010 г. около храма установлен поклонный крест в память о том, что в этом регионе в 1710 г. была основана первая старообрядческая община на территории современной Литвы.

По данным А. Станкевича, несколько южнее Бобришек в начале XX в. была приходская деревня *Калбутишки*, лит. Kalbutiškės), прекратившая свое существование в 1950-е гг.

Зарасайская зона расположена на территории нынешнего Зарасайского района и охватывает также северную часть Игналинского района, включая окрестности г. п. Дукштас (что приблизительно соответствует административному делению до 1914 г.). Ее образуют руданский, рестайнишкский, поливаркский, миновский, рустейкский и ауктакальнский приходы, а южную окраину составлял в прошлом приход с центром в д. *Шеймоты* (лит. Šeimatis, Утенского района)[12].

От д. *Поливарок* (лит. Polivarkas) осталось несколько домов, большая часть территории деревни затоплена новым озером-водохранилищем. Церкви в *Руданцах* (лит. Rudėnai), *Аукштакальни* (лит. Aukštakalniai) и *Миновке* (лит. Mineikiškės, теперь окраина г. Зарасай) недействующие. Деревня Руданцы обезлюдела, ее церковь разрушается. В Рестайнишках церковь разрушена, большинство верующих этого прихода проживает в д. Дегуци (лит. Degučiai). В Аукштакальне под г. п. Дукштас в конце 90-х гг. XX века проживало всего несколько человек – семья из двух стариков и молодая женщина с детьми. Запустение и обезлюдение всех этих приходов произошло в последние десятилетия прошлого века.

Наиболее посещаемыми в настоящее время стали моленные в г. Зарасай и г. п. Дукштас, которые формально являются центрами городских общин.

Утенский ареал как юго-западная окраина Зарасайской зоны перестал существовать в послевоенные годы. В начале XX века, по данным А. Станкевича, самыми большими деревнями здесь были село *Столянишки* (53 чел.) и д. *Черновщизна* (33 чел.). Большинство старообрядческих деревень на территории Утенского р-на было сожжено литовскими партизанами в конце 40 – начале 50-х годов XX века, поэтому они уже не упоминаются в переписи 1959 г. В конце 90-х гг. XX века в Столянишках (лит. Stalnioniškis) проживали две старообрядческие семьи – совершенно олитовившиеся, в бывшей д. Черновщизна (лит. Juodiškis) сейчас живут только литовцы.

Старообрядческое население на территории Латгалии, примыкающей к Рокишкской и Зарасайской зонам, – это в абсолютном большинстве переселенцы из нынешних Рокишкского, Зарасайского и Утенского районов Литвы, обосновавшиеся здесь в XX в. Это касается прежде всего прихожан субатского и медумского приходов с центрами в дд. *Субачи* (лат. Subate) и *Медуми* (лат. Medumi) соответственно. Старообрядцы, проживающие в *Еловке/Эглайне* (лат. Eglaine), традиционно принадлежали к сипайлишкскому приходу (см. выше); в Эглайне их предки начали селиться с начала XX века, когда этот населенный пункт стал станционным поселком. Учитывая сказанное, узкую полосу Латгалии вдоль границы с Литвой – фактически субатский, эглайнский и медумский приходы – можно считать северо-восточной окраиной Рокишкской и Зарасайской зон, тем более, что до Первой мировой войны они входили в состав одного, Илукстского, уезда.

Старообрядческие деревни центральной части Игналинского района и Видзовского района на территории Беларуси объединены в единую *Игналинско-Видзовскую зону*, поскольку оба эти ареала тесно взаимосвязаны длительное время.

Игналинский ареал образуют михаловский, довидинский и лукашовский приходы (центры их – дд. *Михалово* (лит. Mykalavas), *Довидины* (лит. Davedynos) и *Лукашовка* (лит. Lukošiškė). Деревня Довидины снесена во время мелиорации в 70–80-е годы прошлого столетия, на ее месте сохранилось два дома; церковь сгорела – скорее всего, не случайно. Часть уроженцев этой деревни проживает в соседних Мейкштах (лит. Meikštai) – бывшем центре имения, впоследствии центре совхоза, разросшемся за счет сселения соседних неперспективных населенных пунктов. С некоторыми уроженцами Довидин удалось побеседовать не только в Мейкштах, но и, например, в д. Блажишки под Видзами.

Давним и очень авторитетным центром многолюдного в прошлом *Видзовского ареала* в советское время являлся г. п. Видзы Браславского района Беларуси[13]. Для старообрядцев, проживающих в соседнем Игналинском районе Литвы, Видзы традиционно были важным конфессиональным, культурным и

экономическим центром. На территории собственно Видзовского ареала в межвоенное время существовала моленная в д. *Астравишки*, которая одновременно с деревней была разрушена либо во время войны, либо сразу по ее окончании. Сейчас, в связи с изменившимися геополитическими условиями, эти традиционные связи ослабли и здешнее деревенское старообрядческое население тяготеет к ближайшим центрам в Зарасай или Швенчёнисе.

Швенчёнско-Лынтупскую зону образуют юргелишкский приход (с центром в д. *Виргилишки/Юргелишки/Юргелишки*, лит. Jurgeliškė), большой по территории и количеству верующих швенчёнский приход (моленная в г. Швенчёнис) на территории Литвы и два прихода, примыкающие по территории к юргелишкскому, в Беларуси – апидомский (с моленной в д. *Апидамы*) и куклянский (с центром в д. *Кукляны*); оба прихода расположены на территории Поставского района Беларуси.

На первом этапе исследований юргелишкский и швенчёнский приходы рассматривались как часть Игналинского ареала, но потом выяснилось, что, во-первых, между приходами Игналинского и Швенчёнского района практически нет и не было в прошлом интенсивных связей, а во-вторых, старообрядцы юргелишкского прихода практически являются частью населения, традиционно принадлежавшего к апидомскому либо куклянскому приходам. Из двух последних самым старым в регионе является апидомский приход, а самым большим по количеству деревень и территории – куклянский; церковь в Куклянах была построена в межвоенные годы.

Старообрядческое население Юргелишек также начало формироваться давно, о чем свидетельствует сам факт существования в окрестностях деревни четырех кладбищ, три из которых очень старые.

Ядро Йонавской зоны составляют приходы рымковский/римковский, паскутишкский и балтромишкский.

Моленная в д. *Рымки/Римки* (лит. Rimkai) принадлежит к числу самых известных среди старообрядцев Литвы. К середине XIX в. д. Римки была одной из самых больших по количеству жителей во всей Ковенской губернии, в настоящее время она стала фактически частью разросшегося за годы советской власти районного центра г. Йонавы (в прошлом *Яново*).

На месте д. *Паскутишки* (лит. Paskutiškiai) на момент экспедиций оставалось три дома, ее жители переселены в православную д. *Засольцы/Ужусаляй* (лит. Užusaliai, дореволюционная *Александровская слобода*), где они старались построиться кучно, в результате чего возникло несколько улиц, где живут почти исключительно старообрядцы. Паскутишкская моленная сгорела в послевоенные годы по небрежности наставника. Никакого противостояния между православным и старообрядческим населением в Ужусаляй не наблюдается, хотя удалось зафиксировать очень интересные факты самоидентификации жителей этого поселка. Так, староверы на вопрос о том, кто они (по национальности), отвечали, что они

русские, а соседи – православные. Православное население на тот же вопрос отвечало с точностью до наоборот: мы русские, а они (старообрядцы) староверы.

В межвоенные годы существовал также небольшой приход с центром в д. *Ишоры* (лит. Išorai, в 5 км от Ужусаляй, расположена около шоссе Каунас–Йонава).

Деревня *Балтромишки* (лит. Baltromiškė) существует до сих пор, моленная в ней действующая, но исконных жителей в деревне уже нет.

На северо-западной окраине Йонавской зоны находится ибянский приход с действующим храмом в д. *Большие Ибяны* (лит. Didieji Ibėnai, до революции *Никольская слобода*); в настоящее время по количеству жителей эта старообрядческая деревня является одной из самых больших в Литве.

Деревня *Перелозы* на юге Йонавской зоны (лит. Perelozai) совсем опустела, постоянно в ней никто не живет, огромная деревянная моленная, которая долгое время стояла без присмотра, в последние годы отремонтирована староверами-энтузиастами.

На северной окраине Йонавской зоны еще в 40–60-е гг. XX в. был небольшой приход с центром в ныне несуществующей д. *Нарбутишки* под г. п. *Шета* (лит. Šėta Кедайнского р-на); все оставшиеся на месте старообрядцы проживают в этом городском поселке как и в Ужусаляй – на одной улице.

Кельмеский ареал представлен в настоящее время двумя деревнями – *Леонувка* (приходской центр, лит. Lygšilis) и *Покупульки* (лит. Pakupelkis); население бывшего приходского центра д. *Коханишки* (в двух км к югу от Кельме, лит. Kakoniškė) практически ассимилировано, а остальные деревни этого прихода опустели.

Радвилишский ареал был обследован в 2002 г. Небольшое село *Дварцы*/*Дворжище* (лит. Dvariškės), в котором еще в 1959 г. проживало 44 чел., перестало существовать лет десять тому назад, на его месте сохранились лишь развалины моленной и одно хозяйство, владельцем которого является литовец. В большом селе *Сидоры* (лит. Sidariai) с населением 148 чел. в 1959 г. тогда проживало 5 старожилов. Большинство старообрядцев района проживает в г. п. Радвилишкис и д. *Илгочи* (лит. Ilguočiai) в полутора км от этого районного центра.

Термин *Вильнюсский ареал* используется для обозначения территории, на которой в различное время сформировалось несколько небольших приходов, жители которых мало или вообще не контактируют и не контактировали между собой – гайского, жемайтельского, гайлюнского и кулинского. Фактическим центром всего этого ареала является Вильнюс. Старейшим в этом ареале является данилишкский приход – по имеющимся сведениям, он существует с первой четверти XVIII в.[14]

По официальным данным, жемайтельский приход возник во второй четверти XIX в., а по рассказам местных жителей моленная в д. *Жемайтели* (лит. Žemaitėliai) была построена в межвоенное время; гайский (с центром в д. *Гай*,

лит. Gojus) приход, по преданию, возник еще в конце XVIII в., гайлюнский (с моленной в д. *Гайлюны*, лит. Gailiūnai) приход возник, очевидно, в начале XX века. Население деревень всех трех приходов сформировалось, скорее всего, в последней четверти XIX в. Относительно старой является приходская д. *Кулинцы* (лит. Kuliniai) Молетского района, которую можно считать окраинной на севере Вильнюсского ареала.

Согласно переписи 2001 г. в стране проживало более 27 тыс. старобрядцев, т.е. почти 0.8% жителей страны. По данным переписи 2011 г. в Литве проживает 23.3 тыс. староверов (те же 0.8% населения), т.е. их количество уменьшилось почти на 4 тыс., или 1/7 часть. Для сравнения, в 1923 г. только в Литве (без Виленского края) проживало более 32 тыс. старообрядцев-поморцев, а в середине 1930-х – свыше 42 тыс. или почти 2% от более чем 2.3 млн жителей страны. В последние 20 лет в Литве возникли семь новых старообрядческих общин: в Утене, Шяуляе, Ужусаляе, Лаздияе, Пабраде, Висагинасе и вторая в Вильнюсе. В 2008 г. возобновили свою деятельность кулинская (Молетский район) и рустейкская (Зарасайский район) общины. С 1990 г. построено и открыто 9 храмов или храмовых помещений: в Радвилишкисе, Шилуте, Дукштасе, Утене, Зарасае, Шяуляе, Ужусаляе, Лаздияе, Пабраде. В настоящее время строится новый храм в Клайпеде. Сегодня в Литве зарегистрирована 61 старообрядческая община, их окормляют 9 духовных наставников и 6 исполняющих обязанности наставника. Регулярные богослужения проводятся только в крупных городских и некоторых сельских общинах, в большинстве деревенских общин храмовые здания практически пустуют, богослужения проводятся лишь несколько раз в год, чаще всего в храмовый праздник или на Пасху.

Нетрудно заметить, что выделенные выше зоны и ареалы расселения старообрядцев Литвы отражают конфигурацию районов сосредоточения старообрядческого населения и в начале XX века, и в послевоенное время. При этом они могут рассматриваться как один из способов описания исторически сложившихся регионов наибольшей концентрации старообрядческого населения Литвы. Принятая терминология и классификация регионов расселения старообрядцев (и их говоров) содержит несколько существенных элементов, важных для понимания проводимых полевых исследований в целом – как выполненных в послевоенные годы, так и осуществляемых в настоящее время.

Во-первых, как следует из приведенных выше кратких демографических сведений, зоны и ареалы, очерченные на карте-схеме 4, являются в большей мере реконструкцией послевоенного состояния, чем констатацией ситуации в настоящее время. Я сочла возможным говорить о них как о реалиях наших дней (или совсем недавнего прошлого) потому, что в ходе исследований 1996–2002 гг. удалось найти и опросить носителей традиционных говоров соответствующих местностей – проживающих как по местам своего рождения, так и где-либо в соседних населенных пунктах. Восстановить же в полной мере этноязыковую

ситуацию во всех местностях, где ранее (например, по данным А. Станкевича) проживали старообрядцы, сегодня либо не представляется возможным, либо во многих случаях приходится заниматься остатками русских говоров в различной степени литуанизированного старообрядческого населения.

Во-вторых, судя по известным историческим и собранным в полевых условиях данным, указанные *ареалы* расселения старообрядцев, а значит, и *ареалы* распространения старообрядческих говоров окончательно сформировались во второй половине XIX в. в результате вторичной, внутренней миграции старообрядческого населения, происходившей после отмены крепостного права и во многом обусловленной земельной политикой администрации Северо-Западного края[15]. К сожалению, местные предания не сохраняют сведений о том, откуда пришли предки старообрядцев, ныне проживающих в этих ареалах, выяснить это можно только по архивным данным (если такие существуют). О фактах относительно недавних переселений свидетельствуют: а) отсутствие старинных кладбищ, б) упоминания о том, что родители или деды самых старших местных жителей покупали землю, и в) упоминания о «мятеже» как причине появления русских в данной местности[16]. Судя по этим сведениям, Кельмеский и Радвилишкский ареалы сформировались только во второй половине XIX или даже начале XX вв.; в то время, например, на территории Рокишкской, Зарасайской, Йонавской и Швенчёнско-Лынтупской зон, где старообрядцы обосновались к середине XVIII века, кладбища обычно многослойные (памятники иногда датированы началом XIX века), а о «мятеже» там могут помнить лишь в отдельных деревнях, образовавшихся в послемуравьевское время.

Во время экспедиций собрано большое количество сведений, позволяющих утверждать, что при аренде и покупке земель, а также в поисках надельной земли старообрядцы старались не уходить далеко от мест своего рождения. Это было обусловлено их стремлением «хорониться» (т.е. быть похороненными) на кладбищах, где покоятся их предки, стремлением не отрываться от родных могил, от родни, от общины. Разумеется, отдельные лица и семьи переселялись и на относительно большие расстояния – на территорию других зон и ареалов, или вообще селились в среде иноверцев – везде, где удавалось купить землю, но, судя по всему, происходило это довольно редко.

Безусловно, географическое и историко-демографическое измерения являются главными *внешними* характеристиками основных зон и ареалов; наши наблюдения позволяют говорить о существовании определенных их *внутренних* – этносоциальных характеристик (параметров).

Так, старообрядческое население каждой из зон связано и сообщается *демографически* в том смысле, что обычно молодые люди искали и находили себе жен прежде всего на территории той зоны, где проживали. Своего рода «смотр невест» происходил на ежегодных храмовых праздниках как в своем приходе, так и в соседних. Понятно, что в небольших и замкнутых сообществах всегда ре-

альна угроза породниться с близкими родственниками, а старообрядцы строго следили за тем, чтобы избежать браков между родственниками «до шестого колена». По этим причинам для старообрядцев всегда актуален поиск невест «на стороне». Широкие возможности для знакомств предоставляли регулярные ярмарки-*кирмаши* в социальных и экономических центрах – в Йонаве, Рокишкисе, Зарасае, Швенчёнисе, Видзах.

Еще одна характерная деталь самосознания староверов древнейших литовских центров в том, что в каждом из них уверены, что именно они (сами люди, их приходы и храмы) являются центром староверия Литвы.

Таким образом, внешние культурные контакты старообрядческого населения оказались изоморфными их демографическим контактам. Многие жители в каждой из зон знают названия и расположение большинства деревень на их территории и нередко – фамилии их обитателей (которые часто их очень далекие родственники). В то же время чем дальше зоны удалены друг от друга, чем меньше старообрядцы о них информированы. Так, наиболее тесно связаны в указанном смысле Рокишкская и Зарасайская зоны – не только потому, что они являются географически смежными, но и потому, что общим и очень важным конфессиональным, культурным и экономическим центром для них является *Двинск*/Даугавпилс.

Игналинские старообрядцы ориентированы на связи со Швенчёнисом и Видзами; жены из Зарасайской зоны здесь редкость, а уроженок из рокишкских приходов вообще не было и нет.

Во всех четырех зонах все наши информаторы знали о проживании старообрядцев даже в отдаленных населенных пунктах на территории этих зон, но под Видзами, например, ничего конкретного уже нельзя было услышать о приходах Рокишкской зоны. Точно так же на всей территории северо-восточного угла Литвы мало кто знает и/или слышал о старообрядцах, проживающих в центре республики, о старинной и авторитетной моленной в *Рымках/Римка*х могут знать лишь отдельные лица и т.д. В свою очередь, как мы неоднократно убедились, в Йонавском ареале никто ничего не знает о старообрядцах, проживающих на территории Игналинского и Швенчёнского районов (не говоря уже о населении приходов в соседней Беларуси).

Наличие такого рода внутренних связей чрезвычайно важно как для понимания особенностей социолингвистической ситуации в старообрядческих говорах, так и для их истории в целом.

Примечания

1 Одной из причин церковных реформ Никона было упорядочение русских церковных обрядов и их сближение с греческими, а также «европеизация» русской церковной практики по образцу Речи Посполитой. Речь идет о распространении партесного цер-

ковного пения и киевской «квадратной» нотации, изменении иконописной стилистики, реформе церковнославянского языка и др., т.е. о тех явлениях, которые условно можно назвать «третьим южнославянским влиянием» в терминологии Б.А. Успенского. Носителями этой традиции были выходцы из Речи Посполитой. Парадоксален тот факт, что практически одновременно (или с разницей в 2–3 десятилетия) на территорию Речи Посполитой устремляются староверы, т.е. представители другого, консервативного, направления православия, и приносят с собой старые традиции церковной монодии (одноголосия), древнерусской иконописи, книжности и быта. Существенным является то, что эта новая древнеправославная традиция оказалась замкнутой на собственной, старообрядческой, общине и не оказала никакого влияния на другие религиозные традиции в регионе.

Другой парадокс в том, что приблизительно через сто лет российские староверы будут упрекать своих единоверцев из Речи Посполитой (а после третьего раздела Речи Посполитой и присоединении части ее к России) в оставлении веры, замирщении и попущении тлетворному «польскому» влиянию.

2 В межвоенные годы были попытки регистрации поповской общины, но они не увенчались успехом. В настоящее время в Литве проживает несколько семей староверов-поповцев, которых окормляет священник белокриницкого согласия из Екабпилса.

3 См., напр. Поташенко, Г: Староверие в Литве: вторая половина XVII – начало XIX вв. Исследования, документы и материалы. Vilnius, 2006.

4 Атлас Литовской ССР. Москва. 1981. С. 128–129.

5 Карту расселения русских по районам (независимо от вероисповедания и времени переселения в Литву) по данным переписи 1959 г. опубликовал В.Н. Немченко, см. Немченко, В.Н. Русские старожилы Литвы и их говоры // Kalbotyra. VII. 1963. С. 72 (комментарии к ней на с. 70–78). Приводимые в его статье данные имеют особую ценность, поскольку основаны на рукописных материалах Центрального статистического управления Литовской ССР, см. сноску 31 в указ. работе.

Очень приблизительно и схематически некоторые ареалы концентрации старообрядческого населения на территории Литвы указаны на картах-схемах в статье В. Руке-Дравини (Rūķe-Draviņa V. Die Untersuchungen der russischen Mundarten im Baltikum und ihre Bedeutung für die allgemeine Dialektologie // Scando-Slavica. XI. 1965. S. 198–209) и в монографии К. Штайнке (Steinke, K. Die russischen Sprachinseln in Bulgarien (SLAVICA. Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher. Neue Folge.). Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag. 1990. S. 19); оба автора, судя по всему, публикации В.Н. Немченко не знали.

6 Станкевич, А. Русские поселения Ковенской губернии (Виленский временник, кн. 4.). Вильна, 1909.

7 В этих экспедициях кроме автора настоящей статьи в разное время принимали участие проф. Ю. Новиков, проф. С. Темчин, студенты Р. Еленските, М. Романова, В. Дьячкова. Неизменным руководителем экспедиций был проф. В. Чекмонас.

8 Современная ситуация, как показывают данные последней переписи населения 2011 г., несколько отличается от той, которую мы успели зафиксировать в экспедициях. Массовая эмиграция литовского населения на запад, усилившийся отток населения из сельской местности в крупные города привел к тому, что количество сельского старообрядческого населения резко сократилось.

9 Последствия этих преобразований на примере Вильнюсского, Швенчёнского и Игналинского районов подробно описаны в книгах известного литовского географа, ученого-краеведа и общественного деятеля Ч. Кудабы: Kudaba, Č. Ignalinos apylinkes. Vilnius, 1975; Kudaba, Č. Švenčionių rajonas. Vilnius, 1983; Kudaba, Č. Ignalinos rajonas. Vilnius, 1987.

10 Русские названия населенных пунктов приводятся так, как они зафиксированы в говорах староверов Литвы; литовские названия деревень подаются в соответствии с: Noreika, Z., Stravinskas, V. Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. T. 2. Vilnius, 1976.

11 См. Маркелов, Г.В. Дегуцкий летописец // Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. Ленинград, 1990. С. 190.

12 На карте А. Станкевича это д. Шемюты; ее можно считать также окраиной Утенского ареала. Кстати, старообрядческая церковь в уже полностью литовской д. Šeimatis отремонтирована, кладбище присматривается, но в ее окрестностях – в глухом лесу, почти в км от дороги – в начале 2000-х гг. проживал только один старообрядец-старожил, чудом уцелевший после войны.

13 Он может рассматриваться как окраинная часть Браславско-Красногорской зоны старообрядческого населения, являющейся связующим звеном между территориями расселения старообрядцев в Латгалии и совр. Витебской области Беларуси. Говоры старообрядческого населения здесь остаются не изученными.

14 Поташенко, Г. Данилишкская община // Барановский, В., Поташенко, Г. Староверие Балтии и Польши: Краткий исторический и биографический словарь. Вильнюс. 2005. С. 127–128.

15 Подробнее об этом см., напр.: Сивицкене, М. Из истории русского старожильческого населения Литвы // Slavistica Vilnensis. Язык. История. Культура. 1997. Сборник статей, посвященный шестидесятилетию профессора Валерия Николаевича Чекмонаса (Kalbotyra. 46(2)). 1998. С. 153–164.

16 При этом информаторы, как правило, не знают значения слова мятеж, см. Морозова, Н., Чекмонас, В. О мифологизации событий прошлого в устной традиции старообрядцев Литвы // Senoji Lietuvos literatūra. T. 6: Senosios raštijos ir tautosakos sąveika: kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis. Vilnius. 1998. P. 105–113.

Ирина Богачевская

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УКРАИНЫ: МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Abstract

Twenty years of an independent Ukrainian state – although, the term is not great in the geopolitical scale, but enough to look at the modern Ukrainian society in a certain historical perspective. The process of formation of modern Ukrainian state was accompanied by a gradual revival and development of national religious and church life in Ukraine, which served both as the object and as organic effective factor in national democratic transformation and spiritual changes in Ukrainian society.

Keywords: state, church, society, latest religious trends.

Двадцать лет существования независимого украинского государства – срок хотя и небольшой в геополитическом масштабе, но достаточный для того, чтобы посмотреть на современное украинское общество в определенной исторической перспективе. Процесс становления современного украинского государства сопровождался постепенным возрождением и развитием в Украине национальной религиозно-церковной жизни, которая выступала одновременно и как объект, и как органический и действенный фактор национально-демократических преобразований и духовных изменений в украинском обществе.

Попытаемся осмыслить процессы, происшедшие в Украине за последние двадцать лет, в контексте триады «государство – церковь – общество». Методологические принципы украинской религиоведческой школы, сложившейся в постсоветский период, подразумевают незаангажированный толерантный дескриптивный подход к изучению любых ре-

лигиозных явлений и процессов. Другие подходы вряд ли применимы в поликонфессиональной стране.

Наша задача – проанализировать «геополитические векторы тяготения» основных религиозных конфессий Украины, которая волею истории и географии не только является «транзитным обществом», как любят говорить политологи, имея в виду «постсоветское прошлое» и «рыночно-демократическое будущее», но и находясь между ЕС и Россией, двадцать лет политически, экономически и культурно балансирует между Востоком и Западом, не собираясь вместе с тем утрачивать столь высоко ценимую обществом свободу выбора собственного пути, так дорого оплаченную «незалежність».

Обратимся к официальной статистике[1]. Религиозная сеть в Украине на 1 января 2012 г. представлена 55 вероисповедными направлениями, в рамках которых действует 36 500 религиозных организаций, в том числе 85 центров и 290 управлений, 35 013 религиозных обществ (30 880 священнослужителей), 471 монастырь (6769 монахов), 360 миссий, 80 братств, 201 духовное учебное заведение (учится 1975 слушателей), 12 899 воскресных школ. Растет издание церковных печатных средств массовой информации, в настоящее время их 390. Для богослужений религиозные организации используют 23 495 культовых и приспособленных молитвенных сооружений.

За годы независимости Украины Церковь из маргинального образования трансформировалась в полноценное общественное учреждение, сопоставимое как по численности, так и по своему влиянию с другими социальными институтами. Она продолжает динамично развиваться, а возрастание количества церквей предъявляет новые требования к деятельности самих церковных институтов и государственно-общественно-церковных отношений.

Как указывает Министерство культуры Украины[2], «на сегодня создана сеть религиозных организаций, достаточная для удовлетворения религиозных нужд верующих. Динамика роста институциональной сети свидетельствует об исчерпанности экстенсивного развития религиозной среды»[3]. Процесс оптимизации сети религиозных институтов будет продолжаться до тех пор, пока институционные показатели религиозности не станут соответствовать уровню религиозности украинских граждан.

Церкви граждане Украины доверяют больше, чем Верховному Совету, бизнесу, промышленности, судам и правовой системе, школам и образовательной системе. В Церкви видят фактор стабилизации и консолидации нации, укрепления общественной морали. Каждый пятый (18%) заявил о своем полном доверии Церкви[4]. Причем речь идет не о конкретной конфессии, а о Церкви как социальном институте. Вместе с тем с каждым годом усиливается политизация государственно-церковных отношений, религиозные организации все активнее и смелее выходят «за пределы церковной ограды», пытаясь активно влиять на общественно-политические процессы в стране. «Церковную карту» стремятся

разыгрывать самые разные политические силы, как внутренние, так и зарубежные.

Истоки многих сегодняшних проблем лежат в прошлом, поэтому обратимся к истории.

Коммунистический режим подверг Церковь в Украине глубокой деструкции[5]. Уничтожение религиозности как таковой сопровождалось целенаправленными действиями власти по нивелированию национальных признаков в деятельности религиозных организаций. В УССР «сложилась политическая традиция более непримиримого отношения к национальным и религиозным движениям, культурным новациям, вольнодумству интеллигенции, чем даже того требовали в Москве»[6]. Были уничтожены православные религиозные организации, провозглашавшие свои национальные симпатии, в первую очередь Украинская автокефальная Православная Церковь (УАПЦ) и греко-католические церковные структуры Галичины и Закарпатья. Политика относительно религиозных учреждений, созданных национальными меньшинствами (евреи, поляки, венгры), основывалась на разъединении этнического и религиозного компонентов, препятствовала консолидации национальных групп на религиозной почве, влиянию заграничных религиозных центров и была направлена на лишение этнических меньшинств возможностей осуществлять этническую идентификацию через религиозные учреждения. Национальные особенности в деятельности религиозных организаций были предметом особого внимания партийно-идеологического аппарата.

В начале горбачевских реформ в УССР официально действовало всего около 5.3 тыс. религиозных общин, абсолютное большинство (4 тыс.) из которых составляли объединения православных верующих. Действовали 9 из 16 монастырей Русской Православной Церкви. Вместе они образовывали Киево-Галицкий экзархат РПЦ, который затем трансформировался в Украинскую Православную Церковь. Позднепротестантские течения были представлены 1100 общинами верующих, которые подчинялись через свои религиозные центры в Украине соответствующим союзным руководящим центрам евангельских христиан-баптистов, христиан веры евангельской (пятидесятников) и адвентистов седьмого дня. Около 100 общин составляли римо-католики, 80 – реформаты, 14 – иудеи. В республике действовали всего около 7 тыс. священнослужителей[7].

Следствием жесткой политики в отношении религии стало образование в УССР мощного религиозного подполья, которое сотрудничало с диссидентскими кругами. Самый большой удельный вес среди них имели греко-католики, чья Церковь была насильственно ликвидирована в 1946–1948 гг. В течение более чем сорокалетнего «катакомбного» периода греко-католикам удавалось сохранять всю церковную структуру и поддерживать более или менее постоянные связи с Ватиканом и своими единоверцами за пределами Советского Союза. В разное время к религиозному подполью присоединились евангельские христиане-бап-

тисты (Союз церквей ЕХБ), подавляющее большинство пятидесятников, приверженцы реформистского движения в адвентизме, Свидетели Иеговы и представители других религиозных организаций.

Как справедливо указывает В. Еленский, «до 1991 г. в Украине окончательно сложились очаги многостороннего межцерковного конфликта, острота которого обусловливалась особенностями исторического развития страны, а конкретные параметры заложены советской церковной политикой, ходом политической борьбы конца 1980-х – начала 1990-х гг., церковным сознанием, коллективной памятью и этнопсихологическими чертами субъектов конфликта»[8]. Религиозные чувства населения Украины тесно переплелись с национальными.

Главными религиозно-общественными изменениями, происшедшими в конце 1980-х – первой половине 1990-х, стали:

- реализация достаточно широких религиозных свобод, принятие одного из самых демократичных в Европе законов «О свободе совести и религиозных организациях» и либерализация политики государства относительно религии, Церкви и верующих;
- восстановление национально ориентированных церквей Украинской греко-католической церкви (УГКЦ) и УАПЦ, которые благодаря беспрецендентной поддержке населения «явочным порядком» вошли в правовое поле страны;
- неудачная попытка власти содействовать утверждению единой поместной православной церкви на началах автокефалии;
- раскол православия на три церкви – УПЦ МП, УПЦ КП и УАПЦ, конфликт между украино- и москоцентричными кругами в украинской религиозной среде;
- восстановление внутрицерковных учреждений, начало процесса реституции церковного имущества и т.п., восстановление общественной инфраструктуры церквей и их вхождение в общественно-политическую жизнь страны;
- возрождение ислама в Украине на волне репатриации крымских татар;
- восстановление деятельности религиозных меньшинств;
- появление в Украине новых нетрадиционных религиозных течений.

Тогда же к проблемам и противостояниям христианских конфессий в Украине подключился исламский фактор государственно-церковно-общественных отношений. После массовой репатриации в конце 1980-х – начале 90-х гг. и возобновления таких выборных органов самоуправления, как курултай (Национальная Ассамблея) и меджлис (избирается делегатами курултая, объединяет функции представительного и исполнительного органа), в Украине начался сложный процесс возрождения ислама, которой стал еще одной сложной и противоречивой коллизией постсоветских государственно-церковных отношений. Возрождение ислама в Крыму, образование исламских религиозных общин в других (большей частью восточных) регионах Украины поставили вопрос интеграции ислама в религиозное поле Украины и явились источником межконфессионного напря-

жения, периодически приобретающего формы религиозных конфликтов. По прогнозам, в ближайшее время Украина войдет в пятерку европейских стран с наибольшим процентом мусульман среди населения.

В этой связи можно говорить о влиянии на религиозную ситуацию в Украине исламского геополитического фактора и религиозной политики исламских государств[9], в первую очередь Турции, а в последнее время, к сожалению, и международных исламистских организаций фундаменталистского радикального толка, например «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»[10].

Еще один процесс – появление в Украине новейших религиозных течений (НРТ), что стало результатом объективных процессов саморазвития религии и институализации порожденных ими явлений религиозной жизни. Не повлияв существенно на религиозно-духовную жизнь украинцев и на общую конфессиональную картину, этот процесс явился еще одним очагом религиозной напряженности.

Таким образом, хотя все «подводные камни» государственно-религиозно-общественного взаимодействия уже определились, начало 1990-х гг. в независимой Украине было временем, когда религия имела широчайшую базу социальной поддержки среди населения и мощный потенциал общественного авансирования.

Украина, обретя независимость, столкнулась с тем, что территориальная целостность нового государства абсолютно не гарантировала ментальной, этнической и религиозной целостности. В ходе острых дискуссий политологи пришли к выводу, что под «украинской нацией» нужно понимать не «этническую общность», а «политическую нацию», когда главную объединяющую функцию берут на себя государственная власть и общество. Титульный народ Украины – украинцы (согласно последней переписи населения составляют 77.82%)[11]. Второй по численности народ – русские (17.28%), затем следуют румыны/молдаване (0.85%), белорусы (0.57%), крымские татары (0.51%), болгары (0.42%), венгры (0.32%), поляки (0.30%).

Раскол общества, по мнению большинства ученых и аналитиков, связан в основном с русско-украинской идентификацией населения. Согласно исследованиям Киевского международного института социологии, этническую структуру Украины составляют примерно 62% моноэтнических украинцев, 23% биэтнических русско-украинцев, 10% моноэтнических русских и 5% людей из других этнических групп (методика определения этнической принадлежности – свободная самоидентификация человека)[12]. Противоположность пропорций двухмерного этнического состава двух частей Украины фактически объясняет, почему при сходстве социально-экономических и большинства политических ориентаций жителей обеих частей страны, при доминировании христианской веры, национально-политические и конфессиональные ориентации у них совершенно противоположны и базируются на национальных чувствах людей. Именно с эт-

ническим составом регионов тесно связаны такие национально-политические ориентации, как отношение к статусу русского языка в Украине и взаимоотношения государства с Россией и Западом, электоральные предпочтения избирателей на президентских и парламентских выборах и, конечно же, выбор между национально и пророссийски ориентированными православными церквями.

Конфигурация линий раздела общества, несмотря на их глубину и историческую протяженность, претерпевает определенные изменения. В первые годы независимости общество разделилось на тех, кто приветствовал «самостійність та незалежність» как в светской, так и в религиозной жизни, и тех, кто ностальгировал по Советскому Союзу. Вопрос стоял так: «Мы сами или с Россией, СНГ, или любым образованием из бывших субъектов советского пространства?» Причем если все помнили и знали, что такое советский уклад жизни, то самостоятельность была очень привлекательной, но «темной лошадкой» социальных ожиданий. Через 10 лет трансформаций, экономических и общественных потрясений вопрос стоит несколько по-другому: «Мы (1) в союзе (каноническом, экономическом, или любого другого формата) с Россией (2) пытаемся присоединиться к ЕС или (3) ищем промежуточный независимый вариант "многовекторного развития" страны?» Причем известны в этом уравнении только социально-экономические стандарты жизни ЕС, а два других варианта предполагают широкий спектр сценариев и неожиданностей и неизвестную социально-политическую конфигурацию «в конце пути».

Если в первые годы независимости противоречия между востоком и западом страны не артикулировались открыто и проявлялись, как в советские времена, в основном на бытовом и ментальном уровнях, то по мере развертывания демократических процессов они все более выступали на поверхность социально-политической жизни. Пиком противостояния стали президентские выборы 2004 г., «оранжевая революция», когда практически все население страны разделилось в своих политических симпатиях. По данным Института социологии, свыше 65% граждан Украины тогда признали, что они пережили острые конфликты с родными, близкими или друзьями из-за позиции на выборах и не все эти конфликты улажены.

В 2004 г. общество раскололось политически, но основой этого раскола стали различия архетипов сознания, исторической памяти, уклада жизни, религиозности, существовавшие задолго до обретения Украиной государственной независимости. Рассмотрим эти различия в сфере религии.

Историческое разделение Украины на Юго-Восточный (Днепровское левобережье, Слобожанщина и Крым), Центральный (Киевская, Черкасская, Хмельницкая, Житомирская, Винницкая, Кировоградская и Днепропетровская области) и Западный (Галичина, Буковина, Волынь и Закарпатье) регионы выразительно коррелируется с конфессионным доминированием определенных христианских церквей.

Юго-восток Украины является территорией с наиболее низкой в Украине религиозностью жителей и меньшим влиянием религии на образ жизни населения, поэтому он наиболее уязвим в конфессиональном плане. Недаром здесь больше, чем в других регионах Украины, представлены различные направления НРТ. Этнический состав населения и пророссийские общественные симпатии позволяют Украинской Православной Церкви Московской патриархии (УПЦ МП) быть здесь доминирующей христианской конфессией, добиваться поддержки властных структур и противодействовать попыткам «конкурирующих конфессий закрепиться на этой территории»[13]. Здесь сосредоточены большие промышленные предприятия (например, металлургические заводы Мариуполя), периодически выступающие спонсорами УПЦ. Пока УПЦ МП напоминает людям о едином культурном и экономическом пространстве бывшего СССР, потерю которого острее всего переживает промышленный Донбасс и Слобожанщина, такая ситуация будет продолжаться.

В городах и рабочих поселках, где живет большинство населения региона, сильны позиции протестантских церквей (в Донецкой и Запорожской областях в конце 1990-х гг. численность протестантстких общин сравнялась с количеством зарегистрированных православных общин).

В 1990 г. по количеству приходов восток (менее одной общины на 10 тыс. жителей) и запад страны (более 20 общин на 10 тыс. жителей) различались на порядок. Этот разрыв на протяжении 1990-х гг. существенно вырос. Он частично объясняется и одновременно усложняется тем, что на урбанизованном востоке Украины для «нормального религиозного обслуживания» населения нужно меньшее количество более крупных общин. Но чем больше община, тем менее глубоко втягивается человек в ее внекультовую жизнь, что в свою очередь оборачивается поверхностной, внешней обрядовой религиозностью прихожан. При таких отличиях сплоченность и организованность паствы становятся серьезным фактором давления как на власти разного уровня, так и на ситуацию в формально отделенных от Церкви сферах жизни общества.

Центр страны занимает промежуточное положение между более религиозным западом и более секуляризованым востоком. УПЦ МП здесь поддерживает значительная часть сельского населения, которое традиционно придерживается православия и противопоставляет себя соседям-«западынцам» с их греко-католической церковью. Однако и здесь с начала 2000-х гг. самые дальновидные иерархи, например митрополит Полтавский Феодосий (Дикун), благословляют ведение богослужения на украинском языке там, где в этом есть потребность, и открыто говорят о легальной автокефалии в будущем. Центр – самая большая по количеству общин и наиболее зажиточная в материальном плане часть ареала УПЦ МП, которая обеспечивает ее влияние в общеукраинском масштабе. Возможно, одна из главных проблем Центра (не считая Киев и его окраины) – относительная бедность религиозного наследия, реликвий и святынь.

В Центральном регионе УПЦ МП ощущает конкуренцию со стороны Украинской Православной Церкви Киевской патриархии (УПЦ КП) и УАПЦ, которые апеллируют к национальным чувствам прихожан и довольно успешно пропагандируют идею Поместной Церкви. Разрыв между количеством приходов УПЦ КП вместе с УАПЦ и УПЦ МП неуклонно сокращался за последние 5 лет XX в. и первые 5 лет XXI в.

Значительно влияние на религиозную ситуацию в Центральном регионе Украины Римской Католической Церкви (РКЦ). Хотя численность приходов РКЦ в 5–6 раз меньше, чем православных, но обязательные службы на украинском языке (а по потребности – на польском, русском и т.п.), программы катехизации, образованные священнослужители содействовали созданию крепких и активных общин, в которые входят не только этнические поляки, но и украинцы и русские (например, в Киеве). Поэтому уже в начале 2000-х гг. количество реально «практикующих» католиков в центре Украины превышало количество номинально крещеных православных.

По данным Министерства культуры Украины, последние годы структура РКЦ в Украине приобрела устойчивую форму, а динамика количественного развития замедлилась. Подавляющее большинство общин – 497 (54.1%) сосредоточены в Винницкой (115), Житомирской (121), Львовской (133), Хмельницкой (128) областях. В региональном разрезе самое большое количество религиозных общин действует в Северо-Центральном регионе 421 (45.9%) против 405 (44.1%) и 92 (10.0%) соответственно в Западном и Юго-Восточном регионах. Ныне РКЦ имеет в своем составе Львовскую архидиецезию и 6 диецезий, 16 монашеских управлений, 918 общин (608 священнослужителей, из них 272 иностранца), 100 монастырей (663 монаха), 41 миссию, 4 братства, 8 духовных учебных заведений (619 слушателей), 518 воскресных школ. Жизнь и деятельность РКЦ освещают 13 периодических религиозных изданий[14] .

РКЦ, имея богатый опыт взаимодействия с государственной властью самых разных в политическом, культурном и экономическом отношении стран мира, ни разу за 20 лет независимости Украины не была стороной сколь-нибудь резонансных конфликтных событий. В этом плане «рука Ватикана» в Украине не может (и не стремится) соперничать с «рукой Москвы».

По конфессиональному признаку регион разделен на две части. В трех областях Галичины преобладают греко-католики. Украинская греко-католическая церковь (УГКЦ) – поместная католическая церковь восточного обряда, обладающая статусом верховного архиепископата, действующая в Украине и в большинстве стран украинской диаспоры (Польша, США, Канада). УГКЦ – крупнейшая поместная католическая церковь восточного обряда[15]. По данным Annuario Pontificio за 2011 г., численность верующих в мире – 4360 тыс. человек. В Церкви около 3400 священников и 36 епископов. Церкви принадлежит 3919 приходов[16]. УГКЦ проводит богослужения в основном на украинском языке, который при-

знан официальным литургическим языком вместе с церковнославянским[17]. Говорить о «влиянии Запада» на украинских греко-католиков – значит повторять советскую риторику, потому что главным в их самоидентификации выступает национальный принцип – «украинскость». Именно этот принцип самоидентификации является основой определенных противоречий, возникающих время от времени между руководством УГКЦ и РКЦ в Украине и Папской нунциатурой.

Однако сказать, что запад Украины для УПЦ МП утрачен, было бы преувеличением. Западная часть «канонической территории» УПЦ МП неоднородна. В абсолютных меньшинствах УПЦ МП находится лишь в Львовской и Ивано-Франковской областях. Даже в Тернопольской области количество приходов сравнимо со средней российской епархией. В двух областях Волыни, а также в Закарпатской и Черновицкой областях – приоритет православных общин. «Западная Украина была на протяжении долгого времени финансовым и кадровым донором МП»[18] (семь из восьми действующих митрополитов УПЦ МП родились в Западной Украине), и потому потери УПЦ МП в этом регионе довольно мучительны. Западная Украина выделяется количеством православных реликвий, занимая второе место после Киево-Черниговского ареала, чье религиозно-культурное наследие большей частью связано с древнерусским этапом в истории Украины. Множество чудотворных списков богородичных икон XVI–XIX вв. было прославлено на границе современных Волынской, Ровенской, Тернопольской областей. Причем многие из них не имеют четких изводов-прототипов и часто почитаются верующими нескольких конфессий. С Почаевским монастырем связана и легенда о явлении Богоматери, и имя одного из немногих православных святых, чье подвижничество проходило в «провинции». Отказ от религиозного наследия Западной Украины для УПЦ МП невозможен, поскольку на востоке и юге Украины больших православных центров, монастырей, которые имеют дореволюционную историю, довольно мало. Поэтому на западе страны УПЦ МП старается использовать во время богослужения украинский язык и не упоминать имени патриарха Московского. К тому же нельзя игнорировать местные этноисторические особенности: на юге Черновицкой области много румыноговорящих приходов, тяготеющих к Бессарабской митрополии Румынской православной церкви, которая старается легализироваться в Молдове. Православные приходы в Закарпатье до Второй мировой войны были частью Сербской православной церкви.

Безусловно, главной коллизией в государственно-церковно-общественной жизни Украины остается раскол украинского православия. Не останавливаясь на его перипетиях, следует подчеркнуть, что основным в этой проблеме стал вопрос о независимости. УПЦ КП и УАПЦ стремились к независимости православных в Украине, проигнорировав канонические правила и традиции, которые утвердились во вселенском православии. Хотя четко определенной модели получения православными той или иной церкви полной независимости (автокефалии) не

существует, попытки украинских церквей получить ее явочным путем были особенно неудачными, поскольку создали в Украине такую ситуацию, когда часть православных церковных структур (УПЦ МП) признается другими православными церквами канонической, а остальные (УПЦ КП и УАПЦ) – нарушившими существующий порядок и выпавшими из канонически-правового поля.

Канонические аспекты функционирования религиозной организации для православных христиан очень важны. Они имеют решающее значение для священноначалия, клира, небольшой части паствы, которая знает церковное право. В то же время переоценивать или абсолютизировать влияние канонического фактора в конкурентной борьбе украинских православных церквей, по нашему мнению, не следует. Аргументы о неканоничности УПЦ КП и УАПЦ более действенны на востоке Украины еще и потому, что там устойчивая церковная власть существовала на протяжении столетий. На западе же храмы передавались из одной православной юрисдикции в другую, от католиков и греко-католиков к православным и наоборот, в основном по праву сильного.

Украинская Православная Церковь в организационном и каноническом единении с РПЦ в отношении к национальным ценностям оставалась неоднородной и в основном демонстрировала позицию, которая не всегда коррелировала с линией Украинского государства, особенно в ее внешнеполитическом курсе украино-российских отношений. Независимо от воли и желания священноначалия РПЦ внутри УПЦ МП до 2008 г. происходили определенные изменения.

Эти изменения в значительной мере связаны с самим фактом существования молодого и территориально большого независимого государства, которое объективно подталкивает украинскую политическую элиту к мысли о необходимости «собственной» Церкви. Именно этой мощной тенденции уже 20 лет противостоит самая большая православная конфессия страны – УПЦ МП.

С начала 1990-х и вплоть до конца 2000-х удельный вес тех, кто декларировал свою принадлежность к УПЦ Киевской патриархии, существенным образом превышала удельный вес тех, кто сообщал о своей принадлежности к УПЦ Московского патриархата. Если в анкете можно было избрать «просто православный», относительное большинство останавливалось на этой позиции. Этим люди, которые в массе имели очень слабую связь с институализированной религией, манифестировали свою национальную и культурную идентичность. Эта идентичность в большей мере связывалась с Киевом, чем с Москвой. И потому тот факт, что УПЦ МП имела значительно больше общин, чем УПЦ КП, не влиял на картину, которую отражали социологические исследования: Киевская патриархия собирала больше процентов, чем Московская. А еще больше людей указывали, что они «просто православные» (если анкета допускала такой выбор).

Исследователи выделяют несколько узловых проблем раскола украинского православия, которые не находят решения, а наоборот, углубляются. «Среди них:

1. Перманентные конфликты за владение культовыми зданиями и имуществом, брутальные заявления, публикации в средствах массовой информации, которые служат детонатором нарушения общественного спокойствия…

2. Нелады в украинском православии привели к крайней политизации религиозной среды. На ту или другую сторону встали не только отдельные политические деятели, народные депутаты, а и целые партии и депутатские фракции.

3. Раскол в православии носит четко выраженный региональный характер, который отрицательно сказывается на процессе консолидации украинского общества.

4. Ослабленность православных церквей является одной из причин распространения новейших религиозных образований, деятельность которых вызывает обеспокоенность людей.

5. Межправославные противоречия наносят вред не только православию в Украине, а и всей Полноте Православия. Они становятся предметом дискуссий между Москвой и Константинополем, служат причиной обострения отношений между этими влиятельными религиозными центрами в их борьбе за лидерство в православном мире»[19].

Каждый из четырех президентов Украины заявлял, что раскол православия – огромная проблема, которую необходимо решить во благо страны и ее граждан. Каждый из первых трех президентов так или иначе работал в этом направлении.

Лозунг «Свободная церковь в свободной стране» значил для провозгласившего его первого Президента Украины Л. Кравчука прежде всего возможность создания Автокефальной православной церкви в Украине, потому что в независимом государстве должна быть независимая от вмешательств внешних религиозно-политических центров Церковь. Проблемой той украинской власти было непонимание того, что церковной независимости нельзя добиться «явочным порядком», примерно так, как создавались постсоветские суверенные государства после Беловежских договоренностей.

В этой ситуации политическое руководство Украины считало необходимым поддерживать национальноориентированные церкви и старалось ограничить активность УПЦ МП. Деятельность власти относительно последней не всегда была законной: с одной стороны, это был адекватный ответ на стремление Московской патриархии во что бы то ни стало удержать часть православных украинцев в сфере своего духовно-религиозного влияния, а с другой – создавала перспективу для выделения определенного круга религиозных организаций и ограничивала права других. В реальной политике это проявлялось в поддержке центром и частью региональных элит УГКЦ, УПЦ КП и УАПЦ, которая, однако, нивелировалась тогдашним широкомасштабным межправославным конфликтом. В тех регионах, где УПЦ МП занимала господствующие позиции, региональная власть формально стояла на позиции центра, продолжая реально поддерживать УПЦ МП.

Перед властью встала задача поиска действующей модели, адекватной конфессиональной ситуации. Этот поиск часто не учитывал ни социальные, ни региональные, ни ментальные особенности конфессионального раздела Украины. Л. Кучма, учтя ошибки предшественников, пытался вести более гибкую политику и остро чувствовал необходимость автокефалии. Он вошел в историю как президент, при котором Украину посетил Папа Римский. При нынешнем президенте такое событие просто немыслимо. При Кучме активизировались контакты с Вселенским Патриархом на государственном уровне.

В. Ющенко считал, что объединение православия консолидирует нацию. Когда Партия регионов и БЮТ в 2007 г. преодолели президентское вето на закон о Кабмине и существенно ограничили права президента, Ющенко в тот же день занялся созданием богословской комиссии, которая должна была начать объединение УПЦ МП с УПЦ КП.

Кульминацией усилий его кабинета становится визит в Киев Вселенского Патриарха летом 2008 г. Варфоломея I встречали с беспрецедентными почестями. Ожидалось – и эти ожидания позднее будущий патриарх Кирилл назовет обоснованными, – что Константинопольская патриархия возьмет под свой омофор украинские православные церкви, которые объявили себя независимыми от Москвы. Две канонические юрисдикции на территории одной страны – это небезупречно ни с точки зрения церковного права, ни с точки зрения консолидации украинского общества. Но если Московская патриархия и Российское государство выразительно продемонстрируют свою незаинтересованность в решении украинского вопроса, это стало бы выходом и для миллионов православных, и для будущего православия в Украине.

И церковная, и нецерковная Москва со временем признает, что приложила тогда все возможные усилия, чтобы остановить такое развитие событий. Патриарх Варфоломей I предложил такой сценарий обретения УПЦ КП и УАПЦ канонического признания при сохранении независимости от Москвы, на который лидеры этих церквей не могли согласиться.

Украинское государство столкнулось с сопротивлением не только Московской патриархии, но и Российского государства. Это выразилось и в организации визита Ивана Павла II (2001) и патриарха Варфоломея I (2008) в Украину, и в перенесении центра УГКЦ из Львова в Киев, и в стремлении объединить православных. В МИД РФ было даже образовано специальное структурное подразделение, сосредоточенное на религиозной проблематике. Православие становится, как подчеркивал глава внешнеполитического ведомства Российской Федерации, «неотъемлемою частью усилий по утверждению самобытной роли России на мировой арене»; активно привлекая для мобилизации старых русских диаспор «объединение соотечественников», Россия хочет возвратить себе «историческую роль покровительницы и защитницы православных церквей».

Неэффективность и безответственность, которые проявила «оранжевая» власть, провал ожиданий, которые на нее возлагали миллионы украинцев, не только привели со временем к президентству Виктора Януковича, но и к поляризации идентичностей внутри страны, в том числе – идентичностей религиозных. Начало президентства В. Януковича практически совпало с приходом к руководству РПЦ патриарха Кирилла. Усиление давления Московской патриархии на Киев впервые за годы независимости страны встретило поддержку у украинской власти.

В Украине сегодня в значительной мере определяются статус и дальнейшая судьба РПЦ, которая старается хотя бы формально остаться самой влиятельной Поместной Православной Церковью. Украина фактически стала полигоном для «обкатки» патриархом Московским нецерковной концепции «русского мира», которая полностью противоречит православной экклезиологии. «Доктрина и ее автор стали флагом российского национализма и антивестернизма, ее элементы реально заработали на восточнославянскую москвоцентричную идентичность, ритуальные заговоры об уважении к суверенитету стран “русского мира” никем серьезно не воспринимаются, а сами “руссмировцы” алкают прежде всего Российской, а не Христовой Церкви. И как писал в своем блоге наиболее откровенный среди них[20], “для нас… было и есть очень важным, что эта церковь не просто каноническая, но и то, что она русская! Потому что мы – русские! Поэтому считаем, что наш Бог – это русский Бог, наша Вера – это русская Вера, родной язык нашего Спасителя – это русский язык”»[21]. Становятся очевидными факты вмешательства Московской патриархии во внутренние дела Киевской митрополии, ее канонический статус де-факто начинает суживаться.

Действующий президент публично позиционирует свою принадлежность к УПЦ МП. Это автоматически сделало дискуссии об обретении украинскими православными автокефалии «неудобными» на государственном уровне и разжигает ожидание со стороны УПЦ МП определенных преференций от Главы государства. Общество начало обсуждать возможность «отдельного статуса» для УПЦ МП, как это сделано в России. Правозащитные, межцерковные и гражданские учреждения (Всеукраинский совет церквей и религиозных организаций, Украинская ассоциация религиоведов,Украиниская ассоциация религиозной свободы и др.), занимающиеся государственно-конфессиональными отношениями в государстве, высказали обеспокоенность возможностью изменения действующего законодательства относительно государственно-религиозных взаимоотношений, констатируют уменьшение уровня гарантированности в Украине принципов свободы совести[22].

С 2010 г. делаются попытки превратить православие в имперскую идеологию России, а с избранием на должность Президента Украины В. Януковича такая угроза появилась и перед Украиной. В конце 2010 г. менее 30% опрошенных Центром им. А. Разумкова считали, что «власть относится одинаково ко всем рели-

гиозным организациям в Украине». Вместо того почти четверть заметила, что «есть Церкви, к которым власть относится лучше, чем к другим», а еще 11.3% – что «власть выделяет одну Церковь в противоположность другим».

Как отмечает известный украинский эксперт в области государственно-церковных отношений В. Еленский, «В. Янукович хорошо усвоил неоднократно озвученный иерархами и представителями Московской патриархии тезис о том, что Киевская патриархия держится только на политических подпорках и упадет, как только их ее лишат. Тяжело себе представить, что В. Янукович, который в первый год своего президентства трижды встречался с патриархом Московским, никогда не обращался с ним к проблеме украинского раскола. И еще труднее себе представить, что патриарх предложил президенту какую-то дружескую относительно "раскольников" модель решения проблемы. Во всяком случае, давление на священников и общины верных Киевской патриархии, которым настойчиво предлагают переходить в патриархию Московскую, стала признаком "новой церковной политики". Как и преференции и горячая дружба с одной лишь Церковью – УПЦ в единстве с Московской патриархией. Это вызвало истинный восторг в одних кругах этой Церкви, смятение – в других и подозрения в обществе. …Это не "перегибы на местах", потому что президент В. Янукович получил всю полноту власти в стране и без импульса свыше явление не стало бы тенденцией. Надо понимать, что единая Православная Церковь от 2010 г. мыслится как действительно одна-единственная в Украине Православная Церковь в подчинении Московской патриархии, которая должна поглотить сначала центральноукраинскую часть УПЦ КП, а затем – и УАПЦ. Единство ее – это не консолидация православных украинцев, а единство с Москвой»[23].

Мнение эксперта подтверждается изменением численности православных конфессий. Исследование Центра им. А. Разумкова (ноябрь 2010 г.) зафиксировало уже серьезное преимущество УПЦ МП над УПЦ КП – 23.6% против 15.1% (УАПЦ – 0.9%). Причин таких изменений несколько. Во-первых, православие в Украине прирастает в основном востоком и югом Украины, а не центром и тем более западом, где церковная сеть насыщена почти до предела. Новые православные общины создаются на юге и востоке преимущественно Московской патриархией. Во-вторых, очевидно, УПЦ Киевской патриархии не смогла стать в глазах новых православных такой универсальной Православной Церковью, чье поступательное развитие обусловлено качеством религиозной жизни, богословия, профессионального и непрофессионального образования и т.п., а не только национальной идеей. Общеправославная идентичность украинцев в очередной раз поляризуется. «Просто православные» продолжают составлять относительное большинство, но их удельный вес сокращается. Для некоторой части «просто православных» именно такой выбор был продиктован возможностью счастливо избежать категоричного ответа относительно своей идентичности. События в стране все настойчивее ставят их перед выбором. Ключевой вопрос в

том, в пользу какой идентичности будет сделан выбор. Социологи не фиксируют доминирования российской идентичности над украинской. Для проверки такой гипотезы в анкету исследования Центра им. А. Разумкова (ноябрь 2010 г.) была специально включена возможность отнести себя к Русской Церкви. Таких оказалось только 0.8% всех опрошенных.

Констатируя явное усиление влияния РПЦ на государственно-церковные отношения в Украине, приходится очередной раз признать, что уроки истории современные политики не усваивают. Вся история Украины с XVI в. до наших дней показывает, что чем сильнее давление извне, тем интенсивнее консолидация общества по национальному признаку. Потому что в конечном счете нация вырастает из стремления людей быть вместе – даже если они исповедуют разную веру и имеют разное этническое происхождение.

У власти есть лишь одна возможность проводить непопулярную в обществе политику в религиозной сфере – силовая, ограничивающая свободу совести граждан. И такой сценарий уже начал осуществляться. 16 октября 2012 г. парламент принял проект Закона Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины» (регистр. № 10221 от 16.03.2012 г.), который предполагает существенные изменения законодательства о религии, не взирая на обещания президента, данные им представителям христианских церквей, о том, что никаких изменений в это законодательство, особенно без предварительного согласования с религиозными организациями Украины, вноситься не будет. Представители от лица церквей, которые объединяют десятки миллионов верующих граждан Украины, решительно призвали В. Януковича как гаранта конституционных прав и свобод граждан применить право вето к этому проекту Закона в части недопущения внесения никаких изменений в действующий Закон Украины «О свободе совести и религиозных организациях». Этот Закон создаст трудности в регистрации религиозных организаций и практике его применения, а самое главное – к возмущению религиозной среды в связи со злоупотреблением доверием церквей, которые надеялись на соблюдение обещаний президента и всех причастных должностных лиц разного уровня о недопущении внесения никаких изменений в законодательство о свободе совести при отсутствии их консенсусной поддержки со стороны конфессий[24].

Украинское общество неизбежно ответит на подобную церковную политику государства. И достаточно убедительным ответом может считаться тот факт, что на состоявшихся 28 октября 2012 г. выборах в Верховный Совет VII созыва Всеукраинское объединение «Свобода», националистическая партия, в которую не принимают атеистов и бывших членов КПСС, по результатам предварительного подсчета набрала 10.44% голосов избирателей и уверенно вошла в Верховный Совет. Очередной этап самоидентификации украинского общества состоялся.

Двадцатилетний опыт независимости научил украинское общество пониманию хрупкости баласа существования между Россией и ЕС. Украинцы пони-

мают, что религиозное многообразие и религиозная толерантность – это величайшие ценности, которые общество и власть обязаны беречь. Но они не имеют ничего общего с разобщенностью внутри религиозных конфессий. Это касается и украинских мусульман, не имеющих единой организационной структуры, и, в первую очередь, украинских православных. Ведь «Украинская Православная Церковь является "Украинской" потому, что объединяет всех православных в Украине сущих, а не только этнических украинцев. И Православная Церковь здесь должна быть одна, объединяющая левых и правых, украинцев, россиян, гагаузов и т.п. Что делит православных в Украине? Ведь не "Символ веры", не обрядовые вопросы, а проблема подчиненности. Это не о Христе и не о Евангелии, это о политике. Поэтому объединение церквей зависит от общественно-политических, социокультурных, других процессов в украинском обществе. ...Чем более успешной будет страна, тем более естественным станет объединение церквей»[25].

Абсолютно естественно для жителя любой страны мира самоидентифицироваться как ее гражданин и патриот. Украинцев же настойчиво заставляют считать, что патриотизм состоит в идентификации себя с какими-то геополитическими, георелигиозными или цивилизационными образованиями, значительно большими, чем их родина. Преодолеть этот вызов – значит обрести настоящую духовную свободу, которую, как показали годы независимости, нужно найти и вырастить внутри себя, а не получить из чьих-то рук, потому что за любые подобные подарки приходится расплачиваться судьбами поколений.

Примечания

1 Інформаційний звіт Міністерства культури України про стан і тенденції розвитку релігійної ситуації та державно-конфесійних відносин в Україні (за 2011 рік). [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.irs.in.ua/.

2 После ликвидации Указом Президента Украины № 1085/2010 от 9.12.2010 Государственного комитета по делам национальностей и религий все его функции выполняет Министерство культуры Украины.

3 Інформаційний звіт Міністерства культури України про стан і тенденції розвитку релігійної ситуації та державно-конфесійних відносин в Україні (за 2011 рік).

4 Паращевін, М. Релігія та релігійність в Україні / За ред. С. Макеєва; переднє слово О. Іващенко. Інститут політики, Інститут соціології НАН України, 2009. С. 47.

5 Бондаренко, В.Д., Котлярова, Т.О. Релігійно-церковне життя в Україні: особливості відродження та розвитку // Пріоритети державної політики в галузі свободи совісті: шляхи реалізації: Збірник наукових матеріалів / За загальною редакцією В. Андрущенка, Г. Попова, М. Новиченка, М. Заковича. К.: Реліус, 2007. С. 8 (8–43).

6 Єленський, В.Є. Релігія після комунізму. Релігійно-соціальні зміни в процесі трансформацій центрально- і східноєвропейських суспільств: фокус на Україні. К.: НПУ імені М.П. Драгоманова, 2002. С. 75.

7 Данные приводятся по: Бондаренко, В.Д., Котлярова, Т.О. Релігійно-церковне життя в Україні: особливості відродження та розвитку.

[8] Єленський, В.Є. Релігія після комунізму… С. 90.

[9] Булатов, А., Арістова, А. Кризові процеси в мусульманській уммі Криму: причини та інституційні форми вияву // Ісламські процеси у світі та в Україні: реалії і прогнози. Колективна монографія / Відповідальний редактор А.В. Арістова // Українське релігієзнавство. К.: УАР, 2011. № 57. С. 139.

[10] Кубеліус, О.А. Північний Кавказ – Україна: ісламський фактор у подоланні кризових явищ. [Електронний ресурс.] Режим доступу: http://www.niisp.gov.ua/vydanna/panorama.

[11] Соборна Україна: корінні народи і національні меншини // Персонал. № 6. 2005.

[12] Хмелько, В. Из-за чего политикам удается раскалывать Украину // Зеркало недели. № 24. 24 июня 2006.

[13] Мітрохін, М. Деякі аспекти релігійної ситуації на Україні // Русская мысль. № 4276. 1 липня 1999 р.
Митрохин, Н. Некоторые аспекты религиозной ситуации на Украине // Русская мысль. 1999. № 4276–4277.

[14] Інформаційний звіт Міністерства культури України про стан і тенденції розвитку релігійної ситуації та державно-конфесійних відносин в Україні (за 2011 рік).

[15] Данные о структуре церкви см. на официальном сайте УГКЦ: http://www.ugcc.org.ua/rus/church_in_action/ structure.

[16] Annuario Pontificio. 2011 г.

[17] Рішення Єпархіального Собору Перемисько-Варшавської Архієпархії, що відбувся в Перемишлі в днях 14 – 16 березня 2002 року. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.irs.in.ua/. http://www.cerkiew.net/page.php?42

[18] Мітрохін, М. Деякі аспекти релігійної ситуації на Україні.

[19] Бондарчук, І.В. Українське православ’я: проблеми сьогодення // Міжправославні відносини в Україні: характер, проблеми, тенденції розвитку. Зб. наук. матеріалів // За загальною редакцією В. Андрущенка, І. Бондарчука, М. Новиченко, М. Заковича. К., 2006. С. 4 (3–7).

[20] http://blogs.pravda.com.ua/authors/ chalenko/4b2bf798d8be0/

[21] Єленський, В.Є. Релігія «нульових»: підсумки десятиліття. [Електронний ресурс.] Режим доступа: http:// risu.org.ua/ua/index/expert_thought/analytic/40964/

[22] Прес-реліз УАРС (9 лютого 2011 року). [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://uars.org.ua/documents.php?id=337.

[23] Єленський, В.Є. Релігія «нульових»: підсумки десятиліття. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://risu.org.ua/ua/index/expert_thought/analytic/40964/.

[24] Звернення Наради Церков до президента В. Януковича щодо ветування змін до Закону про свободу совісті. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://risu.org.ua/ua/index/resourses/church_doc/ecumen_doc/50038.

[25] Капсамун, І. Що важливіше за газ? // День. № 78–79, 11 травня 2012 р.

Галина Русецкая

ТВОРЕНИЕ EX NIHILO И ДИСГАРМОНИЯ КАК УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ОБЩЕСТВА

Abstract

The primary goal of this article is to show theoretical and practical potential of the treatment of the society beyond harmony (the nonharmonic social order). Certain positions of Castoriadis's and Lacan's works are compared in the article. Both authors use psychoanalytic methodology in their theoretical constructions. Essential distinctions in research optics of these theorists are found out in the question of the possibilities and the price of social constructivism. At all value of theoretical claims of Castoriadis, a reference point for a substantiation of possibility of the nonharmonic social order is the concept of constitutive lack and Lacan's ethics of psychoanalysis (ethics of the Real). Consistent realization of psychoanalytic ethical principles of Lacan detects the possibility of a meeting with dimensions of the political. Political in its turn is considered as a radical incommensurability of private hopes (particularistic positions) and the universal whole. This incommensurability is a condition of the possibility of a democratic order and publicity conceivable in terms of ambiguity. This idea, apparently, could become not only the basis for criticism of an official discourse about a social order, but also a reference point for creation of the local public places.

Keywords: Imaginary, Symbolic, ethics of the Real, alienation, ambiguous democracy, a nonharmonic social order, sublimation, identification with a symptom.

Основным источником надежд на приемлемое общественное устройство является представление об обществе как некой целостности и гармонической потенциальности, возможной под знаком Утопии. Не отрицая значимости уто-

пического креационизма в деле социального проектирования, стоит сказать, что это не единственная продуктивная мыслительная стратегия. Альтернативой утопическому креационизму может быть ставка на дисгармонию в качестве конститутивного основания общества.

Стоит оговориться, что далеко не самые замшелые проекты устроения счастливого общества, подобные идеальному государству Платона или Городу Солнца Томмазо Кампанеллы, опираются на концептуальный ресурс Утопий. К слову: с легкой руки белорусского художника Артура Клинова, реализовавшего одноименный арт-проект[1], Минск иронично называют Городом Солнца. В ряде социальных теорий второй половины XX – начала XXI в. утопическое предвосхищение «лучшего будущего» в наиболее продуктивном варианте кристаллизуется в понятии *социального воображаемого* (К. Касториадис, Ч. Тейлор, Г. Гаонкар). В то же время во многом благодаря влиянию постколониального дискурса надежда на «лучшее будущее» не транслируется исключительно в западноевропейском варианте. Речь идет о версиях (множественных вариантах) современности в качестве «специфической темпоральности», задающей перспективу рассмотрения прошлого и будущего из сегодняшнего здесь-и-сейчас, и о проектах социального устройства если не дарующего счастье, то и не блокирующего интенции автономизации (Фурс 2007).

Однако утопический креационизм зачастую оказывается близорук в отношении простого тезиса: ни один из проектов устроения лучшего общества не является наилучшим, поскольку ни один из «проектировщиков» не в состоянии обозреть тотальность социального с высоты птичьего полета. Попытка мыслить социальное как принципиально негармонизируемое, не укладывающееся в единый универсальный проект, является альтернативой утопическому мышлению. Эта работа призвана обозначить некоторые перспективы рассмотрения общества по ту сторону его гармонического устройства. Думается, психоанализ помогает прояснить возможность (по меньшей мере теоретическую) социального устройства, преодолевающую как апатичное пренебрежение социальным креационизмом, так и фантазматическое ожидание удовлетворения общественных надежд посредством «удачной» констелляции общественных предписаний.

Постановка вопроса о социальном, мыслимом в терминах отсутствия гармонии, представляется актуальной по двум причинам. Первая из них касается специфики конкретных социальных реалий (белорусских в частности), в которых общество, как правило, представляется по большей части в качестве однородного гармонического целого. В последнее время, однако, становится сложно не замечать отсутствие тотального согласия и целостности общества. Но чаще всего отсутствие согласия воспринимается как эксцесс, как исключение из правила необходимой или возможной целостности. Все, что не вписывается в общий беспроблемный контекст, выпадает из области зримого, а если и наделяется статусом существующего, то в терминах либо маргинального и не-

значительного, либо запредельно дестабилизирующего, а потому не имеющего право на жизнь (признание). Вторая причина, побудившая автора статьи затронуть означенную проблематику, – теоретический потенциал концепций, очерчивающих собственный нормативный горизонт необходимостью институциализации дисгармонического состояния общества или, если, забегая вперед, использовать терминологию представленного ниже автора, – *институциализации социальной нехватки*. Институциализация социальной нехватки если не гарантирует устроение «счастливого общества», то удерживает от насильственного его внедрения.

Двигаясь по пути реализации поставленной задачи, необходимо рассмотреть вопрос об эвристическом потенциале, практической (социально-политической) значимости, а также границах применения понятий автономии, социального воображаемого и этики психоанализа. С этой точки зрения представляются репрезентативными концепции Корнелиуса Касториадиса и Жака Лакана, а также несколько работ Яниса Ставракакиса, в которых осуществлен критический разбор основных теоретических положений вышеназванных авторов, демонстрирующий выход в сферу политического.

В теоретических построениях Касториадиса и Лакана присутствуют понятия Воображаемого и Символического. Данная работа не преследует цель последовательного изложения концепций упомянутых авторов: для нас важна не столько специфика использования омонимичных понятий (Воображаемое и Символическое) Касториадисом и Лаканом, сколько постановка вопроса о продуктивности «имажинативного» измерения социальных теорий. «Творение из ничего» Касториадиса, как видится, все же имеет ограничения. И психоанализ Лакана может быть востребован здесь для нелишнего соизмерения креационистских потенций с тем, что в традиции структурного психоанализа называется неудачей репрезентации.

Проект автономии Касториадиса не может не вызывать желания солидаризироваться с ним по нескольким причинам:

1. Перспектива рассмотрения общества в качестве самоустанавливающегося освобождает от необходимости полагать социальный порядок предопределенным, установленным, внеположенным субъекту социального действия, функционально оправданным.

2. Руководствуясь идеями социального конструктивизма, Касториадис весьма убедительно демонстрирует механизм, практически приговоренный к реализации творческих интенций индивида.

3. Все еще брезжащий революционный пафос в эпоху конца социального и политического интересен хотя бы в силу своей жизнестойкости. Все же не будем полагать, что здесь имеет место инерция привязанности к левым проектам.

Начнем краткое представление концепции Касториадиса с ее психоаналитической составляющей. Для Касториадиса важно разоблачить гетерономию

в самом конструкте *я*. Формулу Фрейда «где было *оно*, должно стать *я*» Касториадис прочитывает в обратном направлении: «где есть *я*, должно возникнуть *оно*» (Касториадис 2003: 119). Позиция *я* в качестве самополагающего целого должна быть расшатана, с тем чтобы в игру вступили силы желания, невидимые до определенного момента. Кроме того, поскольку в бессознательное всегда уже включен дискурс Другого (у Касториадиса это слепок установленных институтов), то перед желающим обрести автономию субъектом стоит задача распознать его (дискурс Другого) и заново интегрировать в свой собственный. Автономия на индивидуальном уровне, таким образом, означает способность отдавать себе отчет в своем желании.

Для психоаналитического субъекта важна соотнесенность с не-субъектом в субъекте или, иными словами, причастность миру за пределами субъективности, сопряженность с ним посредством «плоти». Плоть по Касториадису – это «предсознание универсума смыслов, опережающее любую рефлексивную мысль» (Касториадис 2003: 121). Для обретения состояния автономии необходимо как минимум обратить внимание на эту зону сопряжения, не поддающуюся рационализации. Касториадис критикует неотчуждаемую свободу рационализма. «Голая свобода» философии рационализма «одновременно и бесспорна, и тщетна» (Касториадис 2003: 122). В психоаналитической же трактовке свобода или, если выражаться корректнее, автономия предполагает встречу с бессознательным. Основные характеристики автономного субъекта по Касториадису – подвижность, способность реорганизации наличного и становящегося, готовность творить мир подручными средствами. Таким образом, субъект как будто бы провозглашается Касториадисом несамотождественным, сочлененным с чем-то в себе помимо себя. Здесь, отметим, забегая вперед, позиции Касториадиса и Лакана близки.

Но уже на этом уровне – «индивидуальном» – просматривается двойственность позиции Касториадиса в трактовках понятий автономии и субъекта. С одной стороны, как уже отмечалось, субъект обременен никогда не распознаваемым до конца, отчуждаемым остатком (дискурсом Другого), а потому не автономен и не центрирован, с другой – в нем есть некое подобие центра, наделенного способностью креации, который является гарантом автономии. Эта способность образует «неотъемлемое качество», конститутивное основание субъекта, в то время как у Лакана конститутивна радикальная нехватка (нехватка Другого).

При переходе на уровень социального анализа мы обнаруживаем примерно ту же логику в прорисовке путей автономии, на этот раз общества. Подобно индивиду, непрозрачно и общество. «Общество заключает в себе нечто большее, чем оно является в данный момент» (Касториадис 2003: 130). Эта дистанция (неполнота) неуничтожима, как неуничтожима дистанция между уже установленными институтами и устанавливающимися. Отчуждение же имеет место,

поскольку установленные институты начинают функционировать в отрыве от породивших их устремлений или, если ввести одно из ключевых понятий теории Касториадиса, от *воображаемого*. Воображаемое же в качестве способности видеть вещи иными, а также «первичной способности вызывать в сознании образы» (Касториадис 2003: 144) представляет собой несводимый к функциональности источник социального творчества и автономии.

Таким образом, социальные институты берут свое начало за пределами сознательной институциализирующей деятельности, – в социальном воображаемом. Они не открываются в силу неотложной необходимости, а создаются подобно произведениям искусства – самоустанавливаются. Но неизбежный итог их деятельности – работа, направленная на поддержание существующего порядка вещей в качестве очевидного, то есть работа, целью которой является самоподдержание, что позволяет говорить об отчуждаемом характере. Апелляция же к функциональности институтов объясняется слепотой по отношению к тому факту, что «функциональность обретает свои цели вне своих границ» (Касториадис 2003: 163). Мы приписываем функциональность институтам задним числом. Так, общество потребления стимулирует гонку потребления, апеллируя к сформированным им же самим (точнее, его институтами) «потребностям» индивидов. В случае с белорусским социальным ландшафтом камуфляж не менее очевиден. «Стабильность» и «преемственность» служат оправдательными подпорками институтам, чьи основные функции – поддержание инерции привычной социальной модели.

Относительно убедительности теории Касториадиса возникают некоторые сомнения.

1. Не скрывается ли в чрезмерном увлечении понятием социального воображаемого надежда на достижимость гармонии и примирение с «действительностью» в ее фантазматическом измерении? Не может ли проект автономии обернуться утопическими чаяниями?

2. Креативность и конструктивистский оптимизм (Касториадис) с одной стороны и пессимистическая цикличность надежд и разочарований (Лакан) с другой. Что лучше? Если автономия в чьем бы то ни было понимании и возможна, то это не отменяет того, что аргументация Касториадиса за эту возможность слабее аргументации Лакана против. Лакан, правда, в отличие от Касториадиса, прямо не ставит задачу автономии.

Чтобы отчетливее обозначить сильные и слабые стороны концепции Касториадиса, сопоставим ее с теоретической моделью Лакана. В работе «Creativity and its limits» Янис Ставракакис приводит такие характеристики психоанализа Лакана, данные Касториадисом: «психотический, унизительный, оскорбительный, перверсивный» (Stavrakakis 2002: 522). В этой же работе Ставракакис ссылается и на мнение Уайтбука, воспроизводящего позицию Касториадиса в отношении психоанализа Лакана: учение Лакана аисторично, оно игноририрует идеи эман-

сипации, отказывает в праве на существование какому-либо автономному политическому действию, гипостазирует власть языка подобно цикличности машины, а также излишне подвержено идеям лингвистического структурализма (Stavrakakis 2002).

Как указывает Ставракакис, эти обвинения не совсем справедливы. На самом деле Лакан модифицирует структурализм. Символическое у него принципиально незамкнуто. И в этом пункте позиции Лакана и Касториадиса близки. Для Касториадиса трактовка символического, в рамках которого существуют институты, как и для Лакана, невозможна без отсылки к внесимволическому. Это внесимволическое – то, что делает возможным историческое производство значений, – нечто иное, как воображаемое. Воображаемое творит из ничего. Здесь позиции Лакана и Касториадиса формально не расходятся. Лакан, как и Касториадис, пишет о творении ex nihilo. При этом он использует метафору гончара и горшка (горшок создается вокруг пустоты) (Лакан 2006). Но принципиальное отличие состоит в том, что у Касториадиса мы можем обнаружить то, что Ставракакис называет метафизической протокреативностью. Оказывается, что в психике есть некая инстанция, коей присуща способность к социальному творчеству. Касториадис пишет, ссылаясь на Фрейда (в частности, на его «Толкование сновидений»), и довольно убедительно, о загадке некоего порождающего центра – изначального *представлять-представления*. Получается, радикальное воображаемое предсуществует всякой социальной организации. Как же тогда можно говорить о творении ex nihilo? Эта непоследовательность позволяет полагать, что Касториадис воспроизводит метафизическую оппозицию между психическим и социальным, не предполагая наличия какой-либо медиальной среды.

Для Лакана же творение из ничего возможно благодаря бреши в Символическом. История, если следовать за Лаканом, – бесконечная игра между человеческой креативностью (как реализацией желания полноты) и нехваткой средств символизации (социализации). Нехватка в качестве нехватки Другого или неудачи репрезентации стимулирует развитие истории. Таким образом, обвинения Лакана в аисторичности, биологизме и тавтологии беспочвенны. Другое дело, что наличие несимволизируемого Реального не позволяет Лакану испытывать чувство оптимизма по поводу возможности неотчужденного состояния как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Более того, отчуждение и креативность – две стороны одной медали. Именно шок столкновения с Реальным, столкновения, возможного только посредством схватывания тотального несоответствия или неудачи идентификации, делает возможным выход в сферу политического. У Касториадиса же может быть потерян момент политического в связи с пролонгированием радикального воображаемого. Касториадис сглаживает радикальность лакановского разрыва между социальным (Символическим) и Реальным, когда переходит на уровень внутреннего. Человек у него не сталкивается с пустотой и отчуждением, а значит, и с политическим. Столкно-

вение с политическим – это момент, когда становятся видимыми границы человеческой креативности. Касториадис не желает мириться с положением Лакана о том, что попытка схватить Реальное обречена на неудачу вследствие неустранимой неадекватности средств символизации.

Это расхождение, однако, не отменяет того, что и Лакан, и Касториадис являются социальными конструктивистами. Для проекта автономии Касториадиса важно доказательство возможности постоянного самообновления общества с участием социальных субъектов, практикующих реализацию воображаемых представлений и преодолевающих отчужденное состояние. Избегая понятия автономии, Лакан, в свою очередь, показывает, каким образом отчуждение вписано в логику социального креационизма. Соглашаясь с тем, что Символическое «творится» из ничего, он гораздо более осторожен в суждениях о цене креативности. Человеческая креативность для него – это попытка «вернуть» утраченное-невозможное Реальное, принесенное в жертву за вход в социальный мир. Эту нехватку-утрату можно выразить только символическими средствами. Но Символическое – не некое замкнутое, обладающее полнотой пространство, оно принципиально разорвано, а потому креативность, разворачивающаяся в этом пространстве, не может не нести следов отчуждения. В позиции Лакана отсутствует романтизм в отношении феномена креативности, следы которого можно обнаружить у Касториадиса.

Означает ли это, что скепсис относительно возможности преодоления социального отчуждения автоматически приводит к реакционному конформизму? Вовсе нет. Для Лакана новое означивание (пусть неудачное) – это лишь новая точка пристежки, переструктурирующая все пространство Символического. Принятие в расчет того факта, что любая попытка «пристегнуть» Реальное обречена на неудачу, стимулирует желание искать новые точки пристежки. Отсюда берет начало и психоаналитическая этика Лакана: единственное предписание, в соответствии с которым нужно действовать, – это предписание следовать своему желанию. «Действовал ли ты в соответствии со своим желанием?» «Искал ли пути означивания невозможного, травматического Реального?»

Психоанализ Лакана может быть продуктивен для социальной теории и обоснования политической позиции, культивирующей общество без гармонии. Опираясь на этику психоанализа в версии Лакана, можно поддерживать шаткое равновесие между освободительными интенциями и стремлением к их институциональному закреплению. Эти две формы социальной активности находятся в противоречии, что, собственно, и является конститутивным основанием демократии, снятие которого (противоречия) невозможно, – все проекты по его снятию расположены за пределами демократического социального устройства. «Отсутствие гармонии» – это установка, принятие которой не отрицает гегемонистских притязаний тех или иных политических сил на захват мест вещания. Необходимое условие для поддержания двусмысленной демократии (а только в

таком варианте она и возможна) или общества без гармонии – институционализация социальной нехватки (Stavracacis 2005), принятие в расчет того факта, что не существует никакого позитивно определяемого ориентира, цементирующего общество. Наши требования, представления, аффекты имеют право на воплощение в институциях не более чем те же устремления других, и только случайная констелляция многих факторов приводит к гегемонии тех или иных сил. Ожидания относительно приемлемого социального устройства никогда не могут быть удовлетворены полностью. В принятии этого факта, пожалуй, позиции Касториадиса и Лакана совпадают в целом, но расходятся в артикуляции отношения к этому досадному обстоятельству, равно как и в его теоретическом обосновании.

Каким образом этика психоанализа востребуется политической теорией? Еще раз подчеркнем, что психоаналитическая этика – этика Реального – это сфера внегармонического. Понятие блага, на которое опирается традиционная этика (этика гармонии или идеала), по Лакану, уже своим появлением задает конфликтный характер человеческого существования, парадоксальным образом не прописывая эту конфликтность, сглаживая ее. Психоанализ же настаивает явным образом на негармоническом основании всякой этической мысли. *Благо* – первая преграда на пути к недостижимому Реальному, вторая – *прекрасное* (в этой работе не рассматривается). Политическое в русле этих рассуждений нужно понимать как встречу с произвольностью провозглашения какого бы то ни было блага (Лакан указывает, что понятие блага имеет идеологическое измерение) – это во-первых. А, во-вторых, по аналогии с искусством политическое – это, как пишет Ставракакис, демонстрация невозможного (политика как искусство невозможного).

Ставракакис выделяет две психоаналитические идеи, продуктивные для анализа негармонического социального порядка, почерпнутые у Лакана: 1) *сублимация* и 2) *идентификация с симптомом* (Stavracacis 2005: 131). Обе имеют непосредственное отношение к этике психоанализа.

Давно устоявшееся, отсылающее к Фрейду представление о *сублимации* связано с отклонением либидо от первичной цели. Объект влечения в процессе сублимации наделяется статусом Вещи, а если точнее, Вещь, будучи связанной с объектом, тем не менее отслаивается от него и задает новое измерение либидо. Пытаясь реконструировать отдельные суждения Лакана относительно Фрейдова понятия Вещи (das Ding), отметим следующее. Говоря о Вещи, мы имеем дело с ответом до вопроса, то есть Вещь – это та невозможная утрата, которая указывает на то, чем мы никогда не обладали. Для Лакана это измерение утраты невозможного объекта является необходимым. Объект влечения соотносим с Вещью, но не совпадает с ней.

Сублимация, являясь отклонением от курса, прочерчивает избыточную область публичного пространства. Публичное пространство с необходимостью

избыточно. Как только мы пытаемся обнаружить его в совпадении с прагматической функциональностью, оно теряет свою суть.

Сублимация принципиальным образом отличается от идеализации. Идеализация отсылает исключительно к фантазматическому (Воображаемому в терминах Лакана). Сублимация же сохраняет зримой несовпадение перспектив между объектом влечения и самим влечением. Поэтому в случае с сублимацией мы имеем дело с Реальным. В сублимации имеет значение не конечная цель замены какого-то конкретного «зримого» объекта, не подмена как таковая, а сам процесс замены. Лакан подчеркивает, что в механизм сублимации встроена антиномия. Отклонение от цели (объекта) влечения приносит как самодостаточное удовлетворение, так и разочарование в равной мере.

В отличие от идеализации сублимация не гарантирует гармонического состояния, она по определению носит проблематичный характер. Аналогичным образом публичность как таковая проблематична по своей сути. Если мы рассматриваем ее сквозь призму механизма сублимации, это сфера двусмысленности. Находясь в публичном пространстве, мы не можем не желать удовлетворения наших целей, желаний, стремлений, но их удовлетворение в полной мере будет свидетельствовать о схлопывании публичности. Все попытки придать публичности характер определенности и предсказуемости нивелируют ее специфику. Сублимация позволяет посмотреть на публичное пространство с точки зрения связи приватного наслаждения со сферой разделяемых с другими чувств. Приватное, будучи символически означенным, становится условием возможности публичного. Сублимация – не что иное, как способ создания публичного пространства, строящегося вокруг признания нехватки и собственной неудачи.

Далее обозначим понятие *идентификации с симптомом* в связи с его принципиальным отличием от идентификации с идеальным *я*. В психоанализе идеальное *я* – воображаемый конструкт, вокруг которого выстраивается наша идентичность. Как отмечает Жижек, важно понимать, что в случае с идеальным *я* идентификация происходит не обязательно с чем-то «положительно окрашенным». Можно идентифицироваться с чувством вины, злобой или страданием. Здесь важен момент уподобления. Что же касается идентификации с симптомом, то здесь логика иная: симптом предъявляет нам некое травматическое образование, не поддающееся включению в прежнее представление о себе, недопустимое, а потому вытесняемое. Вместе с тем в соответствии с психоаналитической этикой симптом должен быть интегрирован: с этим невозможным травматическим образованием необходимо идентифицироваться, поскольку именно оно является основанием всех возможных символизаций.

Переход от идентификации с идеальным *я* (фантазмом) к идентификации с симптомом означает переход от утопического измерения (проекта социального устройства более или менее гармонического) к измерению дисгармонии или двусмысленной демократии. В социальном анализе дисгармонию (то есть

демократию) нужно поставить на место симптома. Но важно понимать, что не из-за демократии возникает дисгармония, а дисгармония (Реальное) лежит в основе образования симптома (демократии). В основе политики дисгармонии – зримость нехватки в Другом, осознание принципиальной незамкнутости социального поля. Иными словами, демократия – это та модель политического устройства, которая исходит из невозможности преодоления несовпадения перспектив участников политического (взаимо)действия. Симптом – это не невозможный эксцесс, а воплощение игнорируемого разлада в социальном поле, это эксцесс, смысл которого мы можем понять, только отождествившись с ним. Как пишет Жижек, мы должны стать знаками травматических событий (Жижек 1999). Только в этом случае возможен переход по ту сторону возможности их повторения.

Таким образом, опираясь на этику Реального, можно трактовать политическое в качестве существующего за пределами идеала гармонии. Так понимаемая сфера политики предполагает самоиронию по отношению к собственным попыткам занять какую-либо метапозицию (занять ее невозможно, но и уклониться от занятия еще труднее). Единственную возможность существования демократии Ставракакис видит в институциализации социальной нехватки, предполагающей неизбежность и необходимость момента распада политического. Институционализация социальной нехватки, кроме прочего, – это аналог осознания пациентом в рамках психоаналитической терапии необходимости обретения символической ниши и выхода за пределы фантазма, что никоим образом не совпадает с обретением гармонии. Ведь в психоанализе, вопреки распространенному мифу, речь идет не о гармонизации, а об автономизации.

Создание социального порядка по ту сторону гармонии – отнюдь не аналог разворачивания центробежных сил и не война всех против всех. Главный тезис Ставракакиса состоит в следующем: социальный порядок может быть организован вокруг признания всеми социальными агентами разрыва – невозможности гармонического, согласованного раз и навсегда соотношения диспозиций. Политика гармонии опирается на этику блага, в то время как политика дисгармонии – на этику Реального (психоаналитическую этику).

В обоснование идеи общества по ту сторону гармонии мы обратились к ряду психоаналитических идей и понятий. Критика концепции Касториадиса не являлась для нас самоцелью. Важно было не только показать значимость социального конструктивизма, основанного на креативно-порождающей роли бессознательного, но и очертить границы этого подхода для анализа феноменов социально-политического характера. Обозначив границы применимости теоретической стратегии Касториадиса, мы обратились к психоанализу Лакана, чтобы с помощью понятий конститутивной нехватки, этики Реального, сублимации и идентификации с симптомом показать возможность мыслить социальное как принципиально негармоническое. Двусмысленность – условие возможности су-

ществования демократии и публичности – этот тезис Ставракакиса представляется актуальным не только в качестве эпистемологического притязания, но и применительно к рассмотрению сложившейся и возможной социально-политической конфигурации в Беларуси. Тотальное отождествление общества с некой целостностью, а конфликтности – с его разрушением имеют два следствия: деполитизацию или сверхполитизацию. Оба этих эффекта, как это ни покажется парадоксальным, оказываются вне сферы политики. Ведь политика – это столкновение не столько с конкретной другой, чуждой нам позицией, сколько с разногласием как таковым. Здесь важно подчеркнуть, что замена одного целостного видения на другое (целостное же, но отличное по содержанию) по сути ничего не меняет. Смысл демократического переустройства как раз состоит в создании двусмысленного порядка, при котором всякий ответ на основополагающее разногласие носит временный и частичный характер, что не отменяет значимости его притязания. Принятие в расчет этого измерения неизбежного разногласия – условие возможности социального, по определению нецелостного.

Для социально-политической практики установка на недостижимость гармонии имеет прямое следствие – осознание необходимости институциализации социальной нехватки. Поиск возможностей такой институциализации очевидным образом предполагает необходимость исходить не из согласия, а из разногласия, точнее, согласия по поводу неустранимости разногласия. Институциализация социальной нехватки – это создание места для пустоты. Вопрос о процедурах институциализации социальной нехватки остается открытым. Мы вели речь скорее об установке, эпистемологическом обосновании, нежели о конкретных рецептах.

Литература

Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. В. Сафронова. М.: Художественный журнал, 1999.

Касториадис, К. Воображаемое установление общества / Пер. с фр. Г. Волкова, С. Офертас. М.: Гнозис, Логос, 2003.

Лакан, Ж. Семинары. Книга 7. Этика психоанализа / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис, Логос, 2006.

Фурс, В.Н. Белорусский проект «современности»? // Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели. Вильнюс, 2007.

Stavrakakis, Y. Creativity and its limits // Constellations. Volume 9. No 4. 2002. P. 522–539.

Ibid.

Stavracacis, Y. Lacan & the Political. London and New York: Routletge, 2005.

Примечания

[1] См. об этом, например http://artaktivist.org/pomyslit-o-nemyslimom-civitas-solis-artura-klinova/

Между Востоком и Западом

Андрей Ролёнок

«ИДЕЯ ЕВРОПЫ» В БЕЛОРУССКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Светлой памяти Светланы Андреевны Наумовой

Abstract

The following text is a part of a research dedicated to the problem of the European identity's construction in the Belarusian ideological discourse. The research has received support at a grant contest organized by the European Humanities University thanks to the means passed on to the EHU by the European parliament's president Jerzy Buzek.

The objective of the given research is to analyze the specifics of the "Idea of Europe" and define the strategies of the European identity's construction as a horizon of the Belarusian national Identity in the Belarusian Ideological Discourse using the example of the journal "Беларуская думка" (2011 issue period). The set objective is detailed in course of solving the following theoretical tasks: 1) reveal the specifics of the ideological representation of the Belarusian national Idea ("Belarusian model") in the context of being involved with the "idea of Europe"; 2) define the conditions of the possibility as well as the measurement of the Europeanization of the "Belarusian model" in the ideological discourse; 3) analyze the tendencies and peculiarities of the transformation of historical memory (concerning Belarusians and Belarusian statehood in the context of the European civilization/ "the idea of Europe") in the ideological discourse.

By using the critical-ideological approach, as well as certain methods of content and discourse analyses, the results of the given research prove the following hypothetical statements: the

"idea of Europe" is positioned independently of itself and is necessary to the ideology of the Belarusian State as a horizon for constructing a Belarusian identity, in order to legitimize the political articulation of the Belarusian national identity in its involvement with Europe.

If the ideological articulation aspires towards the monopoly of the "European Idea, the task of the critical theory of Europe is to de-monopolize and de-idealize the "idea of Europe" showing the basis of the existing interpretations/evaluations.

Keywords: "idea of Europe", Belarusian ideological discourse, construction of the national identity, "Belarusian model", selected europeanisation, re-sovietization of historical memory.

*Введение**

Для понимания данной части необходимо прояснить общий исследовательский замысел и основные параметры исследования.

С расширением Европейского союза в 2004 г. Европа (отождествленная с ЕС) начала граничить с Беларусью. Риторика официальных властей с тех пор не могла ограничиваться констатацией инаковости или вражескости Европы, стратегия коммуникативного замалчивания (по принципу «белорусская модель – единственная модель») также исчерпала себя. Возникла необходимость тематизации «идеи Европы» в ее сопричастности «белорусской модели» общественного развития. Данная необходимость еще более актуализировалась с запуском программы «Восточное партнерство» в 2008 г. и ухудшением отношений с Россией.

В этом контексте важно не просто артикулировать специфику тематизации «идеи Европы» в белорусском идеологическом дискурсе, но и определить стратегии конструирования европейской идентичности как горизонта белорусской национальной идентичности. В этом и заключается цель данного исследования.

«Идея Европы» понимается как пустое означающее, которое «наполняется содержанием» в рамках идеологического дискурса. Подобное «наполнение» претендует на монополизацию смысла (стратегия гомогенизации) и носит идеализированный характер (стратегия идеализации).

Под белорусским идеологическим дискурсом в данном исследовании будет пониматься идеология белорусского государства (далее – ИБГ). ИБГ не имеет концептуального единства и структурируется преимущественно через отнесение к высказываниям (программным речам) Президента Республики Бела-

* Данный текст является частью исследования по проблеме конструирования европейской идентичности в белорусском идеологическом дискурсе. Исследование получило поддержку на конкурсе грантов, организованном Европейским гуманитарным университетом благодаря средствам, переданным ЕГУ президентом Европейского парламента господином Йержи Бузеком.

русь А. Лукашенко, транслируемым в государственных СМИ[1]. Так, стартовой точкой в оформлении ИБГ принято считать 2003 год – Доклад президента Лукашенко на семинаре руководящих работников по вопросам совершенствования идеологической работы (Лукашенко 2003)[2]. В дальнейшем идеологический дискурс пополнился множеством книг и учебных пособий по «идеологии белорусского государства»[3]. Из года в год он продолжал «обрастать» новыми высказываниями (обращениями, посланиями, директивами, декретами, программами, концепциями) президента, оперативно интегрирующимися в идеологический дискурс и расхватывающимися на цитаты. Понимание «идеи Европы» в идеологическом дискурсе президента носит открытый характер, подвержено изменениям сообразно конъюнктуре на внутриполитической и внешнеполитической арене. В контексте данного исследования важно зафиксировать смещение в интерпретации «идеи Европы», обнаруживаемое в идеологическом дискурсе на рубеже 2010 и 2011 гг. (до и после президентских выборов).

Особо отличаются в «пропаганде» государственной идеологии государственные СМИ (телевидение, радио, газеты, журналы и т.д.). Свою нишу в пространстве идеологической работы занимает общественно-политический и научно-популярный журнал «Беларуская думка»[4] (далее – «БД»), учрежденный Администрацией Президента Республики Беларусь (издается с 1991 года).

Выбор в качестве предмета исследования материалов журнала «БД» обусловлен следующими факторами:

1) в журнале (чаще всего в специальной рубрике «Улада») печатаются топовые представители режима / государственного аппарата (министры, генеральный прокурор, представители законодательной, исполнительной и судебной власти и др.), передовые «идеологи» режима (например, В. Гигин, Я. Яскевич, С. Решетников, Е. Бабосов и др.) и другие представители всевозможных государственных институтов или в целом «прогосударственные мыслители»;

2) с 2009 г. журнал входит в перечень ВАК Республики Беларусь (для публикации результатов диссертационных исследований) и претендует не только на измерение «общественно-политический» или «популярный», но и «научный» (в отличие, например, от газет);

3) журнал репрезентирует официальную точку зрения белорусских властей, ибо издается (с 1995 г.) Администрацией Президента (ранее – НИИ Минэкономики Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь) и входит с 2007 г. в состав «БелТА (Белорусское телеграфное агентство)», хотя, несмотря на это, стоит избегать отождествления президентского идеологического дискурса с идеологическим дискурсом «БД»;

4) главный редактор Вадим Гигин является активным участником публичных дискуссий[5] (особенно на исторические темы) и включен (за «заслуги» в идеологической работе) в список граждан, невъездных на территорию стран ЕС;

5) на протяжении советской истории «БД» также был пропагандистским изданием (с 1922 по 1927 г. – журнал «Вперед», с января по март 1927 г. – «Весткі ЦК КП(б)Б», с марта 1927 г. – «Бальшавік Беларусі», с 1952 г. – «Коммунист Белоруссии»).

С целью сужения предметной области исследования взята выборка статей журнала «БД» за 2011 г. Выбор обусловлен нижеследующим.

1. 2011 год является поворотным во взаимоотношениях ЕС и Беларуси: Беларусь лишилась европейского вектора в своей многовекторной политике. Позитивные политические контакты, установленные в рамках программы «Восточное партнерство», оборвались после президентских выборов в декабре 2010 г. Жестокий разгон мирного собрания граждан 19 декабря 2010 г., арест кандидатов в президенты и последующие политические репрессии представителей оппозиции и гражданского общества способствовали ухудшению отношений с Европой: ОБСЕ не признал выборы демократичными, ЕС ввел визовые санкции для госслужащих, спонсоров и пропагандистов режима А. Лукашенко.

2. 2011 г. войдет в историю Беларуси как период экономического кризиса, девальвации белорусского рубля, инфляции, увеличения государственного долга и продажи госсобственности, обнищания граждан и, как следствие, целой серии гражданских протестных акций («Стоп-бензин», «Молчаливые акции протеста»). Отдельно стоит сказать о теракте в минском метро 11 апреля. Идеологическим работникам предстояла большая работа по созданию за этот год «правильных» интерпретаций происходящих политических и социально-экономических событий. Существенно увеличивали объем работы события во «внешнем мире»: «арабская весна», «долговой кризис Европы», «угроза технического дефолта в США», «гуманитарная интервенция в Ливии и убийство Каддафи», «создание Таможенного союза и Единого экономического пространства» и др.

3. Многие исследователи (например, А. Сарна[6]) уже отмечали ранее, что оценка «идеи Европы» в риторике белорусских властей зависит от текущих отношений с Россией: если 2010 год прошел под эгидой «информационных войн», то 2011 г. ознаменовался «перезагрузкой» дружеских отношений (чему поспособствовало вступление России в предвыборный период – выборы в Государственную Думу и выборы президента). Сообразно трансформации отношений с РФ трансформируется и образ Европы[7]. Исходя из этого, можно предположить, что конструирование европейской идентичности в идеологическом дискурсе носит конъюнктурный характер.

Важно заметить, что содержание журнала, как и редакторская политика, на протяжении последних 20 лет менялись и, в принципе, не были статичны. В 2011 г. исполнилось 20 лет журналу «БД». Редакция решила оценить пройденный путь, предложив для наглядности следующую периодизацию истории журнала: 1) «рамантычна-авантурыстычны» период (1991–1995), 2) «дынамічна-ўзнёслы» период (1995–2007), 3) «стваральна-наступальны» период (2007–2012). Выбор

названия интересующего нас третьего периода был мотивирован дальнейшей легитимацией «белорусской модели» (поиски которой завершились в прошлый, «дынамічна-ўзнёслы» период) под лозунгами «строительство сильной и процветающей Беларуси» и «дать отпор “завистникам” и “недоброжелателям” данного процесса». Тематически «стваральна-наступальны» период центрирован на «политике» и «обществе», но «истории» также отводилось существенное место: «Гісторыя – таксама своеасаблівы брэнд “Думкі”» (Лоўгач 2011: 16).

Для каждого периода ретроспективно можно выделить специфический модус репрезентации Европы (и России).

Если первый период можно охарактеризовать лозунгом «возвращение в Европу», активным обсуждением десоветизации белорусской идентичности и становления демократического национального государства с рыночной экономикой, то, начиная с конца 1995 г., редакцией взят курс на легитимацию политики ресоветизации и реинтеграции Беларуси и России, европейский вектор, как и его адепты, маргинализируется.

Тема интеграции утратила политическую ценность (девальвировалась) после окончания ельцинской эпохи в России и актуализации путинской установки на прагматизацию отношений РФ и РБ (и новыми рыночными контрактами на поставки газа и нефти, ограничениями доступа белорусских товаров на российский рынок). Смею предположить, что именно это стало главным фактором трансформации идеологического сопровождения авторитарного режима А. Лукашенко от интеграционного популизма и панславизма к идеологии *суверенного* белорусского государства, проект которой был сформирован и артикулирован в 2003 г. Данный период, в принципе, не завершился, ибо консолидации ИБГ не произошло.

С конца 2007 г. в контенте журнала происходят изменения: стала активно использоваться риторика многовекторности и были открыты венесуэльский, китайский, европейский векторы. В конце 2007 г. произошла смена главного редактора: вместо В. Величко был назначен В. Гигин. Именно последний и стал главным пропагандистом президентских наказов и рьяным защитником белорусской модели развития от нападок со стороны внутренних и внешних врагов. ИБГ является открытым (вернее – конъюнктурным) проектом, и сообразно изменениям отношений Беларуси с Россией (российским руководством) или Европой меняется контент ИБГ в целом и «БД» в частности: если ухудшаются отношения с Россией, то актуализируется риторика многовекторности, если отношения улучшаются (РБ получает интеграционную скидку на энергоресурсы), то Россия опять становится братским народом. Отношения с Россией в 2008–2010 гг. (некоторые аналитики называют этот период либерализацией) были, скорее, напряженными или даже конфликтными (например, информационная война накануне президентских выборов). Это отразилось на идеологическом дискурсе «БД» и в программных текстах президента (послание парламенту, вы-

ступление на всебелорусском собрании). Отношения с ЕС в указанный период, наоборот, заметно улучшились и Беларусь стала участником программы «Восточное партнерство». Соответственно, в идеологическом дискурсе Европа стала позиционироваться как наш добрый сосед, основной торговый партнер, стандарт качества жизни, к которому мы стремимся[8].

В общем, ИБГ (на примере «БД») – это прагматический проект, призванный оправдывать, легитимировать текущую политику белорусских властей, учитывая ее всевозможные изменения.

При проведении исследования применялись стандартные методики поиска и обработки данных в процессе мониторинга материалов периодического издания (журнала «БД»), а также методы дискурс-анализа и контент-анализа при выявлении специфических особенностей и общих характеристик (качественных и количественных показателей) текстов. Мониторинг «БД» осуществлялся за период с 1 января по 31 декабря 2011 г. (за это время вышло 12 номеров). В сплошную выборку были включены все тексты на русском и белорусском языках, в которых есть отсылка к «идее Европы» в самом широком смысле[9]: упоминание европейских стран, событий, персон; доминантное обсуждение европейских ценностей («демократия», «свобода», «гражданское общество» и др.), осмысление «белорусской модели» / «пути» развития, векторов внешней политики и дебаты об истории белорусов в контексте европейской цивилизации. При этом важно было оценить не только тематическую направленность публикации, но и ее оценочный характер – то отношение (позитивное, негативное, нейтральное), которое высказывал к излагаемому материалу автор сообщения.

В 2011 г. в журнале было опубликовано 205 авторских текстов (не считая публикаций социологических опросов, поздравлений, писем в редакцию). Абсолютное большинство текстов написано на русском языке и только 20 текстов (9.76% от общего количества) на белорусском. Как отмечает главный редактор В. Гигин: «Моўная палітыка часопіса "Беларуская думка" адлюстроўвае становішча ў нашым грамадстве. Мы прымаем матэрыялы на той мове, на якой іх прыносіць аўтар, рыхтуем інтэрв'ю на той мове, на якой субяседнік гатовы размаўляць з нашым журналістам. Але ж атрымліваецца, што ў асноўным гэта руская мова. Мы нават плацім большы ганарар беларускамоўным аўтарам, але і гэта не дапамагае. Якое тут выйсце? Магчыма, трэба проста перакладаць пэўную колькасць тэкстаў на беларускую мову?» (Гігін 2011а: 9). В данном высказывании просматривается тенденция идеологического дискурса монополизировать право репрезентации белорусского общества: язык авторских публикаций, представленных в журнале «БД», конструируется как находящийся в прямой корреляции с состоянием общества в целом.

Исследование печатного периодического издания методом контент-анализа позволяет выявить не только общее количество публикаций, но и особенности освещения темы, а также состояние информационного поля в целом. При этом

учитывается характер источника сообщения, количество публикаций, число упоминаний по теме и оценка сообщаемой информации. Объектами обсуждения могут выступать институты, персоны, события, а также сами европейские страны и «идея Европа» в целом.

Исследование методом дискурс-анализа посвящено выявлению специфики тематизации «идеи Европы» и конструирования европейской идентичности в журнале «Беларуская думка» (за 2011 г.) применительно к белорусской модели развития. При этом обращается внимание на следующие параметры: идеологическая позиция издания и автора, особенности формата и жанра публикации, а также стратегия проблематизации и ее риторическое оформление (стиль автора и выразительные средства, применяемые в материале).

Общий информационный фон в целом можно считать нейтральным (56.88%, 62 текста), хотя при освещении ситуации в странах Евросоюза в условиях экономического кризиса преобладала негативная оценка (25.68%, 28 текстов). Материалов с позитивной оценкой меньше, чем негативных сообщений (17.44%, 19 текстов). Всего в период с 1 января по 31 декабря 2011 г. в журнале зафиксировано 109 тематически релевантных статьи/текста. Большинство материалов представляло собой комментарии/оценки авторов о ситуации в Европе или о различных направлениях деятельности европейских организаций и их взаимодействии с белорусскими институтами, предприятиями или общественными объединениями. Тема «идеи Европы» характеризуется, скорее, комплементарностью: она подается в определенном контексте – как дополнение к информационному фону, который составляют другие темы (например, политика безопасности, либерализация политической и экономической модели развития, дискредитация оппозиции, генезис белорусской национальной идентичности), предоставлявшие возможность обоснования избирательного подхода к европеизации и косвенной апелляции к «идее Европы». Проведение исследования ограничивалось анализом преимущественно общих, доминантных тенденций, которые были выявлены по результатам мониторинга.

Итак, цель данного исследования – проанализировать специфику тематизации «идеи Европы» и определить стратегии конструирования европейской идентичности как горизонта белорусской национальной идентичности в белорусском идеологическом дискурсе на примере журнала «БД» (период – 2011 г.).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие теоретические задачи:

1) выявить специфику идеологической репрезентации белорусской национальной идентичности («белорусской модели») в контексте сопричастности «идее Европы»;

2) определить условия возможности и измерения европеизации «белорусской модели» в идеологическом дискурсе;

3) проанализировать тенденции и особенности трансформации исторической памяти (о белорусах и белорусской государственности в контексте европейской цивилизации/«идеи Европы») в идеологическом дискурсе.

Следует заметить, что данная статья будет посвящена решению двух первых задач. Результаты исследования в рамках третьей задачи опубликованы в белорусском журнале «ARCHE Пачатак» (Ралёнак 2012).

В данном исследовании осуществлена попытка доказать следующее гипотетическое утверждение: «идея Европы» позиционируется несобственно и необходима идеологии белорусского государства как горизонт конструирования белорусской идентичности, для легитимации политической артикуляции белорусской национальной идентичности в ее сопричастности Европе.

Если идеологическая артикуляция претендует на монополию смысла «идеи Европы», то задача критической теории Европы[10] – демонополизировать и деидеологизировать «идею Европы», показав «основания»/предпосылки наличествующих интерпретаций/оценок. «Идея Европы» в рамках белорусского идеологического дискурса обнаруживается как «зеркало», в котором отражается белорусская идентичность.

1. «Белорусская модель» и «идея Европы»

Тематизация «идеи Европы» не является перманентной в идеологическом дискурсе (ей не посвящаются специальные номера и даже рубрики), представленном в журнале «Беларуская думка». Данная тема попадает в фокус анализа преимущественно при изменении отношений Беларуси с ЕС (например, в контексте президентских выборов 2010 г. или программы «Восточное партнерство») или очередных «войн» (газовых, нефтяных, торговых, информационных) Республики Беларусь с Россией. В остальное время тема носит если не маргинальный, то весьма специфический, фоновый характер (обсуждается в контексте иных проблем/тем). Однако, несмотря на отсутствие доминирующего фокуса, тема «Европа» выполняет существенную идеологическую нагрузку – она является способом (через противопоставление/сравнение) конструирования белорусской национальной идентичности. Противопоставление *своей* модели политического и социально-экономического развития *чужой* «Европе» (шире – Западу) позволяет достичь идеологической легитимации.

Следует заметить, что апелляция к дискурсу «модели» или «пути» является доминирующей в рамках выбранного для анализа периода (2011 г.)[11]. Большинство авторов в своих текстах пытаются легитимировать право руководства страны на выбор своей модели/пути развития для Беларуси и доказать эффективность данной модели, несмотря ни на какие объективные трудности (как, например, валютный кризис). Так, например, Галина Мохнач, сотрудница журнала, подготовила публикацию («Сальдо в мешке не утаишь»), включающую мнения экспертов

в области экономики о специфике современной экономической ситуации в Беларуси. Данный текст есть попытка проанализировать причины и последствия экономического кризиса в Республике Беларусь 2011 г. (лейтмотив текста – доказать, что белорусская модель все так же успешна и эффективна, как ранее). В качестве основных причин/внешних факторов маркируются[12]: 1) мировой финансовый кризис; 2) рост цен на нефть; 3) панические настроения белорусских потребителей (продовольственный «хапун»). Автор заключает, что нам необходима «модернизация определенных институтов и механизмов, не отказываясь от выбранной социально ориентированной рыночной модели <…> Заявления о несостоятельности избранной модели были как минимум преждевременными <…> Другое дело, что любая модель, социально ориентированная или какая-либо иная, не является застывшей» (Сальдо в мешке не утаишь 2011: 34, 38).

Иными словами, можно зафиксировать, что апелляция к дискурсу «модели» или «пути» не проблематизируется и принимается некритически, как само собой разумеющийся факт. Единственным исключением (соответствующим критериям научности) является высказывание Л. Заико, директора аналитического центра «Стратегия»: «При этом, мне кажется, не стоит заострять внимание на терминах, таких, в частности, как белорусская экономическая модель, потому что в теоретическом плане такой подход представляется непродуктивным… здесь сказывается некая провинциальность белорусской экономической мысли. <…> Мне приходилось штудировать различные системы экономического знания, и могу сказать, что в Беларуси работает кейнсианская модель. Если точнее, это левокейнсианская модель в духе Джоан Робинсон, с достаточно сильной патерналистской политикой, в которой активно используются механизмы стимулирования совокупного внутреннего спроса. Этот спрос у нас как раз и "перегорел"» (Сальдо в мешке не утаишь 2011: 45).

Следует также заметить, что конструкт «белорусская модель» в идеологическом дискурсе может создаваться не только негативным образом (как «не-Запад»). Так, например, И. Котляров, директор Института социологии НАН Беларуси, доктор социологических наук, в качестве важнейших составляющих национальной модели развития выделил: 1) идеологию («идеология белорусского государства – это нравственное мировоззрение белорусской нации»); 2) науку (переход к обществу инноваций и экономике инноваций); 3) эффективное государственное управление (Котляров 2011: 68–69). При этом ключевой принцип функционирования белорусской модели заключается в ее открытости и динамичности: «Модель развития белорусского общества – это открытая система <…> находится в постоянной динамике» (Котляров 2011: 67, 71). Тезис об открытости системы позволяет также развить идею о трансформации «белорусской модели» в политическом измерении. Тема трансформации политической системы Беларуси была продолжена в статье главного редактора журнала В. Гигина «Белорусская политическая система: перспективы развития» (Гигин

2011: 59). При этом в качестве ключевых автор выделил следующие характеристики белорусской политической модели: 1) концентрация власти на всех уровнях управленческой вертикали; 2) прямое народовластие, осуществляемое как через выборы, так и путем республиканских референдумов; 3) значительная персонификация власти (президент А. Лукашенко как центр принятия политических решений); 4) апартийность или департизация белорусского общества[13]; 5) повышенная политическая активность общественных объединений (например, «Белая Русь»); 6) острая конфронтация между действующей властью и ее политическими оппонентами («Можно говорить о том, что в Республике Беларусь наблюдаются элементы двух противостоящих политических культур: гражданского большинства (доминирующая) и политической оппозиции (андеграундная)» (Гигин 2011c: 59)).

1. Прежде всего «белорусская модель» позиционируется в идеологическом дискурсе как **альтернатива глобальному капитализму**. В современном (конфликтном) мире идет конкуренция моделей развития и Беларусь имеет право на выбор собственной модели, своего пути развития. Такая схема аргументации наиболее распространена среди авторов журнала. Так, председатель КГБ В. Зайцев в статье[14] «Борьба с терроризмом и экстремизмом как часть национальной безопасности РБ» пытается показать, что в современном мире наличествует конкуренция моделей общественного устройства. При этом современный глобальный мир (в духе глобализма) маркируется как потенциально конфликтный (т.е. как внешняя угроза). «Ситуация в современном мире характеризуется нарастающим потенциалом конфликтности, связанным с политическим и религиозным экстремизмом, основанном на агрессивном национализме, усилении религиозной нетерпимости и ксенофобии, а также высоким уровнем террористической активности и сопутствующим ему незаконным оборотом наркотиков, оружия и боеприпасов, ростом нелегальной миграции» (Зайцев 2011: 32). Министр информации Олег Пролесковский в статье, посвященной информационной безопасности, вообще указывает на наличие информационной войны с Западом, пытающимся дестабилизировать ситуацию в Беларуси («изменить законный конституционный строй» посредством импорта «цветной» революции). Потрясающий комментарий-следствие из озвученного тезиса делает министр[15]: «Главная причина таких действий – независимая, ориентированная на безусловный приоритет национальных интересов политика руководства Беларуси, позиция нашей страны на международной арене, открыто декларирующая неприятие однополярного мира, всемерную поддержку интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в первую очередь с РФ» (Пролесковский 2011: 49). Следует отметить, что в белорусском идеологическом дискурсе происходит отождествление Запада и Европы и в этой связи использование слова «модель» применительно к Западу/Европе, как и к Беларуси, является попыткой гомогенизации европейской и белорусской идентичности.

Схожую (с Пролесковским) точку зрения высказывает В. Каллер-и-Салас, советник Партии европейских левых. Негативное отношение к Беларуси в Европе обусловлено, по словам эксперта, тем, что Беларусь «сопротивляется всемирной глобализации» и отстаивает не-либеральную, социально ориентированную экономику. «Ведь ваша страна не является членом Евросоюза, не входит в состав других интеграционных структур, созданных на Западе. Беларусь стала своего рода заданной политической темой, которую очень любят обсуждать на территории ЕС. При этом существует четко определенный шаблон этого «обсуждения»: Беларусь – это последняя диктатура в нашей части света. Любое отклонение от этого формата жестко пресекается. Конечно, политическая свобода в стране – это очень важно. Но я вижу, что в Беларуси нет такого масштабного нарушения прав человека, как об этом зачастую говорят. Просто Беларусь старается сопротивляться всемирной глобализации» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 70). Стоит заметить, что в данном высказывании не отрицается факт нарушения прав человека в Республике Беларусь и не оспаривается отсутствие политической свободы, а акцент сделан на белорусской модели как альтернативе глобальному неолиберализму (поиски которой составляют лейтмотив левой критики глобализации).

В целом многие «левые» мыслители[16], представленные в журнале, положительно оценивают белорусскую модель и ее эффективность. Для этого авторы и редакторы используют медийный прием «чужой речи» (иностранцы высказываются о Беларуси = «объективный» взгляд). Подчеркивается даже, что «белорусскую модель» можно экспортировать: «Но есть страны, которые приветствуют и готовы следовать белорусской модели, в частности Венесуэла, Боливия, Куба. В Ливии ситуация несколько иная. В 2007 г. сам Каддафи говорил на большой конференции, что белорусская модель является образцом для подражания» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 75). Складывается ощущение, что дискурс «модели» навязан европейским левым белорусскими коллегами, форматирующими дискуссию. Возможно, сыграла свою роль редакторская выборка фрагментов, вырванных из общего контекста дискуссии. Следует также заметить, что в идеологическом дискурсе доминирует редуцированное понимание глобализации как глобализма и/или американизации, что созвучно позиции европейских «левых», репрезентированных в тексте.

2. Более того, Беларусь – это не просто альтернатива глобальному капитализму, это также модель **реактуализации социализма**, т.е. «белорусская модель» есть неосоциалистическая модель. Так, в текстовом репортаже «День выборов», посвященном попытке легитимации результатов президентских выборов 2010 г. (особенно в контексте их непризнания со стороны ОБСЕ), наиболее интересной является вставка из высказывания израильского публициста Исраэля Шамира: «Позитивным в экономическом развитии Беларуси я считаю недопущение поглощения рынка крупными мировыми компаниями. В этот сложный период,

20 лет гигантского западного рейдерства по всему миру, Беларуси удалось сохранить свое достояние. Это очень важный урок для многих. К числу положительных факторов развития я отношу и то, что Беларуси удалось сохранить и развить элементы социализма, которые в 90-е годы прошлого века были опорочены. Сегодня такое понятие, как социализм, возвращается уверенной поступью, в новых одеждах и с новым смыслом. Элементы социализма, которые Беларуси удалось сохранить и поддержать, – это замечательно. Беларусь – это сияющая лампада социализма» (День выборов 2011: 32).

2.1. Артикулированные неосоциалистические нормативные основания «белорусской модели» позволяют идеологическому дискурсу **наряду с «западной» моделью развития, навязывающейся в контексте глобализации, критиковать «западные» ценности в целом (демократия, гражданское общество, парламентская республика).** Западные модели/идеи позиционируются не просто как «чужие», но как неэффективные (если не опираются на локальный, национальный контекст). Так, в статье «Третий путь для Сирии» анализируется концепция арабского возрождения в идеологии партии Баас. Молодой автор А. Филиппов приходит к выводу, что «западные философско-политические идеи, не будучи трансформированными с учетом местных особенностей, становились в условиях сирийского общества нежизнеспособными. Так, все базовые концепты и идеи Баас – национализм, социализм, революция, власть меньшинства, диалектическое развитие "вечного арабского Послания", возрождение – имеют и арабские, и европейские корни. Одновременно отметим, что отчетливо прослеживается тенденция к их "арабизации", особенно на терминологическом уровне» (Филиппов 2011: 113).

Если доминирующей формой правления в Европе является парламентская республика, то в идеологическом дискурсе легитимируется президентская форма, а парламентская подвергается критике. Так, в интервью журналу первый премьер-министр Республики Беларусь В. Кебич рассуждает: «Нужна ли парламентская республика современной Беларуси? Думаю, что это невозможно и не нужно. В этом меняющемся мире, с учетом кризисной ситуации, упаси бог, еще и разлад ветвей власти! Это будет просто потеря управляемости» (Кебич 2011: 36).

Схожую точку зрения артикулировала В. Леоненко (член постоянной комиссии палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и связям со странами СНГ, кандидат исторических наук) на круглом столе с литовскими политическими обозревателями о результатах выборов и ситуации в Беларуси: «Что касается парламентской республики, то здесь ответственность размыта – не с кого спросить. Каждый друг на друга указывает, и никто, по сути, не может окончательно отвечать за ситуацию в государстве. Может быть, эта система и подходит для более стабильных периодов жизни общества. Но мы же с вами сталкиваемся с реальностью и видим, что возникают те или иные проблемы, посылаются вызовы, преодолеть которые

можно только с сильной политической системой. А президентская республика, я считаю, позволяет выстроить именно такую систему, когда и парламент, и глава государства, он же глава исполнительной власти, избираются народом, и это только укрепляет гарантии разделения властей» (Гигин 2011d: 31).

2.2. Беларусь позиционируется как европейское, слишком европейское государство. В идеологическом дискурсе артикулируется принадлежность Беларуси к Европе как по территориальному, так и по цивилизационному признаку. С одной стороны, географически Беларусь является европейским государством (Гигин 2011: 60) или государством, расположенном в центре Европы (Мартынов 2011: 12), с другой – «принадлежит к европейской цивилизации» или разделяет выборочные европейские ценности/стандарты (например, право нации на самоопределение). «Отношения с Европой находятся в фазе острого политического противостояния, но это не мешает, с одной стороны, "развивать отношения в экономике, в сфере безопасности, охраны границ", а с другой – "никто не ставит под сомнение то, что наша страна принадлежит к европейской цивилизации, оказывает влияние на развитие всего региона" (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 67).

Следует заметить, что в Беларуси, согласно идеологическому нарративу, можно обнаружить больше Европы («Беларусь как слишком европейское государство»), чем в современном ее «оплоте» – ЕС. Для доказательства этого тезиса мы обратимся к идеологическим интерпретациям таких тем, как «европейская демократия» и «христианские истоки европейской идентичности».

Образец демократии, наличествующий в ЕС (неолиберальный по своему духу), обвиняется в олигархичности, а белорусская модель народовластия репрезентируется, в свою очередь, как реальная демократия: «Но та демократия, о которой они говорят, это демократия только для богатых и влиятельных людей, поэтому необходимо показать общественности в Германии и других странах ЕС, что в Беларуси возможно построение реальной демократии через народовластие» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 74).

В качестве еще одного недостатка европейской демократии обозначается то, что она не гарантирует преемственность курса (фюрер ведь пришел к власти демократическим путем) (Байнев, Винник 2011: 88). Гарантией выступает «целостное мировоззрение человека, народа в целом» (которое есть у белорусов).

Более того, безнравственность западного мировоззрения делает несостоятельной, в идеологической перспективе, модель западной демократии, претендующую на универсальную значимость. «На каком основании мировоззрение, несущее в разной степени рефлексивно-инстинктивные признаки, в сочетании с либерально-рыночным принципом "Победителю достается все", может составлять основу модели подлинной демократии?» (Байнев, Винник 2011: 90).

Итак, «истинная» европейская демократия – это демократия для народа и через народ, в ЕС произошло забвение «истинной» демократии, а ее актуали-

зация и реализация стали возможны в «белорусской модели». Если следовать логике идеологической аргументации, то Беларусь является по критерию демократичности более европейской, чем ЕС.

В идеологическом дискурсе белорусская модель конструируется как несветская, построенная на традиционных православных ценностях белорусов. Это позволяет критиковать любые «модели», претендующие исключительно на статус светских (например, неолиберализм или модель ЕС в целом). Это является также основанием их маркирования как «чужих», несвойственных белорусам. Так, в статье С. Мудрова «Христианские церкви как участники европейской интеграции» обсуждается проблема вторжения политиков ЕС в религиозную сферу после подписания в 1992 г. Маастрихтского соглашения и попытка забвения христианских истоков Единой Европы при создании Конституции ЕС и Лиссабонского договора. В числе основных угроз выделяются следующие: «В частности, оно проявилось в попытках навязать односторонний взгляд на историю Европы в тексте Конституции ЕС, с игнорированием эпохи, в которой христианство играло ведущую роль. Вторжение политического характера было также замечено в резолюциях Европарламента, например в требовании обеспечить свободный доступ на Святую Гору Афон (православную монашескую автономию на северо-востоке Греции, закрытую для женщин). Наконец, сугубо религиозная составляющая приобрела особую значимость при обсуждении членства в Евросоюзе Турции – страны с преимущественно мусульманским населением» (Мудров 2011: 56).

Автор отмечает, что адекватный анализ европейской интеграции немыслим без учета религиозного фактора и приводит такие аргументы: 1) христианско-демократические партии являлись инициатором европейской интеграции после Второй мировой войны; 2) Единая Европа с опорой на христианские ценности конструировалась как «бастион от коммунизма».

Таким образом, в идеологическом дискурсе «истинная» европейская идентичность конструируется с опорой на христианские истоки: «пишут об экономических истоках европейской интеграции, есть все основания полагать, что политическая составляющая, обусловленная, в том числе, христианскими ценностями, сыграла ключевую роль» (Мудров 2011: 58). В качестве дополнительного аргумента ссылаются на высказывание министра иностранных дел Италии, стоявшего у истоков современного ЕС, Альсиде де Гаспери: «Когда я утверждаю, что христианство стоит у истоков происхождения европейской цивилизации, я не имею намерения подобрать некий исключающий конфессиональный критерий для оценки нашей истории. Я лишь указываю на общее европейское наследие, на ту единую мораль, которая делает акцент на человеке и его ответственности» (Мудров 2011: 57).

Итак, в современной политике ЕС, где доминируют «антирелигиозные силы», обнаруживаются, согласно идеологической схеме аргументации, тенденции заб-

вения собственной идентичности. В этом контексте белорусская модель является более европейской или даже «истинно» европейской, ибо выстраивается с опорой на христианские ценности (чтит православные корни белорусов).

3. ЕС репрезентируется в идеологическом дискурсе преимущественно как угроза национального суверенитета. Приводится, например, мнение Пьера Леви (политолог, издатель из Франции), который считает, что «Евросоюз пытается ограничить суверенитет стран, входящих в его состав» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 72) и при этом не приемлет альтернативных моделей общественно-политического развития (что якобы наличествует в РБ). В беседе с Чрезвычайным и Полномочным послом Казахстана в Беларуси Анатолием Смирновым журналист Н. Панин артикулировал образ ОБСЕ как нарушителя национального суверенитета (под прикрытием идеи продвижения демократии): «Анатолий Владимирович, в последние годы ОБСЕ много внимания уделяла продвижению демократии и наблюдению за внутриполитическими процессами в некоторых государствах-участниках. Означает ли принятие Астанинской декларации «На пути к сообществу безопасности» по итогам саммита ОБСЕ, что в деятельности организации наметилось возвращение к первоначально заявленным приоритетам, то есть к развитию "безопасности" и "сотрудничества"?» (Смирнов 2011: 18). В целом возможность вступления в ЕС оценивается в идеологическом дискурсе негативно. Так, Филипп Фуновиц, член Коммунистической партии Австрии, отмечает, что «вступление в ЕС не является попаданием в рай», что действия ЕС основаны исключительно на экономической выгоде (РБ как рынок сбыта), экономическом и политическом давлении (как в случае искусственного нагнетания конфликта по отношению к Беларуси).

«Белорусская модель» в идеологическом дискурсе позиционируется как сопричастная Европе в аспекте суверенной политики, процесса нациостроительства. Однако, несмотря на это, обнаруживаются высказывания ностальгического характера о «смерти» империи в Восточно-Европейском регионе. Так, главный редактор журнала В. Гигин, размышляя о перспективах «ВП», в целом приходит к выводу, что постсоветское пространство (и шире – Восточная Европа) постепенно лишается Большого Брата (наличие ответственного центра силы) и называет эту ситуацию драмой Восточной Европы. «Для наших стран подобная ситуация во многом является драмой, поскольку восточноевропейские государства привыкли, что какая-то из великих держав берет на себя лидерские полномочия и реально может это лидерство реализовывать. Геополитическое одиночество ведет к достаточно длительному периоду нестабильности в регионе, отсутствию единых параметров безопасности, возможной актуализации спящих конфликтов» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 71). Казалось бы, смерть «империи» открывает возможности реализации суверенитета молодым национальным государствам. Однако независимая политика требует ответственности и почему-то нуждается во внешних ориентирах (центрах силы,

обеспечивающих стабильность и единство ситуации в регионе). Обнаруживается идеологическое противоречие.

Иная позиция представлена Ю. Макейчик в статье «Новые реалии интеграции. Практические шаги модернизации политического устройства ЕС» (редкий пример нейтрального анализа проблем европейской интеграции). Автор детально анализирует процесс политической модернизации ЕС в связи с расширением, артикулирует причины провала проекта Конституции ЕС и проблемы принятия (ратификации) Лиссабонского договора. В целом автор положительно оценивает и репрезентирует процесс политической интеграции ЕС и преодоление конституционного кризиса. Это подтверждает итоговый вывод автора: «Договор о реформе, который расширяет полномочия органа представительной власти – Европарламента, увеличивает права национальных парламентов и граждан ЕС, устанавливает новую процедуру принятия решений органами ЕС и четко разграничивает компетенции наднациональных структур и национальных органов государств-членов, это действенный стимул для политических преобразований Европейского союза. Он также придает деятельности союза больше эффективности и демократии, поспособствует расширению влияния ЕС в мире» (Макейчик 2011: 112). Радует, что автору удалось избежать идеологизации темы и репрезентации в стиле «радуемся проблемам врага». Автор весьма корректно фиксирует, что единство ЕС дается ценой серьезных политический усилий. По сути, единая европейская идентичность – это результат политической артикуляции. Автору также удается избежать распространенной идеологемы – позиционирования ЕС как разрушителя/ограничителя национального суверенитета. Положительным моментом статьи следует назвать адекватную оценку деятельности национальных парламентов в контексте Лиссабонского Договора (не утрата суверенитета, а принцип субсидиарности)[17]. Однако это, скорее, редкий пример неидеологического анализа проблем европейской интеграции.

4. Дискурс «европеизации» активно начал использоваться в идеологии белорусского государства с 2008 г. Это было связано со стартом **программы «Восточное партнерство»** (далее – «ВП»). В этой связи тональность высказываний о программе может являться индикатором изменений в идеологическом дискурсе. Именно поэтому стоит чуть подробнее рассмотреть данную тему.

Одним из ключевых текстов, артикулирующих отношение к «ВП», является публикация (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011), составленная В. Гигиным на основе материалов конференции «Перспективы “Восточного партнерства”» (Минск, 5 мая 2011 г.).

Текст носит фрагментарный характер – состоит из избирательных высказываний международных представителей (Европа, Россия) и местных экспертов. Цель выборки, согласно замыслу В. Гигина, заключается в том, чтобы разобраться, как «научное и гражданское сообщество на Западе видит белорусскую модель

развития» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 67). Западное сообщество при этом редуцировано преимущественно к представителям левой политической платформы (например, члены компартий Бельгии и Австрии) или евроскептикам: репрезентируется не отношение Запада к Беларуси, а отношение «европейских левых к Беларуси» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 75). Это задает соответствующий фон публикации – критика Запада, глобального капитализма, гегемонистских установок ЕС и США. Проблематизация белорусской «модели» отсутствует – ее наличие преподносится как факт, требующий оценок и позиционирования.

«Восточное партнерство» оценивается преимущественно как «новый инструмент принуждения к неолиберализму», как элемент борьбы за влияние в странах бывшего Советского Союза с восточным конкурентом (Россией), как заговор против Беларуси. Матеуш Пискорский, президент Европейского центра геополитического анализа (Польша) пишет: «Это своего рода заговор против последней страны на нашем континенте с социально-рыночной экономикой. Создаются планы, чтобы разрушить экономику и модель этой страны и чтобы внушить всем, что единственным возможным путем развития является неолиберальный» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 67). Это зеркальное отражение геополитического дискурса времен холодной войны в стиле З. Бжезинского.

Наличествуют как негативные, так и позитивные оценки «ВП».

В качестве недостатков «ВП» определены: 1) «мягкий» характер интеграции (семинары, тренинги, обмен опытом и др.); 2) неравенство южного и восточного векторов политики соседства ЕС (меньший бюджет «ВП», наличие политических ограничений сотрудничества). «Надеемся, что в конечном счете благодаря нашему вкладу и при поддержке других стран-партнеров «Восточное партнерство» станет более демократичным, более прагматичным и в целом более полезным инструментом для сотрудничества в нашей части Европейского континента» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 69).

«ВП» – это специальный и многосторонний формат сотрудничества ЕС с восточными соседями как единой общностью (по аналогии со средиземноморским окружением). Этот проект позволяет РБ сотрудничать с ЕС (невзирая на политические противоречия) в полном соответствии со своей внешней политикой, построенной на принципе многовекторности. Дмитрий Ярмолюк, начальник отдела евроинтеграции главного управления Европы МИД РБ: «Беларусь как ближайший сосед двух наиболее влиятельных и крупных центров силы на Европейском континенте развивает глубокие и сбалансированные отношения с обоими этими центрами» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 69). Возможность сохранения в рамках «ВП» принципа многовекторности (в силу невступления в ЕС) созвучна национальным интересам Беларуси и является несомненным преимуществом. Следовательно, проект «ВП» позволяет осущест-

влять избирательный подход к европеизации, где политическая и мировоззренческая составляющие евроинтеграции могут маргинализироваться.

Таким образом, в белорусском идеологическом дискурсе доминирующим является нарратив (выдержанный в духе советской риторики времен холодной войны) о «белорусской модели» как альтернативе глобальному капитализму, а условием возможности данного позиционирования выступает понимание глобализации исключительно как глобализма; в качестве нормативного основания «белорусской модели» конструируется реактуализированный социализм, позволяющий, в свою очередь, критиковать западные/европейские (в идеологическом дискурсе «Запад» отождествляется с «Европой») ценности (демократия, парламентская республика и др.) и позиционировать ЕС в целом и программу «Восточное партнерство» в частности преимущественно как угрозу национальному суверенитету; с другой стороны, в идеологическом дискурсе наличествует репрезентация Беларуси как европейского государства (пропагандирующего сохранение «истинных» европейских ценностей) и обосновывается необходимость избирательной европеизации по модели «ВП» (сообразно идеологически понятым национальным интересам). Обобщая, отметим, что нерефлексивная апелляция к дискурсу «модели» (белорусской и западной/европейской) с опорой на редуцированное понимание глобализации, заимствованное из левой критики, является попыткой гомогенизации европейской и белорусской идентичности. В белорусском идеологическом дискурсе «идея Европы» выступает как горизонт конструирования белорусской национальной идентичности.

2. Избирательная европеизация

Негативное отношение к мировоззрению европейской/западной цивилизации не мешает идеологическому дискурсу обозначать белорусское государство как европейское (слишком европейское). В качестве достижений выделяются, например, высокая степень европеизации в области местного самоуправления, приобщение к европейским стандартам в сфере гражданского общества и партийной системы, цифрового телевещания и качества жизни в целом. Иными словами, в идеологическом дискурсе превалирует избирательный подход к «европеизации» и, несмотря на различные символические санкции/акции, ЕС (Европа) продолжает позиционироваться как стратегический партнер. Так, А. Русакович, доцент факультета международных отношений БГУ, кандидат экономических наук, пишет: «Евросоюз для нас остается стратегическим партнером, несмотря на то, что решение, принятое Европейским советом 31 января, носит недружественный характер. Отношения между нами достаточно эффективные и взаимовыгодные в экономике, других сферах, осуществляется взаимодействие в международных организациях. То, что произошло в последнее время,

всего лишь один из сегментов наших сложных отношений – сегмент не самый радостный для обеих сторон» (Кредо государства 2011: 90).

2.1. «Восточное партнерство» как модель «избирательной европеизации»

«ВП» в интерпретации идеологического дискурса можно рассматривать как базовую модель европейской интеграции: наличествующий формат сотрудничества не предполагает вступление в ЕС и дает возможность осуществлять избирательный подход к европеизации. «Избирательная европеизация» коррелирует с прагматизмом, за который ратуют белорусские власти под прикрытием национальных интересов.

Так, главное преимущество для Беларуси проекта «ВП» (позиция представителя белорусского МИДа) заключается в возможности избирательной интеграции с европейским законодательством, т.е. «избирательной европеизации». «ВП» созвучна приоритетам или национальным интересам РБ, ибо не предполагает вступление в ЕС, а лишь специальный формат регуляризации (например, в сфере торговли с ЕС) позволяет учитывать/соблюдать интеграционные обязательства в рамках постсоветского пространства, рекламировать Беларусь на Европейском континенте как надежного партнера и соседа. «Наш приоритет – поступательная гармонизация национального законодательства с европейским в тех областях, где это отвечает нашим национальным интересам. Также мы заинтересованы и в унификации технических норм и стандартов, в более глубоком сотрудничестве с ЕС в области охраны границ, борьбы с нелегальной миграцией, диверсификации источников энергоснабжения, повышении нашей энергетической безопасности, в активизации кредитно-инвестиционного сотрудничества с европейскими финансовыми институтами» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 69). Нетрудно заметить, что в план «избирательной интеграции» не попадает культурное и политическое измерение – о европейских ценностях, демократии и правах человека речь вообще не идет.

Показательным в этой связи является отношение к смертной казни (проблема ее применения в РБ актулизировалась в контексте теракта в минском метро). В журнале доминирует **одобрительная оценка применения смертной казни** по отношению к террористам. Это контревропейская позиция. «Испытавшие на себе это страшное зло люди скажут: “К стенке ставить надо террористов – и все решение проблемы”» (Хука 2011: 67).

Итак, модель «ВП» позволяет выбрать приоритетные сферы европеизации – торговлю, инвестиции, безопасность, а также зафиксировать заинтересованность в европеизации в области местного самоуправления, приобщения к Болонскому процессу в сфере образования, цифровой стандарт телевещания и качество жизни в целом.

2.2. «Европеизация» в сфере местного самоуправления

В статье «Развивать инициативу и активность граждан» авторы (В. Клочков и А. Мельников) обращаются к проблеме местного самоуправления как к важному фактору демократии и становления гражданского общества. Авторы аргументируют тезис о необходимости «европеизации» в сфере местного самоуправления.

Под местным самоуправлением понимается такая система управления местными делами, которая осуществляется специальными выборными органами, непосредственно представляющими население той или иной административно-территориальной единицы. Авторы отмечают, что подобное определение коррелирует с пониманием местного самоуправления в «Европейской хартии местного самоуправления» (Клочков, Мельников 2011: 60). Местное самоуправление предполагает выборность и самостоятельность (автономию) и является посредником между индивидом и государством. Вместе с тем авторы отмечают, что абсолютной независимости местного самоуправления от центральных властей быть не может.

Авторы обнаруживают европеизацию национального законодательства в сфере местного самоуправления. Так, в Законе «О местном управлении и самоуправлении» (принят 4 января 2011 г.) «предприняты попытки частично реформировать нашу систему местного управления и самоуправления, приблизив ее к нормам Европейской хартии о местном самоуправлении» (Клочков, Мельников 2011: 62). Более конкретно: «В действующем законе впервые зафиксировано право местных Советов создавать на добровольной основе свои объединения, ассоциации. В европейских странах такие структуры уже давно играют значительную роль» (Клочков, Мельников 2011: 63). Вполне в духе европейских ценностей авторы видят значимость реализации закона в «развитии демократии, инициативы, активности граждан и в конечном счете формировании гражданского общества».

2.3. «Европеизация» в сфере гражданского общества и партийной системы

Рассуждая о трансформации политической системы в Беларуси, главный редактор журнала В. Гигин косвенно выявил необходимость европеизации белорусской многопартийной системы в частности и гражданского общества в целом. Согласно автору, формально действующая многопартийная система и сеть прогосударственных общественных объединений не оказывают реального воздействия на политику и общество (их воздействие минимально). Например, количество представителей политических партий в местных Советах состав-

ляет 1.4% от общего количества избранных депутатов (Гігін 2011b: 18). Автор пишет от том, что политические партии и общественные объединения должны стать каналами фиксации и категоризации протестных настроений, «неабходна належным чынам умацаваць трэці сектар – тую праслойку, якая знаходзіцца паміж уладай і апазіцыяй» (Гігін 2011b: 18). В этой связи автор стремится (даже сетует вслед за президентом[18]) к тому, чтобы избежать отождествления гражданского общества в РБ исключительно с оппозиционными группами. В качестве ориентира для партийной системы В. Гигин выделяет Европу, где существуют многочисленные межпартийные объединения и ассоциации, в которых необходимо участвовать (что делает белорусская политическая оппозиция), т.е. автор признает необходимость европеизации в сфере организации многопартийной системы (гражданского общества в целом). При этом признается значимость ценности гражданского общества (пусть и таким окольным путем), что также является примером европеизации.

2.4. «Европеизация» в сфере цифрового телевидения

Кроме сферы местного самоуправления и сферы гражданского общества европеизация (первично на законодательном уровне) проявилась также в процессе «дигитализации» телевидения. Так, в статье «Аналоговое ТВ или цифровое?» автор И. Толстик фиксирует факт европеизации в сфере телекоммуникационных технологий: «Беларусь одной из первых присоединилась к европейским странам и ратифицировала серию международных соглашений по развитию цифрового телевидения» (Толстик 2011: 102).

«Оцифровка» Беларуси (согласно взятым обязательствам и государственным программам) должна состояться до 2015 г. Позитивно оценивая опыт европейских государств в переходе на цифровой формат вещания, автор указывает на наличие существенных проблем для реализации данного проекта в Беларуси: 1) обеспечение социального равенства; 2) нехватка кадров и обслуживающих организаций; 3) нехватка финансирования; 4) отсутствие должной правовой регламентации; 5) интерактивность цифрового телевещания как угроза национальной идентичности (нет возможности качественно наполнить контент) = страх потери информационного влияния[19].

2.5. Либерализация и частная собственность

Принятие (31 декабря 2010 г.) Директивы Президента Республики Беларусь № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» (так называемая директива о либерализации[20]) инициировало идеологию белорусского государства на выработку соответствующих оценок данного явления. 2011 год был провозглашен «Годом

предприимчивости». В 2011 г. на страницах журнала «БД» появилось множество статей и отдельных высказываний, посвященных данной теме.

Большинство высказываний и текстов соотносятся с дискурсом «белорусской модели» (социально ориентированной рыночной экономики) и направлены на легитимацию последней. В этом контексте европейская либеральная экономика маркируется как «большое казино» и провозглашается необходимость защиты своей независимости. Так считает, например, Бруно Дрвески, профессор политологии (Франция), обобщая тему отношения европейских левых к Беларуси (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания 2011: 75). Показательным является также высказывание первого премьер-министра РБ В. Кебича, который ратует за необходимость Госплана и эволюционного пути развития в экономике (Кебич 2011: 35–36).

В журнале преобладают негативные или нейтральные оценки либерально понятой частной собственности, вместе с этим указывается на отсутствие среднего класса в Беларуси (вернее, сложность выделения данной категории) (Ярошевич 2011: 59–60), обозначается, что «еще сравнительно недавно, в новейшей истории Беларуси, слово «предприниматель» в сознании многих носило негативный оттенок» (Махнач 2011: 94). Тем не менее встречаются высказывания о «белорусской модели» с негативной тональностью. Так, в статье «Формула предприимчивости» Г. Махнач обращается к проблеме предпринимательства, указывая на негативное влияние командно-административной и социально ориентированной экономики (формирование этатистского сознания/мировоззрения, перекладывание ответственности на государство). «Говорят, в этом плане многие белорусы пока еще заметно отличаются от немцев, поляков и других европейцев, у которых жилка предприимчивости выражена гораздо заметнее <…> наличие этого качества, напротив, означает заинтересованный, творческий подход к делу своей жизни, стремление добиться успеха во что бы то ни стало» (Махнач 2011: 94).

«Либерализация» также функционирует в идеологическом дискурсе полностью в соответствии с моделью «ВП» («избирательная европеизация») – речь идет об избирательной либерализации. Так, например, в статье Н. Жерносек «Приватизация – предпосылки для модернизации» указывается, что в Беларуси состоялась «малая» приватизация (сферы услуг, легкой промышленности, сельского хозяйства), преобразование предприятий в акционерные общества, продажа госактивов, но с соблюдением национальных интересов, а не для пополнения бюджета (Жерносек 2011: 34). В статье «Наши инновации глазами международных экспертов», посвященной обсуждению сотрудничества РБ с Европейской экономической комиссией ООН (Европейские (и не только) эксперты подготовили (12–13 мая 2011 г. в Женеве) обзор инновационной политики – рекомендации для РБ), автор резюмирует, что «участие в данном проекте отчетливо демонстрирует намерение Беларуси интегрироваться в мировое экономическое сообщество» (Лукашевич 2011: 102). Косвенно «идея Европы»

становится «ориентиром для будущего развития», и признается значимость инновационного предпринимательства. Преемственность в этой сфере и есть измерение европеизации.

2.6. «Европеизация» в сфере политики безопасности (и разоружения)

Принятая в конце 2010 г. «Концепция национальной безопасности Республики Беларусь» задала формат обсуждения проблемы безопасности во всех сферах. Собственно, «Концепция» называется визитной карточкой государства или даже новым базовым текстом идеологии белорусского государства. Такой позиции придерживается, например, белорусский политолог Ю. Шевцов: «Мне кажется, что в силу очевидного дефицита у нас, в стране развитой и ясной идеологии, этот документ выполняет функцию ядра такой идеологии. <…>Но, создав его, мы также попали в мэйнстрим с европейскими государствами. Они сталкиваются примерно с теми же вызовами безопасности, которые описаны в нашей Концепции, и борются с этими вызовами не за счет наращивания суверенитета, как происходит у нас, а за счет передачи суверенитета в наднациональные органы ЕС, НАТО или других организаций. Не факт, что их путь более успешен, чем наш. Мы же ищем ответы на вызовы за счет совершенствования государственных институтов, а не их разрушения. Не исключено, что это и есть наше белорусское ноу-хау» (Кредо государства 2011: 86).

«Безопасность», таким образом, становится той темой, которая призвана объединить политиков РБ и ЕС вне зависимости от политических моделей развития (на это делается ставка в идеологическом дискурсе). Так, председатель КГБ В. Зайцев считает, что значимость Беларуси для Евросоюза заключается в следующем: «Беларусь является своеобразной “буферной зоной”, в которой достигнуты значимые результаты в нейтрализации преступных сообществ, занимающихся организацией каналов нелегальной миграции» (Зайцев 2011: 34). Министр иностранных дел С. Мартынов подчеркивает, в свою очередь, значимость региональных структур безопасности на Европейском континенте и указывает на стремление к интеграции в общеевропейскую систему безопасности: «Стратегическая цель – предотвращение создания новых разделительных линий в Европе и дальнейшей интеграции РБ в общеевропейскую структуру безопасности» (Мартынов 2011: 15).

Европа в этом контексте позиционируется как вектор внешней политики РБ, модель диверсификации поставок энергоресурсов[21], опыт разоружения, основной торговый партнер[22]. Кроме того, это передовые технологии, потенциал инвестиций и опыт модернизации экономики.

Европа появляется преимущественно в контексте рассуждений о многовекторности («диверсификации») внешней политики Беларуси. Европа (ЕС) – это как

второй (соседствующий с РБ) после РФ мировой центр силы. Если по отношению к России мы имеем дело с «тесной экономической и военно-политической интеграцией» (совместно участвуем в ОДКБ, СНГ, Таможенном союзе, Едином экономическом пространстве), то с Европой (ЕС) мы «заинтересованы в поддержании содержательных отношений» и «полноформатного сотрудничества». Мартынов пишет о невозможности изоляции Беларуси в контексте «острой фазы» отношений с Европой и напоминает, что (эта мысль заслуживает особого внимания) «наше государство является донором европейской безопасности, выступает в роли важного фактора стратегической диверсификации энергоконтактов в регионе и, наконец, надежно обеспечивает энерготранзит в Европу», «фильтрует потоки нелегальной миграции, эффективно блокирует проникновение на сопредельные территории наркотиков и оружия» (Мартынов 2011: 13).

Разоружение также маркируется министром как пример европеизации: «В полном соответствии с Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) Беларусью было уничтожено 1773 боевых танка, 1341 боевая бронированная машина и 130 боевых самолетов. Это более 10% всех вооружений и боевой техники, которые должны были быть ликвидированы в соответствии с ДОВСЕ» (Мартынов 2011: 13).

Тем не менее наличествуют также нейтральные («неидеологические») высказывания о политике безопасности. Так, в статье «Безопасность и оборона: политика ЕС» И. Кузнецова достаточно нейтрально рассуждает о формировании единой политики безопасности в ЕС, избегая идеологических штампов. В статье автор признает возможность и перспективность взаимодействия Беларуси и Европы в аспекте обеспечения безопасности (включая энергетическую безопасность). ЕС позиционируется как политический партнер РБ, с которым нужно выстраивать единую и бесконфликтную политику безопасности и добрососедства. Автор справедливо (вне идеологического мэйнстрима[23]) обозначает, что «с окончанием холодной войны Европа могла претендовать на политическую и военную автономию. Ее безопасность уже не определялась диалектикой противостояния двух супердержав». И далее: «В ЕС воплощен особый тип “мягкого политического управления” с опорой не на силовые, а на экономические рычаги» (Кузнецова 2011: 116, 117).

Таким образом, в белорусском идеологическом дискурсе европеизация тематизируется по модели «Восточного партнерства» как «избирательная европеизация»: европеизация не предполагает структурной интеграции (вступления) в ЕС, европеизация маркируется как возможность для Беларуси, будучи европейским государством, избирательно и прагматично подходить к выбору сфер гармонизации национального и европейского законодательства, европеизация позиционируется как ориентация на европейские стандарты в экономике, технологиях, безопасности, качества жизни, но не предполагает следования европейским политическим и культурным ценностям.

Заключение

Проанализировав тематизации «идеи Европы» в белорусском идеологическом дискурсе на примере журнала «Беларуская думка» за 2011 г., можно сделать следующие выводы.

В белорусском идеологическом дискурсе доминирующим является нарратив о «белорусской модели» (в политическом и идеологическом измерениях она конструируется как фундированная в советском прошлом) как альтернативе глобальному капитализму, а условием возможности данного позиционирования выступает понимание глобализации исключительно как глобализма. В качестве нормативного основания «белорусской модели» конструируется реактуализированный социализм, позволяющий, в свою очередь, критиковать западные/европейские (в идеологическом дискурсе Запад отождествляется с Европой) ценности (демократия, парламентская республика и др.) и позиционировать ЕС в целом и программу «Восточное партнерство» в частности преимущественно как угрозу национальному суверенитету. В то же время в идеологическом дискурсе наличествует репрезентация Беларуси как европейского государства (пропагандирующего сохранение «истинных» европейских ценностей) и обосновывается необходимость избирательной европеизации по модели «ВП» (сообразно идеологически понятым национальным интересам). Обобщая, отметим, что нерефлексивная апелляция к дискурсу «модели» (белорусской и западной/европейской) с опорой на редуцированное понимание глобализации, заимствованное из левой критики, является попыткой гомогенизации европейской и белорусской идентичности. В белорусском идеологическом дискурсе «идея Европы» выступает как горизонт конструирования белорусской национальной идентичности.

В белорусском идеологическом дискурсе европеизация тематизируется по модели «Восточного партнерства» как «избирательная европеизация», европеизация не предполагает структурной интеграции (вступления) в ЕС, европеизация маркируется как возможность для Беларуси в качестве европейского государства избирательно и прагматично подходить к выбору сфер гармонизации национального и европейского законодательства, европеизация позиционируется как ориентация на европейские стандарты в экономике, технологиях, безопасности, качества жизни, но не предполагает следования европейским политическим и культурным ценностям.

Заключая, отметим, что в тексте речь шла исключительно о дискурсивном измерении процесса конструирования белорусской идентичности в рамках конкретного примера (журнал «Беларуская думка», выборка за 2011 г.) функционирования идеологии белорусского государства. Любое совпадение с «реальной» идентификацией или мировоззренческими установками различных социальных групп белорусского общества носит случайный характер.

Литература

Байнев, В., Винник, В. Гарантии преемственности курса // Беларуская думка. 2011. № 4.
Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания // Беларуская думка. 2011. № 6.
Гігін, В. З павагай да чытачоў // Беларуская думка. 2011a. № 10.
Гігін, В. Палітычныя рэзервы // Беларуская думка. 2011b. № 7.
Гигин, В. Белорусская политическая система: перспективы развития // Беларуская думка. 2011c. № 9.
Гигин, В. Минск – РИГА: голоса соседей // Беларуская думка. 2011. № 2.
День выборов // Беларуская думка. 2011d. № 1.
Жерносек, Н. Приватизация – предпосылки для модернизации // Беларуская думка. 2011. № 6.
Зайцев, В. Борьба с терроризмом и экстремизмом как часть национальной безопасности РБ // Беларуская думка. 2011. № 3.
Кебич, В. Тот, кто ставит крест на всем советском, глубоко заблуждается // Беларуская думка. 2011. № 1.
Клочков, В., Мельников, А. Развивать инициативу и активность граждан // Беларуская думка. 2011. № 7.
Котляров, И. На чем стоим и стоять будем. Национальная модель развития белорусского общества // Беларуская думка. 2011. № 4.
Кредо государства // Беларуская думка. 2011. № 3.
Кузнецова, И. Безопасность и оборона: политика ЕС // Беларуская думка. 2011. № 1.
Лоўгач, В. Думкі пра «Думку» // Беларуская думка. 2011. № 10.
Лукашевич, Ю. Наши инновации глазами международных экспертов // Беларуская думка. 2011. № 8.
Лукашенко, А.Г. Сильная и процветающая Беларусь должна иметь прочный идеологический фундамент // Народная газета. 2003. 29 марта.
Макейчик, Ю. Новые реалии интеграции. Практические шаги модернизации политического устройства ЕС // Беларуская думка. 2011. № 2.
Мартынов, С. Реализация национальных интересов // Беларуская думка. 2011. № 3.
Махнач, Г. Формула предприимчивости // Беларуская думка. 2011. № 3.
Мудров, С. Христианские церкви как участники европейской интеграции // Беларуская думка. 2011. № 2.
Основа успеха заложена в нас самих. Из Послания Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 21 апреля 2011 года // Беларуская думка. 2011. № 5.
Пролесковский, О. Противодействие технологиям манипулирования // Беларуская думка. 2011. № 3.
Ралёнак, А. Рэсаветызацыя гістарычнай памяці як рэдакцыйная палітыка «Беларускай думкі» // ARCHE Пачатак. 2012. № 4. С. 151–174.
Ролёнок, А. Критическая теория Европы // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов 2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2011. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1330/35851_a6b6.pdf
Рудкоўскі, П. Паўстанне Беларусі. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007. С. 15–70.
Сальдо в мешке не утаишь // Беларуская думка. 2011. № 7.

Сарна, А. Европейская идентичность белорусов и имидж Европы в белорусских СМИ // Пути европеизации: между политикой и конструированием идентичности (1990–2010) / Под ред. О. Шпараги. Минск: Логвинов, 2011. С. 225–256.
Смирнов, В. Беларусь и Казахстан: горизонты сотрудничества // Беларуская думка. 2011. № 1.
Толстик, И. Аналоговое ТВ или цифровое? // Беларуская думка. 2011. № 1.
Федута, А. Коллективный политинформатор и агитатор // Неприкосновенный запас. 2006. № 3 (47). [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/fe14.html
Филиппов, А. Третий путь для Сирии // Беларуская думка. 2011. № 1.
Хука, Н. Новая старая угроза // Беларуская думка. 2011. № 5.
Ярошевич, В. Консервативные преобразования // Беларуская думка. 2011. № 5.

Примечания

[1] Это вербальный или дискурсивный уровень ИБГ. Кроме того, наличествуют институциональный уровень, представленный сетью государственных учреждений и «специалистов» по идеологической работе, и визуальный уровень, представленный совокупностью транслируемых в СМИ (и не только) образов (например, серия бигбордов «За Беларусь»).

[2] В данном докладе президентом был сформирован своеобразный «канон» интерпретации «идеи Европы». Во-первых, белорусская национальная идентичность конструируется в контексте противопоставления «Западу» («Запад» – это «обобщенный Другой», в который включены Европа и США). Содержательно «Запад» редуцируется к «неолиберальным» ценностям (частная собственность, индивидуализм), которые навязываются белорусам и которым противопоставляются традиционные белорусские ценности (соборность, толерантность, «памяркоўнасць», коллективизм). Итак, белорусская идентичность конструируется как не-западная. Это преимущественно «негативная идентичность». Во-вторых, в идеологическом дискурсе президента осуществлена попытка выстраивания белорусской национальной идентичности исключительно с опорой на собственный исторический нарратив («белорусскую традицию»). Причем следование данной стратегии есть именно тот элемент, который «можно» заимствовать у Запада («вестернизированный» элемент идеологии белорусского государства). Так проявляется латентная европеизация – следование европейской модели нациостроительства: тип национальной идентичности, артикулированный в идеологическом дискурсе президента, несмотря на догматический характер, предполагает свой путь европеизации посредством автономного определения собственного пути развития: «Мы не чья-то провинция, не восточная окраина Европы или западная окраина России. Надо выпрямиться, отказаться от позиции обороняющегося и оправдывающегося» (Лукашенко 2003). Это преимущественно «позитивная идентичность». В-третьих, позитивные элементы белорусской национальной идентичности позволяют, с одной стороны, позиционировать Беларусь как европейское государство (не только территориально, но и культурно), а, с другой стороны, претендовать на выполнение особой миссии – «временем, судьбой, ситуацией Беларусь выдвинулась на, наверное, великую роль духовного лидера восточноевропейской цивилизации» (Лукашенко 2003). Так конструируется в идеологическом дискурсе президента миссионерский элемент белорусской идентичности. Та-

ким образом, несмотря на то, что Европа позиционируется как Чужой, стремящийся к символическому террору (навязыванию «неолиберальной» модели развития), Беларусь в горизонте «чужой Европы» конструируется как европейское национальное государство с европейским качеством жизни, но без европейских политических и экономических ценностей (демократия, либерализм, рыночная экономика и др.).

3 См. подробный анализ концептуально различных версий идеологии белорусского государства: Рудкоўскі, П. Паўстанне Беларусі. Вільня: Інститут беларусістыкі, 2007. С. 15–70.; Федута, А. Коллективный политинформатор и агитатор // Неприкосновенный запас. 2006. № 3 (47). [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/fe14.html.

4 «На страницах журнала обсуждаются и находят свое решение актуальные вопросы, связанные с дальнейшим совершенствованием «белорусской модели развития», а также вырабатываются рекомендации по преодолению наиболее значимых экономических и социальных проблем, стоящих перед государством». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://beldumka.belta.by/ru/about.

5 См., например: [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://news.tut.by/politics/271250.html.

6 Сарна, А. Европейская идентичность белорусов и имидж Европы в белорусских СМИ // *Пути европеизации: между политикой и конструированием идентичности (1990–2010)* / Под ред. О.Шпараги. Минск: Логвинов, 2011. С. 225–256.

7 Интенсификация экономических и политических отношений, например, с Китаем, Венесуэлой или Кубой также трансформирует тональность высказываний о Европе и артикуляцию перспектив европеизации Беларуси.

8 В тексте послания президента белорусскому парламенту и народу 2010 г. доминирует, *скорее, положительная* оценка Европы: отмечается, что отношения Беларуси с ЕС существенно улучшились, приветствуется инициатива «Восточное партнерство». Хотя наличествует и критика данной инициативы в парламентском измерении за попытку диктата (формат «Евронеста» предусматривал участие белорусской оппозиции наравне с официальным белорусским парламентом). В целом Европа одобряется как «стандарт качества» (жизни, экономики, технологий, строительства, диверсификации энергетических ресурсов и др.). Европа позиционируется также как «свой враг» и «основной торговый партнер». Приоритетный интерес взаимоотношений Беларуси и ЕС – сфера экономики (рост товарооборота с положительным сальдо, рост прямых европейских инвестиций, технологический обмен и др.), при этом речь не идет о преемственности культурных ценностей.

Позитивная тональность в оценке отношений с Европой происходит в контексте информационной войны с Россией (например, фильм «Крестный батька»). В тексте послания наличествует ряд крайне негативных высказываний о руководстве России. «Исходит руководство России порой из того, что "нікуды не дзенуцца". Денемся... Денемся. В центре Европы страна пустовать не будет. Но наклонять нас, пинать нас никому позволено не будет. <…> И в последний раз, я говорю откровенно, заявил: в землянки пойдем, как было 65–70 лет тому назад, но мы выживем. Мы выжили в этой "блокаде", в условиях финансового кризиса. И я сегодня вынужден благодарить не Россию родную матушку, нашу родную Россию. А кого благодарить? В кавычки беру – «своих врагов»: МВФ, Европу, Запад. Они нам эти миллиарды давали, чтобы страна выжила. ОНИ нас поддержали».

Выступая на IV Всебелорусском собрании, А. Лукашенко сохранил акценты во внешней политике, расставленные в рамках послания парламенту. «Европа» как «стандарт качества жизни» являлась фоном рассуждений о достижениях белорусской модели во всех сферах. Беларусь / белорусская модель развития, обладающая статусом «перекрестка» и реализующая многовекторную политику, не предполагает выбора между Евросоюзом и Россией, а ориентирована на стратегию «равной приближенности» к Востоку и Западу. В тексте выступления специально подчеркивается, что «работа с Евросоюзом совсем не означает "ухода" от России». Хотя также сохраняется негативная оценка политики, проводимой руководством России. «И когда нас шлепнули по голове и закрыли в России рынок на поставку продукции, мы сегодня, как бы это было там неприятно и стыдно в силу своей политики, должны поблагодарить Европейский союз, что они так не поступили. И мы сегодня торгуем с Европой больше, чем с Россией. А ведь в Россию когда-то мы продавали 85 процентов своей продукции. Кто бы мог подумать, что мы, когда нас вытолкнули из России, найдем эти рынки в других странах. Мы их нашли. И мы Европу за это благодарим».

9 Сразу следует отметить, что изобразительный аспект при конструировании имиджей Беларуси и Европы практически не использовался, так что основное внимание было уделено вербальным текстам.

10 См. подробнее: Ролёнок, А. Критическая теория Европы // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2011. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1330/35851_a6b6.pdf

11 Следует заметить, что доминирующее положение дискурса белорусской модели сохранялось в журнале на протяжении всей истории ИБГ (т.е. с 2003 по 2010 гг.).

12 Иные эксперты (например, замдиректора по научной работе Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь В. Пинигин) в качестве основных причин экономического кризиса называют отрицательное сальдо, плановые показатели по ВВП, дефицит квалифицированных кадров и технологий, зацикленность/инертность белорусской экономической модели. Некоторые (например, декан экономического факультета БГУ М. Ковалёв) говорят преимущественно о дисбалансе производительности труда и размера заработной платы, увеличении импорта и государственного долга, кризисе доверия (а не экономическом кризисе).

13 Об этом В. Гигин писал подробнее в другой статье: Гігін, В. Палітычныя рэзервы // Беларуская думка. 2011. № 7. С. 18.

14 Интересно, что статья опубликована непосредственно до теракта в минском метро (11.04.2011.) в специальном выпуске журнала (№ 3 за 2011 г.), посвященном обсуждению принятой в конце 2010 года «Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

15 Западный мир, в воображении министра, выдвигает нам ультиматум: «Либо мы безропотно принимаем навязываемую нам модель, при которой наше место – на задворках цивилизации, либо отстаиваем законное право быть суверенным субъектом мировых интеграционных процессов» (Пролесковский, О. Противодействие технологиям манипулирования // Беларуская думка. 2011. № 3. С. 49).

16 Петр Лучак, журналист издания Junge Welt (Германия), считает, что Беларусь воплощает альтернативу неолиберальному капитализму и что подобная модель находит одобрение в истинной Европе: «На самом деле, программа преобразований, осуществленная в ва-

шей стране, изначально была довольно опасной для западноевропейских капиталистов, так как это альтернатива для неолиберальных концепций. <…>Прогрессивные силы Европы поддерживают ваш путь к независимости, альтернативный неолиберальному капитализму». Люк Мишель, глава Европейской народно-коммунитаристской партии (Бельгия), также оценивает белорусскую модель («рыночный социализм») как успешную альтернативу глобализации и империализму: «Беларусь является социально ориентированной страной с сильной центральной властью. Это отличительная черта белорусской модели. И в таких условиях свободный рынок – только инструмент. Именно поэтому белорусская модель, несмотря на временные трудности, все же успешная модель. И это пугает представителей неолиберальных правящих кругов на Западе» (Беларусь – ЕС: в поисках взаимопонимания // Беларуская думка. 2011. № 6. С. 74).

17 «По сравнению с предложенной ранее Конституцией, Договор о реформе предоставляет национальным парламентам восемь вместо шести недель на изучение законодательных инициатив, предложенных Европейской комиссией, и на принятие решения о том, посылать ли свои рекомендации о несоответствии данных инициатив принципу субсидиарности» (Макейчик, Ю. Новые реалии интеграции. Практические шаги модернизации политического устройства ЕС // Беларуская думка. 2011. № 2. С. 109–110).

18 Эту идею артикулировал президент А.Г. Лукашенко во время ежегодного «Послания белорусскому народу и Национальному собранию» (21.04.2011): «Поэтому необходимо более предметно заняться вопросами укрепления нашего гражданского общества. К сожалению, на Западе укоренилось ущербное мнение о том, что в Беларуси только оппозиционные партии и неформальные организации определяют понятие "гражданское общество"» (Основа успеха заложена в нас самих. Из Послания Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 21 апреля 2011 года // Беларуская думка. 2011. № 5).

19 «Соответственно, если не принять мер по регулированию информационных потоков, поступающих на цифровые каналы, с точки зрения их содержания и страны-производителя, будет нивелироваться национальная идентичность потребительской аудитории» (Толстик, И. Аналоговое ТВ или цифровое? // Беларуская думка. 2011. № 1. С. 107).

20 Тур, А., замминистра экономики: «Директиву № 4 "О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь" еще до ее появления окрестили Директивой о либерализации». <…> Общий подход здесь выглядит так: конкуренция – везде, где возможно, государственное регулирование – там, где это необходимо» (Беларуская думка. 2011. № 3. С. 96).

21 В другом тексте, обсуждая данную тему, директор Центра международных исследований БГУ В. Улахович отметил: «Европейцы в решениях еще Критского саммита 1994 года записали, что более 25% зависимости страны от поставок энергоносителей из одного источника является критическим показателем. Что же говорить о нашей ситуации?!» (Кредо государства // Беларуская думка. 2011. № 3. С.90).

22 Министр также указывает, что «сегодня ЕС – второй после России торговый партнер нашей страны». Положительная динамика по росту товарооборота была зафиксирована и по итогам года в целом, несмотря на «осложнения» политических и дипломатических взаимоотношений.

23 Однако, судя по ссылкам и датам доступа к интернет-источникам, указанным в самом тексте, можно сделать вывод, что статья была предоставлена в редакцию *до президентских выборов*. Этим объясняется иная тональность в оценке политики безопасности ЕС.

Геннадий Королёв

«УКРАИНСКАЯ КАРТА» БАЛТИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКОГО МЕЖДУМОРЬЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Abstract

In the article directions of development of geopolitical course of Ukraine are examined in the conditions of globalization and integration processes. We also consider the adequacy of the concept "Baltic-Black Sea Intermarum" of political life in Ukraine.

Keywords: Baltic-Black Sea Intermarum, Russia, Europe, ideology, the Ukrainian elite.

Современный контекст

Тема геополитического и цивилизационного выбора и раньше сопровождала становление независимой Украины, будоражит и сегодня. Это поле для разного рода политических спекуляций и рождения новых идеологических клише. Думаю, что и сегодня, особенно учитывая Ялтинскую европейскую стратегию (октябрь 2011 г.) и саммит Восточного партнерства (сентябрь 2011 г.), можно говорить об огромном значении ориентационного выбора Украины и умении его обосновать. Развернутые дискуссии в Ялте и Варшаве подтвердили, что украинская элита не имеет четкого понимания европейской перспективы, формулируя ее больше по инерции экономического и политического плана, чем основывая на объективных исторических основаниях.

Парадоксально, но в большей степени действия власти не отображают реальных настроений всего общества, власть пользуется логикой меньшинства. Внутренняя и внешняя политика вступают в противоречие с идеологическими установками и стереотипами «базового электората», который сделал власть властью.

Именно в 2011 г. состоялась переориентация власти Виктора Януковича из пророссийского (после подписания «Харьковских договоренностей», вследствие которых пребывание Черноморского флота Российской Федерации в Крыму на условиях аренды было продлено на 25 лет) на европейский вектор развития (о чем свидетельствует колоссальная работа власти по подготовке к Евро-2012). Перипетии украинского выбора стали основной темой ушедшего года. Ее актуализация связана с экономическим ослаблением и политическими потрясениями внутри Европейского союза (демонстрации в Великобритании, протесты в Греции (5 октября в 2011 г.) и Италии, религиозные выступления в Испании, в стране с глубокими католическими традициями общественность выступила против приезда Папы Римского Бенедикта XVI). Очередным вызовом для Украины стало создание Россией нового интеграционного образования на постсоветском пространстве – Таможенного союза, который должен стать материнской структурой Евразийского союза.

В сущности, христианская и капиталистическая общность европейского и евразийского дискурса определяет способ мышления власти «регионалов». Амбивалентность политических представлений истеблишмента стала главным базисом реанимации многовекторности внешней политики, которая не позволяет в полной мере сформулировать и реализовать концепцию развития и модернизации. А игра с образами «Другого» превратила и превращает украинскую политику в фарс.

Возникает вопрос: «Является ли рациональным выбор Украины в свете последних геополитических и стратегических дискуссий»? Попробую изложить иной взгляд на конструирование геостратегии, основанный на еще римском подходе о «силовом» разделении мира – на Север и Юг. Норвежский политолог Айвер Нойманн в своем труде «Использование “Другого”» утверждал, что нынешние глобализационные процессы ведут к переосмыслению конструкции «Восток–Запад», что сегодня стало еще актуальнее в контексте запуска Россией «Северного потока» и начала строительства «Южного потока». Фактически идет выстраивание экономических отношений России и Европы без Украины.

Анализируя последние шаги власти в заданном направлении, можно открыто ставить вопрос релевантности украинской Realpolitik (Отто фон Бисмарк). Интерпретируя современные векторы украинской перспективы, постараюсь очертить варианты политико-географической локализации/идентификации, которые были очень популярными как в украинской, так и восточноевропейской мысли. Лишь победа большевизма в России девальвировала историческую перспективу этих стратегий.

Россия – ЕС

Россия предлагает постсоветским странам Восточной Европы конкретные выгоды (оптимальные цены на энергоносители, безвизовый режим, долгосрочные гуманитарные проекты) в обмен на лояльную позицию и интеграцию к евразийским межгосударственным структурам. Европа предлагает подходы относительно улучшения стандартов жизни, которые могут быть реализованы в любой стране, независимо от цивилизационных и культурных особенностей. При этом ни у кого не вызывает сомнений, что Евросоюз и Россия продвигают в Восточной Европе одну политико-экономическую модель развития – либерального, социально-ориентированного капитализма, одновременно избрав разные пути достижения цели. Фактически для Европы восточный регион – это геополитический буфер, позволяющий сохранить статус-кво на Западе, защитить его от резкой экономической экспансии Азии, миграции, терроризма и исламского фундаментализма. Расширение Европы сегодня видится как идея самозащиты от других культур, где зарождается, как утверждает социолог Зигмунт Бауман, глобальная диаспоризация.

Россия, учитывая формулировку евразийской идеи Владимира Путина, ведет планомерную политику на усиление геополитического веса и экономическую интеграцию с ведущими странами Европы (Путин 2011). В этом контексте З. Бауман писал, что мультикультурализм победил в России, решив эту историческую проблему, которую основной части Европы еще только надлежит решить: наладить мирное сосуществование разных народов, религий, культур, традиций и языков.

И ЕС, и Россия заинтересованны в сохранении буферных зон между собой, что является одним из принципов, на которых держатся их геостратегии. Такова роль стран Прибалтики и Восточного партнерства, которые выполняют функцию «санитарной границы» от России и Востока. Москва после ситуативного сближения с Польшей более реально оценила потенциальное значение партнерства, которое сводится к нулю. В понимании российских элит такое заигрывание ЕС с постсоветским пространством объясняется перестраховкой от миграции и других проблем экономического характера.

Описанная выше ситуация на фронтах международных отношений позволяет по-новому очертить вероятные направления межгосударственных отношений в Восточной Европе.

Балтийско-черноморская перспектива

«Старая» Европа воспринимает Украину с ее тотальной нестабильностью во всех сферах общества как проблему. Даже те западные элиты, которые еще несколько лет назад считали, что украинское государство должно быть немед-

ленно включено в Европу, переориентированы (кроме Польши, пример – Германия). Закономерно, что такие представления усиливают восприятие Украины как органической части Восточной Европы, которая для европейцев является «Другим миром», непознанным пространством (о чем удачно писал американский историк Ларри Вульф в своей книге «Изобретая Восточную Европу»).

Россия относительно Украины избрала экономически выгодный тип сотрудничества – модель «экономической империи». Активность российских компаний и бизнеса в Украине является тому свидетельством.

Для современной Украины выбор между Европой и Россией – своеобразная «точка бифуркации», когда развитие страны может пойти в непрогнозируемом направлении. Во времена Леонида Кучмы эту дихотомию общественно-исторического развития пытались решить многовекторностью внешней политики. В период президентства Виктора Ющенко отдавали преимущество прозападному курсу. Поэтому фиаско ГУАМ (межгосударственное региональное объединение Грузии, Украины, Азейбарджана и Молдовы) – закономерность, связанная с механическим втягиванием страны в западное цивилизационное сообщество, где Украина никогда бы не играла ведущие позиции. Тенденции развития политического процесса доказывают, что вопросы НАТО и ЕС в общественной жизни способствуют разделению Украины за региональной идентификацией населения. Ориентация на Россию усиливает состояние раскола украинского общества по цивилизационным признаками.

Наличие «разделения» по линии Правобережной и Левобережной Украины стало главным основанием определения особенного пути общественного развития. В этом контексте видятся три геополитических модели развития Украины.

Первая – это перспектива интеграции с Западом. При таких условиях Украина формируется и существует как европейское «государство-нация», построенная на основе либеральной идеологии и капиталистической модели развития (об этом писал политолог Андрей Окара в статье «В поисках имперской перспективы»). Украина становится частью Центральной Европы, как проект «морального призыва к Западу от имени воображимого сообщества» (А. Миллер).

Такая перспектива является интеллектуальным продуктом «длинного XIX ст.» (определение историка Эрика Хобсбаума), получив воплощение в идее соборности Большой Украины и Восточной Галиции, как центров государственного строительства. Логика исторического развития такова, что Украина, которая идентифицирует себя как «государство-нация», непременно становится периферией евроатлантической цивилизации и модернизации вообще. Со временем она интегрируется в западное пространство, сохраняя культурную идентичность, но теряя национальную.

При таких условиях украинские земли становятся «межевым плацдармом» или буфером нестабильного развития. Недаром Восточная Европа в восприятии западных элит и интеллектуалов понимается как пространство «неисториче-

ских» наций, геноцидов, межконфессиональных и межэтнических конфликтов, полем борьбы различных модерных идеологий «-измов». Так характеризует Восточную Европу украинский историк Ярослав Грицак: «Восточная Европа развивалась за другой исторической траекторией. Специфика Восточной Европы заключается в том, что здесь главной движущей силой модерности были войны и революции» (Грицак 2010).

Вторая перспектива – неоимперский проект, моделируемый в современной русской геополитике как «Русский мир», а в последнее время, после выхода статьи Владимира Путина, конструируется как Евразийский союз. ЕАС должен сыграть роль эффективной «связи» между Европой и динамическим Азиатско-тихоокеанским регионом, объявляя свою общность с европейскими ценностями свободы, демократии и законов рыночной экономики. Для Украины эта перспектива предусматривает ее планомерную экономическую интеграцию в состав Таможенного союза, становясь базовым пространством сохранения русской идентичности. Происходит становление/возрождение наднациональной империи, основанной на механизме «центры – периферии». Фактически Украина становится ведущей страной «Русского мира», которая приводит к межрегиональной консолидации православных Молдовы и Беларуси. Впоследствии национальная идентичность трансформируется в собственное имперское «Я», имея идейную основу в мессианизме и православии.

Последняя перспектива – это восточноевропейский региональный сценарий. Черноморская перспектива для Украины зарождалась как евроцентрическая модель, своеобразное отрицание славянского союза, который предусматривает отказ от этнических/расовых конструкций.

Находясь в эмиграции в 1920 г., председатель Заграничной делегации Украинской партии социалистов-революционеров, экс-глава Центральной Рады Михаил Грушевский пытался разработать вариант государственного статуса Украины в новой архитектуре Восточной Европы после подписания Версальского договора. Он писал, что «Україна могла б щось виговорити собі у Антанти, тільки прийнявши федеративний принцип для нових відносин» (Грушевський 1920). Это должна была быть «федерація в рамках б.[увшої] Росії, з виключенням тільки Фінляндії та Польщі». Грушевский пишет, что после Октябрьской революции 1917 г. обдумывались реальные планы «утворення федерації на інших, ширших підставах, скажім, федерації Слов'янської, до котрої увійшли б західнослов'янські і балканські землі, або федерації Чорноморської в ширших розмірах» (Грушевський 1920).

Идея черноморской федерации Грушевского и концепция «Междуморья» Евгениюша Ромера и Юзефа Пилсудского имели общую антироссийскую основу (основана на колониальных мифах, наподобие «Россия – тюрьма народов»), были попытками обосновать собственную геополитическую роль для Польши и Украины. Только Грушевский стремился утвердить государственность своего

народа в демократическом федеральном (читай – конфедеративном) союзе, основывая свой взгляд на дуальной оппозиции Россия – Европа. Пилсудский пытался реализовать имперский потенциал поляков между Балтикой и Черным морем. Очевидно, такие представления были следствием польского мессианизма (Польша – это «Христос народов, распятый на кресте трех завоевателей» – Анджей Товианский, Адам Мицкевич). Для него, как и поляков, эта идея была проектом колониализма (Pax Polonica, Imperium Jagiellonicum), который основывался на конструировании врага (образа «Чужого») в лице России или Германии.

В соответствии с этой перспективой Украина инициирует интеграционные процессы в Восточной Европе. Происходит интеллектуальное возвращение к киево-русскому историческому наследию, примеру государственности и образа власти. При этом идеологема «Киев – Второй Иерусалим» и идея о киевской церкви крещения Владимиром становится не просто сакральной идентичностью, а геополитическим воплощением Украины.

При таких условиях «раскол» формирует позитивный вектор развития и модернизации. Восточная Галиция играет роль мостика в Европу, а Большая Украина – в Россию. Украина избирает путь, направленный на развитие отношений в балтийско-черноморском регионе, учитывая территориальный, технологический, человеческий ресурс, занимает место регионального лидера.

Описанные геостратегии – лишь изложение разных политических концепций и интеллектуальных интерпретаций. Однако история не имеет условного наклонения. Ни зона свободной торговли, ни Таможенный союз не открывают перед Украиной шансов на реализацию восточноевропейского регионального сценария.

Очевидно, что геополитическая конструкция отношений между Балтийским и Черным морями представляется одним из возможных вариантов развития для Украины в эпоху глобализации (в определении Баумана) и модернизации (в понимании Андре Г. Франка). Формирование «кооперации Черного моря» между «неисторическими» народами отвечает особенностям исторического процесса в Восточной Европе.

Сегодня украинскому политическому истеблишменту стоит выходить на уровень конструирования региональных объединений. История доказывает принадлежность Украины Восточной Европе, украинские земли географически расположены в центре Балтийско-Черноморского междуморья, потому отказ от понимания этих особенностей убеждает в колониальных стереотипах политического сознания как власти, так и общества в целом. Сразу вспоминается высказывание французского писателя-моралиста Франсуа де Ларошфуко, что лицемерие – это дань уважения, которую порок платит добродетели.

Выводы

Варианты геостратегии являются продуктом идеологии, которая, следуя удачному определению А.Г. Франка, выполняет несколько взаимосвязанных функций – это интеграция, легитимация и искривление реальности. Поэтому колебания политической элиты вокруг выбора адекватной геополитической ориентации Украины приводят к перманентному возрождению проблемы раскола, федерализации и сепаратизма, регионализма и унитаризма. Дуальность украинской политической реальности отображается в конфликте цивилизационных представлений.

Выбор между Таможенным союзом и Зоной свободной торговли с ЕС – мессианская перспектива и вариант сохранения уникальной социокультурной идентичности. Украина делает исторический выбор между перспективой «государства-нации» и малороссийским проектом, а также собственной геополитической ролью. Первый вариант не имеет перспектив в глобальном мире, а во втором Украина рассматривается лишь как периферия.

В конечном итоге для Европы и России «украинская карта» – это способ обеспечения и сохранения статус-кво в своих цивилизационных плоскостях. И сегодня очередной раз в истории Украина стоит на перепутье геополитического выбора и познания своей цивилизационной идентичности.

Литература

Бауман, З. Прошлое России – это будущее Европы. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://vz.ru/opinions/2011/5/16/491623.html

Миллер, А. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html

Грицак, Я. Культура пам'яті у польсько-російсько-українському трикутнику // Память как поле соревнований в польско-российско-украинском треугольнике. Материалы конференции, 3 ноября 2010, Киев.

Грушевський, М. В першій делегації Української партії соц.-революціонерів (квітень 1919 р. – лютий 1920 р.) // Борітеся – поборете! (Відень). 1920. № 3. С. 51.

Окара, А. В поисках имперской перспективы. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/cosmopolis/36/. Дата посещения: 10.10.2011.

Путин, В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. Известия. 3 октября 2011.

Дмитрий Нечипорук

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО ПРОСТРАНСТВА

Abstract

In my paper I try to analyze how the history of formation of the Baltic Borders states after the Second World War influenced the cooperation of these states on main problems of the Baltic Sea. I attempt to trace the relationship between the process of formation of the Baltic States borders and mutual interests concerning the protection of the Baltic Sea ecology. As early as 1974 the Baltic Sea states adopted the first common frame agreement on the protection of the Baltic Sea. It was the crucial point of the cooperation in the Baltic area, and the Helsinki Commission (HELCOM) started its activity. On the other hand, the Cold War strictly defined not only the borders in Europe but the limits of the cooperation between the Soviet block and Western countries. From this point of view, the interaction was regarded as a declaration to carry out the following measures of the Baltic Sea societal improvements.

After the collapse of the USSR the situation in the region dramatically changed. HELCOM reestablished the membership of the new independent states – the four former Soviet republics (Lithuania, Latvia, Estonia and Russia) – and adopted the new Baltic Sea Action Plan. Being concerned with the problem of eutrophication HELCOM has marked the environmental borders both within and between the Baltic States. In the final part of the paper I analyze how they are correlated to political borders and what way the ecological problems of the Baltic Sea have changed the nature of the borders of the Baltic Sea.

Keywords: Borders, the Baltic Sea, delimitation, hot spots, eutrophication, HELCOM.

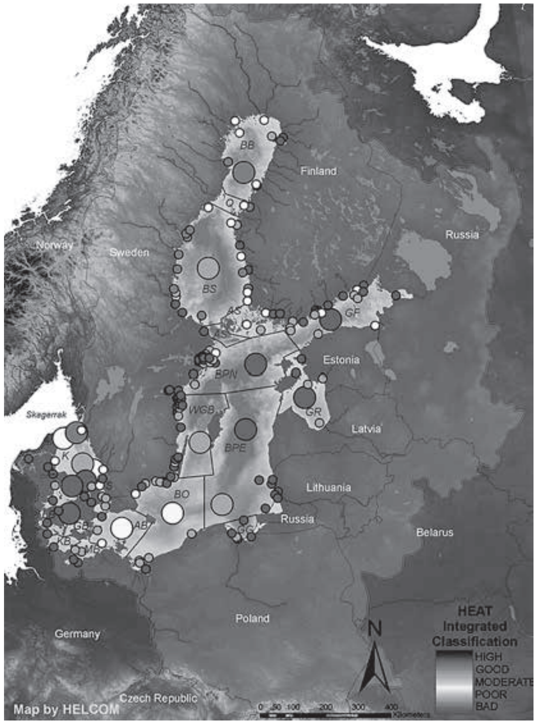

Рис. 1. Регион Балтийского моря и основные точки антропогенной эвтрофикации.
Источник: www.helcom.fi

Введение

Балтийское море является молодой и экологически уязвимой частью Атлантического океана. Это единственное внутреннее море в Европе, соединенное с Мировым океаном узкими проливами. Балтийское море характеризуется мелководностью, низкой соленостью морской воды и слабоинтенсивным обменом вод с Северным морем. Последняя черта переопределила крайне ограниченную способность Балтийского моря к самоочищению собственных вод. В среднем этот период занимает 30–50 лет. Балтийское море имеет среднюю глубину 52 метра с общей площадью 21 700 кв.км. Оно состоит из нескольких подбассейнов, в которые входят: Центральная Балтика, Ботнический залив, Ботническое море, Финский залив, Рижский залив, Датские проливы. Различные части моря отличаются друг от друга не только по размерам и глубине, но и по уровню солености вод, который значим для биоразнообразия подводного мира. Современное Балтийское море является одним из наиболее активно развивающихся европейских регионов, в котором проживают 85 млн человек на

территории девяти прибрежных государств (Германия, Дания, Латвия, Литва, Польша, Россия, Финляндия, Швеция, Эстония). Кроме стран, имеющих прямой выход к Балтике, ряд государств расположен на территории водосборного бассейна Балтийского моря. К их числу относится Беларусь, Украина, Чехия. Сегодня Балтийское море считается экологически неблагополучным. Согласно данным шведского агентства по защите окружающей среды, основными экологическими проблемами Балтийского моря являются: наличие в водах токсичных веществ, присутствие чужеродных морских видов, перелов рыбы и эвтрофикация (обогащение водоемов биогенными веществами (фосфаты, азот и т.п.), которая ведет к усиленному цветению сине-зеленых водорослей и нехватке кислорода) и воспринимается как главная угроза биоразнообразию (Hakanson & Bryhn 2007).

В данной статье предпринимается попытка проследить взаимосвязь между процессом формирования морских границ прибрежных государств и общих интересов по защите окружающей среды Балтийского моря. Хотя регион издревле был местом соперничества/сотрудничества народов и государств, проживающих на Балтике, лишь в XX веке произошли решающие события, сформировавшие существующие границы моря. Уже к концу 1980-х гг. границы стали осознаваться не только как гарантия защиты собственных интересов в регионе, но и как препятствие для реализации совместных усилий для решения общих трансграничных проблем (Joenniemi 1993). Такое понимание связано с развитием интеграционных процессов в Европе на фоне стремления нового советского руководства начать диалог и сотрудничество с западными странами. Влияние геополитических изменений в Балтийском регионе в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на возникновение представления об общем экологическом пространстве и возросшая роль защиты окружающей среды Балтики при решении трансграничных проблем – предмет нашего исследования.

Опираясь на представление о границе как месте, где осуществляется взаимодействие противоположных (в буквальном смысле этого слова) сторон, будет показан процесс формирования границ. Исследуем процесс делимитации морских границ Балтийского моря как инструмент отстаивания государственных интересов через разрешение конфликтов и разногласий. Исследуется и история межгосударственной кооперации вокруг проблемы ухудшающего состояния Балтийского моря, возникшей в результате осознания недостаточности отдельных усилий по улучшению качества окружающей среды в регионе. Возрастающее значение природоохранных вопросов во внешней политике сильно повлияло на взаимоотношения балтийских стран в 1990–2000-е гг. Сотрудничество по вопросам охраны Балтийского моря изменило сущность конфликтов относительно природопользования моря на фоне усиления взаимодействия по созданию общего экологического пространства региона.

Дискуссия о природе границ и путях трансграничного взаимодействия

Вопросы значения и определения государственных границ приобрели большую актуальность после окончания Первой мировой войны (Topaloglou 2009). Изменение политической карты Европы, появление новых государств в восточноевропейском и балтийском регионах предопределило рост исследований по вопросам точного определения границ. Это были прикладные работы, публиковавшиеся в контексте неурегулированных пограничных споров либо на фоне неуверенности в прочности Версальской системы (Anderson 1996). Вторая мировая война и начало холодной войны оформили одно из важнейших направлений в изучении границы – как политический и идеологический феномен, как место, вокруг которого разворачивается конфликт и соперничество между враждующими сторонами. В этом понимании граница четко очерчивала сферу влияния или доминирования кого-либо (государства, военно-политического блока, армии) над чем-либо (территория, население, ресурсы) (Jones 1959, Minghi 1991). Подобный геополитический (реалистический) анализ границы требовал тщательного описания языковых, культурных, природных и других характеристик обозначенной территории.

Со второй половины XX века изучение границ все чаще проводилось в рамках междисциплинарного исследования. Влияние экономики, социологии, культурной антропологии позволили переосмыслить природу границы и увидеть в ней процессы социальной динамики. Представление о «естественных границах» как устоявшихся сущностях было подвергнуто критике сторонниками социального конструктивизма еще в эпоху доминирования геополитического подхода (Broek 1941, Pounds 1954, Topaloglou 2009). Граница всегда есть результат специальных усилий или произвольного вмешательства для установления контроля над территорией. Политическое понятие «суверенитет» имеет географическую основу: это всегда местность, земля, «исконная» для проживающего на ней населения. Однако суверенитет «естественных» границ после тщательных исторических изысканий оказывается продуктом экспансии и расширения территории в ту или иную историческую эпоху (Van Houtum 1998, Theodoropoulos 1999, Hassner 2002).

Другой подход, разрушающий представление о статичности и нерушимости границ, черпал свою аргументацию из экономики и антропологии. Граница есть место взаимодействия, оживленного или вялого, налаженного или случайного. Вокруг нее складываются устойчивые институты обмена и общения с собственными механизмами и функциями. Следовательно, изучение границы предполагает ответ на вопрос: *как* происходит взаимодействие, чем изучение того, *что* она из себя представляет (Alvarez 1995, Paasi 1996, Van Houtum [et al] 2005).

Граница как воплощение процедурных практик, прочно укорененных в сознании и поведении людей, помогает увидеть общее и особенное в отношении государства, местного сообщества к трансграничному взаимодействию. Это позволяет выделить факторы, способствующие или препятствующие сотрудничеству по разные стороны пограничной черты (Scott 2006).

Большое количество литературы по изучению природы границ появилось в связи с развитием европейской интеграции. Успехи западных стран по расширению интеграции, как в деле привлечения новых стран, так и в деле заключения новых договоров, радикально меняли отношение к границам. Шенгенское соглашение, Маастрихтский договор давали новое представление о возможностях надгосударственного сотрудничества и его масштабах. Европейская интеграция стимулировала попытки переосмыслить границы как гарантию суверенитета. В работах, посвященных возникновению нового общеевропейского пространства, границы рассматривались как препятствия, помеха, барьер для свободной торговли, передвижения людей и капиталов (Cappelin & Batey 1993, Ratti & Reichmann 1993).

В связи с эволюцией отношения ученых к изучению границ французский исследователь европейской интеграции Пьер Асснар выделил три основных подхода к изучению проблемы границ. Первый подход – позитивный или консервативный – рассматривает границы как основной инструмент в установлении прочных отношений между государствами. В основе этого подхода лежит представление о границе как линиях, стенах, крепостях, с помощью которых государство определяет независимость своей территории и идентичность населения, проживающего внутри этих границ. Второй подход порожден негативной реакцией на первый и, поэтому, является негативным, или революционным. В его основе лежит отрицательное отношение к границам – и шире – всякому разделению, препятствующему созданию единого пространства, в рамках которого кто-то (люди, животные) или что-то (идеи, товары, капиталы) могли бы свободно передвигаться или обращаться. Такой подход подрывает идею суверенного государства, а также размывает ту идентичность, которая сложилась в рамках определенных границ. Третий подход Асснер называет диалектичным и прогрессивным. Уничтожение одних границ ведет к появлению новых, образуемых в новых местах и на иных основаниях. Само представление о границах меняется. Их природа становится сложнее, их труднее обнаружить, так как эти границы не обязательно физически осязаемы. Требуется усилие или исследование, чтобы опознать их в новых местах. Выделяя эти подходы, Асснар имел в виду изменение сущности границы в связи с интеграционными процессами в ЕС, когда исследователи подняли вопрос об актуальности традиционных границ, утверждающих суверенитет и независимость государств (Hassner 2002).

В статье эти три подхода рассматриваются как сменяющие друг друга этапы, отражавшие различное понимание охраны и защиты морских границ Балтий-

ского моря со второй половины 1940-х гг. до наших дней. В зависимости от того, какие представления получали преобладающее доминирование, мы выделяем три периода:

«Консервативный» период (1945–1988) – время, когда Балтийские государства стремились закрепить свои национальные морские границы, а охрана внутренних вод была ведущим внешнеполитическим приоритетом на фоне соперничества СССР и его сателлитов с НАТО в рамках «Холодной войны». Границы в это время воспринимались как четко очерченные линии, позволяющие отделить территорию одного государства от другого.

«Революционный» период (1989–2005) – объединение Германии и крушение СССР привело к изменению границ и появлению новых государств в Балтийском регионе. Это время окончания «холодной войны» и стремительного расширения Европейского союза в балтийском регионе, когда новые и прежние границы стали местом трансграничного сотрудничества и взаимодействия. Это было время преодоления старых барьеров (привлечение бывшими социалистическими странами западных инвестиций, начало сотрудничества на уровне некоммерческих организаций и т.п.), когда главные усилия направлялись на развитие сотрудничества между восточной и западной Европой, сокращение и устранение дисбалансов и разрывов, которые образовались в годы холодной войны. По этому же пути пошло и сотрудничество в вопросах защиты окружающей среды Балтийского моря. Расширение ЕС в балтийском регионе привело к тому, что море стало практически единым целым, за исключением небольших участков, принадлежащих России.

«Прогрессивный» период (2006 – по настоящее время) – когда существующие государственные границы получили новые смыслы и предназначение. После принятия в 2007 г. плана по спасению Балтийского моря (The Baltic Sea Action Plan) прежние границы Балтики между странами приобрели новый смысл. С одной стороны, на первый план вышла забота о естественных границах моря, которые устанавливают не политики, а ученые. Поэтому важное значение приобрели «горячие точки» (hot spots) на территории балтийских государств – очаги значительной концентрации простейших сине-зеленых водорослей, которые должны быть удалены балтийскими странами до 2021 г. С другой стороны, разногласия и споры в рамках государственных границ приобрели новый масштаб и измерение, как это было в случае с международными переговорами о прокладке газового трубопровода «Северный поток».

«Консервативный» период: границы Балтийского моря в эпоху холодной войны (1945–1988)

а) делимитация континентального шельфа

После окончания Второй мировой войны Балтийское море стало ареной соперничества Восточного блока (во главе с СССР) и стран, вошедших в Североатлантический Союз (НАТО). Доминирование Советского Союза и его сателлитов было неоспоримым благодаря трем факторам. Во-первых, значительная часть береговой линии по итогам Второй мировой войны принадлежала либо СССР, либо восточноевропейским союзникам Москвы. Советскому Союзу удалось не только закрепить за собой всю Прибалтику (Латвия, Литва, Эстонии), но и отторгнуть от побежденной Германии Восточную Пруссию, территория которой была поделена между СССР и социалистической Польшей. В итоге в СССР была образована нынешняя Калининградская область, а Польша получила выход к Балтийскому морю от Гданьского залива до Щецинского залива. Советская оккупационная зона в Германии, превращенная в 1949 г. в Германскую Демократическую Республику (ГДР), также располагала прибрежной линией, простиравшейся от Любекской бухты на западе до Поморской бухты на востоке. Таким образом, свыше 1/3 Балтийского побережья (часть восточного и почти все южное) принадлежала странам из социалистического лагеря. Кроме того, Швеция и Финляндия подтвердили статус нейтральных государств. Также Финляндия установила добрососедские отношения и взаимовыгодные экономические связи с СССР. Из всех Балтийских стран в то время лишь Дания (с 1949) и ФРГ (с 1955) являлись членами НАТО. Особую угрозу для мира в регионе, по мнению руководства Советского Союза, представляла внешняя политика Западной Германии, на территории которой были размещены американские военные базы. Согласно доктрине Хальштейна, официальный Бонн отказывался признавать как существование ГДР, так и германо-польскую границу вдоль рек Одер – Нейсе. В свою очередь, Советский Союз придерживался противоположного взгляда на германский вопрос, заявляя, что объединение возможно только на основе общественно-политической системы, оформившейся в ГДР (Gray 2003).

Противоборство вокруг германо-германской и германо-польской границ, жесткая позиция правительства Аденауэра по вопросу дипломатического признания ГДР и Польши, вступление ФРГ в НАТО – все эти факторы подтолкнули страны социалистического лагеря начать процесс делимитации границ в Балтийском море между собой. На протяжении конца 1950–1960-х гг. было заключено пять двусторонних договоров между СССР, Польшей, ГДР и Финляндией (единственной несоциалистической страной) о разграничении континентального шельфа на Балтике. Советско-польские (1958, 1969), советско-финские (1965, 1967) и германо-польское (1968) соглашения устанавливали четкие морские границы для материковой отмели Балтийского моря (Franckx 1996).

Все эти соглашения были направлены на закрепление за собой морских границ странами социалистического лагеря в условиях, когда их существование оспаривались правительством ФРГ. Следовательно, вышеупомянутые договоры были важными инструментами международной и государственной политики для Советского Союза и его союзников, с помощью которых подтверждалось доминирование в восточной и южной части Балтийского побережья. Устанавливая границы между суверенными государствами, эти соглашения выполняли важную «консервативную» функцию в разграничении сфер влияния на международной арене, закрепляя часть Балтики за странами Варшавского пакта.

Ослабление международной напряженности в отношениях между СССР и США повлияло и на Балтийские страны, открыв возможности для урегулирования пограничных вопросов. Новая восточная политика ФРГ имела ряд важных последствий для балтийских стран. Во-первых, она позволила подписать договор об основах взаимоотношений между ФРГ и ГДР (1972), что привело к установлению дипломатических отношений между странами и признанию германо-германской границы. Также в рамках нового внешнеполитического курса западногерманское правительство признало послевоенную германо-польскую границу и заключило с Польшей договор об основах взаимных отношений (1970). Во-вторых, эти соглашения (к которым стоит добавить германо-чехословацкий договор 1973) хотя и не стали вехой с точки зрения нового подхода к установлению границ в Балтийском регионе, но позволили расширить «позитивный» процесс делимитации на другие балтийские страны, не входившие в социалистический лагерь. Уже в 1972 было подписано финско-шведское соглашение о разграничении континентального шельфа. За ним последовали германо-германское соглашение о разграничении Любекского залива (1974), соглашение между ФРГ и Данией (1977) и договор о делимитации между ГДР и Швецией (1978). Все эти договоры, заключенные и между странами с различным общественно-политическим устройством, продолжали общее направление по разграничению национальных прибрежных границ с целью закрепить свои морские границы на Балтике. Сам процесс не протекал безболезненно. ФРГ и ГДР так и не смогли полностью делимитировать границу Любекского залива, а ФРГ и Дания не урегулировали разногласия, касавшиеся рыболовства в пограничных зонах. В дальнейшем, уже в 1980-е гг., благодаря перестройке в СССР и политическим переменам в Восточной Европе балтийские страны стали активнее участвовать в переговорах об определении границ континентального шельфа. Хотя в большинстве случаев речь шла о спорных территориях или уточнениях предыдущих соглашений, с 1985 по 1991 г. подписано примерно столько же договоров о делимитации на Балтике, сколько за весь послевоенный период (Franckx 1996).

б) Национальные границы и защита окружающей среды Балтийского моря

Эпоха разрядки открыла путь и к сотрудничеству в сфере защиты окружающей среды. В послевоенное время Балтийское море, считавшееся экологически благополучной частью Атлантического океана, активно эксплуатировалось всеми прибрежными государствами. Но уже к концу 1960-х гг., благодаря наблюдениям Международного совета по исследованию моря (ICES), стало окончательно ясно, что дальнейшее бесконтрольное использование моря может привести к его деградации и вымиранию (VanDeever 2011: 45–46). Главной причиной ухудшения экологического состояния Балтийского моря была признана проблема антропогенной эвтрофикации. Неконтролируемый выброс биогенных веществ (фосфора и азота) в море в результате развития промышленного и сельскохозяйственного производства в регионе привел к цветению воды и изменению экосистемы Балтики. Посредничество Финляндии между СССР и западными странами позволило заключить в Хельсинки в 1974 г. первую многостороннюю конвенцию об охране морской среды Балтийского моря (Räsänen & Laakonen 2008). Хельсинская конвенция 1974 года вступила в силу в мае 1980 года, после ратификации всеми странами, имевшими тогда выход к Балтийскому морю (ГДР, Дания, Польша, СССР, Финляндия, ФРГ, Швеция). Исполнительным органом Хельсинкской конвенции стала Хельсинкская комиссия (далее – ХЕЛКОМ), которая взяла на себя роль экологического координационного центра по мониторингу и оценке состояния Балтийского моря.

Мотивы, заставившие балтийские страны подписать общее соглашение, были различными. Германия, Дания, Швеция и Финляндия, обеспокоенные стремительным загрязнением Балтики, проявляли все больший интерес к комплексной политике по улучшению окружающей среды. Благодаря возраставшему давлению со стороны научного сообщества и активистов зеленых на правительства развитых стран вопрос о сохранении природных ресурсов занял одно из ведущих мест в международной повестке дня на рубеже 1960–1970-х гг. (McCormick 1991). Озабоченность состоянием Балтийского моря на межправительственном уровне следует рассматривать в контексте подъема международного движения за сохранение природы.

Руководство Советского Союза, также обеспокоенное уровнем загрязнения Балтийского моря, в первую очередь ориентировалось на решение собственных внутри- и внешнеполитических задач, слабо связанных с природоохранной международной кооперацией. В понимании брежневского руководства статус великой державы необходимо подтверждать и участием в крупных международных событиях и соглашениях, некоторые из которых Советский Союз готов был организовать у себя. С конца 1960-х гг. СССР участвовал в конкурсе за принятие у себя летних Олимпийских игр. Этот фактор стимулировал интерес СССР

к Хельсинкской конвенции, принятие которой означало де-факто взятие на себя обязательств по сооружению новейших очистных сооружений к моменту официального открытия международных спортивных соревнований (Darst 2001: 59–63).

Не стремясь к полностью прозрачному и открытому сотрудничеству, Советский Союз настоял на том, чтобы Конвенция 1974 г. не регулировала природоохранную политику государств в рамках их национальных границ. Документ касался в первую очередь нейтральной части Балтийского моря. В условиях холодной войны и взаимного недоверия возможности сотрудничества имели свои пределы. Поэтому это соглашение наряду с процессом делимитации морских границ, на наш взгляд, органично вписывается в «консервативный» период, когда на первый план выходила забота государства о защите собственных границ. В подобном ключе стоит оценивать и декларацию ХЕЛКОМ 1988 г. о сокращении выбросов биогенных веществ на 50% к 1995 г., одобренную министрами всех балтийских стран. Этот документ был принят в совершенно иной международной обстановке, когда СССР под руководством Горбачева взял курс на более активную и открытую внешнюю политику, в том числе и по вопросам охраны окружающей среды (Darst 2001: 63–66). Тем не менее, согласно министерской декларации, каждая из сторон обязывалась в границах своих внутренних вод достигнуть радикального уменьшения попадания вредных веществ в водосборный бассейн Балтийского моря. Хотя это поворотное решение в истории ХЕЛКОМ, его так и не удалось выполнить к обозначенному сроку, декларация 1988 г. помогла определить обширный список опасных веществ, требующих выделения и очищения из выбросов, попадающих в Балтийское море (Selin & VanDeveer 2004: 154).

«Революционный» период: крах биполярной системы и расширение Европейского союза в Балтийском регионе (1989–2005)

Важным последствием перемен во взаимоотношениях Советского Союза и стран Запада стало формирование нового отношения к границам, в том числе к существующим разделительным линиям на Балтийском море. Ключевым событием, которое стало прологом к новому, «революционному» периоду в отношении границ, можно назвать объединение Германии в 1990 г. Для Балтийского региона это событие стало поворотной вехой. Воссоединение Германии окончательно положило конец холодной войне в Балтийском море. Последовавший вскоре распад СССР в 1991 г., появление на политической карте Европы независимых прибалтийских государств открыли возможности для пересмотра и переосмысления прежних границ Балтийского моря.

В полной мере «революционный» период отмены границ с 1992 по 2005 проявил себя через процесс расширения Европейского союза в Балтийском регионе.

В 1995 г. в ЕС вступили Швеция и Финляндия, в то время как Латвия, Литва, Польша и Эстония стали кандидатами на вступление. В 2004 г. все они также вступили в ЕС. Таким образом, только Россия в Балтийском регионе не является членом Евросоюза. Кроме того, все эти страны в разное время стали участниками Шенгенского соглашения, предусматривавшего отмену пограничного контроля внутри ЕС (в 1995 г. – Германия, в 2001 г. – Дания, Финляндия и Швеция). К концу 2007 г. окончательно сложилось единое шенгенское пространство в Балтийском регионе, когда к нему присоединились прибалтийские государства и Польша.

Другой важной инициативой Европейского союза стал проект «Северное измерение», нацеленный на развитие трансграничного сотрудничества между северными странами, прибалтийскими государствами и Россией. Этот проект, реализуемый с 1997 г., работал на преодоление границ и барьеров в регионе посредством реализации различных совместных проектов, в т.ч. по охране окружающей среды. С 1998 г. стал работать постоянный секретариат Совета государств Балтийского моря, международной организации, созданной в 1992 г., после образования в регионе новых независимых государств. Несмотря на разногласия России и западных стран по поводу вступления Латвии, Литвы, Польши и Эстонии в НАТО, все 1990-е гг. проходили под знаком формирования «расширенной Европы» (Aalto 2006).

Именно в это время получает широкое распространение негативное отношение к границе, воспринимающейся как препятствие в развитии Балтийского региона, доставшееся в наследие от холодной войны (Tassinari [et al] 2003). С другой стороны, границы между странами и регионами переосмысливаются как точки разрыва и неравенства, позволяющие увидеть отличия в социально-экономических и политических возможностях соседствующих стран, влияющих как на процесс, так и на результат трансграничного сотрудничества (Joas M [et al] 2008).

Неравномерность в применении природоохранных мер и несоразмерность вклада стран региона в решение экологических проблем Балтийского моря повлияли на негативное отношение к государственным границам. Все это проявилось в деятельности ХЕЛКОМ. В 1990 г. в Роннебю была принята Декларация Балтийского моря и утверждена Совместная программа действий в области окружающей среды. Для выполнения стратегической цели программы – воссоздания устойчивого экологического баланса – был создан Комитет действий (Task Force), призванный координировать общие усилия по выполнению природоохранных мероприятий. Вскоре после распада СССР в состав ХЕЛКОМ вошли четыре бывшие советские республики – Латвия, Литва, Россия и Эстония. В свете новой международной обстановки Комиссия в 1992 году подготовила новую Конвенцию по защите морской среды Балтийского моря. К ней также прилагалась «Балтийская совместная всеобъемлющая программа

природоохранных мер» (The Baltic Sea Joint Comprehensive Environmental Action Programme (JCP)), в которой указывались основные «горячие точки» и источники загрязнения Балтийского моря. Национальные границы по всему Балтийскому морю были использованы как маркеры для обозначения степени загрязненности территориальных вод того или иного государства. С другой стороны, нанесение на карту «горячих точек», т.е. акваторий моря, подвергшихся наиболее сильному загрязнению фосфатами и нитратами, подчеркивало всю условность государственных границ на Балтике с точки зрения решения этой проблемы (HELCOM 1993). Особенно хорошо это было заметно в трансграничных районах, где проблема могла быть решена лишь совместными усилиями. Например, отсутствие современных очистных сооружений в Калининграде – проблема не только для местных властей, но и соседей по Балтийскому морю в лице Дании, Швеции, Польши. Очистка сильно загрязненного Финского залива не может быть выполнена силами одной Финляндии. Без участия Санкт-Петербурга и Ленинградской области как крупнейшего мегаполиса и загрязнителя Балтийского моря кардинально решить проблемы Финского залива невозможно (Kern 2011: 29–30, Отчет 2005: 98, 106). Поэтому в Конвенцию были включены необходимые меры по природоохранной политике в рамках национальных территорий для всех стран, ее подписавших (HELCOM 1993: XV).

Однако утвержденная в 1992 г. программа применения первоочередных действий ХЕЛКОМ (HELCOM PITF) при исполнении натолкнулась на трудности, связанные с неспособностью бывших социалистических стран выполнить весь объем обязательств, одобренных в 1988–1992 гг. Если в Германии, Швеции, Дании и Финляндии добились заметного улучшения качества вод Балтийского моря в рамках своих границ в 1970–1980-е гг., то ситуация с загрязнением акватории бывших социалистических стран ухудшилась. Все это накладывалось на трудности перехода к рыночной экономике, когда нехватка денег на исполнение первоочередных государственных обязательств (выплата зарплат, обслуживание госдолга и т.п.) делала невозможным проведение собственными силами мероприятий по модернизации и обновлению очистных сооружений. В таких условиях экономически развитые страны перешли к практике транснационального субсидирования международных проектов по восстановлению экосистемы Балтийского моря. Этот принципиально новый механизм взаимодействия между западными и бывшими социалистическими странами работал на переосмысление прежних границ в международной природоохранной политике. Если раньше и речи не было о том, чтобы Советский Союз мог принять напрямую какую-либо финансовую и технологическую помощь в рамках сотрудничества по защите окружающей среды, то с 1990-х гг. Россия и бывшие соцстраны, оказавшиеся не в состоянии обслуживать всю свою инфраструктуру, согласились на содействие более богатых и развитых стран по региону. При этом

важное отличие заключалось в том, что прибалтийские государства и Польша, взявшие курс на вступление в ЕС, использовали механизм транснационального субсидирования активнее и эффективнее, чем Россия. Российские власти за все 1990-е гг. так и не сумели создать условия для целевого использования западной помощи в деле строительства новых очистных сооружений (Darst 2001: 80–84, Отчет 2005: 94–95).

Поскольку трансграничное и международное сотрудничество стало обязательным условием в деле спасения биоразнообразия Балтийского моря в 1990-е гг., видным и активным актором в решении природоохранных проблем стали некоммерческие организации (НКО). Прежде всего это выразилось в росте влияния Хельсинкской комиссии, решения и рекомендации которой стали основой для создания национальных планов действий по Балтийскому морю. ХЕЛКОМ стала координирующим центром обширной сети институционализированных инициатив и неправительственных организаций, занимающихся разными аспектами сохранения живой природы. Центрообразующая роль ХЕЛКОМ стала общепризнанной благодаря вхождению комиссии ЕС в ее состав с правом голоса в 1992 г. Хотя все страны, вошедшие в ЕС, должны были согласовать свои законы с общеевропейским законодательством в сфере окружающей среды, роль ХЕЛКОМ в формулировании принципов природоохранной политики не пострадала. Все рекомендации ХЕЛКОМ, не имеющие обязательного статуса для исполнения странами-участницами, согласовываются с основными параметрами европейского законодательства. Итогом подобной «гармонизации» стало принятие стратегии Европейского союза для региона Балтийского моря в 2009 г., куда вошли рекомендации и мероприятия по спасению окружающей среды, разработанные ХЕЛКОМ (VanDeever 2011: 39–51).

Процесс делимитации Балтийского моря, «консервативный» по своей сути, тем не менее также не избежал влияния «революционного» подхода к границам. Помимо традиционных двусторонних соглашений по разграничению территорий, в этот период начали заключаться трехсторонние договоры по делимитации морского пространства. Шведско-польско-советское (1989), эстонско-латвийско-шведское (1997), эстонско-финляндско-шведское (2001) соглашения были подписаны после того, как были оформлены двухсторонние договоры между Польшей и Швецией (1989), Эстонией и Латвией (1997), Эстонией и Финляндией (1996) соответственно. После распада СССР и образования новых государств потребовалось провести делимитацию границ как внутри некогда единого советского пространства, так и с их новыми соседями. Этот процесс проходил интенсивнее и быстрее по сравнению с периодом холодной войны, когда переговоры между балтийскими странами растянулись на долгие десятилетия. Очевидно, что курс на создание общего балтийского пространства стимулировал разные стороны активнее и быстрее добиваться взаимного согласия (Franckx 2001).

«Прогрессивный период»: экологическое сотрудничество versus энергетическая безопасность (2006 – по настоящее время)

а) «Северный поток»: где лежит граница между национальным суверенитетом и коммерческой выгодой?

Вступление бывших соцстран и союзных республик в Евросоюз в 2004 г. означало, что балтийский регион приобретает новые очертания. Четкая разделительная линия отныне проходила на границе ЕС с постсоветскими республиками (Россия, Беларусь, Украина). Кроме того, внутри балтийских стран ЕС вместо прежних границ, на которых ранее осуществлялся пограничный контроль, стали стремительно образовываться «прогрессивные» линии и барьеры, которые иногда подчас совершенно неожиданно подчеркивали ощутимое различие между развитыми и постсоциалистическими странами. Это особенно проявилось во время мирового кризиса 2008–2009 гг., когда сильный спад производства (прибалтийские страны) или замедление экономического роста (Польша) вызвал отток трудоспособного населения в развитые страны. Хотя последние также пострадали от рецессии, но они все равно остались экономически привлекательными для трудовых мигрантов из стран ЕС с более низким жизненным уровнем.

Россия, как единственная страна в балтийском регионе, не вошедшая в ЕС, также имела немало разделительных линий с объединенной Европой. Помимо собственно государственной границы, прохождение которой с 2007 г. требовало обязательного визового контроля, Россия с начала 2000-х гг. стала проводить более сдержанную политику по сближению с ЕС. Хотя процесс этот проходил неравномерно и по-разному, в различных сферах трансграничного сотрудничества межгосударственные границы вновь обретали прежнее значение. Новое руководство страны все чаще заявляло о стремлении защищать и охранять интересы суверенного государства, в том числе и в Балтийском регионе (Сергунин 2004 : 22–23). Наряду с традиционными военно-геополитическими разногласиями между Россией и балтийскими странами, такими, как создание ПРО в Польше, расширение НАТО и вопрос о подписании договоров о границе между Россией с одной стороны, и Эстонией и Латвией с другой стороны, в 2000-е г. появились и новые расхождения. Уже к середине 2000-х гг. на первый план по значению вышла проблема энергетической безопасности, как балтийского региона, так и ЕС в целом. В связи с многократным ростом цен на энергоносители между Россией и ЕС начал обсуждаться вопрос о новых путях транспортировки газа в дополнение к существующим трубопроводам, проложенным через Беларусь и Украину. Еще в конце 1990-х гг. российская компания «Газпром» изучала возможности прокладки газовой трубы по дну Балтийского моря, но тогда проект был признан нерентабельным. Однако за несколько лет ситуация с экспортом газа изменилась радикально: потребление газа в Европе выросло, цены взлетели

вверх, заставив заинтересованные стороны переоценить выгоды от строительства подводной газовой трубы (Riley 2008). В 2005 г. идея построить газопровод в Балтийском море в обход сухопутных границ была озвучена как совместный проект Газпрома и немецких компаний «E.ON Ruhrgas» и «BASF» с одобрения лидеров государств – Президента РФ В.В. Путина и Канцлера Германии Г. Шредера. Сам маршрут и собственно компания получили название «Северный поток» (Nord Stream AG).

Однако сразу же «Северный поток» стал объектом острой дискуссии между балтийскими странами, в которой переплелись вопросы суверенитета национальных морских границ, экологической безопасности моря и экономической целесообразности этого масштабного проекта. Конфликт вокруг этих проблем стал для многих наблюдателей и экспертов ключевой вехой, свидетельствовал о возрождении имперских амбиций России по отношению к соседским странам по Балтийскому региону (Smith 2006, Larsson 2007). Однако возрожденная к жизни риторика холодной войны озвучивалась политиками и учеными в совершенно иных геополитических условиях, кардинально отличавшихся от эпохи биполярного противостояния. Смысл разногласий по прокладке трубопровода по дну моря касался условий допуска проекта в территориальные воды балтийских государств. «Прогрессивная» граница в отношении стран к реализации «Северного потока» пролегала по истории их взаимоотношений с СССР. Те страны, которые занимали оборонительные позиции или сумели установить равноправные и добрососедские отношения с восточным соседом, в эпоху холодной войны положительно восприняли эту инициативу. Члены НАТО – Дания, Германия и нейтральная Финляндия изначально были готовы участвовать в проекте и пустить трубопровод в свои воды при условии тщательной проработки плана строительства, ведущее место в котором отводилось экологической безопасности. Наоборот, Польша, как бывший союзник Москвы по ОВД, и прибалтийские страны, бывшие еще совсем недавно частью Советского Союза, были резко против осуществления проекта. В непростом «промежуточном» состоянии по отношению к проекту оказалась Швеция. В годы холодной войны нейтральная Швеция зорко следила за безопасностью своих границ. Конфликт по поводу внезапного появления советской подлодки С-383 в районе секретной военной базы в 1981 г. был воспринят как сигнал к укреплению обороноспособности собственных территориальных вод. Швеция, которая в отличие от Финляндии не имела традиции тесных взаимоотношений с СССР в послевоенное время, с подозрением восприняла сам факт возможной прокладки трубопровода в шведской части Балтийского моря. Спустя четверть века после инцидента с советской субмариной шведы вновь почувствовали для себя угрозу от соседа, с которым они имели мало общего. Военно-стратегический аспект прокладки газопровода играл ведущую роль во внутриполитической дискуссии, касавшейся присоединения Швеции к «Северному потоку». В 2009 г. Швеция дала согласие

на строительство трубы, когда концерн предоставил гарантии по экологической безопасности предполагаемого маршрута (Whist 2008: 37, 50–54).

Наиболее поразительной чертой споров о прокладке «Северного потока» в водах балтийских государств являлось чувствительное восприятие уязвимости национальных границ. «Консервативное» видение проблемы «Северного потока» как потенциальной угрозы национального суверенитета для одних стран ЕС накладывалось на «революционное» представление о выгодах совместного коммерческого предприятия для других государств ЕС. Пока новые члены Евросоюза указывали на значимость проекта исключительно для российско-германских отношений, проводя алармистские аналогии с 1939 годом, Германия представляла проект как паневропейский, несущий выгоды всем его участникам (Whist 2008: 18, 52). Но стороны остались при своих взглядах: «Северный поток», официально открытый 8 ноября 2011 г., прошел через территориальные воды России, Финляндии, Швеции, Дании и Германии, оставив в стороне Эстонию, Латвию, Литву и Польшу. Подводный трубопровод стал де-факто осязаемой «прогрессивной» линией, которая разделила развитые и развивающиеся страны ЕС Балтийского региона.

б) План действий по Балтийскому морю (ПДБМ): создание единого экологического пространства?

Конфликт вокруг прокладки газопровода помимо внешнеполитических разногласий выдвинул на первый план озабоченность экологическим состоянием Балтийского моря. Противники «Северного потока» активно использовали аргументы, касающиеся негативного воздействия проекта на флору и фауну Балтики. Реагируя на критику, акционеры трубопровода вынуждены были провести тщательную экологическую экспертизу воздействия «Северного потока» на жизнедеятельность моря. Согласно отчету, представленному в феврале 2009 г., строительство газовой трубы на дне моря не будет угрожать экосистеме Балтики. Хотя проект мало убедил оппонентов из прибалтийских стран, само его появление означало возросшую роль ученого сообщества в одобрении ключевых международных проектов Балтийского моря. Страны, возражавшие против «Северного потока», также полагались на независимые экологические экспертизы и оценки. В этих суждениях воздействие проекта на окружающую среду оценивалось негативно.

Такая оценка ученого сообщества при принятии решений, имевших большое международное значение, четко указывала на приоритет проблемы спасения Балтийского моря от экологической деградации в начале XXI в. Научные исследования о природных границах и частях моря окончательно приобрели политический смысл. Рекомендации ХЕЛКОМ легли в основу новой природоохранной стратегии – Плана действий по Балтийскому морю (ПДБМ). 15 ноября 2007 года

План был одобрен всеми балтийскими государствами – членами ЕС и Россией. Основными его приоритетами являются проблемы эвтрофикации, опасных веществ, биологического разнообразия, морская деятельность**.** Главной целью Плана была объявлена борьба с антропогенной эвтрофикацией посредством снижения биогенных выбросов в море. В основе подхода к решению этой проблемы лежит ***стратегия адаптивного управления***, смысл которой – снижение негативного антропогенного влияния на естественные процессы в экосистеме Балтийского моря (HELCOM 2009).

Новыми осязаемыми природными границами стали источники эвтрофикации – «горячие точки», которые нанесены на карту Балтийского моря. Несмотря на разнесенность этих точек по странам, их размеры лишь условно совпадают с национальными границами (табл. 1). В отличие от более-менее стабильных государственных границ, «горячие точки» могут исчезнуть или появиться в зависимости от проводимой природоохранной политики. Некоторые из них являются общей проблемой для стран, расположенных по соседству друг с другом (табл. 2). Хотя удаление «горячих точек» стало актуальной проблемой для балтийских стран еще в 1990-е гг., трансграничное сотрудничество в виде целевых проектов начало развиваться после утверждения ПДБМ. Решающим фактором для интенсификации взаимодействия стало расширение ЕС и, как следствие, полноценное включение Балтийского региона в орбиту интеграционной политики. В октябре 2009 г. Европейский совет одобрил «Стратегию ЕС для региона Балтийского моря». Главным приоритетом стратегии является «придание устойчивости окружающей среде в регионе Балтийского моря» и связанные с этим меры по сокращению выбросов биогенных веществ, развитие безопасного судоходства, уменьшение негативного воздействия на природу Балтики опасных веществ, сохранение биологического разнообразия и смягчение последствий изменения климата (Стратегия 2009). Масштабность экологических проблем и их надтерриториальный характер стимулировали кооперацию балтийских стран ЕС по трем линиям взаимодействия: трансграничные программы (cross-border cooperation programme), наднациональные программы (transnational cooperation programme) и межрегиональные программы сотрудничества (interregional cooperation programme) (табл. 2).

Таблица 1. **Территориальная принадлежность горячих точек**

Страна	**Общее количество горячих точек**	**Количество удаленных горячих точек (июнь 2011)**
Беларусь	3	0
Германия	8	8
Дания	4	1
Латвия	9	2
Литва	16	13

Польша	35	22
Россия	18 (19)[1]	2 (13)[2]
Украина	1	0
Финляндия	10	9
Швеция	12	7
Чехия	3	1
Эстония	13	8
Всего	132	73

Источник: HELCOM, 2003.

Таблица 2. **Трансграничное сотрудничество по удалению горячих точек**

Государства	**Географическое расположение и номер в списке горячих точек ХЕЛКОМ**	**Источник(и) загрязнения**	**Название проекта**
Эстония/Латвия	Рижский залив (№ 37)	нет точных данных	Программа «Эстония-Латвия» 2007–2013
Чехия/Польша	Верхний бассейн р. Одер (№ 111)	стоки горнодобывающих предприятий	Программа «Польша-Чехия» 2007–2013
Литва/Россия	Куршский залив (№ 66)	сточные воды р. Неман	ARTWEI (часть программы «Южная Балтика»)
Россия/Польша	Вислинский залив (№ 73)	сточные воды р. Преголя	ARTWEI
Польша/Германия	Щецинская лагуна (№ 113)	стоки промышленных предприятий г. Щецина	ARTWEI
Дания/Швеция	пролив Эресунн (№ 123–125)	сельскохозяйственные стоки	ARTWEI
Финляндия/Германия/Латвия/Литва/Беларусь	реки Неман (Брест-Барановичи-Гродно-Каунас № 51, 61, 93) и Западная Двина (Витебск-Даугавпилс № 46–47)	стоки промышленных предприятий и местные водоканалы	PRESTO

Источник: European Territorial Cooperation. Режим доступа: http://ec.europa.eu/regional_policy/cooperate/cooperation/index_en.cfm

Характер трансграничного сотрудничества в вопросах природоохранной политики выразился в степени интенсивности и эффективности контактов между разными сторонами. «Прогрессивная» граница теперь разделяет не

столько собственно государственную границу, по обе стороны которой осуществляется сотрудничество, сколько политику и цели государства или всего Союза, которыми руководствуются при участии во взаимодействии. Например, проект «Укрепление целостности окружающей среды трансграничных переходных вод в районе Южной Балтики» (ARTWEI), реализуемый на пограничных территориях Литвы, России, Польши, Германии, Дании и Швеции, сталкивается с трудностями по согласованной реализации целей из-за нератификации Россией Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Конвенция Эспо). Большой проблемой для осуществления подобных проектов является и необязательное для соседних стран с ЕС, таких как Россия, Беларусь и Украина, выполнение Рамочной водной директивы ЕС, устанавливающей жесткие параметры по очистке сточных вод. Ее решение страны ЕС также видят в развитии трансграничных проектов, помогающих соседним странам реконструировать или строить заново очистные сооружения для снижения транснациональной биогенной нагрузки на водосборный бассейн Балтийского моря (ARTWEI). С 2007 г. в разных местах Балтийского региона началась реализация таких программ. После запуска в 2010 г. проекта ARTWEI, в июне 2011 г., начался масштабный трансграничный проект PRESTO по внедрению технологий по очистке вод не только в Латвии и Литве, но и в Беларуси, которая, не являясь ни членом ХЕЛКОМ, ни ЕС, тем не менее вносит свой ощутимый «вклад» в эвтрофикацию Балтийского моря. Реки Западная Двина и Неман, протекающие в том числе по Беларуси, сильно загрязнены и требуются комплексные меры транснационального характера, чтобы улучшить качество воды двух приграничных рек (PRESTO). Однако даже самое успешное трансграничное сотрудничество имеет свои ограничения. Поэтому оценивать масштабы такого сотрудничества стоит, опираясь не только на то, что необходимо сделать для решения проблемы, но и понимая, что точно не может быть реализовано участвующими сторонами в существующих условиях, проистекающих из отличий в экономическом развитии стран и регионов, различной законодательной базы по природоохранной политике, разном понимании общих ценностей и приоритетов и т.д. (Majone 1989; Darst 2001). Разработчики ПДБМ, ставя перед членами ХЕЛКОМ амбициозную цель по восстановлению надлежащего экологического состояния морской среды Балтийского моря до 2021 года, уже сейчас сталкиваются на практике с серьезными институциональными ограничениями, не позволяющими говорить о скором выполнении задач, необходимых для создания общего природного пространства (Pihlajamäki & Tynkkynen 2011).

Осознание первоочередной важности экологических проблем связанно с проблемой безопасности Балтийского моря как региона ЕС. В 2008 г., в самый разгар споров о прокладке трубопровода Nord Stream, по инициативе Швеции и Финляндии состоялась первая встреча участников организации «Сотрудничество по наблюдению за поверхностью Балтийского моря» (SUBCAS). В 2009 г. в

организацию вошли все балтийские страны-члены ЕС, озабоченные проблемой охраны балтийских вод. Сотрудничество по мониторингу ситуации на Балтике и обмену информацией носило военно-стратегический характер. Само появление такой организации объяснялось ростом осознания рисков, связанных с интенсивным использованием Балтийского моря как ведущего транспортного и энергетического маршрута. Однако полноценная интегрированная морская политика в регионе невозможна без участия России. Россия не является членом Сотрудничества и пока не планирует налаживать диалог по проблемам безопасности моря, предпочитая взаимодействие в рамках стратегического партнерства ЕС-Россия, или прямые двухсторонние контакты с соседними государствами. Следовательно, можно провести еще одну «прогрессивную» границу, разделяющую балтийские страны ЕС и Россию. Страны, входящие в организацию Сотрудничества, несмотря на международные противоречия, предпринимают усилия для возникновения общего пространства, в то время как Россия, признавая себя частью Балтийского региона, предпочитает действовать как независимый и обособленный игрок. В этом случае прогрессивной границей является разница во взгляде на сотрудничество. Обе стороны, как Россия, так и ЕС, прежде всего отстаивают свои собственные интересы, но члены Европейского союза делают это в рамках активного регионального сотрудничества, декларируя общие принципы и приоритеты развития Балтийского региона. Но без России, которая избирательно и непоследовательно участвует в развитии трансграничного партнерства, создание даже общего экологического пространства выглядит в перспективе до 2021 г. проблематичным.

Заключение

История Балтийского региона в послевоенное время тесно переплетена с основными тенденциями европейской международной политики. Холодная война, интеграционные процессы, усилия нейтральных стран по достижению компромиссов и договоренностей между противоборствующими сторонами – все эти проблемы имели прямое отношение к внешней политике стран Балтийского моря. Сразу после окончания Второй мировой войны большинство прибрежных государств Балтийского моря стали участниками глобального противостояния, где разделяющей линией было участие/неучастие в военно-политических блоках. Окончательная утрата доверия между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции привела к созданию соперничающих военно-политических блоков: проамериканского Североатлантического альянса НАТО в 1949 г. и просоветской Организации Варшавского договора (ОВД) в 1955 г. Помимо разделения на блоки Балтийский регион в очередной раз за свою многовековую историю столкнулся с проблемой урегулирования пограничных споров. Избегая открытой конфронтации, балтийские страны еще в годы холодной войны на-

чали переговоры по урегулированию территориальных проблем, а также вопросов, касавшихся экологического состояния моря. Подписание Хельсинской конвенции по защите морской среды стало первым соглашением, под которым поставили подпись все страны Балтийского региона. Хотя возможности для кооперации были сильно ограничены, межгосударственное сотрудничество в рамках ХЕЛКОМ в 1970–1980-е гг. позволило наладить процесс обмена информацией за состоянием нейтральных вод и начать диалог между учеными разных стран. Регулярный сбор данных о состоянии моря и подготовка рекомендаций уже тогда влияли на природоохранную политику СССР и развитых балтийских стран. Однако их претворение на практике уже тогда сильно рознилось. Советский Союз и союзные социалистические страны мало преуспели во внедрении новых очистных сооружений, в то время как страны с рыночной экономикой заметно улучшили состояние своих водных границ к 1990 г.

Объединение Германии и распад СССР радикально изменили подход к границам в регионе. Границы, в годы холодной войны выполнявшие охранительную функцию, изменили свою функцию, став объектом преодоления и демонтажа, как в случае процесса европейской интеграции в балтийском регионе, или выступая в качестве опоры для развития трансграничного сотрудничества между партнерами, как это было, например, при создании проекта «Северное измерение». Природные границы Балтийского моря также, никуда не исчезнув, начали восприниматься как часть общего экологического пространства, которое нуждается в качественном обновлении при участии всех стран водосборного балтийского бассейна.

Однако процесс превращения пространства Балтийского моря практически во внутренний регион ЕС привел не только к унификации природоохранных стандартов для всех его членов, но и к появлению новых разделительных линий и границ, которые фиксировали различный подход и ценности к формированию общего балтийского пространства. Это кардинально изменило сам ракурс и характер конфликтов и разногласий в регионе. Спор относительно прокладки «Северного потока», неучастие России в организации «Сотрудничество по наблюдению за поверхностью Балтийского моря», ограниченная повестка общих вопросов и проблем для взаимодействия в рамках трансграничного сотрудничества между балтийскими членами ЕС и их соседями свидетельствует не столько о глубоком конфликте договаривающихся сторон, как это было в эпоху холодной войны, сколько о разном видении единого балтийского региона. И именно это различное представление о приоритетах развития и трансграничного сотрудничества оставляет вопрос о формировании общего пространства Балтийского моря открытым.

Литература

Aalto, P. European Union and the making of a wider northern Europe. New York, 2006.
Alvarez, R. The Mexico-U.S. Border: The making of an Anthropology of Borderlands. Annual Review of Anthropology. 1995.
Anderson, M. Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World. Cambridge: Polity Press, 1996.
ARTWEI. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.balticlagoons.net/artwei/
Broek, J.O.M. The Problem of "Natural Frontiers": Frontiers of the Future. Berkeley: University of California, Committee on International Relations, 1941.
Cappelin, R. & Batey, P. Regional Networks, Border Regions, and European Integration. London: Pion, 1993.
Darst, R. Smokestack Diplomacy. Cooperation and Conflict in East-West Environmental Politics. Cambridge: The MIT Press, 2001.
Franckx, E. Maritime Boundaries in the Baltic Sea: Past, Present and Future. Maritime Briefing. № 2 (2). 1996. P. 1–25.
Franckx, E. New Maritime Boundaries Concluded in the Eastern Baltic Sea since 1998. The International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 16. № 4. 2001. P. 645–654.
Gray, G.W. Germany's Cold War: the Global Campaign to Isolate East Germany, 1949–1969. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.
Håkanson, L. & Bryhn, A.C. Eutrophication in the Baltic Sea: Present Situation, Nutrient Transport Processes, Remedial Strategies. New York: Springer Berlin Heidelberg, 2008.
Hassner, P. Fixed Borders or Moving Borderlands?: a New Type of Border for a New Type of Entity. Europe Unbound: Enlarging and reshaping the boundaries of the European Union. London: Routledge, 2002. P. 38–50.
HELCOM. Baltic Sea Environment Proceedings. № 48. 1993.
HELCOM. Baltic Sea Environment Proceedings. № 88. 2003.
HELCOM. Baltic Sea Environment Proceedings. № 115b. 2009.
Joas, M. [et al.] Governing a Common Sea: Environmental Policies in the Baltic Sea Region. London: Earthscan, 2008.
Joenniemi, R. Cooperation in the Baltic Sea Region. London: Taylor and Francis, 1993.
Jones, S. Boundary Concepts in the Setting of Place and Time. Annals of the Association of American Geographers. Vol. 49 (3). 1959. P. 241–255.
Kern, K. Governance for Sustainable Development in the Baltic Sea Region. Journal of Baltic Studies. Vol. 42. № 1. 2011. P. 21–35.
Larsson, R.L. Nord Stream, Sweden and Baltic Sea Security. Stockholm: FOI, 2007.
Majone, G. Evidence, Argument, & Persuasion in the Policy Process. New Haven,
CT: Yale University Press, 1989.
Mankoff, J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2011.
McCormick, J. Reclaiming Paradise: The Global Environmental Movement. Bloomington: Indiana University Press, 1991.
Minghi, J.V. From Conflict to Harmony in Border Landscapes. The Geography of Border Landscapes. New York: Routledge, 1991.
Paasi, A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian border. Chichester: Wiley, 1996.

Pihlajamäki, M. Governing the Blue-Green Baltic Sea: Societal Challenges of Marine Eutrophication Prevention. Helsinki: FIIA, 2011.
Pounds, N. France and "Les Limites Naturelles" from the Seventeenth to the Twentieth Centuries. Annals of the Association of American Geographers. Vol. 44. 1954. P. 51–62.
PRESTO. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.prestobalticsea.eu/
Räsänen, T. & Laakonen, S. Institutionalization of an International Environmental Policy Regime: The Helsinki Convention, Finland and the Cold War. Governing a Common Sea: Environmental Policies in the Baltic Sea Region. London: Earthscan, 2008.
Ratti, R. Spatial and Economic Effects of Frontiers: Overview of Traditional and New Approaches and Theories of Border Area Development. Theory and Practice of Transborder Cooperation. Basel und Frankfurt am Main, 1993.
Riley, A. Nordstream: An Economic and Market Analysis of the North European Pipeline Project. Paper prepared for the European Parliament's Committee on Petitions, 29 January 2008. [Электронный ресурс.] Режим доступа: www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/peti20080129_economicanalysisriley_/peti20080129_economicanalysisriley_en.pdf
Selin, H. & VanDeveer, S.D. Baltic Sea Hazardous Substances Management: Results and Challenges. Ambio. Vol. 33. № 3. 2004. P. 153–160.
Tassinari, F. (ed.) The Baltic Sea Region in the European Union: Reflections on Identity, Soft-Security and Marginality. Gdansk-Berlin, 2003. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www2.hu-berlin.de/ostseekolleg/virtual/online_pdf/paper8.pdf
Theodoropoulos, V. Borders: the Changing Importance of Territorial Supremacy. Athens: Sideris-ELIAMEP, 1999.
Topaloglou, L. The role and nature of borders. WP 2009. EastBordNet. COST Action IS0803. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.eastbordnet.org
Scott, W.J. Local Dimensions of a Wider European Neighbourhood: Developing Political Community through Practices and Discourses of Cross-Border Co-operation. WP 2006. EU Dimensions - Gdansk Workshop, 27–29 October 2006. Nijmegen Centre for Border Research and CIBR: QUB, 2006.
Smith, K.C. Russian Energy Politics in the Baltics, Poland, and Ukraine: A New Stealth Imperialism? Washington, DC: Center for Strategic & International Studies, 2004.
SUBCAS. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.eastbordnet.org
Van Houtum, H. The Development of Cross-border Economic Relations, a Theoretical and Empirical Study of the Influence of the State Border on the Development of Cross-border Economic Relations between Firms in Border Regions of the Netherlands and Belgium. Tilburg: CentER, 1998.
Van Houtum, H., Kramsch, O. & Zierhofer W. B/Ordering Space. Aldershot: Ashgate, 2005.
Van Deveer, S.D. Environmental Cooperation and Regional Peace: Baltic Politics, Programs and Prospects. Environmental Peacemaking. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002.
Whist, B.S. Nord Stream: Not a Just Pipeline. Fridtjof Nansen Institute, 2008.
Отчет о результатах проверки «Аудит эффективности использования государственных средств, направленных в 2002–2003 годах на реализацию природоохранных мероприятий, обеспечивающих выполнение Конвенции по защите морской среды района Балтийского моря (Хельсинки) в Калининградской области, г. Санкт-Петербурге, Ленинградской области (в рамках международного параллельного аудита) совместно с Контрольно-счетной палатой Ленинградской области и Кон-

трольно-счетной палатой г. Санкт-Петербурга» от 11 марта 2005 г. // БЮЛЛЕТЕНЬ Счетной палаты Российской Федерации. 2005. № 6 (90). С. 91–112. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/ru/bulletin/149/

Сергунин, А. Регионализация в регионе Балтийского моря: восприятие российских элит // Региональное измерение российско-балтийских отношений / под ред. Л.А. Карабешкина. СПб., 2004. С. 17–33.

Стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря 2009. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.beac.mid.ru/doc.htm

Примечания

[1] В скобках указано общее количество горячих под-точек, расположенных в Санкт-Петербурге (№ 18–21 в списке «горячих точек» ХЕЛКОМ).

[2] В скобках указано количество удаленных горячих под-точек, расположенных в Санкт-Петербурге (№ 18–21 в списке «горячих точек» ХЕЛКОМ).

Светлана Пынзарь

КОНЦЕПЦИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ МНОГОСТОРОННОСТИ И БАЛТИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН
(к вопросу о польском взгляде на региональное сотрудничество)

Abstract

The issue of "effective multilateralism" is a new term to define an old phenomenon: cooperation among international organizations, even in the context of regional cooperation. To speak about contemporary definition, the effective multilateralism can be defined as the organization of international relations through "strong, negotiated and enforceable multilateral regimes". Thus, "effective multilateralism" is about useful, fruitful relations between different international organizations, international regimes and other institutional and non-institutional forms of multilateralism, including in the regional level. The Republic of Poland, being a regional leader in the Baltic-Black Sea Intermarium, has its own position on the cooperation with different partners, including states, international organizations and other. The author analyzes the principles of the Polish foreign policy and the Poland`s engagement in the shaping of regional policy in the Baltic-Black Sea region in the context of the EU policy relating its neighbors. The "Eastern policy" of the Republic of Poland is considered.

Keywords: multilateralism, effective multilateralism, Baltic-Black Sea Intermarium, foreign policy and diplomacy of the Republic of Poland, European Neighborhood Policy, Eastern Partnership.

Введение

Многостороннее сотрудничество сегодня неотъемлемая часть современных международных отношений и его эффективность зависит прежде всего от общих интересов государств, а также от установления конкретных областей

сотрудничества. В этом контексте важна координация позиций и мнений участников сотрудничества. На национальном уровне координация заключается в формальном процессе формирования государственной политики, который регулируется конституцией, законами и другими правовыми актами государства, обязательными для всех участников процесса. При этом полная координация должна охватывать все этапы такой политики, т.е. планирование, принятие решений, выполнение решений и контроль за этим. На уровне международного сотрудничества нет таких четких и ясных правил, как в случае формирования национальной государственной политики, поэтому координация выступает как переговорный процесс, исход которого по большому счету зависит от политической воли и желания государств сотрудничать в той или иной области.

В данной работе речь пойдет о таких понятиях, как «многосторонность», «эффективная многосторонность», суть которых заключается в координации политики несколькими государствами (тремя и более). Эти термины рассматриваются в отношении сотрудничества в Балтийско-Черноморском регионе. Внешняя политика Республики Польша* рассмотрена в контексте европейской интеграции этого государства, при этом приоритетным станет анализ восточной политики Польши, которая представляет собой существенную часть ее внешней политики и многосторонней дипломатии, которые часто характеризуются рядом политиков и экспертов как «проевропейские» и «прозападные».

Многосторонность и концепция эффективной многосторонности

Многосторонность или мультилатерализм как научное понятие широко стали исследовать в 1990-е годы. Достаточно вспомнить таких авторов, как Джон Рагги, Джеймс Капорасо, Джеймс Розенау, Роберт Кеохейн, Роберт Кокс и др.[1]

Прежде чем перейти к теоретическому анализу данного термина, отметим, что в справочной литературе встречаются два подхода к его трактованию: экономическая трактовка и международно-политическая интерпретация. В экономической литературе, в том числе и на русском языке, используют термин «мультилатерализм» в смысле международной практики, применяемой в области экономических отношений, основным принципом которой является про-

* В настоящее время автор работает над диссертационным проектом «Многосторонняя дипломатия современного государства как инструмент внешней политики: на примере Вышеградских государств». Заинтересованность в исследовании внешней политикой Польши появилась и окончательно сформировалась в 2006–2007 гг., когда автор работала над исследовательским проектом «Многосторонняя дипломатия Республики Польша: уроки для Республики Молдова» в рамках стипендиальной программы имени Лейна Киркланда. Автор помимо занятия исследовательской работой преподает ряд курсов, связанных с международными отношениями и дипломатией, в том числе курс «Многосторонняя дипломатия Вышеградских государств».

ведение многосторонних переговоров в области торговли и инвестиций, а также преимущество многосторонних договоренностей в сравнении с двусторонними (Black, Hashimzade, Myles 2009: 300). «Academic Dictionary of Economics» утверждает, что мультилатерализм представляет собой политику, нацеленную на развитие международной торговли, свободной от билатерализма, и представляет собой усилия, которые позволяют государствам специализироваться в той или иной области производства и международного обмена в соответствии с принципом сравнительного преимущества (Narayan Dixit 2005: 181). Современный экономический словарь гласит, что мультилатерализм – это организация международных отношений, основанных на механизмах, позволяющих каждой стране пользоваться привилегиями в отношениях со всеми партнерами (Райзберг, Лозовский, Стародубцева 2006).

В свою очередь словари в области международных отношений и политологии придерживаются несколько иной точки зрения, а именно, в них доминирует идея, что мультилатерализм – это принцип международных отношений, основанный на механизмах многосторонних консультаций и соглашений, с учетом международного права и резолюций международных организаций (Моченов 2003). Мультилатерализм – это термин, который описывает международное сотрудничество между тремя и более государствами в целях достижения конкретных задач в определенных областях, основанное на принципах недискриминации, взаимосогласия и взаимодействия (Wunderlich, Warrier 2010: 216).

Автор «Dictionary of Globalization» говорит об этом феномене как о термине, обозначающем взаимодействие многих стран в форме своеобразного «концерта». Как показывает история, инициаторами мультилатерализма как формы взаимоотношений выступали средние с точки зрения величины и потенциала государства, как, например, Канада или скандинавские страны. Доминирующие государства, как Великобритания в XIX веке или США в XX столетии, предпочитали действовать на международной арене односторонне. В условиях глобализации этот термин приобретает новое значение, в особенности при определении и осуществлении глобального управления в военной и политической сферах (Jones 2006: 171–172).

В литературе на русском языке также встречается еще один термин – «многосторонность». По нашему мнению, «многосторонность» является синонимом «мультилатерализма», являющегося калькой при переводе с английского языка. Далее при анализе концепции видных исследователей-международников мы будем использовать термин «многосторонность», в том числе при рассмотрении концепции «эффективной многосторонности».

Джон Рагги, профессор Гарвардского университета и исследователь международных отношений, полагает, что многосторонность представляет собой институциональную форму отношений, которая координирует взаимосвязи трех и более государств на основе обобщенных принципов поведения. Качество таких

межгосударственных отношений, которые основываются на «специфической взаимности», отличается от качества двусторонних отношений. Таким образом, многосторонность является коллективным действием с целью решения той или иной глобальной проблемы. Любое многостороннее действие основывается на ряде принципов и осуществляется в долгосрочной перспективе. Как отмечает Рагги в своей статье «Многосторонность: анализ института», типичная институциональная форма многосторонности не должна представляться исключительно в виде формальных международных организаций, которые появились относительно недавно и играют скромную роль в международной жизни. Историческим примером типичной формы многосторонности могут служить те или иные соглашения, призванные регулировать различные вопросы и проблемы отношений между участниками (Ruggie 1992: 567).

Как пишет Роберт Кеохейн в своей статье «Возможная законность многосторонности», определение Джона Рагги в некоторой степени «ограничивает многосторонность до действия трех и более государств», но в то же время «является наиболее ценным для изучения возможных трансформаций в мировой политике» (Keohane 2006: 56). Автор также предлагает нашему вниманию свое определение многосторонности, которая представляется ему как «практика координирования государственной политики в группе трех и более государств посредством соглашений ад хок или институтов» (Jorgensen 2009: 191).

В другой своей работе, анализируя явление многосторонности, Кеохейн отмечает, что она представляет собой институционализированное коллективное действие определенной группы государств, как правило, в рамках международных организаций, которые открыты для других государств при соблюдении ряда особых требований, при этом правила этих организаций общеизвестны и не подвергались существенным изменениям продолжительное время. По его мнению, в большинстве случаев многосторонность заключает в себе дискриминацию государств, основанную на силе, статусе, богатстве. Многосторонность XX века испытывала острый недостаток демократии, но тем не менее это не ослабляло ее, так как многосторонность всегда выступала дополняющей формой по отношению к традиционным межгосударственным связям, а не являлась их заменителем (Keohane 2006: 56–61).

В середине 2000-х гг. появляются новые работы в исследовании многосторонности, как, например, статья Е. Адлера «Коммунитарная многосторонность», в которой автор излагает свое мнение о новой форме многосторонности, еще продолжающей свое становление и развитие. Коммунитарная многосторонность представляет собой главным образом институционализированные усилия стран – членов определенных сообществ по внедрению тех или иных социально значимых практик, которые они применяют добровольно с целью стабилизации их среды, жизненного пространства. Именно такие ежедневные практики, по

мнению Е. Адлера, и приводят к созданию нового многостороннего порядка, который он называет «коммунитарной многосторонностью»[2] (Adler 2006: 35–38).

Понятие «эффективной многосторонности» появляется в научном дискурсе в конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. и общее определение звучит так: организация международных отношений посредством устойчивых многосторонних режимов, установленных в порядке договоренностей и обеспеченных применением силы или угрозой применения силы.

Данное понятие в последнее время привязывают к практике Европейского союза и его отношениям с Организацией Объединенных Наций, так как оно является одним из ключевых понятий «Европейской стратегии безопасности», принятой в 2003 году. Авторы стратегии считают, что Европейский союз должен поддерживать ООН, так как последняя реагирует на угрозы международному миру и безопасности. По мнению авторов стратегии, ЕС обязуется укрепить свои связи с ООН, чтобы помочь странам, в которых имеют место вооруженные конфликты, а также увеличить поддержку ООН в ее краткосрочных операциях по урегулированию кризисных ситуаций (European Security Strategy 2003).

Европейский союз призывает к созданию системы «эффективной многосторонности», которая определяется им как «система, созданная для того, чтобы позволить государствам, формирующим мировое сообщество, действовать сообща в борьбе с вызовами, в снятии и решении проблем». ЕС хочет, чтобы международные организации, режимы и договоры были эффективными в борьбе с угрозами международному миру и безопасности и, значит, были готовы действовать в условиях, когда их правила не соблюдаются (Ренард, Бишоп 2011). Таким образом, новый международный порядок должен основываться на эффективной многосторонности, от установления которой все в большей мере зависит безопасность и процветание государств-членов ЕС.

Несмотря на то, что этот термин часто появляется в документах Европейского союза и ООН, считаем неправомерным использование этого термина исключительно для определения взаимоотношений этих двух организаций. «Эффективная многосторонность» – это понятие, призванное отражать полезные и продуктивные отношения между различными международными и региональными организациями, международными режимами и прочими институциональными и неинституциональными формами многосторонности. Основополагающим в этом контексте является то, чтобы не дублировать функций и заданий различных международных организаций, тем самым экономя или наилучшим образом распределяя финансовые, технические и человеческие ресурсы, имеющиеся в распоряжении тех или иных организаций или государств.

В этом смысле зачатки подхода, согласно которому международные мир и безопасность зависят от развития сотрудничества между международными организациями, будь то универсальные или региональные организации, можно найти в истории со второй половины 1940-х гг., когда зарождаются взаимоот-

ношения между ООН и региональными организациями, считавшимися правомерно депозитариями региональной экспертизы и инструментами проведения диалога и сотрудничества в регионах. В 1990-х гг. эта практика была закреплена на уровне ООН, когда по инициативе Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса Гали прошла первая официальная встреча между ООН и региональными организациями, занимающимися поддержанием мира и безопасности.

Многосторонний порядок в Балтийско-Черноморском регионе

Вопрос о том, каким является современный миропорядок, будь то в рамках регионального устройства либо на глобальном уровне, является сегодня одним из главных вопросов мироустройства. Если после окончания холодной войны достаточно однозначно говорилось о многополярности, а чуть позже о формировании униполярного мира, то на современном этапе развития международных отношений отмечают большое значение, если не определяющее, многосторонности. Другими словами, при учете того, что государства остаются основными участниками международных отношений, указывается на то, что односторонние действия того или иного государства не являются мироопределяющими, а лишь взаимодействия государств в рамках тех или иных форм многосторонности позволяют решать те или иные глобальные вопросы.

Многие авторы-международники говорят о своеобразном «концерте государств», в котором выступают такие центры силы, как США (главный игрок с точки зрения экономического, политического и идеологического (политико-философского) потенциала), Евросоюз, Китай, Россия, Индия, Япония, Бразилия. Именно эти игроки наряду с другими государствами, меньшего размера, но похожими в плане экономического и политического развития, будут выступать в рамках международной системы в качестве «потенциальных партнеров в урегулировании международных проблем, представляющих взаимный интерес» (Батюк 2010).

Известно, что сегодня все государства делятся на три группы: 1) современные государства, даже постсовременные государства, которые являются демократическими и богатыми государствами (страны-члены ЕС, США, Канада, Новая Зеландия, Австралия и некоторые другие); 2) группа государств, которая включает около 100 государств, находящихся на этапе, подобном периоду индустриального развития Европы и США в 1930-е гг.; в большинстве случаев эти государства считают суверенитет фундаментальной ценностью, и для некоторых государств этой группы, как, например, для Китая и России, суверенитет является наиважнейшим делом; 3) третья группа государств – это государства досовременного мира, их политическую систему часто сравнивают с политическими системами государств XII–XVII веков. Миропорядок в этих странах основан на

племенных и клановых отношениях, а религия выступает главным регулятором жизни общества; к таким государствам относят Афганистан, Йемен, Судан, африканские страны (Polska i świat 2007: 28).

Если говорить о мироустройстве Балтийско-Черноморского региона, то прежде всего следует отметить относительную однородность государств этого региона. Другими словами, все государства принадлежат либо к первой группе, либо ко второй группе государств. Несмотря на то, что некоторые члены ЕС, которые по этой классификации относятся к постсовременным государствам, тем не менее имеют еще много общего с государствами, представляющими вторую группу и именно поэтому достаточно невысок риск возникновения в Балтийско-Черноморском регионе (междуморье) серьезного вооруженного конфликта в масштабе всего региона.

Следует отметить, что концепция «междуморья» не нова. Часто отмечают, что автором этой геополитической идеи был Пилсудский, который планировал создание федерации государств в этом регионе, чтобы противостоять Советскому Союзу и нацистской Германии. Его концепция оценивалась в регионе неоднозначно, например, литовцы и украинцы воспринимали создание такой федерации как угрозу своей независимости. В дальнейшем эти идеи развивались в рамках исследований в парижской «Культуре» (Гедроиц, Мирошевски). В настоящее время идеи «междуморья» вновь приобретают значение, однако многие авторы указывают на то, что эту концепцию необходимо применять с учетом современных реалий, что обозначает необходимость рассмотрения этих идей в контексте европейской интеграции в широком смысле, в том числе в рамках развития Европейского союза и его отношений с соседними странами в Балтийско-Черноморском регионе (Polska polityka wschodnia 2001: 25–26).

В настоящее время в этом регионе действуют не только государства, непосредственно имеющие выход к Балтийскому морю или к Черному морю, но и также соседние страны, как например, Республика Беларусь, или государства, которые имеют выход к тому или иному морю посредством рек (например, Венгрия и Словакия). В данном регионе действуют региональные организации (к примеру, Организация Черноморского Экономического Сотрудничества, НАТО или Европейский союз), интенсивно развиваются экономические, политические и культурные связи. Регион представляет собой единый территориальный массив, вплоть до Адриатического моря. Европейский союз уделяет большое внимание развитию отношений в этом регионе, который частично является территорией ЕС, а частично территорией государств, которые граничат со странами–членами ЕС и поддерживают с ними тесные связи.

Внешняя политика Польши (общая характеристика)

Современная внешняя политика Республики Польша (РП) основывается на трех стратегических приоритетах, которые по большому счету не претерпели изменений с 1989 года: Европейский союз и отношения внутри него; НАТО и атлантические отношения; восточная политика Польши. Иногда в польской внешнеполитической ориентации прослеживаются и другие приоритеты, как, например, развитие регионального сотрудничества или развитие отношений с теми или иными государствами (США, Германия и др.)[3].

Несмотря на критические замечания по поводу отсутствия дебатов и обсуждений приоритетов и направлений польской внешней политики, многие авторы отмечают, что среди политиков и аналитиков укоренилось мнение, согласно которому внешняя политика РП в своей основе должна оставаться неизменной, быть «прозападной». Другими словами, внешнеполитический курс Польши должен опираться на развитие отношений с ЕС и НАТО, а также на стратегическое партнерство с Соединенными Штатами Америки. Помимо удерживания стабильности во внешнеполитических действиях РП, некоторые авторы указывают на то, что творцы польской политики очень часто не учитывают меняющихся обстоятельств в развитии ситуации на международной арене, в том числе в вопросах международной безопасности (Milczarek 2006: 15). Другим негативным моментом является то, что польские политики берут на себя ответственность за глобальные цели, не имея при этом финансовых возможностей решать такие глобальные задачи (Bieleń 2004: 17). Причину этих негативных тенденций многие авторы видят в отсутствии сотрудничества между польскими политиками и экспертами, теоретиками в области международной политики. Как предлагает профессор и эксперт Роман Кузняр, одним из условий успешной польской внешней политики является присутствие и участие достаточно компетентных экспертов и аналитической базы, чтобы политика, включая внешнюю, могла быть основана на знаниях. Поэтому необходимо не только наличие отличных аналитических центров, но и следует развивать навыки у политиков обращаться к таким центрам за информацией и использовать ее в своих решениях (Kuźniar 2005: 38).

Как нам видится, рекомендации Р. Кузняра были приняты во внимание. Так, при обсуждении бюджета министерства иностранных дел РП на 2012 год в парламентской комиссии по иностранным делам парламентарии Польши признавали, что деятельность таких научно-дидактических институтов, как Польский институт международных дел, Центр восточных исследований имени Марка Карпа, Центр польско-российского диалога и согласия, полезна. Как высказался депутат Тадеуш Ивиньски, эти структуры в последнее время заняты полезным делом, публикуя аналитические материалы не только на польском, но и на английском и даже русском языках (Pełny zapis.., 2011: 14).

В марте 2012 года Правительством РП был принят стратегический документ под названием «Польские внешнеполитические приоритеты на 2012–2016 гг.», в котором закреплены следующие национальные интересы РП: в сфере ЕС (Польша выступает за сильный Европейский союз и за свою сильную позицию в рамках ЕС); в сфере НАТО (НАТО является оборонным союзом и надежным партнером ЕС, в рамках атлантических отношений Польша берет на себя обязательства рассматривать такие вопросы, как укрепление мер доверия между Западом и Россией, борьба с терроризмом и поддержание отношений с Украиной и другими странами Восточной Европы и Южного Кавказа); в сфере регионального сотрудничества в различных форматах (включая Восток, Север, Юг и Вышеградскую группу); в сфере сотрудничества по развитию и продвижению демократии и прав человека, что обеспечит Польше безопасность и процветание (Polish foreign policy priorities 2012).

Особое внимание последние 20 лет Польша уделяет восточному направлению. Ничего удивительного в этом нет, так как традиционно польская политика была ориентирована на восток, под которым обычно понимались такие страны, как Россия, Украина, Литва, Беларусь и некоторые другие страны бывшего СССР. Термин «восточная политика» прочно вошел и находился длительное время в словаре польской эмиграции и интеллектуалов-оппозиционеров. Если до 1989 года эта идея была призвана обосновывать территориальные требования Польши, то после обретения полной независимости в 1989 году эта идея стала основой внешнеполитических поисков Польши и в итоге была закреплена в качестве национального интереса, хотя и претерпела изменения.

Если говорить о современных корнях «восточной политики» Польши, то польская оппозиция 1980-х гг. имела большое влияние на ее формирование. В то время польская внешняя политика была направлена на решение стратегической задачи – ослабить советское доминирование в регионе. В этих целях предполагалось сплотить вокруг Польши коалицию восточных соседей – Украины, Беларуси и Литвы. В дальнейшем идеи интеграции получили большое распространение и при разработке концепции федерализма в Восточной Европе Бронислав Геремек отмечал, что с одной стороны Польша связана с Литвой и Украиной, а с другой стороны – с Венгрией, Чехией и Словакией. Именно это и следовало учитывать, по его мнению, при разработке планов регионального сотрудничества в Восточной Европе после ликвидации коммунистических режимов (Милякова 2000).

Среди планов интеграции в Центральной и Восточной Европе отметим идею создания «Сообщества Центральной и Восточной Европы», которое помимо Польши должно было включить в себя Украину, Беларусь, Литву, Латвию, Эстонию (имевших общую цель с Польшей – собственное освобождение от Москвы), а также Чехословакию, Венгрию, Румынию и Югославию. Таким образом, не Россия в качестве главного партнера в новом мире, а Украина, Литва и Бе-

ларусь. Но реалии второй половины 1990-х – 2000 гг. показали, что восточная политика Польши без учета интересов России и без включения России в полный комплекс отношений Польши в рамках ее восточной политики является неэффективной. Именно фактор России играет значительную роль во внешней политике РП, не только в восточной политике, но и по остальным приоритетным направлениям – в сфере ЕС и сфере НАТО.

Следует также отметить, что за последнее время Польша пришла к пониманию, что без участия в международной политике по развитию и оказанию помощи нуждающимся странам не может быть полноценной внешней политики государства–члена Европейского союза и ОЭСР. Такое понимание привело к тому, что Польша становится активным участником политики по развитию и оказанию помощи развивающимся странам, в том числе и так называемым «восточным партнерам» и некоторым другим государствам междуморья. Как отмечал эксперт по этим вопросам П. Багински, «Польша осознает необходимость оказывать помощь по развитию развивающимся нациям и странам, которые находятся на пути комплексных социальных и экономических трансформаций, и ... она готова поддержать эти процессы, используя доступные ей средства» (Baginski 2004: 168).

Польский взгляд на развитие регионального сотрудничества в Балтийско-Черноморском регионе и Восточное партнерство

Польша за годы своей независимости декларировала развитие регионального направления своей внешней политики. Из документа в документ переходили такие заявления, как развитие и укрепление связей с вышеградскими, скандинавскими и балтийскими государствами и Россией[4]. В последующих ежегодных посланиях польских министров иностранных дел приоритетным остается Вышеградский регион, а что касается сугубо Балтийского и Черноморского регионов, то отношения со странами, входящими в этот регион, рассматриваются в контексте развития единой внешней политики Европейского союза[5].

Одним из главных направлений развития регионального сотрудничества сегодня является Европейская политика соседства (ЕПС), в рамках которой на территории Балтийско-Черноморского региона осуществляется несколько инициатив (Черноморская синергия и Восточное партнерство). Польша уделяет особое внимание Восточному партнерству, и любые другие региональные инициативы направлены в своем большинстве на осуществление Восточного партнерства[6].

Как отмечалось выше, восточное направление польской внешней политики является одним из приоритетов. Еще будучи кандидатом в члены Евросоюза, Польша в 1998 году выразила твердую уверенность в важности и приоритетности восточного направления Европейской политики соседства. В 2002 году

появился неофициальный документ с польскими предложениями относительно отношений с новыми восточными соседями после расширения ЕС.

Польша предлагала разграничить внешние связи Евросоюза с его соседями и отношения с восточноевропейскими соседями оформить в виде «восточного измерения». Как говорится в этом документе, такой комплексный подход к этим странам приведет к тому, что помощь восточноевропейским государствам станет более эффективной и это в дальнейшем будет способствовать бóльшему участию международных финансовых учреждений и частного капитала в таких проектах помощи. Польша предлагала следующие области взаимодействия: расширенный политический диалог, оказание помощи в трансформациях, развитие экономического сотрудничества, энергетическая политика, сотрудничество в сфере юстиции и внутренних дел. При этом большое внимание уделяется помощи по развитию и вовлечению в такую деятельность неправительственных организаций. Не остался без внимания и такой вопрос, как развитие социального и человеческого измерения[7]. Как отмечал министр иностранных дел Чимошевич, разъясняя необходимость создания такого «восточного измерения» ЕС, сближение между ЕС и восточными соседями не может быть достигнуто исключительно политическими решениями, принятыми на высоком уровне, без непосредственного вовлечения общественности, и поэтому следует развивать и укреплять социальные и личные отношения между людьми. Главной целью этого является укрепление личных и культурных контактов, доступ к знаниям и информации, а также обмен ноу-хау (Cimoszewicz 2003: 18, 20).

Таким образом, Польша постаралась внести свой вклад в формировавшуюся в 2002–2004 гг. европейскую политику соседства. В 2004 году Оранжевая революция на Украине позволила Польше стать экспертом в ЕС по ситуации на Украине и позже использовать свои знания в разработке ЕПС. Вклад Польши и формат «восточного измерения» после 2004 года зависел от политической ситуации внутри страны (как говорил Бронислав Геремек, от политического консенсуса)[8]. Так, в 2004–2007 гг. у власти находилась партия «Право и справедливость» под руководством премьера Ярослава Качинского и польская внешняя политика характеризовалась как «сильная» политика. Особое внимание уделялось отношениям с Украиной, Кавказским регионом и Средней Азией. Россия и Германия рассматривались не в качестве партнеров по вопросу восточной политики ЕС, а в качестве «врагов».

После смены правительства в 2007 году позиция Польши в ЕС изменилась. Так называемая польская «новая внешняя политика» после октября 2007 года стала характеризоваться активной позицией Польши в ЕС, польским мнением по вопросу развития ЕС и, конечно, же разработкой и продвижением восточного измерения ЕПС. В качестве примера активности Польши в области европейской политики можно привести факт, что в декабре 2007 года Польша и Литва предложили сосредоточить внимание на многосторонних проектах ЕПС, а также то,

что Польша старалась укрепить региональное сотрудничество в рамках Вышеградской группы, между Вышеградскими странами и балтийскими государствами в 2007–2010 гг., тем самым вовлекая другие государства в разработку восточного измерения политики соседства ЕС.

Часто критикуя на различных европейских форумах политику соседства ЕС[9], Польша предлагала разработать и внедрить особую концепцию развития отношений между Евросоюзом и его восточными соседями, особенно с Украиной, Грузией и в некоторой мере с Молдовой и Беларусью. Уже в мае 2008 г. Польша и Швеция выступили с инициативой углубления отношений с восточными странами, участвовавшими в ЕПС. И менее чем через год (7 мая 2009 года) это предложение было оформлено в виде совместной декларации саммита в Праге по Восточному партнерству. Успех принятия этой инициативы в такие сжатые сроки можно объяснить прежде всего тем, что государства-инициаторы объединили усилия и нашли союзников, которые поддержали эту идею, таким образом показали силу многосторонности. Во-вторых, инициатива была тщательным образом подготовлена, как на стадии проекта, так и на стадии представления в рамках ЕС и странах – будущих партнерах. Одним из главных аргументов в пользу «Восточного партнерства» была знаменитая фраза министра иностранных дел Польши Радослава Сикорского, что на востоке ЕС имеет дело с европейскими соседями, тогда как на юге – с соседями Европы. Отметим также использование пиар-акций польского министра иностранных дел, таких как специальная пресс-конференция для журналистов в Брюсселе, знаменитый брифинг во время завтрака, организованный именно 26 мая 2008 г., перед тем как представить совместную польско-шведскую инициативу по «Восточной политике ЕС» и некоторые другие (Cianciara 2010).

Следует признать, что идея развития отношений с восточными соседями является идеей коллективной и это также способствовало успеху. Как пишет в своей работе Беата Война, польский исследователь, по этой теме на протяжении 2006–2008 гг. высказывались разные страны: 1) вышеградские государства (выступали с конкретными предложениями); 2) балтийские государства (выступали со схожими предложениями, как и вышеградские страны); 3) Австрия во время председательствования в первой половине 2006 г. (предлагала ведение совместной энергетической политики с Украиной и Беларусью); 4) Германия во время председательствования во второй половине 2007 г. (выдвинула идею создать «ЕПС+» и подготовить программу углублений отношений с соседями посредством заключения секторных договоров); 4) польско-литовское предложение, которое было принято на Европейском совете в декабре 2007 года, касающееся развития южного и восточного направлений ЕПС, как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях (Война 2009: 8–9).

Другим немаловажным фактором, приведшим к такому успеху, является возможность взаимодействовать в рамках «Восточного партнерства» на мно-

госторонней основе, другими словами, развивать многосторонние проекты. Именно такой формат является привлекательным для государств-партнеров и гражданских обществ этих стран и стран-членов ЕС.

Далее предлагаем на примерах рассмотреть, как Польша поддерживает страны «Восточного партнерства» в их политических, социальных и экономических трансформациях. Как уже неоднократно отмечалось выше, Польша за последние 20 лет старалась развивать и укреплять отношения с такими странами, как Украина, Беларусь, Грузия, немного позднее в эту группу государств вошли Молдова, Азербайджан и Армения. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. правительство Республики Польша поддерживало те страны, которые заявили о своих намерениях европейской интеграции, например, в форме политических деклараций и благоприятствующей визовой политики. Польские неправительственные организации выступали посредниками западноевропейских и американских фондов, которые стали донорами для различных проектов помощи, осуществляемых в этих странах. В 2008 году 4 страны из 6 восточных стран-партнеров были в «десятке» получателей международной помощи по развитию (Беларусь – 17 млн долл. США, Украина – 13 млн, а Грузия и Молдова получили по 2 млн долл. США каждая)[10].

В соответствии с новым планом РП по сотрудничеству в области развития (2012 г.) наиболее распространенными приоритетами для восточных партнеров являются сельскохозяйственное развитие, защита окружающей среды, региональное развитие. Для некоторых стран приоритеты группируются, как, например, для Грузии и Беларуси – это «поддержка социально маргинализированных групп», для Украины и Молдовы – это «государственный сектор и область управления границами», а для Армении и Азербайджана – это «поддержка малого и среднего бизнеса». Что касается финансовых ресурсов, выделенных для этих стран Польшей в 2012 году, следует различать фонды на приоритетные действия и фонды, направленные на действия правительств и административных органов. Так, Армения получит 840 тыс. и 600 тыс. польских злотых, Азербайджан – 720 тыс. и 150 тыс., Грузия – 5 млн 470 тыс. и 1 млн 70 тыс., Молдова – 4.5 млн и 1.7 млн, Украина – 9 млн 755 тыс. и 1 млн 735 тыс. польских злотых, соответственно. Что касается Беларуси – она получит только фонды на приоритетные действия в размере 23.5 млн польских злотых[11].

Отметим также интересный проект в рамках инициативы «Восточное партнерство», который финансируется Польшей в 2012 году. Этот проект называется «Академия государственного управления в рамках “Восточного партнерства”», нацелен на организацию и проведение специализированных тренингов для укрепления сектора госуправления в странах партнерах. Эта совместная инициатива польского МИДа и Польской национальной школы государственного управления начала претворяться в жизнь в октябре 2011 года, когда был проведен первый двухнедельный тренинг по вопросам партнерства между го-

сударством и частным сектором. Участие принимали представители пяти государств-партнеров (исключение составила Беларусь) и оценивался этот проект в 225 тыс. евро.

В 2012 году предполагалось потратить на проведение таких тренингов около 1 млн польских злотых[12]. Так, в сентябре 2012 года был проведен двухнедельный курс для чиновников государственной администрации пяти стран–участников «Восточного партнерства» (снова не участвовали представители Республики Беларусь). Курс в этот раз был посвящен государственным финансам; участникам постарались объяснить механизмы и инструменты современной экономики как на микро, так и на макроуровнях; особое внимание было уделено вопросам влияния экономической и политической обстановки на национальном и на международном уровнях на государственные финансы. Участников было 24, по 5 человек из Азербайджана, Грузии, Молдовы, Украины и 4 чиновника из Армении. До конца года планировалось провести еще один модуль по вопросам общей политики безопасности и обороны при со-финансировании Швеции (в октябре в Варшаве и в ноябре в Брюсселе)[13].

Другим видом официальной помощи по развитию со стороны Польши является система малых грантов. Проекты, реализуемые по данной схеме являются низкобюджетными проектами, которые направлены на потребности местного сообщества и осуществляются по линии дипломатических представительств РП. Впервые система малых грантов была применена в 2009 году в странах Азии и Африки. В 2012 году фонды, выделенные на эти проекты, составят в целом 5% от всего бюджета на помощь по развитию и около 40% этой суммы будет направлено в страны Восточного партнерства. В целом средства будут распределены следующим образом: Украина и Беларусь получат по 600 тыс. польских злотых, Молдова – 400 тыс., Грузия – 1 млн, а Армения и Азербайджан – по 200 тыс. польских злотых[14].

Что касается отношений между Польшей и Беларусью, они характеризуются двояко: с одной стороны – натянутые отношения с официальной властью Беларуси, с другой стороны – поддержка белорусского гражданского общества и демократии в стране. Если по отношению к властьпредержащим ведется политика жесткой критики, санкций и неприемлемости некоторых методов ведения дел внутри Беларуси как со стороны РП, так и со стороны стран ЕС, то на уровне отношения к представителям белорусского гражданского общества и простым гражданам можно наблюдать поддержку и оказание помощи по развитию демократии в стране.

Как отмечал официальный представитель МИДа РП на заседании комиссии по иностранным делам Сейма Польши в апреле 2012 года, Польша старается поддерживать отношения с Беларусью на уровне рабочих отношений с нижними уровнями власти в области приграничного сотрудничества, культурного обмена, поддержки польского бизнеса в Беларуси, оказания помощи по развитию

демократии и гражданского общества, в том числе и полякам, проживающим в Беларуси. Среди инструментов такого сотрудничества назовем такие, как предоставление молодым белорусам, которые по политическим причинам не смогли получить высшее образование, возможности получить образование в Польше с помощью стипендии имени Калиновского[15] (если в 2010 году было предоставлена стипендия 53 студентам, то в 2011 уже 149 человек участвовало в этой стипендиальной программе); предоставление возможности получать достоверную информацию о том, что происходит в Беларуси, РП и ЕС, поддерживая независимые информационные порталы и средства массовой информации (Карта`97, телевидение Белсат, радио Рация, Белорусский информационный дом в Варшаве); поддержка польского меньшинства в Беларуси посредством выделения средств на образовательные проекты, предоставления карт поляка[16] и др. (Pełny zapis... 2012).

Заключение

Многосторонность представляет собой один из основополагающих принципов современного мироустройства, а эффективная многосторонность как концепция является системой международных отношений, которая позволит государствам действовать сообща в борьбе и преодолевать глобальные проблемы. Эти отношения носят преимущественно межгосударственный характер, но включают в себя взаимосвязи между группами государств, организованных в различные международные институты и режимы.

Примерами многосторонности и эффективной многосторонности выступают также и международные отношения в Балтийско-Черноморском регионе. Польша в качестве регионального лидера уделяет особое внимание развитию этих отношений и прежде всего, после 2004 года, развитию своей восточной политики. Европейская интеграция и развитие Европейского союза выступают основными контекстами развития такой восточной политики не только Польши, но и других государств региона. Отдельное место в развитии региональных отношений занимает «Восточное партнерство» – инициатива ряда государств-членов ЕС по развитию отношений этого образования с соседями (Украиной, Беларусью, Молдовой, Арменией, Грузией и Азербайджаном). Таким образом, государства Балтийско-Черноморского региона вносят свой вклад в развитие демократии, установление рыночных отношений и социально-политические трансформации, а также в укрепление и поддержание мира и безопасности посредством применения многосторонности и эффективной многосторонности в практике международных отношений.

Литература

Adler, E. Communitarian multilateralism // Multilateralism under Challenge? Power, International Order and Structural Change. Ed. by Edward Newmann, Ramesh Thakur and John Tirman. The United Nation University, 2006. P. 35–55.

Baginski, P. Poland`s Contribution to International Development Cooperation // Yearbook of Polish Foreign Policy. 2003. Warsawa, 2004.

Bartoszewski, W., Cimoszewicz, W., Geremek, B., Meller, S., Olechowski, A., Rosati, D., Rotfeld, A.D., Skubiszewski, K. Polska i świat. Fundacja im. Stefana Batorego: Warszawa, 2007.

Bielen, S. Paradoksy polskiej polityki zagranicznej // Studia Europejskie. 2/2004. P. 9–30.

Black, J., Hashimzade, N., Myles, G. Oxford Dictionary of Economics. 2009.

Caporaso, J.A. International Relations Theory and Multilateralism: The Search for Foundations // Multilateralism Matters. The Theory and Praxis of an Institutional Form. Ed. by J.G. Ruggie. New York: Columbia University Press, 1993. P. 51–90.

Cianciara, A. Eastern partnership – opening a new chapter of Polish Eastern policy and the European Neighbourhood Policy? // Analysis and Opinions. Warsaw: The Institute of Public Affairs, June 2008. [Электронный ресурс.] Режим доступа: www.isp.org.pl

Cimoszewicz, W. The Eastern Dimension of the European Union. The Polish View. Speech by Wlodzimierz Cimoszewicz, Polish Minister of Foreign Affairs // EU Enlargement and Neighbourhood Policy. Warsaw: Stefan Batory Foundation, 2003.

Cox, R. W. An Alternative Approach to Multilateralism for the Twenty-first Century // Global Governance. Vol. 3, 1997. No 1. P. 103–116.

Dexit, N. Academic Dictionary of Economics. Delhi, 2005.

Information of the Government of the Republic of Poland on the Polish foreign policy in the year 2004, delivered by the Minister of Foreign Affairs Wlodzimierz Cimoszewicz at the session of the Sejm on January 21, 2004.

Jones, A. Dictionary of Globalization. 2006.

Jorgensen, K.E. The European Union in Multilateral Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. 4 (2009). P. 189–209.

Keohane, R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // International Journal. Vol. 45. (1990). P. 731–764.

Keohane, R.O. The contingent legitimacy of multilateralism // Multilateralism under Challenge? Power, International Order and Structural Change. Ed. by Edward Newmann, Ramesh Thakur and John Tirman. The United Nation University, 2006. P. 56–76.

Kuźniar, R. A Shift or a Continuation? Foreign Policy after the Elections // The Polish Foreign Policy Affairs Digest. Vol. 5. No 4(17). 2005. P. 26–39.

Milczarek, D. Miedzy Waszyngtonem a Bruksela – możliwe kierunki rozwoju polskiej polityki zagranicznej i bezpieczeństwa // Studia Europejskie, 2/2006. P. 9–32.

Polish foreign policy priorities 2012–2016. Warsaw, March 2012.

Polska polityka wschodnia. Pełny zapis dyskusji zorganizowanej przez fundacje im. Stefana Batorego oraz redakcje „Tygodnika Powszechnego" w dniu 1 marca 2001 r. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.batory.org.pl/ftp/program/forum/ppw.pdf

Pełny zapis przebiegu posiedzenia Komisji Spraw Zagranicznych (No 3) z dnia 20 grudnia 2011. (VII kadencja. Kancelaria Sejmu. Biuro Komisji Sejmowych. Warszawa, 2011. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://orka.sejm.gov.pl/zapisy7.nsf/0/91B7E94D10014DF4C125798100516CAA/%24File/0007307.pdf

Pełny zapis przebiegu posiedzenia Komisji Spraw Zagranicznych (No 27) z dnia 26 kwietnia 2012. (VII kadencja. Kancelaria Sejmu. Biuro Komisji Sejmowych. Warszawa, 2012. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://orka.sejm.gov.pl/zapisy7.nsf/0/AD51DB088DBC6A42C1257A02004A67E6/%24File/0048607.pdf

Rosenau, J.N. Governance in the Twenty-first Century // Global Governance. Vol. 1, 1995. No. 1. P. 13–43.

Ruggie, J.G. Multilateralism: The Anatomy of an Institution // International Organization. Vol. 46 (Summer 1992). P. 561–598.

Wunderlich, J-U, Warrier, M. A Dictionary of Globalization Routledge: 2010.

Батюк, В. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка // Международные процессы. Том 8. № 2 (23), май-август 2010. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.intertrends.ru/twenty-three/009.htm

Война, Б. Восточное партнерство – новая инициатива сотрудничества ЕС с восточными соседями // Европа. Том 9. № 1 (30). 2009. С. 7–57.

Милякова, Л. Внешнеполитические концепции польской оппозиции 1980–1989 гг. // Международный исторический журнал, 2000, № 7 январь – февраль.

Райзберг, Б.А., Лозовский, Л.Ш., Стародубцева, Е.Д. Современный экономический словарь. 5-е издание, перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2006. Словари в интернете на www.yandex.ru

Ренард, Т., Бишоп, С. Многополярность, становящаяся «многосторонней». Информационно-аналитический портал «Геополитика». Публикация от 30 ноября 2011 года. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://geopolitica.ru/Articles/1333/

Примечания

1. Ruggie, J.G. Multilateralism: The Anatomy of an Institutions // International Organization. Vol. 46 (Summer 1992). P. 561–598; Rosenau, J.N. Governance in the Twenty-first Century // Global Governance. Vol. 1, 1995. No. 1. P. 13–43; Caporaso, J.A. International Relations Theory and Multilateralis: The Search for Foundations // Multilateralism Matters. The Theory and Praxis of an Institutional Formю. Ed. by J.G. Ruggie. New York: Columbia University Press, 1993. P. 51–90; Keohane, R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // International Journal. Vol. 45. (1990). P. 731–764; Cox, R. W. An Alternative Approach to Multilateralism for the Twenty-first Century // Global Governance. Vol 3, 1997. No 1. P. 103–116; Keohane, R.O. The contingent legitimacy of multilateralism // Multilateralism under Challenge? Power, International Order and Structural Change. Ed. by Edward Newmann, Ramesh Thakur and John Tirman. The United Nation University, 2006. P. 56–76.
2. В качестве примеров таких сообществ Адлер приводит Европейский союз и НАТО.
3. Следует заметить, что, как правило, все региональные иницитивы в рамках польской внешней политики связаны с развитием «восточного направления» политики РП или с евроатлантическими отношениями.
4. Смотри: Information of the Government of the Republic of Poland on the Polish foreign policy in the year 2004, delivered by the Minister of Foreign Affairs Wlodzimierz Cimoszewicz at the session of the Sejm on January 21, 2004.
5. Смотри, например: Minister`s annual address 2012. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.msz.gov.pl/Ministers,Annual,Address,2012,50775.html

[6] Например, в марте 2012 года Вышеградской группой было принято решение о учреждении специальной программы для стран «Восточного партнерства», которая будет администрироваться Международным вышеградским фондом. Подробнее: http://visegradfund.org/v4eap/

[7] Смотри: Non-paper with Polish proposals concerning policy towards new Eastern neighbours after EU enlargement // EU Enlargement and Neighbourhood Policy. Warsaw: Stefan Batory Foundation, 2003. C. 85–98.

[8] Смотри: Олеховский, А. Польша едина. Польша единогласна // Европа. Журнал Польского института международных дел. Том 8. № 2(27) 2008. С. 13–16.

[9] Основными критическими замечаниями в отношении ЕПС со стороны Польши были: 1) отсутствие совместного общего подхода и действий, а также солидарности среди членов ЕС, каждое государство предпочитает действовать индивидуально с учетом собственных интересов; 2) привилегированным измерением ЕПС являлось южное направление, а не восточное.

[10] Данные представлены в документе ОЭСР «DAC Special Review of Poland 2010». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.oecd.org/dataoecd/58/43/45362587.pdf

[11] Смотри: Development Cooperation Plan for 2012 administrated by the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. Warsaw, 2011. P. 15–17. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.polskapomoc.gov.pl/files/inne%20dokumenty%20PDF/Wspolpraca%20rozwojowa%202012/Dev_coop_plan_PL2012.pdf

[12] Смотри, например: Inauguration of the Eastern Partnership Academy of Public Administration. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.easternpartnership.org/community/events/inauguration-eastern-partnership-academy-public-administration

[13] Смотри: Civil servants from Eastern Partnership countries receive Eastern Partnership Academy of Public Administration (EPAPA) diplomas. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.msz.gov.pl/Civil,servants,from,Eastern,Partnership,countries,receive,Eastern,Partnership,Academy,of,Public,Administration,(EPAPA),diplomas,58255.html

[14] Смотри: Development Cooperation Plan for 2012 administrated by the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. Warsaw, 2011. P. 24. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.polskapomoc.gov.pl/files/inne%20dokumenty%20PDF/Wspolpraca%20rozwojowa%202012/Dev_coop_plan_PL2012.pdf

[15] Смотри подробнее о стипендии имени Калиновского: http://www.studium.uw.edu.pl/?content/74

[16] Карта поляка является документом, выдаваемым властями Республики Польша, который подтверждает принадлежность владельца карты к польской нации. Данный документ ни в коем случае не дает право быть гражданином Польши, не является основанием или документом, дающим право въезда в РП без визы и не дает право проживать на территории РП. Поэтому претензии по отношению в Польше и обвинения в том, что Польша раздает «паспорта поляков» со стороны властей таких стран, как Украина и Беларусь, необоснованны. Карту поляка ни в коем случае нельзя называть и приравнивать к паспорту гражданина РП. Подробнее смотри: http://www.msz.gov.pl/Karta,Polaka,15813.html

Рядом, но не вместе

Татьяна Чулицкая

СТАТИСТИКА, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЙТИНГИ БЕЛАРУСИ НА ФОНЕ ЛИТВЫ: РЯДОМ, НО НЕ ВМЕСТЕ[1]

Abstract

Statistics (national) and ratings (international) are known as serving various aims and having different usages in contemporary world and in the evaluated countries (Pal et al., 2011). Controversies regarding politization of the indicators of socio-economic development and governance are known since very beginnings of the UNDP HDI (early 1990). In the article we overview the Belarusian experience and reactions to the international and national evaluations within Lithuanian context. Insights from the period from 1995 (appearance of the first UNDP HDI reports are undertaken in the two countries) until 2011 show how much the initiatives and interpretations of the statistics and evaluations are influenced by socio-political development in the country and by its political regime. We suggest that situation with evaluation and indicators of socio-economic development differ in Belarus and Lithuania. Being part of the EU Lithuania is included in the main European databases (Eurostat) with standardized indicators while Belarus uses predominantly national statistics based on the barely transformed soviet-time methodology.

Keywords: national statistics, international rankings, indicators of socio-economic development, political indicators, human development report (HDR), evaluation, international organizations, Belarus, non-democratic regime, Belarusian National Statistics Committee (Belstat).

При проведении сравнительных исследований важным является определение критериев сравнения. Оценки политических, социально-экономических и других показателей развития государств могут осуществляться на основании как

международных рейтингов, так и национальной статистики. В настоящее время существует множество институтов (преимущественно неправительственных), специализирующихся на сборе и оценке информации для прикладных проектов, которая впоследствии также может быть использована в научных сравнительных исследованиях. Однако, как отмечает Шедлер, эти институции так и не смогли преодолеть «дилемму измерения» (measurer's dilemma), связанную с систематической нехваткой первичной информации и неэффективностью самого процесса сбора информации, приводящего к ее «приватизации», непрозрачности и неполноте (Schedler 2012: 237–238). Следовательно, возникают вопросы о качестве основанных на такой информации исследований.

Проблемы применения международных рейтингов и национальной статистики в сравнительном анализе рассматриваются многими исследователями (Pal et al. 2010; Schedler 2012; Knutsen 2010). Отдельной темой, имеющей особую актуальность для постсоветских стран, является концептуализация понятий «демократический» и «недемократический режим» и индикаторы их измерения (Moller&Scanning 2010; Bogaards 2010; Zaytsev et al. 2012). Другой важной проблемой выступает использование данных международных оценок в качестве инструмента легитимации или пропаганды для демонстрации достижений того или иного правительства/государства либо контрпропаганды – в случае негативных оценок[2].

Проблема использования рейтингов в политических/пропагандистских целях появилась уже при составлении первых индексов развития человеческого потенциала (ИРЧП) (в начале 1990-х гг.), а также других рейтингов и индексов, выстраиваемых международными институциями, например, индекс развития и изменений Bertelsmann (аналитический центр «The Bertelsmann Stiftung», Германия), мировой рейтинг процветания (непартийный аналитический центр «Legatum», Великобритания); рейтинг экономической свободы (фонд «Наследие» (Heritage Foundation) и ежедневник «The Wall Street Journal», США); рейтинг условий ведения бизнеса (doing business) (Всемирный банк); индекс свободы прессы (Freedom House) и т.д. Попытки создать универсальные многомерные индикаторы с использованием существующих баз данных для преодоления проблем измерения и сравнения предпринимались различными исследователями (Kaufmann et al. 2010; Human Development Report 2010).

В статье рассматривается ситуация с международными рейтингами и национальной статистикой в Беларуси в контекстуальном сопоставлении с Литвой. Анализ периода с 1995 г. (года подготовки первых национальных докладов о развитии человеческого потенциала) до 2011 г. демонстрирует взаимосвязь интерпретаций рейтинговых и статистических показателей с социально-экономическим развитием в данных странах, а также влияния на них политических лидеров и политического режима в целом. Мы предполагаем, что ситуация с международной оценкой политических, социально-экономических показа-

телей и национальной статистикой различается в Литве и Беларуси на двух уровнях: политическом и техническом. На политическом уровне в Беларуси национальная статистика и международные рейтинги используются в качестве инструментов пропаганды, обоснования белорусскими властями особой модели социально-экономического развития страны как внутри, так и за пределами страны, чего не наблюдается в Литве. На техническом уровне статистика в Беларуси до настоящего времени во многом основывается на малоизмененных с советских времен методологии и инструментарии (например, измерение уровня безработицы по критерию официальной регистрации в службе занятости (ст. 1 закона «О занятости населения Республики Беларусь» № 125-З от 15 июня 2006 г.)). В то же время являющаяся членом ЕС Литва входит в основные европейские базы данных (в частности, Eurostat) и, соответственно, представляет свои статистические данные на основании стандартизированных европейских индикаторов. Кроме того, несмотря на присутствие Беларуси в многочисленных международных рейтингах и наличие некоторых открытых национальных статистических источников информации (в частности, сайта Национального статистического комитета (Белстата)[3]), о многих сферах социально-экономического развития страны информация практически недоступна (например, сведения о трудовой миграции с учетом открытой границы с Российской Федерацией).

В начале статьи описывается ситуация с международными рейтингами Беларуси на фоне Литвы и показателями обеих стран в социальной, экономической и политической сферах. Затем рассматривается специфика национальной статистики в Беларуси. В заключении сравнивается ситуация в сфере рейтинговых и статистических показателей в них и предлагаются выводы относительно специфики ситуации в Беларуси в контексте существующих по сравнению с Литвой различий. В методологическом плане в статье использован сравнительный анализ вторичных данных в части рассмотрения позиций Литвы и Беларуси в международных рейтингах, а также дескриптивный анализ ситуации в сфере национальной белорусской статистики.

Международные рейтинги Литвы и Беларуси: рядом, но не вместе

Беларусь и Литва включены в большинство международных рейтингов и аналитических отчетов международных организаций. При оценке социально-экономического развития эти страны имеют близкие показатели (например, ИРЧП, мировой рейтинг процветания Legatum), однако Литва после 2000-х гг. устойчиво находится на более высоких позициях. Ситуация с рейтингами изменяется при переходе к оценке политической сферы, где Литва относится к группе демократических стран (например, индексы Freedom House), а Бела-

русь – к странам с авторитарным и недемократическим режимом, допускающим нарушение свободы слова (те же индексы).

В качестве специфики международного рейтинга Беларуси можно отметить:

- высокие по региону (по сравнению с соседними бывшими советскими республиками, за исключением Литвы, Латвии и Эстонии) показатели социально-экономического развития (до экономического кризиса в Беларуси 2011 г.);
- низкие и демонстрирующие тенденцию ухудшения показатели Беларуси в политической сфере во всех рассматриваемых рейтингах;
- пропагандистское использование белорусскими властями рейтингов; апелляция в случаях, когда они содержат благоприятные для режима показатели (ИРЧП, рейтинг процветания Legatum) на фоне агрессивной официальной риторики в случаях неблагоприятной оценки (индексы Freedom House).

Кроме того, необходимо отметить проблемы с методологией расчета в Беларуси национальных статистических индикаторов, используемых для оценки социально-экономических явлений (например, при измерении уровня безработицы и оценки бедности в работах экспертов Исследовательского центра ИПМ (Чубрик 2008; Чубрик, Шиманович 2010)).

Белорусские власти используют позитивные оценки международных агентств для легитимизации существующей в стране модели социально-экономического развития, параллельно пытаясь нивелировать негативные политические рейтинги, ссылаясь на их «необъективную оценку» ситуации. Примером пропагандистского использования международных рейтингов и национальной статистики властями Беларуси являются информационные материалы «Беларусь: международные рейтинги и национальная статистика», выпускаемые Министерством иностранных дел (МИД) для распространения за рубежом (в частности, на официальных сайтах посольства Беларуси). Данные материалы содержат наиболее выгодные страновые показатели из различных сфер и источников с целью демонстрации социально-экономических достижений Беларуси. Примером может служить информационное сообщение «Беларусь: международные рейтинги и национальная статистика», размещенное на официальном сайте белорусского посольства в Литве. В нем содержатся разрозненные выдержки из документов различных международных организаций: Доклада ООН о развитии человека (2011 г.), доклада ЮНИСЕФ об уровне и тенденциях детской смертности (2011 г.), отчета Международного союза электросвязи, доклада Всемирного банка и Международной финансовой корпорации «Ведение бизнеса – 2012», доклада фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» и пр.[4]

Декларируемая белорусскими властями социальная направленность экономики присутствует в качестве характерной особенности государства не только на уровне официальной риторики, но и частично находит отражение в оценках международных организаций. Так, вплоть до экономического кризиса 2011 г. у Беларуси были высокие по региону показатели социально-экономического раз-

вития, позволявшие говорить о специфической «белорусской модели развития» с невысоким уровнем социального расслоения и бедности по сравнению с соседними странами. Например, в одном из докладов Всемирного банка подчеркивалось, что «для Беларуси характерен сравнительно низкий уровень неравенства по потреблению… [который] достигается за счет сжимания диапазона уровней оплаты труда, административного регулирования цен и высоких социальных выплат» (World Bank 2004). Однако параллельно отмечалось отсутствие и недостаточность темпов системного реформирования экономики.

Далее для сравнения рассматриваются позиции Беларуси и Литвы в международных рейтингах в социальной, экономической и политической сферах. Приведены данные за 1995 г. (в случае, если они уже измерялись) и 2011 г., а также за несколько лет, когда происходили политически и экономически значимые для данных государств события: 2004 г. (вступление Литвы в ЕС), 2009 г. (проявление последствий мирового финансово-экономического кризиса); 2010 г. (год президентских выборов в Беларуси)[5]. 2011 год рассматривается как особенно важный для Беларуси, оказавшейся в состоянии «отложенного» политическими усилиями экономического кризиса, последствия которого соседние страны испытали двумя-тремя годами ранее (см. табл. 1).

В отношении международных рейтингов можно отметить особое внимание властей Беларуси к рассчитываемому по методике ПРООН (UNDP) ИРЧП, который часто упоминается белорусскими чиновниками как пример высокой позитивной международной оценки страны. Как видно из табл. 1, в период с 1995 по 2004 г. Литва поднялась в рейтинге с 71-й до 40-й позиции, в то время как имевшая более высокую стартовую позицию (42-ю в 1995 г.) Беларусь опустилась до 67-го места в 2004 г., лишь незначительно изменив свои показатели в последующие годы (68 – 2009 г., 61 – 2010 г., 65 – 2011 г.). В период 2000–2011 гг. Литва имела ежегодное улучшение показателя ИРЧП 0,7 пункта, в то время как показатель Беларуси был равен нулю (UNDP 2011).

Несмотря на активное использование ИРЧП и в политической риторике белорусских чиновников[7], и в обоснованиях принимаемых и реализуемых правительством государственных программ, особенностью Беларуси является то, что в период с 2005 по 2012 г. Национальные отчеты о человеческом развитии в стране не выпускались[8]. Аналогичная ситуация наблюдается и в Литве, где последний Национальный отчет датируется 2003 г.

Согласно классификации, используемой в докладах ПРООН о развитии, Беларусь и Литва до 2011 г. входили в группу стран «с высоким уровнем развития человеческого потенциала», затем в 2012 г. Литва заняла место в группе с «очень высоким уровнем развития человеческого потенциала». Беларусь находится в середине своей группы по показателям трех основных оцениваемых сфер: экономического дохода (благосостояния), здравоохранения и образования. На основании приведенных в табл. 2 показателей можно говорить о том, что и Бе-

Таблица 1. **Беларусь и Литва в международных рейтингах**

Оцениваемая категория. Название агентства	Краткое описание	Беларусь Позиция / Показатель					Литва Позиция/ Показатель				
		1995	*2004*	*2009*	*2010*	*2011*	*1995*	*2004*	*2009*	*2010*	*2011*
Человеческое развитие ПРООН (United Nations Development Programme (UNDP))	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) (Human Development Index). Комплексный показатель развития в 183 странах	0.774/ **42**	0.794/ 67	0.729/ 68	0.732/ 61	0.756/ 65	0.696/ **71**	0.857/ 41	0.782/ 46	0.783/ 44	0.810 /40
Процветание Британский непартийный аналитический центр «Legatum»	Мировой рейтинг процветания «Legatum» (Global Prosperity Index). Рейтинговая оценка уровня благосостояния в 104 странах	–	–	55	54	50	–	–	40	42	44
Экономическая свобода Фонд «Наследие» (Heritage Foundation) и ежедневник «The Wall Street Journal»	Рейтинг экономической свободы «Heritage Foundation». Измерение десяти компонентов экономической свободы по шкале от 0 (минимум) до 100 (максимум) в 179 странах	40.4	43.1	45.0	48.7	47.9	–	72.4	70.0	70.3	71.3
Условия ведения бизнеса Всемирный банк (World Bank)	Рейтинг условий ведения бизнеса (doing business). Комплексная оценка легкости ведения бизнеса. Страны ранжируются по позициям от 1 (высшая) до 185 (низшая)	–	–	85	91	69	–	–	28	25	27
Развитие и трансформация Немецкий аналитический центр «The Bertelsmann Stiftung»	Индекс развития и изменений в сфере демократизации и рыночных отношений Bertelsmann. Оценка 128 развивающихся стран. Индекс положения (SI) ранжирует страны по степени развитости демократии и рыночной экономики, индекс управления (MI) – по оценке эффективности управления: 1 (низший) балл, 10 (высший) балл.		*2003*	*2008*	*2010*	*2011*		*2003*	*2008*	*2010*	*2011*
		–	3.99/ 86 (SI) 2.16/ 99 (MI)	4.47/ 89 (SI) 2.89 /110 (MI)	4.52/ 96 (SI) 3.26/ 110 (MI)	4.36/ 101 (SI) 2.77/ 116 (MI)	–	9.57/ 2 (SI) 7.70/ 2 (MI)	9.16/ 6 (SI) 6.70 /15 (MI)	9.04/ 7 (SI) 6.91/ 10 (MI)	9.03/ 7 (SI) 7.15/ 5 (MI)

Окончание таблицы 1.

Оцениваемая категория. Название агентства	Краткое описание	Беларусь Позиция / Показатель					Литва Позиция/ Показатель				
		1995	*2004*	*2009*	*2010*	*2011*	*1995*	*2004*	*2009*	*2010*	*2011*
Политическая свобода Организация «Freedom House»	Индекс политической свободы Freedom House. Измерение степени свободы (политических и гражданских свобод) в 193 странах. 1 (максимальная), 10 (минимальная) оценка	–	6.0	6.5 (not free)	6.5 (not free)	6.5 (not free)	–	1.5	1 (free)	1 (free)	1 (free)
Свобода прессы Организация «Freedom House»	Индекс свободы прессы Freedom House. Ежегодная качественная оценка свободы СМИ в 195 странах. Рейтингирование и классификация стран на «свободные», «частично свободные», «несвободные»	70 не свободная	86 не свободная	92 не свободная	93 не свободная	93 не свободная	25 свободная	18 свободная	21 свободная	22 свободная	23 свободная
Развитие НГО[6] Агентство США по международному развитию (USAID)	Индекс устойчивости развития НГО (NGO Sustainability Index) для 28 стран ЦВЕ. Оценка прогресса в развитии третьего сектора. 1 балл – высшая, а 10 – низшая оценка.	–	5.6	5.9	5.9	5.9	–	2.7	2.8	2.7	2.8

Источник: интернет-сайты международных организаций – ПРООН http://www.undp.org/; институт Legatum http://www.prosperity.com/; Фонд Bertelsmann http://www.bertelsmann-stiftung.de/; фонд «Наследие» http://www.heritage.org/index/; Всемирный Банк http://www.doingbusiness.org/; Freedom House http://www.freedomhouse.org/; Агентство США по международному развитию http://www.usaid.gov.

ларусь, и Литва более успешно развиваются в сферах, не связанных с доходом. Так, при корректировке значения ИРЧП 2010 г. (столбец 1) на показатели, не связанные с доходами (столбец 7), индекс Беларуси увеличивается с 0.732 до 0.763. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении Литвы с изменением соответствующих показателей с 0.783 до 0.832. Таким образом, можно говорить об относительно высоких результатах Беларуси и Литвы в сфере развития человеческого потенциала, непосредственно не относящихся к экономическому росту. По экономическим показателям (столбец 6) Литва опережала Беларусь. Однако при этом Беларусь демонстрировала невысокую степень экономического неравенства с индексом Джини – 28.8 против 35.9 в Литве (столбец 8), а также единственный в своей группе индекс многомерной бедности, равный нулю. Аналогичные нулевые показатели имеют лишь некоторые бывшие социалистические страны, относящиеся к группе стран с «очень высоким уровнем развития человеческого потенциала» (например, Словакия и Чехия). Благоприятными для Беларуси являются также показатели количества населения, проживающего за чертой бедности (столбец 9), хотя данный показатель оценивается по национальной шкале.

Таблица 2. **Основные показатели развития Беларуси и Литвы в 2010 г.**

	ИРЧП, место (показатель)	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Средняя продолжительность обучения, лет	Ожидаемая продолжительность обучения, лет	ВНД на душу населения (2008 г.)[9]	Значение ИРЧП, не связанное с доходом	Коэффициент Джини (Всемирный банк)	Население, проживающее за национальной чертой бедности, %
Беларусь	61 (0.732)	69.6	9.3[10]	14.6	12.926	0.763	**28.8**	17.4
Литва	44 (0.783)	72.1	10.9	16	14.824	0.832	35.8	31.8[11]

Источник: ПРООН, 2010. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Доступен: http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2010/chapters/ru/ (режим просмотра 29.10.2012).

Интересно, что оценки социально-экономического развития Беларуси по методологии ПРООН снижаются при переходе к показателям, связанным с восприятием индивидуального благосостояния и благополучия (например, «общая удовлетворенность жизнью», «удовлетворенность размерами благосостояния» (работы, личного здоровья, уровня жизни), «осмысленная жизнь»). При этом по некоторым показателям (в частности, «удовлетворенность от работы») граждане Беларуси вместе с гражданами двух других бывших республик СССР (Грузия и Армения) демонстрируют одни из самых низких резуль-

татов в группе стран «с высоким уровнем развития человеческого потенциала» (UNDP 2010: 177). Таким образом, высокие показатели Беларуси по ИРЧП относятся преимущественно к структурному уровню обеспечения базовых потребностей населения без оценки качественной субъективной составляющей уровня жизни.

Позиции Беларуси в мировом рейтинге процветания британского центра «Legatum», смоделированного исходя из оценки таких сфер, как экономика (Economy), предпринимательство и возможности (Entrepreneurship & Opportunity), система управления (Governance), образование (Education), здравоохранение (Health), безопасность (Safety and Security), личная свобода (Personal Freedom), социальный капитал (Social Capital), также ниже аналогичных оценок Литвы (см. табл. 1). Однако при этом Беларусь в рассматриваемые годы улучшала свои позиции, в то время как показатели Литвы снижались. Так, в период 2009–2011 гг. испытывавшая сильное влияние мирового финансово-экономического кризиса Литва опустилась с 40-й позиции до 44-й, а следующая логике внутреннего политико-административного цикла и демонстрировавшая количественные показатели экономического роста Беларусь поднялась с 55-й на 50-ю позицию. Последнее обстоятельство дало основания белорусским властям для использования рейтинга в качестве демонстрации социально-экономических достижений Беларуси[12].

По всем экономическим показателям в анализируемых рейтингах Литва опережала Беларусь. Например, при оценке уровня экономических свобод (Heritage Foundation) наилучший показатель для Беларуси зафиксирован в 2010 г. (48.7), в то время как рейтинг Литвы в этот год равнялся 70.3 (по 100-балльной шкале) (см. табл. 1). Вместе с тем белорусское правительство (как и правительства других постсоветских стран) стремится целенаправленно улучшать позиции страны именно в экономических оценках, влияющих на возможность привлечения инвестиций и внешних заимствований. В исследовании BISS «Как Беларуси попасть в тридцатку стран с наиболее благоприятными условиями ведения бизнеса» (2010) отмечается, что «экономическая либерализация и качество рыночного регулирования улучшаются не столько в связи с давлением и потребностями организационного роста национальных рыночных субъектов, сколько в связи с тактикой правительства по привлечению инвестиций» (BISS 2010, 1). В частности, изменения в рейтинге условий ведения бизнеса (doing business) для Беларуси были связаны с указанием президента А. Лукашенко правительству (2008 г.) на необходимость «вывести страну в тридцатку мировых лидеров по условиям ведения бизнеса» (BISS 2010, 3). По мнению белорусских экспертов, «неоднозначность» некоторых аспектов методологии рейтинга условий ведения бизнеса позволила правительству Беларуси «успешно воспользоваться существующими лазейками методологии доклада и совершить фасадную подстройку экономических институтов под ожидания внешних игроков» (BISS 2010, 2). В ре-

зультате с 2009 по 2011 г. Беларуси удалось улучшить свои показатели в данном рейтинге с 85-й до 69-й позиции[13]. Литва находилась, соответственно, на 28-й (2009 г.), 25-й (2010 г.) и 27-й (2011 г.) позициях, хотя литовское правительство также стремилось к улучшению своих позиций в рейтинге.

Самыми неблагоприятными для Беларуси в докладах международных агентств являются оценки политической сферы. Freedom House при анализе ситуации в области политических свобод относит страну к категории «несвободных» (6 баллов в 2004 г. и 6.5 – в остальные рассматриваемые годы). В свою очередь Литва после 2004 г. (1.5 балла) относится к категории «свободных» стран с максимально высоким показателем (1 балл). При оценке этой же организацией (Freedom House) ситуации со свободной прессой Беларусь с каждым годом занимает все более низкие позиции (70-я в 1995 г. и 93-я в 2011 г.), а Литва попадает в тридцатку стран с высокими показателями (25-я позиция в 1995 г. и 23-я в 2011 г.). Значительное расхождение между странами наблюдается и в оценке американской организацией USAID Индекса устойчивости развития НГО (NGO Sustainability Index). Этот индекс для Беларуси в 2011 г. был равен 5.9, а для Литвы – 2.8 (по десятибалльной шкале). Низкая оценка на фоне более высоких политических индикаторов Литвы сохраняется у Беларуси и в индексе развития и трансформации Bertelsmann (BTI), состоящего из двух показателей: индекса положения (Status Index (SI)) и индекса управления (Management Index (MI)). Первый из них ранжирует страны по степени демократизации и развитости рыночной экономики, а второй – по результатам политического управления страной[14]. Позиции Беларуси с 2004 г. по индексу положения ухудшились с 86-й до 101-й, а по индексу управления с 99-й (2004 г.) до 116-й (2011 г.). Литва среди трансформирующихся и развивающихся стран находилась в десятке стран с самыми высокими результатами.

В период 2004–2011 гг. Литва демонстрировала более высокие показатели во всех анализируемых международных рейтингах. При этом в случае с ИРЧП Литва в 1995 г. начинала с более низкой, чем Беларусь, позиции (Литва – 71, Беларусь – 42). Оценки социальной сферы Беларуси международными институциями благоприятны для режима А. Лукашенко, вследствие чего белорусская власть часто публично апеллирует к ним. В случае мирового рейтинга процветания Legatum белорусские власти, даже занимая более низкие по сравнению с соседями позиции, все равно могут обращаться к нему в связи с фиксируемым улучшением своих показателей. В случае с экономическими рейтингами и в Беларуси, и в Литве предпринимаются попытки технически улучшить показатели (пример рейтинга условий ведения бизнеса). Низкие оценки политической сферы в международных рейтингах находятся в центре идеологизированной критики белорусских властей, указывающих на необъективность и предвзятость международных институций в отношении Беларуси. Все рассмотренные политические показатели Литвы являются более высокими. Тем не менее, в Бе-

ларуси не предпринимается никаких шагов для улучшения внешней политической оценки страны. Наиболее вероятным объяснением этому является отсутствие заинтересованности в реальных политических изменениях и стремлении режима А. Лукашенко сохранить политическое status quo.

Косметические изменения национальной статистики Беларуси

Другим важным аспектом при оценке социально-экономического и политического развития государства является ситуация в сфере национальной статистики. Если Литва применяет стандартизированные европейские показатели (хотя и сталкивается с определенными сложностями), то для Беларуси национальная статистика имеет ряд проблемных моментов, обусловленных закрытой, недемократической политической системой. Среди наиболее значимых проблем можно выделить:

- устаревшую методологию измерения социально-экономических показателей (например, при оценке показателей занятости и безработицы, доли частных и государственных предприятий);
- существенные различия международных, национальных параметров и шкал оценивания социально-экономического развития, приводящие к различиям в международных и национальных показателях (в частности, исследования бедности);
- зависимость национальных социально-экономических показателей от политического цикла (например, статистическая «подгонка» в 2010 г. размера заработной платы к декларируемому в предвыборных обещаниях А. Лукашенко уровню 500 долл США);
- имитация изменений национальной статистической системы под давлением внешних субъектов (в частности, Всемирного банка[15]).

Современная статистика Беларуси сохраняет ряд характерных для советского времени недостатков. Основные из них связаны с нереформированностью системы государственного управления, в рамках которой статистические органы де-факто являются частью административной системы, а также сохраняющимся плановым характером белорусской экономики (Скуратович 2012). Основной задачей статистики в таких условиях является обеспечение информацией центральных органов государственного управления, выступающих ее главным потребителем. Небольшой новацией постсоветского периода в отношении субъектов предоставления статистической информации являются обязательства Белстата по обмену информацией со статистическими органами соседних государств и предоставлению данных в соответствии с международными договорами (п. 9.3 Положения «О Национальном статистическом комитете Республики Беларусь»).

Кроме того, органы статистики помимо своей основной задачи по сбору информации сохраняют контролирующие функции. Например, п. 1.3. ст. 3 Закона «О государственной статистике» (№ 345-З от 28 ноября 2004 г.) закрепляет за ними право «проверять достоверность первичных статистических данных путем сопоставления их с данными первичных учетных документов, посещать с этой целью территорию и помещения (кроме жилых) государственных органов, иных организаций, а также индивидуальных предпринимателей». Последнее обстоятельство расценивается экспертами Всемирного банка как противоречащее принципу конфиденциальности получения информации, ведущему к ее вероятной недостоверности либо уходу респондентов от ответов (Оленски, Томашевич 2007: 40–41).

В Беларуси, как и в других постсоветских странах, международные институции (МВФ, Всемирный банк, ОЭСР и пр.) выступали в качестве инициаторов продвижения трансформаций и инноваций в национальной системе статистики. В числе пролоббированных изменений в белорусской системе в 1990–2000-е гг. были: усовершенствование законодательных рамок, институциональной системы национальной статистики, порядка расчета макроэкономических данных (в частности, ВВП), а также практик предоставления и распространения статистической информации (UNCE 2007). Однако в оценках международных экспертов отмечались сферы, требующие принципиальных изменений, включая статистику по демографическим показателям (в частности, по вопросам занятости), туризму, сельскохозяйственной отрасли. Также указывалось на необходимость совершенствования методологии и проведения выборочных обследований (некоторые шаги в этом направлении предпринимаются в Беларуси в последние годы).

На законодательном уровне в области национальной статистики после 1991 г. был принят ряд нормативных актов. В частности, «Республиканская программа перехода республики на принятую в международной практике систему учета и статистики» (утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 523 от 27 августа 1992 г.), предполагавшая перевод системы учета и статистики на международные стандарты; переход к формированию национальных счетов и определение ВВП в качестве основного показателя экономической деятельности государства. При содействии Всемирного банка был разработан проект проведения выборочного национального обследования домашних хозяйств с охватом порядка 6 тыс. семей[16]. В 1997 г. с учетом некоторых международных рекомендаций и стандартов, включая «Основные принципы официальной статистики ООН» (1993 г.), был принят Закон «О государственной статистике». В 2004 г. вступает в силу новый Закон «О государственной статистике» (№ 345-З от 28 ноября 2004 г.), включавший принцип конфиденциальности и «обезличивания первичных статистических данных», терминологические определения в сфере статистики, определение основ формирования

статистического реестра (Оленски, Томашевич, 2007, с. 42). При участии Всемирного банка разработана и принята государственная программа создания Единой информационной системы государственной статистики Республики Беларусь на 2007–2012 гг. (утверждена Указом Президента Республики Беларусь № 665 от 13 ноября 2006 г.).

В плане институционального оформления системы статистического учета в 2008 г. Министерство статистики и анализа было преобразовано в Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат) (Указ Президента Республики Беларусь № 445 от 26 августа 2008 г.). На официальном уровне данное изменение объяснялось требованиями «принципа независимости при осуществлении статистической деятельности», хотя в действительности вывело Белстат из-под контроля правительства, иерархически подчинив президенту (так, согласно п. 10 Положения «О Национальном статистическом комитете», после внесенных изменений глава Белстата назначается непосредственно президентом и входит в состав правительства). То есть формальное изменение в соответствии с рекомендациями международных институций (UNECE 2007) не повлияло на реальную ситуацию: функционально Белстат остался в системе госуправления. Кроме того, в современной модели национальной статистики, по мнению экспертов Всемирного банка, высока вероятность дублирования собираемой различными органами информации, а также ограничены возможности контроля методологического единства и качества данных (Оленски, Томашевич 2007: 20–21).

Методологические недостатки национальной статистики можно рассмотреть на примере оценки уровня безработицы. Так, согласно данным Белстата, уровень безработицы в Беларуси после 2003 г. (с самым высоким из зафиксированных показателей в 3.1%) постоянно снижался, и в период 2009–2011 гг. составлял соответственно 0.9, 0.7 и 0.6%[17]. При этом в качестве основной единицы измерения использовалось количество официально зарегистрированных безработных, ставших на учет в органах по труду, занятости и социальной защите населения. Согласно действующему законодательству, статус официально зарегистрированного безработного дает право на получение пособия, размер которого составляет порядка 15 евро в месяц при условии обязательного участия в оплачиваемых общественных работах до трех дней в месяц, а также при соблюдении других процедурных моментов. Результатом такого порядка регистрации является незначительное количество официальных безработных. Вместе с тем косвенное подтверждение их большего количества дает официальная статистика в части информации о количестве трудоспособного населения, увольняемого и принимаемого на работу, полученная в ходе обследований домашних хозяйств в 2012 г. Так, по данным Белстата, в период с января по февраль 2012 г. количество работников, принятых на работу на предприятия различных форм собственности, составило 238 367 человек, а уволенных – 266 641 человек. Тенденция

превышения количества уволенных над количеством принятых на работу проявлялась во всех сферах занятости после начала экономического кризиса 2011 г., за исключением сферы торговли и сельского хозяйства[18]. Вместе с тем данные о количестве зарегистрированных безработных фактически не изменились, оставаясь на уровне статистической погрешности. Дополнительным фактором, влияющим на учет реальной безработицы в Беларуси, является отсутствие границ с Российской Федерацией – одним из основных направлений трудовой миграции белорусских граждан. Однако официальной обнародованной информации относительно количества работающих в России граждан Беларуси в настоящее время не существует, что частично объясняется отсутствием инструментария измерения в существующих условиях.

Наличие проблемы с выявлением реального количества безработных в Беларуси частично признается и на уровне государственных органов. Так, в 2010 г. при поддержке Всемирного банка было начато выборочное обследование домашних хозяйств в целях изучения проблем занятости населения (постановление Совета Министров Республики Беларусь № 1605 от 1 ноября 2010 г. «О проведении в Республике Беларусь выборочного обследования домашних хозяйств в целях изучения проблем занятости населения»). В рамках данного шага после проведенных в 2011 г. пилотных обследований планируются ежеквартальные обследования занятости в соответствии с методологией Международной организации труда (МОТ). Однако в настоящее время и в национальной статистике, и при составлении рейтингов международных организаций используются показатели уровня безработицы по количеству официально зарегистрированных безработных.

Примером проблемы расхождения критериев оценки социально-экономических показателей в отчетах международных организаций и национальной статистике могут также служить показатели бедности и нуждаемости (Чубрик 2008; Чубрик, Шиманович 2010). В Беларуси для определения уровня бедности используется показатель бюджета прожиточного минимума (БПМ), определяемый как «стоимостная величина прожиточного минимума» (минимального набора материальных благ и услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности человека и сохранения его здоровья), а также обязательные платежи и взносы (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О прожиточном минимуме»)[19]. Денежное выражение БПМ в среднем на душу населения по основным социально-демографическим группам в период май – июль 2012 г. составляло 743 020 белорусских рублей в месяц (приблизительно 70 евро), что выше используемых некоторыми международными институциями (например, Всемирным банком) показателей в 1 долл США и 2.15 долл США в день по паритету покупательной способности (ППС). В соответствии с данным национальным индикатором в Беларуси в период с 2000 по 2010 г. наблюдалась устойчивая тенденция снижения количества людей, находящихся за линией нуждаемости с 41.9% в 2000 г. до 5.2% населения в 2010 г. (табл. 3).

Таблица 3. **Распределение населения по соотношению среднедушевых располагаемых ресурсов с бюджетом прожиточного минимума, в % к итогу**

Критерий / год	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Ниже бюджета прожиточного минимума	38.4	**41.9**	12.7	11.1	7.7	6.1	5.4	5.2	**7.3**

Источник: Белстат, Выборочное обследование домашних хозяйств по уровню жизни. Доступно: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/house.php (режим просмотра 14.09.2012).

Вместе с тем, согласно экспертной оценке бедности ИПМ, в 2008 г. размер располагаемых ресурсов, соответствующий черте бедности (или «низкому доходу»), в Беларуси варьировал от 870 евро в год (абсолютная бедность; черта бедности – прожиточный минимум) до почти 1800 евро в год (относительная бедность, рассчитанная по методологии, применяемой Евростатом) (Чубрик, Шиманович 2010: 6). Вследствие этого экспертами утверждалась необходимость перерасчета показателей бедности в Беларуси с применением модифицированной шкалы эквивалентности ОЭСР. При использовании для расчетов введенных в 2007 г. Советом Европы Лаакенских показателей уровень относительной бедности в Беларуси менялся в сторону увеличения (табл. 4).

Таблица 4. **Некоторые Лаакенские показатели для Беларуси, 2008 г.**

	Относительная бедность		Абсолютная бедность
	Национальная шкала эквивалентности	Модифицированная шкала эквивалентности ОЭСР	
Черта бедности, Euro в год	1466.6	1778.4	866.7
Уровень бедности, % населения	12.0	12.5	6.1
Глубина бедности, % от черты бедности	16.6	16.9	13.8

Источник: Чубрик, А., Шиманович, Г., 2010. Социальные последствия экономического кризиса в Беларуси и направления изменений социальной политики. Минск: Исследовательский центр ИПМ, рабочий материал WP/10/01. с. 20. Доступно: http://www.research.by/publications/wp/1001/ (режим просмотра 15.09.2012).

Однако в техническом плане используемые Белстатом методики и нормативы по формированию и расчету статистических показателей регулярно обновляются. Так, большинство из них введено в действие не позднее 2010 г.[20] В качестве отдельного шага по приведению национальной статистики в соответствие с международными стандартами можно отметить присоединение Бе-

ларуси в 2004 г. к «Специальному стандарту распространения данных» (ССРД) МВФ, предполагающему унифицированное представление экономических и финансовых данных[21].

Характерно, что при этом даже на уровне описания деятельности Белстата утверждается преемственность с советской статистикой. Например, в качестве обоснования используемого инструментария отмечается, что «начиная с 1932 года во всех союзных республиках бывшего Советского Союза проводилось выборочное обследование бюджетов семей (домашних хозяйств). И в настоящее время такое обследование является единственной информационной базой для изучения уровня жизни населения»[22]. Основным недостатком проводившихся ранее обследований домашних хозяйств можно назвать использование при анализе данных преимущественно региональной (по областям) классификации результатов, за исключением выделения типа семей по наличию несовершеннолетних детей, вследствие чего отсутствовала информация об уровне благосостояния в зависимости от типа населенного пункта, гендерного и возрастного состава. Данное обстоятельство сужало возможности применения полученных данных для планирования и разработки государственных программ.

Попытки исправить эти недочеты предпринимались в 2011 г., когда в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании (от 25 июля 2011 г.) между Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь и Представительством ЮНИСЕФ в Беларуси было инициировано проведение многоиндикаторного кластерного обследования по оценке положения детей и женщин (постановление Совета Министров Республики Беларусь № 1504 от 9 ноября 2011 г.). В 2011 г. было начато проведение выборочного обследования личных подсобных хозяйств граждан, постоянно проживающих в сельской местности (постановление Совета Министров Республики Беларусь № 88 от 26 января 2011 г). Однако оценить результативность данных шагов в настоящее время не представляется возможным в силу отсутствия информации.

На некоторые социально-экономические показатели в Беларуси влияет политико-деловой цикл управления, выстраиваемый вокруг электорального цикла. Наиболее очевидно данная тенденция проявляется при анализе расходов на оплату труда и выплату социальных пособий. Так, согласно данным Белстата, средний размер заработной платы в декабре 2010 г. составлял около 530 долл США, что соответствовало предвыборным обещаниям президента А. Лукашенко. Однако уже через год, в декабре 2011 г., размер средней заработной платы составлял 339.7 USD[23].

Заключение

Сфера национальной статистики в Беларуси является важной для исследований, поскольку ее недостатки влияют на качество информации, используемой для описания социально-экономической ситуации в стране. Методологическим

выходом из сложившейся ситуации могло бы стать использование для анализа показателей из международных отчетов, однако они во многих случаях также основаны на национальной системе расчета, что может повлечь неточность любых последующих оценок. Таким образом, возможность применения национальных статистических данных ограничена невозможностью контроля качества содержащейся в них информации.

Важным моментом является зависимость системы национальной статистики от политического режима. В случае существующей в логике демократического, предполагающего принцип прозрачности управления Литвы, действуют стандартизированные европейские показатели. В условиях недемократического режима Беларуси произведенные (как и в случае Литвы, под давлением международных субъектов) в сфере статистики изменения имеют имитационный, формальный характер, поскольку получаемые статистические данные являются, с одной стороны, «продуктом внутреннего потребления» государственных органов и де-факто на институциональном уровне контролируется главой государства, с другой стороны, статистические данные в Беларуси инструментально используются в пропагандистских целях. Данная тенденция проявляется как на уровне политического дискурса, так и в самих показателях, моделируемых исходя из политического заказа и зависящих от политико-делового цикла в стране.

Литература

Bogaards, M. Measures of Democratization: From Degree to Type to War. Political Research Quarterly. 2010. 63(2). P. 475–488.

Knutsen, C.H. Measuring Effective Democracy. International Political Science Review. 2010. 31(2). P. 109–128.

Kryvoi, Y. Where is Belarus in International Rankings? Belarus Digest [online] 20 April 2010. Available at: <http://belarusdigest.com/2010/04/19/where-is-belarus-in-international-rankings> [accessed 5 August 2012].

Møller, J., Skaaning, S.-E. Beyond the Radial Delusion: Conceptualizing and Measuring Democracy and Non-democracy. International Political Science Review. 2010. 31(3). P. 261–283.

Olenski, J., Tamashevich, V. National Strategy for the Development of Statistics of the Republic of Belarus. Warsaw: World Bank, 2007.

Pal, L. A. [et al]. The globalized state: Measuring and monitoring governance. European Journal of Cultural Studies. 2010. 13(4). P. 511–530.

Pikulik, A. [et al]. Getting Belarus to the Top 30 Countries with the best Business Climate. Available at: <http://www.belinstitute.eu/index.php?option=com_content&view=article&id=660%3A2010-04-22-08-51-34&catid=8%3Aeconomy&Itemid=28&lang=ru> [Accessed 10 October 2012].

Schedler, A. The Measurer's Dilemma: Coordination Failures in Cross-National Political Data Collection. Comparative Political Studies. 2012. 45(2). P. 237–266.

UNDP. Human Development Report. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development. Available at: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2010/> [Accessed 14 September 2012].

UNDP. Human Development Report. Sustainability and Equity: A Better Future for All. Available at: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2011/> [Accessed 28 October 2012].

UNECE. Global Assessment of the Statistical System of the Republic of Belarus. Available at: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.61/2009/mtg1/zip.11.e.pdf> [Accessed 20 October 2012].

World Bank, Europe and Central Asia Region Human Development Sector Unit. Belarus: Poverty Assessment.Can Poverty Reduction and Access to Services Be Sustained? <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTPOVERTY/EXTPA/0,,contentMDK:20792083~menuPK:435735~pagePK:148956~piPK:216618~theSitePK:430367~isCURL:Y,00.html> [Accessed 28 October 2012].

Zaitsev, D. [et al]. Fighting Myths in Democracy Evaluation by Formal Concept Analysis Framework: Measuring Qualities vs Measuring Defects.

Скуратович, К. Статистическая аберрация, Наше мнение, 10 сентября 2012. Доступно: <http://nmnby.eu/news/analytics/4937.html> [режим просмотра 12.09.2012].

Чубрик, А. Социально экономическая ситуация в Беларуси накануне 2009 г.: первые последствия мирового экономического кризиса и возможная реакция на них. Дискуссионный материал DP/08/02. Минск: ИПМ. Доступно: http://www.research.by/publications/dp/dp0802/ [режим просмотра 12.09.2012].

Чубрик, А., Шиманович, Г. Социальные последствия экономического кризиса в Беларуси и направления изменений социальной политики. Рабочий материал WP/10/01. Минск: Исследовательский центр ИПМ. Доступно: http://www.research.by/publications/wp/1001/ [режим просмотра 15.09.2012].

Примечания

1 Автор выражает благодарность за помощь в подготовке, редактировании и ценных советах по содержанию статьи профессору Ирмине Матоните (Университет менеджмента и экономики ISM, Литва).

2 Так, ИРЧП, демонстрирующий высокие оценки социально-экономического развития Беларуси, используется в риторике белорусских властей, а политические индексы с низкой оценкой (например, Freedomhouse) критикуются как «предвзятые и политизированные».

3 Официальный интернет-сайт Белстата. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://belstat.gov.by/

4 [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://lithuania.mfa.gov.by/rus/rb/facts/ (режим просмотра 27.09.2012).

5 В случае, когда показатели указанных лет отсутствовали, в таблице использованы показатели ближайших годов (с соответствующим указанием).

6 В оценке развития НГО во второй графе по каждой стране использован показатель 2009 г.

7 Например, выступление президента А. Лукашенко на IV Всебелорусском собрании (2010 г.) [Электронный ресурс.] Режим доступа 18.09.2012: http://naviny.by/rubrics/society/2010/12/06/ic_news_116_356604/, а также см. раздел «Главные принципы госу-

дарственной политики Беларуси» на официальном сайте Президента Республики Беларусь. [Электронный ресурс.] Режим доступа 18.09.2012: http://www.president.gov.by/press10663.html

8 Из авторской переписки с сотрудниками национального офиса ПРООН в Беларуси следует, что отчеты после этого года не подготавливались, а следующий Национальный отчет планируется выпустить по итогам 2012 г.

9 Приводится в соответствии с данными, полученными по методологии расчета ПРООН, использованной в «Докладе о развитии человека 2010 (ПРООН, 2010)».

10 Согласно информации доклада ПРООН, использованы показатели более раннего периода.

11 Более подробная информация об этом в пресс-релизе «Доход и уровень жизни населения, риск бедности» (англ.) (11.09.2012) на сайте Литовского департамента статистики. Доступен: http://www.stat.gov.lt/en/news/view/?id=10952 (режим просмотра 19.09.2012).

12 Например, сюжет первого телеканала Белорусской телерадиовещательной компании (2.11.2011): «Британский институт "Легатум" провел ежегодное независимое исследование уровня благосостояния в разных странах». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.tvr.by/rus/society.asp?id=57140 (режим просмотра 20.09.2012).

13 Беларусь демонстрировала даже более высокие показатели, но после изменения методологии по подсчету данного рейтинга в 2010 г. ее результаты оказались менее впечатляющими.

14 Более подробно см. соответствующий раздел на официальном сайте BTI. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.bertelsmann-stiftung.de/cps/rde/xchg/SID-7416E337-45920379/bst_engl/hs.xsl/307.htm (режим просмотра 5.09.2012).

15 Анализ системы белорусской статистики на предмет соответствия международным стандартам проводился представителями международных организаций, заинтересованных в получении стандартизированной информации о социально-экономической ситуации в Беларуси. Среди представляющих интерес прикладных исследований можно отметить проект «Глобальная оценка статистической системы Республики Беларусь», реализованный в 2007 г. при финансовой поддержке ТАСИС, целью которого была оценка системы статистики и ее соответствия европейским стандартам, а также определение основных направлений совершенствования. Аналитический отчет консультантов Всемирного банка Оленского, Тамашевича (2007), содержащий развернутый анализ и оценку системы статистики в Беларуси, а также рекомендации по развитию национальной статистической системы (НСС).

16 Национальный статистический комитет Республики Беларусь: информация о становлении системы национальной статистике. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/history/article.php (режим просмотра 2.09.2012).

17 Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Данные «Численность безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/labor.php. (Режим просмотра 12.09.2012).

18 Национальный статистический комитет Республики Беларусь: данные о занятости населения в январе-апреле 2012 г. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/employment1.php (режим просмотра 12.10.2012).

19 Стоимость корзины товаров и услуг, в которую входят продовольственные товары (из расчета 2700 ккал в день на взрослого человека, что составляет 54.0% корзины), непро-

довольственные товары (предметы гардероба – 17.4%, товары бытового и хозяйственного назначения – 3.3%, лекарства, предметы санитарии – 2.2%), услуги и обязательные платежи (ЖКХ –16.0%, бытовые и транспортные услуги – 6.6%, взносы и платежи – 0.3%). По данным Министерства труда и социальной защиты на сентябрь 2010 г. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://mintrud.gov.by/ru/socnorm/norm1 (режим просмотра 14.09.2012).

[20] Раздел «Методология» интернет-сайта Белстата. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/statinstrum/methodiki/main.php (режим просмотра 28.09.2012).

[21] Информация в соответствии со «Специальным стандартом распространения данных» МВФ выделена в отдельный раздел на сайте Белстата. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/specst/np.htm (режим просмотра 15.09.2012).

[22] Подраздел «Об организации проведения выборочного обследования домашних хозяйств в Республике Беларусь» на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/households/1.php (режим просмотра 15.09.2012).

[23] Информация приводится с использованием перевода с белорусских рублей на доллары США: http://mojazarplata.by/main/srednjaja-zarplata/dinamika-izmenenija-srednej-zarplaty-v-Belarusi-za-2004-2010-tablicy#-3

Елена Яцунская

LESS THAN THEY PROMISED:[1] НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ

Abstract

This paper discusses the phenomenon of reforms occurring in the local government in Ukraine. The main focus of this paper concerns 2006 local elections. This is the first time in Ukrainian history the formation of these bodies is based on a proportional electoral system with closed party lists (only the first five names on the list were announced to the public). The implementation of this system had more negative effects than positive. Examples are commercialization and criminalization of local authorities, and nepotism to name two. Moreover, this system allowed deputies from different political parties, even political opponents, to form so-called political cartels, which after the elections started to capture and split the state property.

Keywords: reforms of local self-government, majoritarian system, proportional system, closed lists, state capture, local elections.

В современных условиях модернизации украинского общества, трансформации политической системы Украины одной из важных проблем является формирование эффективно действующего местного самоуправления. Без развития и укрепления этого института не может быть и речи о становлении демократического, социального, правового государства, расширенной инфраструктуры гражданского общества.

Как свидетельствует практика большинства стран Европы, в своей деятельности местные органы власти встречаются с целым рядом проблем. Это обусловливает реформы местного самоуправления, которые довольно часто проводятся в европейских странах и касаются разных аспектов де-

ятельности этого института. Их характер во многом зависит от особенностей конкретных стран, их государственного устройства, традиций, территориальной протяженности и т.д. Реформы вызваны экономическими, социальными, демографическими и другими факторами и, как правило, затрагивают структуру органов самоуправления, его функции, взаимоотношения с центральными органами власти и между разными уровнями управления на местах. Ряд западных исследователей (Ж. Зиллер, О. Оффердал, Е. Регульский, Г. Холлис, К. Плоккер, И. Мени, С. Хаггроз, Х. Дженсон, К. Биш, В. Остром, Р. Беннетт и др.) выделяют четыре типа реформ местного самоуправления: корректировка количества единиц, организационные, финансовые и функционально-процедурные реформы.

Реформы первого типа стали осуществляться в зарубежных странах после Второй мировой войны, когда стало очевидным, что для более эффективной работы муниципалитетов необходимо укрепить их путем расширения. В результате процесса амальгамации (слияния) в Дании, например, 1388 мелких единиц базового уровня самоуправления были превращены в 275 крупных и создано 14 округов (до реформы их было 25). Существенно увеличились размеры муниципальных единиц в Бельгии, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции.

Целью второго типа реформ местного самоуправления (организационные реформы) было изменение внутренней структуры территориальных единиц. Они, прежде всего, были направлены на экспериментирование с новыми организационными формами муниципального управления: свободные коммуны; новые формы участия в органах местной власти (граждане выступают как потребители муниципальных услуг); придание процессу принятия решений более открытого, публичного и демократического характера; бóльшая роль общественности в принятии решений; внедрение обязательных «рациональных» методов планирования и т.д.)

Финансовые реформы, как правило, предполагали увеличение объемов ресурсов, которые центральная власть предоставляет органам местного самоуправления, в частности, для расчетов за социальные программы, инициатором которых выступает центр.

И, наконец, функциональные и процедурные реформы включали комплекс разнообразных изменений, которые еще больше связали субнациональную и центральную власти. Например, в Великобритании предоставление социальных услуг с целью повышения их доступности людям было децентрализовано. Аналогичный процесс произошел и в Италии, где государству была передана регулятивная функция. Во Франции, Италии, Испании были ослаблены контрольные функции префектов. Кроме того, внедрялись системы планирования деятельности с целью усиления контроля центра над эффективностью и результативностью услуг. Системы планирования в рамках отдельных программ и отчетности были внедрены в Германии, Франции, и во многих других странах[2].

В отличие от Запада в постсоциалистических странах реформы местного самоуправления начались только после демократических революций, произошедших на рубеже 1990-х гг. Среди ученых, занимающихся изучением этого феномена в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), можно выделить следующих: Й. и Е. Регульские, К. Премат, А. Магниер, Ф. Бафоил, Дж. Кимбалл, Дж. Хесс, Э. Райс, Х. Воллманн, Й. Эландер, М. Густафссон и др. Успех этих реформ, по мнению польского исследователя Е. Регульского, зависел от разрушения пяти могучих монополий, на которых держалась коммунистическая система: политической, основой которой была однопартийная система; государственной, которая влияла на все сферы общественной жизни; монополии государственной собственности и централизованного контроля за общественными финансами; централизованного общественного управления[3]. Поэтому реформы местного самоуправления в странах Восточной и Центральной Европы стали тем важным шагом, который положил начало периоду трансформации по крайней мере в пяти сферах: системной – через конституционные гарантии законодательной автономии органов местного самоуправления; общественной – через формирование основ гражданского общества, базисом которого является активное участие граждан в процессах принятия решений и свободное выражение своих взглядов, включая право не соглашаться с тем или другим решением; экономической – через переход от централизованной системы управления и планирования экономики к системе, основой которой является рынок; административной – через децентрализацию власти; и, наконец, политической – через отход от политической монополии и внедрение свободных выборов в органы местного самоуправления.

Говоря о политической сфере, следует отметить, что одной из основных проблем, с которой столкнулись постсоциалистические страны в начале «переходного» периода, было решение дилеммы: объявить местные выборы сразу же, а систему реформировать позже или сначала принять законодательные изменения, а уже потом объявить выборы. Первый вариант казался более привлекательным, поскольку общественность требовала немедленных кадровых изменений, в том числе и смены местных руководителей, которые считались символами коммунистической власти. Поэтому практически все страны ЦВЕ (кроме Польши) пошли по этому пути: сначала выбрали органы местного самоуправления, а уже потом начали реформировать систему. Этот вариант, по нашему мнению, имел как позитивные, так и негативные последствия. Положительным было то, что в первых местных выборах принимали участие и выдвигали списки своих кандидатов политические партии, общественные организации, объединения и независимые коалиции. В то же время сохранение старой, нереформированной системы породило множество послевыборных конфликтов, в том числе между центральной и местной властями, мэрами и городскими советами.

Став независимым государством в 1991 г., Украина, как и большинство центрально- и восточноевропейских стран, столкнулась с необходимостью коренных конституционных реформ, важное место среди которых заняла реорганизация власти на местах. Перед ней, как и перед другими постсоциалистическими государствами, также встал вопрос: «С чего начать?» И в ней так же, как и в соседских странах, демократическая эйфория начала 1990-х взяла верх: 18 марта 1990 г. были избраны органы местной власти и только 7 декабря этого года Верховной Радой Украинской ССР был принят Закон «О местных советах народных депутатов Украинской ССР и местном самоуправлении». Украинские специалисты, изучающие процессы реформирования органов местного самоуправления (В. Горбатенко, Н. Корниенко, В. Кравченко, Н. Пухтинский, В. Саенко, А. Ткачук, Л. Гордиенко, В. Мамутов, Н. Цвик и др.), сходятся во мнении, что сегодняшнее неудовлетворительное состояние этого института в большей мере обусловлено шагами, сделанными Украиной в начале «переходного» периода. Отсутствие четкой концепции реформирования привело к тому, что за 19 лет независимости было принято множество законов, касающихся местного самоуправления (иногда противоречащих друг другу), и проведено не меньше 10 этапов реформирования этого института. Началом последнего этапа можно считать принятие Закона Украины «О выборах депутатов Верховной Рады Автономной Республики Крым, местных советов и сельских, поселковых, городских голов» (далее – Закон «О выборах»),[4] вступившего в силу 1 октября 2005 г. На основе этого Закона проводились выборы в органы местного самоуправления 26 марта 2006 г.

Эволюция избирательного законодательства в Украине наглядно представлена в табл. 1:

Таблица 1. **Эволюция избирательного законодательства в Украине**

	1994 (Закон № 3996-XII от 24.02.1994)	1998, 2002 (Закон № 14/98-Р от 14.01.1998)	2006 (Закон № 1667-IV от 6.04.2004)
Электоральная система	Мажоритарная		Выборы депутатов районных, районных в городах, городских, областных советов проходят на основе пропорциональной системы; выборы депутатов сельских, поселковых советов проводятся по мажоритарной системе

Срок полномочий депутатов и руководства советов	4 года		5 лет
Ограничения пассивного избирательного права	Гражданин не может баллотироваться кандидатом в депутаты и кандидатом на должность главы одного и того же совета одновременно	Гражданин может баллотироваться кандидатом только одного совета либо кандидатом на должность главы сельского, поселкового и городского совета	Гражданин может одновременно баллотироваться в разные советы и на должность городского главы
Количественный состав советов	Количество мест зависит от количества избирателей	Количество мест в городских советах зависит от количества избирателей В областных советах каждая административно-территориальная единица, входящая в область, имеет равное количество депутатов	Количество мест зависит от количества избирателей В городах, население которых более 2 млн человек, советы могут увеличить свой состав до 150 депутатов
Право выдвижения кандидатов имеют	Собрания граждан; политические партии, движения, их избирательные блоки; общественные организации; трудовые коллективы	Собрания избирателей по месту их проживания, трудовой деятельности или учебы; местные ячейки политических партий; избирательные объединения (блоки); общественные организации, легализированные согласно законадательству Украины; самовыдвижение	Местные организации партий (блоков); самовыдвижение (касается одномандатных округов и выборов голов советов)
Денежный залог	Все кандидаты вносят денежный залог, который не возвращается, если они получили меньше 5% голосов на выборах	Денежный залог не предусматривается	

Определение победителей выборов	Победившим считается кандидат в депутаты, который набрал наибольшее количество голосов, но не меньше чем 10% голосов избирателей, внесенных в списки для голосования; победившим считается кандидат на должность главы совета, если за него проголосовало не меньше чем 25% избирателей, внесенных в списки для голосования	Победившими считаются кандидаты в депутаты и на должность городского головы, набравшие большинство голосов избирателей	Победившими по одномандатным избирательным округам, сельскими, поселковыми, городскими главами считаются кандидаты, получившие большинство голосов избирателей, принявших участие в голосовании; победившими по многомандатному округу считаются кандидаты в депутаты, включенные в избирательный список местной организации партии (блока), получившей 3% и более голосов избирателей, принявших участие в голосовании

Согласно этому Закону, как прежде, на мажоритарной основе относительного большинства избирались депутаты сельских и поселковых советов, а также сельские, поселковые и городские главы. В этом случае голосование осуществлялось за конкретных лиц, баллотирующихся в одномандатных округах, а результаты выборов определялись в зависимости от получения конкретным кандидатом большинства голосов.

По пропорциональной системе избирались депутаты районных, районных в городах, городских и областных советов, советов городов Киева и Севастополя, депутаты Верховной Рады Автономной Республики Крым. Голосование проводилось по избирательным спискам политических партий (блоков) в многомандатном округе.

Принимая новый Закон «О выборах», депутаты, по-видимому, надеялись на то, что пропорциональная система станет панацеей для самоуправления, а именно поможет:

- приблизить украинскую систему власти на местах к европейским стандартам: практически все страны Западной и Восточной Европы используют пропорциональную избирательную систему на местных выборах;
- сократить количество политических партий, способствовать росту их роли и политической структуризации общества;

• обеспечить пропорциональное представительство в местных представительных органах власти основных политических преференций граждан Украины, что невозможно при мажоритарной системе;

• повысить ответственность политических партий на местах;

• закрепить модель самоуправления «сильный мэр – сильный совет» (вместо «сильный мэр – слабый совет);

• создать условия для формирования стабильного депутатского большинства в местных советах и подконтрольных им исполнительных органах;

• уменьшить влияние административного ресурса на результаты выборов.

Однако, как показал опыт выборов, внедрение пропорциональной системы на местном уровне в Украине имеет больше негативных последствий, чем позитивных.

По нашему мнению, ахиллесовой пятой является система закрытых списков, когда избирателям доступна только информация о первых пяти членах политических сил. Перспектива голосования «вслепую» позволила практически всем украинским политическим силам внести представителя в свои списки тех, кого называют денежными мешками – главным стремлением которых является получение вместе с мандатом и депутатской неприкосновенности[5].

О привлекательности последней свидетельствует статистика Генеральной прокуратуры. Только за сентябрь – декабрь 2005 г. прокуроры разных уровней направили в местные советы 514 представлений на привлечение депутатов к уголовной ответственности. И только 73 из них были удовлетворены, 326 – отклонены, остальные же на данный момент «рассматривались». В Днепропетровской области отклонено 30 из 37 представлений прокуроров, в Сумской – 22 из 29, в Тернопольской – 14 из 16. Ни одного разрешения на арест не было выдано в Донецкой, Николаевской, Одесской, Волынской и Хмельницкой областях[6].

Заметим: буквально через 10 дней после выборов президент Ющенко подписал документ о внеснии изменений в Закон Украины «О статусе депутатов местных советов»[7], согласно которому последние лишались депутатского иммунитета. Однако в Законе была сохранена процедура привлечения депутатов к криминальной ответственности. Скажем, участковый милиционер и в дальнейшем не сможет арестовать депутата за хулиганство, так как «уголовное дело относительно депутата местного совета может открыть генеральный прокурор Украины, заместитель генпрокурора Украины, прокурор, АР Крым, областной прокурор в пределах территории его полномочий»[8].

К сожалению, нам не удалось найти статистику о количестве депутатов местных советов, привлеченных к уголовной ответственности после отмены депутатской прикосновенности (с 2006 по 2010 г.). Эти данные, по нашему мнению, наконец-то бы положили конец спекуляциям на тему отмены депутатской неприкосновенности, становящимися пиаровской фишкой многих политических сил на протяжении последних избирательных кампаний.

Система закрытых списков повысила уровень коммерциализации и криминализации должностей на местах. Так, по данным некоторых СМИ, стоимость «проходных мест» в партийных списках варьировалась от нескольких тысяч долларов в маленьком городе до 700–800 тыс. долларов в Киевский городской совет. В городах с миллионным населением цены колебались от 100 до 500 тыс. долларов[9]. Подчеркнем, что по сравнению с горсоветами облсоветы были менее популярны у кандидатов, поскольку именно в ведении первых остались наиболее денежные вопросы: выделение земли, приватизация и т.п.

Обратим внимание: согласно Закону «О статусе депутатов местных советов»[10], депутаты исполняют свои обязанности без отрыва от производственной или служебной деятельности (ст. 6). Иными словами, за свою депутатскую деятельность они не получают заработной платы. В связи с этим возникает риторический вопрос: что побуждает кандидатов платить такие большие суммы за то, чтоб получить депутатский мандат? Стремление улучшить деятельность территориальной громады или все-таки меркантильные интересы?

По мнению многих экспертов, новые электоральные процедуры необоснованно повысили роль партийных лидеров, поскольку именно они делали решающий выбор при формировании списка кандидатов. В конечном итоге это привело к такому феномену, как непотизм – служебное покровительство родственникам, друзьям, знакомым, «нужным» людям независимо от их заслуг.

Так, в Харьковский облсовет под четвертым номером в списке блока «Народный союз "Наша Украина"» (НСНУ) баллотировался племянник президента, заместитель главы Харьковской облгосадминистрации Ярослав Ющенко. Первым номером от партии «Реформы и порядок» (ПРП) в Закарпатский облсовет был зарегистрирован глава облгосадминистрации Олег Гаваши, а его сын Дмитрий – пятым номером этой же партии в Мукачевский городской совет. От Партии регионов (ПР) в Харьковский горсовет баллотировались брат и дочь бывшего главы Харьковской облгосадминистрации Евгения Кушнарева. Получить мандаты Киевского горсовета также пытались брат и зять одного из основателей Блока Юлии Тимошенко (БЮТ) Василия Онопенко[11].

Нередкими были случаи «комплектации» региональных партийных списков представителями местных бизнес-структур, не придерживающихся соответствующих партийных принципов. Это стирало разделительную черту между партийными объединениями на местах в глазах избирателя.

Применение пропорциональной системы с закрытыми списками сформировало парадоксальную ситуацию на местах: депутаты не могут представлять интересы избирателей, поскольку они не «привязаны» к избирательному округу, в то время как избиратель не может обратиться к депутату из-за отсутствия персонификации.

Необходимо заметить: если при мажоритарной системе за каждым округом закреплялся конкретный депутат, который периодически отчитывался перед

своими избирателями за проделанную работу и даже мог быть ими отозван (так называемый императивный мандат), то пропорциональная система с закрытыми списками этого не предусматривает, нарушая все еще действующий Закон Украины «О статусе депутатов местных советов»[12].

Показательными в данной связи являются результаты опроса, проведенного Центром социологических и политических исследований «Социополис» через год после выборов, согласно которым 51.8% опрошенных жителей Украины считали, что введение подобной системы целиком «отдалило» депутатов местных советов от народа: люди не знают своих депутатов, не имеют представления о том, к кому им обращаться для решения проблем[13].

Критически высказались относительно действующей системы местных выборов и эксперты: 79% опрошенных считают, что нынешняя избирательная система существенно ослабила связь избирателей со своими избранниками и нивелировала элемент персональной ответственности депутатов перед гражданами[14].

Опыт выборов показал: места в избирательных списках, начиная с 6-го, как правило, занимали кандидаты, не известные избирателям, в большинстве случаев совершенно не имеющие отношения к конкретной территориальной громаде, не знающие ее проблем и не несущие ответственности перед жителями административно-территориальной единицы за свою деятельность.

Закрытые списки также позволили практически всем политическим силам, участвующим в выборах, использовать «технологию паровоза», когда во главу избирательного списка ставятся популярные личности, которые затем отказываются от своих мандатов, в результате чего в местные представительные органы попадают никому неизвестные личности из конца списка («вагоны»). Причем идеологические отличия не мешали оппонентам на выборах использовать в целом схожую тактику.

Так, в Донецкий облсовет от Партии регионов баллотировалась олимпийская чемпионка по гимнастике Лилия Подкопаева, а в Черновицкий облсовет от БЮТ – певица Лилия Сандулеса. В Харьковский горсовет от Партии регионов шла звезда украинского плавания Яна Клочкова, в Киевский городской совет от БЮТ – звезда театра и кино Анатолий Хостикоев.

Применению «технологии паровоза» благоприятствовала и закрепленная в Законе «О выборах» норма, согласно которой кандидат в депутаты местного совета не обязан быть членом данной территориальной общины. Поэтому неудивительно, что в некоторых местных списках фигурировали «варяги»: киевские функционеры и инвесторы, имеющие интересы в отдельных регионах.

Например, секретарь Совета Национальной Безопасности и Обороны Украины (СНБОУ) Анатолий Кинах[15] возглавлял списки Партии промышленников и предпринимателей Украины (ПППУ) в Луганский и Одесский областные советы[16]. Первым номером избирательного списка оппозиционного

блока «Не Так!» на выборах в Верховную Раду Крыма был один из лидеров Социал-демократической партии Украины (объединенной) (СДПУ (о)) Нестор Шуфрич[17]. В проходную часть списка избирательного блока «За Януковича!» в Крыму попали и бывший глава Администрации президента Кучмы Дмитрий Табачник, глава партии «Русский блок» Александр Свистунов и народный депутат Украины Анна Антоньева, которую связывают с водочной компанией «Артемида»[18].

На «технологию паровоза» также «работала» и норма Закона «О выборах», дающая право участникам избирательного процесса одновременно выдвигать свои кандидатуры в советы разных уровней. Такое многовекторное баллотирование использовали многие видные политики, народные депутаты. Так, министр внутренних дел Юрий Луценко (в 2006 г. был членом Социалистической партии Украины, СПУ. – *Прим. автора*) входил в списки Киевского горсовета и Ровненского облсовета. Глава Фонда государственного имущества Валентина Семенюк баллотировалась под вторым номером от СПУ в парламент, а также в Киевский горсовет. Народный депутат Валерий Коновалюк возглавлял списки политической партии «Трудовая Украина» (ТУ) в Верховную Раду и Донецкий областной совет. А фамилия бывшего государственного секретаря, лидера Партии патриотических сил Украины (ППСУ) Александра Зинченко появилась в трех разных избирательных бюллетенях: в парламентском, Киевского горсовета и Черновицкого облсовета. Одновременно баллотировался в Раду и на должность мэра Киева знаменитый боксер, лидер гражданского блока «Пора-ПРП» Виталий Кличко. Данный список можно продолжить[19].

Согласно украинскому законодательству, реализовывать полученный представительский мандат гражданин может только в одном из органов, куда он избирался, или на должность сельского, поселкового или городского главы. Иными словами, если кандидат получает сразу несколько депутатских мандатов, он обязан выбрать только один из них. Участие же одних и тех же лиц в выборах разных уровней сразу по нескольким регионам, как показала практика выборов, отрицательно сказывается на качестве и без того неидеальной работы органов местного самоуправления, а также на имидже власти в целом.

Система закрытых списков на областном и районном уровнях противоречит конституционным положениям относительно статуса районных и областных советов, которые представляют *общие (совместные)* интересы жителей территориальной громады[20]. Это привело к своего роду дисбалансу: засилью депутатов от областных и районных центров и отсутствию представителей других территориальных единиц.

Например, в Волынский областной совет в 1998 и 2002 гг. все 20 административно-территориальных единиц делегировали по 4 депутата. После выборов 2006 г. в нем оказалось 29 представителей г. Луцка и 7 – пригорода областного центра, в то время как 4 района вообще не имеют своих депутатов. Аналогичная

ситуация сложилась и в других областных советах: в Харьковском не представлены 17 районов[21], Херсонском – 9, Черкасском – 7 районов[22].

Новая редакция закона о местных выборах позволила существенно увеличивать количество депутатских мест в советах всех уровней. Следствием этого стала своеобразная «депутатская лихорадка», в результате которой абсолютное большинство местных советов увеличилось количественно практически на одну треть. Так, Львовский облсовет вместо 81 сейчас насчитывает 120 членов, Днепропетровский облсовет увеличился с 80 до 120, Николаевский облсовет – с 72 до 120 человек, а в Харькове на областном уровне количество депутатов увеличилось больше чем в 2 раза – с 68 до 150[23].

Необходимо заметить, что расширить свой состав местные советы могли и при мажоритарной системе, однако за этим стояло бы не просто арифметическое действие, а обязательство партий или конкретных лиц, желающих взять совет под свой контроль, хотя бы формально совершать какие-либо действия: привлекать больше кандидатур, тратиться на их продвижение и т.д. В ином случае образовавшуюся нишу могли занять соперники или просто энтузиасты. Поэтому существовал риск из-за относительно сложной процедуры утратить контроль над ситуацией и советом. Напротив, пропорциональная система позволяет, прикрываясь именем одного-двух известных политиков, провести в совет необходимое количество нужных людей. Как писал М. Дюверже, партия иногда выступает посредником, создавая кандидата ex-nibilo (лат. – из ничего): одного выдвижения от нее достаточно, чтобы предстать перед избирательским корпусом и одержать победу[24]. В пользу такой версии говорит хотя бы и тот факт, что количество мест увеличили только те представительные органы, выборы в которые проходили на пропорциональной основе, – советы городского и областного уровня. В поселковых и сельских советах, выборы в которые были проведены на мажоритарной основе, тенденций к расширению не наблюдалось.

Кроме того, рост количества депутатов советов не отвечает интересам граждан и не имеет ничего общего с реальным самоуправлением. Не является очевидным, что большее количество депутатов будет более эффективно отстаивать интересы территориальных общин. Вместо этого расходы на содержание аппарата областных советов с увеличением количества депутатов, безусловно, возрастут. По приблизительным подсчетам, количество депутатов местных советов в 2006 г. увеличилось на 30% – с 220 до 300 тыс. человек[25].

Как показал опыт последнего постэлекторального цикла (2006–2010), формирование местных представительных органов на основе пропорциональной системы с закрытыми списками привело к их чрезмерной партизации. Многие эксперты предполагали, что активное участие партий в деятельности самоуправления повысит уровень его публичности, позволит сформировать дееспособную и эффективную систему муниципального управления.

Однако действующее законодательство создало условия для конфронтации городского главы и большинства депутатов городского совета, которые, как правило, являются представителями разных политических сил, а также противостояния между исполнительными структурами местной власти с областными государственными администрациями, назначаемыми президентом (табл. 2)

Таблица 2. **Противостояние между исполнительными структурами**

Областной центр	Городской голова, Политические силы, поддержавшие на выборах[26]	Большинство в городском совете
Винница	Владимир Гройсман, НСНУ	2006 г. – БЮТ (38%), НСНУ (17%) 2010 г. – БЮТ (38%), НСНУ (17%)
Днепропетровск	Иван Куличенко, БЮТ	2006 г. – ПР (37.5%), БЮТ (17.5%) 2010 г. – ПР (39%) ↑, БЮТ (15.8%) ↓
Донецк	Александр Лукьянченко, ПР	2006 г. – ПР (84%), Блок Витренко (16%) 2010 г. – ПР (84%), Блок Витренко (16%)
Житомир	Вера Шелудченко, НСНУ (в настоящее время – партия «Единый центр»)	2006 г. – БЮТ (31%), НСНУ (20%) 2010 г. – БЮТ (31%), НСНУ (20%)
Ивано-Франковск	Виктор Анушкевичус, УНБ Костенка-Плюща	2006 г. – НСНУ (38%), БЮТ (28.3%) 2010 г. – НСНУ (38%), БЮТ (28.3%)
Запорожье	Евгений Карташов, ПР	2006 г. – ПР (47%), БЮТ (16.6%) 2010 г. – ПР (49%) ↑, БЮТ (20%) ↑
Кировоград	*Валерий Кальченко, БЮТ* (25 мая 2006 г. отказался от своего поста в пользу депутатства в Верховной Раде) *Владимир Пузаков, КПУ, БЮТ* (избран 26 ноября 2006 г., официально утвержден в должности 1 февраля 2007 г.)	2006 г. – БЮТ (33%), ПР (9%) 2010 г. – БЮТ (35.5%) ↑, ПР (13.5%) ↑

Киев	Леонид Черновецкий, поддерживался НСНУ, 25 мая 2008 г. был переизбран на должность мэра на досрочных выборах	2006 г. – БЮТ (34%), Блок Черновецкого (17.5%) 2010 г. – Блок Черновецкого (36%) ↑, БЮТ (26%) ↓
Луганск	Сергей Кравченко, ПР	2006 г. – ПР (80.2%) Блок Витренко (9.2%) 2010 г. – ПР (80.2%), Блок Витренко (9.2%)
Луцк	Богдан Шиба, НСНУ	2006 г. – БЮТ (51%), НСНУ (24%) 2010 г. – БЮТ (51%), НСНУ (24%)
Львов	Андрей Садовый, НСНУ	2006 г. – НСНУ (35.5%), БЮТ (27%) 2010 г. – НСНУ (35.5%), БЮТ (27%)
Николаев	Владимир Чайка, ПР, БЮТ, СПУ	2006 г. – ПР (50%), Блок Витренко (16.6%) ↓ 2010 г. – ПР (50%), БЮТ (12.2%) ↑
Одесса	Эдуард Гурвиц, НСНУ	2006 г. – ПР (31.6%), Блок Гурвица (25.8%) 2010 г. – ПР (31.6%), Блок Гурвица (25.8%)
Полтава	На момент выборов мэр не избран. Андрей Матковский, БЮТ (26 ноября 2006 г.)	2006 г. – БЮТ (38%), ПР (34%) 2010 г. – БЮТ (38%), ПР (34%)
Ровно	*Виктор Чайка, НСНУ* (умер в феврале 2008 г.). *Владимир Хомко, «Реформы и порядок», ПЗУ, УНП* (1 декабря 2008 г.)	2006 г. – БЮТ (32%), НСНУ (28.3%) 2010 г. – БЮТ (26.4%) ↓, НУНС (15%) ↓
Сумы	Геннадий Минаев, Общественная организация «Ночной дозор»	2006 г. – БЮТ (35.8%), НУНС (11%) ↓ 2010 г. – БЮТ (40%) ↑, «Ночной дозор» (22%) ↑
Тернополь	Роман Заставный, НСНУ	2006 г. – БЮТ (36.6%), НУНС (28.3%) 2010 г. – БЮТ (36.6%), НУНС (28.3%)

Ужгород	Сергей Ратушняк, Блок Литвина	2006 г. – БЮТ (20.3%), НУНС (13.9%) 2010 г. – БЮТ (20.3%), НУНС (13.9%)
Харьков	Михаил Добкин, ПР	2006 г. – ПР (40%), БЮТ (11%) 2010 г. – ПР (42%) ↑, БЮТ (14%) ↑
Черкасы	На момент выборов мэр не избран. Сергей Одарич, БЮТ (5 ноября 2006 г.), в настоящее время из БЮТ вышел	2006 г. – БЮТ (42%), НУНС (13.5%), ПР (13.5%) 2010 г. – БЮТ (25%) ↓, ПР (16.6%) ↑
Черновцы	Николай Федорук, БЮТ	2006 г. – БЮТ (40%), НСНУ (23.3%) 2010 г. – БЮТ (40%), НСНУ (23.3%)
Чернигов	*Николай Рудьковский, СПУ* (отказался от своего поста в пользу депутатства в Верховной Раде). *Александр Соколов, ПР* (ноябрь 2006 г.)	2006 г. – БЮТ (34%), ПР (18%) 2010 г. – БЮТ (34%), ПР (18%)
Херсон	Владимир Сальдо, ПР	2006 г. – ПР (27.6%), БЮТ (25%) 2010 г. – ПР (27.6%), БЮТ (26.3%) ↑
Хмельницкий	Сергей Мельник, БЮТ	2006 г. – БЮТ (39.3%), Блок Николая Приступы (19.6%) 2010 г. – БЮТ (39.3%), Блок Николая Приступы (19.6%)

Данные таблицы свидетельствуют: за исключением Донецкого и Луганского городских советов, в которых власть монополизирована Партией регионов (84% и 80.2% депутатов соответственно), практически во всех областных центрах существует риск того, что большинство может перейти в оппозицию к мэру города, блокировать его решения или же двумя третями голосов от общего числа депутатов совета вообще отправить его в отставку.

Например, конфликт между городским главой Николаева В. Чайкой и местным советом в октябре 2006 г. по поводу продажи выставочного центра «ЭКСПО-Николаев» (мэр хотел купить его у структур банка «Аваль» с помощью… кредита банка «Аваль» да еще и по сомнительной цене, что вызвало негативную реакцию большинства горсовета) привел к тому, что мэр решил подать в отставку[27]. Правда, уже через два дня В. Чайка передумал покидать свой

пост, заявив, что его неправильно поняли журналисты[28]. Из других же источников стало известно, что его решение остаться было принято не без давления местного крупного бизнесмена Олега Богомаза, «вложившего» в Чайку на выборах большую сумму и одновременно патронирующего николаевский БЮТ[29].

Вопрос об отставке городского главы Николаева вновь прозвучал в январе 2008 г. Ее инициаторами выступили две крупнейшие фракции городского совета – Партия регионов и Блок Юлии Тимошенко. По их мнению, мэр нарушил законодательство в ситуации с арендой крупнейшего из городских парков – «Парка Победы». В связи с этим депутаты потребовали прокурорского расследования и ухода В. Чайки с занимаемой должности. Причем, как заявил БЮТ, городской глава должен уйти сам, либо его снимет с должности горсовет 2/3 голосов, либо будет проведен референдум о недоверии мэру[30].

Однако дальше заявлений дело не пошло, и В. Чайка остался на посту мэра города. Вопрос в другом – что заставило партийные организации, поддержавшие его кандидатуру на выборах городского главы в марте 2006 г., пойти на такой шаг? По нашему мнению, обстановка, сложившаяся в Николаевском городском совете, прекрасно иллюстрирует, кто является реальным хозяином в этом местном представительном органе власти.

Диаметрально противоположная ситуация сложилась в Закарпатье. Там весной 2007 г. депутаты Ужгородского горсовета 2/3 голосов проголосовали за передачу своих полномочий исполкому (фактично городскому голове) в случае признания местного представительного органа недееспособным в результате запуска в действие механизма императивного мандата относительно депутатов некоторых политических сил[31].

По мнению экспертов, принятие такого решения не только «развязывает» руки харизматичному мэру Ратушняку, который получает возможность инициировать или ускорить роспуск совета путем выведения из него депутатов подконтрольной ему фракции, но и позволяет ему замкнуть на себе (через исполком с полномочиями горсовета) все важнейшие вопросы жизнедеятельности территориальной громады. В то же время необходимо отметить, что ситуация, сложившаяся в Ужгороде, противоречит Закону Украины «О местном самоуправлении», предусматривающему наличие исключительных полномочий городского совета, которые не могут быть делегированы исполнительному комитету.

Таблица 2 демонстрирует: во многих местных советах существует значительный численный перевес представителей определенных политических сил (для большей наглядности мы привели соотношение между двумя наибольшими фракциями в горсоветах. – *Прим. автора*), что создает почву для конфликтов: меньшинство просто может быть не задействовано в процессе принятия решений.

Отметим: конфликтные модели взаимодействия характерны также и для местных советов с отсутствием однозначного перевеса у какой-либо политиче-

ской силы. Примером может стать Тернопольский облсовет, где 120 депутатских мандатов после выборов 2006 г. были распределены следующим образом: 54 – у БЮТ, 48 – у «Нашей Украины», 13 – у блока Костенко и Плюща, и 5 – у СПУ.

Противоречия между колоритным большинством, состоящим из БЮТ, СПУ, КУНа (Конгресс украинских националистов), экс-мэра Тернополя Богдана Левкива, и меньшинством («Наша Украина» плюс УНП) зародились с самого начала работы областного совета пятого созыва. Причиной глубокого несогласия стало избрание главой представительного органа Михаила Миколенко и двух его заместителей (с декабря 2006 г. – трех) от БЮТ. Кроме того, оппозиция не получила своего представительства в президиуме, а также ни одной должности главы депутатского комитета.

Борьбу между бывшими соратниками по Майдану за власть в облсовете сначала удавалось сглаживать местному губернатору, тогда «руховцу» Ивану Стойко, который находил общий язык с руководителем облсовета, «бютовцем» Михаилом Миколенко.

Ситуация изменилась после досрочных выборов в Верховную Раду в 2007 г., когда глава облгосадминистрации Тернополя получил депутатский мандат и переехал в Киев. Администрация президента не стала искать нового губернатора среди местных, и область возглавил выходец из Закарпатья Юрий Чижмарь, являющийся прямой креатурой тогдашнего главы Секретариата президента Виктора Балоги.

Конфронтация между облгосадминистрацией и областным советом привела к тому, что в конце октября 2008 г. большинство (61 депутат из 120) выразило недоверие губернатору. Наместнику Ющенко были предъявлены претензии в злоупотреблениях при использовании средств, выделенных на ликвидацию последствий наводнения. Позже к этим обвинениям прибавились и другие: Чижмарь уволил с занимаемых должностей начальников управлений здравоохранения и промышленности и развития инфраструктуры облгосадминистрации Владимира Курило и Михаила Олийныка, являющихся депутатами областного совета и входящих в состав большинства, что было расценено БЮТом как политические репрессии[32].

Это решение было обжаловано в суде депутатами от НУ и УНП. В результате Тернопольский окружной административный суд признал данное сессионное заседание облсовета и принятые на нем решения недействительными[33].

Реакцией губернатора на это решение стало обращение в Верховную Раду с просьбой назначить внеочередные выборы в областной совет. В качестве доказательсва неэффективной работы этого представительного органа он привел следующие факты: невыполнение облсоветом предыдущих судебных решений; несвоевременное, из-за стычек в сессионном зале, рассмотрение ряда региональных программ; передача в коммунальную собственность области различных объектов; кадровые назначения и т.д.[34] Следует заметить, что в отличие от за-

падных государств, где право инициировать внеочередные выборы в представительный орган является компетенцией судебной власти, в Украине это может сделать глава облгосадминистрации, руководствуясь Законом «О местном самоуправлении».

Парламенту губернаторской аргументации было достаточно и 18 декабря 2008 г. Верховная Рада проголосовала за постановление о назначении выборов в Тернополе более чем убедительным большинством в 391 голос.

Результаты перевыборов, состоявшихся в марте 2009 г., оказались довольно неожиданными: большинство на выборах в облсовет получило радикальное националистическое объединение Олега Тягнибока «Свобода» – 34.69% (50 мест). Далее мандаты распределились следующим образом: руководимый В. Балогой «Единый центр» – 20, ПР – 14, БЮТ – 12, УНП – 11, НСНУ – 8 и Блок Литвина – 5 мандатов.

Таким образом, можно сказать, что борьба за монопольное обладание властью закончилась катастрофическим поражением БЮТ. Успех же лидера ВО «Свобода», по оценкам экспертов, связан с двумя основными факторами.

Во-первых, он фактически единственный, кто никаким образом не запятнал себя сотрудничеством с нынешней властью и оппозицией (хотя и был в первых рядах «оранжевых» лидеров в 2004 г.). Поэтому он теперь и пожинает плоды электорального доверия.

Во-вторых, резкая радикализация украинского общества. В условиях экономического, а главное, идейного кризиса, яркие и агрессивные заявления О. Тягнибока выглядят гораздо убедительнее для разочаровавшегося электората, чем бесцветная и надоевшая жвачка о евроинтеграции и осторожная критика России, которой привыкли оперировать «патриоты-традиционалисты»[35].

Заметим, что в условиях полного разочарования электората во всех традиционных политических «тяжеловесах» всплеск популярности радикально-экстремистских группировок закономерен. В последнее время этот феномен получил широкое распространение на Западе – во Франции, в ФРГ (на территории бывшей ГДР), в Греции, а также и в России.

Сторонники введения пропорциональной системы накануне выборов утверждали, что партизация местных советов наконец-то положит конец муниципальной коррупции. К сожалению, этого не произошло. Напротив, партии начали формировать политические картели в областных и городских советах. Иными словами, речь идет об образовании системы классических «политических машин»[36], которые после выборов 2006 г. начали активно делить собственность и посты на местном уровне. Причем мы стали свидетелями довольно интересного феномена – заключения пактов между политическими противниками, когда возникают общие деловые интересы и «площадка» для реального сотрудничества.

Например, в Закарпатском областном совете сложился альянс Партии регионов и «Нашей Украины». Представители этих политических сил объединились при голосовании за председателя совета М. Кичковского (НСНУ). В то же время местные депутаты от БЮТ и Блока Литвина ушли в оппозицию. Сотрудничество регионалов и нашеукраинцев не было подкреплено меморандумом о создании коалиции, однако на сегодня предпосылок для изменения такой конфигурации большинства нет[37].

Чемпионом политической эквилибристики можно считать мэра Кировограда коммуниста В. Пузакова, который занял и сохраняет свою должность благодаря игре на противоречиях основных политических сил в городе. На плаву ему удается удержаться за счет умения проводить сепаратные договоренности, разделяя власть то с одной, то с другой, а то и с несколькими политическими силами.

Победив на перевыборах в ноябре 2006 г. с минимальным перевесом в 400 голосов нашеукраинца Александра Дануцу, считающегося креатурой «связки» нардепов Александра Третьякова и экс-губернатора Кировоградщины Эдуарда Зейналова, Пузакову удалось договориться с «бютовцами» в горсовете, и они привели его к присяге. Потом он «кинул» БЮТ, сняв с постов тимошенковских чиновников[38] и заменив их «либералами» (в Кировоградском горсовете существует фракция Либеральной партии, которую возглавляет местный влиятельный «хлебный» олигарх и вечный кандидат в мэры А. Табалов. – *Прим. автора*), «регионалами» и «литвиновцами». Следует отметить, что городские фракции Партии регионов и Народной партии «контролирует» выходец из Кировограда, крупный бизнесмен и нардеп литвиновец И. Шаров. Таким образом, вместо бютовца А. Перевозника первым вице-мэром был назначен брат А. Табалова С. Табалов. Курировать торговлю, бытовое обслуживание, транспорт и связь стал вице-мэр от литвиновцев Н. Цуканов (экссекретарь горсовета из команды эксмэра Николая Чигрина, которого считали близким к Шарову). Сферой ЖКХ занялся вице-мэр, лидер городской фракции ПР Виктор Кухаренко, а «гуманитарным» заместителем градоначальника был назначен Вадим Волканов, который уже был заместителем у Чигрина и после президентских выборов находился в розыске по подозрению в избирательных фальсификациях. Кроме того, «регионал» Олег Лунгул возглавил департамент экономики и финансов[39].

Реакцией на такие действия городского головы стало открытие единого «оранжевого» фронта. Дошло до того, что летом 2008 г. в Верховной Раде был зарегистрирован проект постановления о перевыборах мэра и городского совета Кировограда. К этому времени Пузакова уже стали «шантажировать» регионалы. Но мэр пошел на кадровые уступки не только ПР, но и другим фракциям, и последние полгода в горсовете царит относительное согласие. Однако ближе к новым мэрским выборам можно прогнозировать очередное обострение отношений в городской власти.

Данные табл. 2 свидетельствуют: за 4 года изменился количественный состав большинства во многих городских советах. Феномен депутатской миграции, по нашему мнению, стал возможен не только из-за отсутствия партийной дисциплины[40], но и попадания в местные советы большого числа «коммерческих» депутатов, далеких от каких-либо идеологий и использующих политические партии преимущественно для «крышевания» своих бизнес-интересов. Поэтому, как показывает практика, «брак» между этими субъектами избирательного процесса длится до тех пор, пока «денежные мешки» могут извлекать из этого союза личные выгоды.

Способность небольшой группы людей (чиновников, политических деятелей, бизнесменов) использовать представительные органы власти для превращения общих благ в частное посредством незаконных и непрозрачных действий в научной литературе получило название «захват государства» (state capture).

Случаев захвата государства на местном уровне, к сожалению, больше чем достаточно. Это процессы, связанные с приватизацией и сдачей под выгодные условия в аренду объектов коммунальной собственности, незаконными землеотводами, непрозрачным распределением бюджетных средств и привлекательных тендеров, созданием коммерческих компаний при коммунальных бюджетных предприятиях и т.д. Однако после выборов 2006 г. state capture в Украине приобрел партийный «привкус»: политические партии начали активно лоббировать не только свои интересы, но и интересы разных финансовых групп.

В качестве примера приведем Николаевский городской совет, в котором фракция Партии регионов обладает 45 из 90 мандатов. Поэтому, как показывает практика, ни одно решение, и особенно по земельным вопросам, нельзя принять без участия этой политической силы.

Коррупционные схемы в местной власти правоохранительным органам раскрыл попавшийся на взятке за «решение земельного вопроса» депутат А. Половенко, прошедший в горсовет по списку блока «Николаев – За Владимира Чайку!» и позже перешедший во фракцию КПУ. Согласно Половенко, любой заявитель, желающий получить земельный участок, первым делом должен обратиться в постоянную депутатскую комиссию по архитектуре. В ней у регионалов твердое большинство, поэтому они легко тормозят все «жирные» земельные вопросы. Это называется «взять вопрос на рассмотрение». Когда предприниматель «созревает», ему звонит кто-нибудь из рядовых сборщиков, часто – депутатских помощников, и обозначает размер «взноса». Обычно это тысяча долларов за одну комиссию. Безболезненное прохождение сразу двух комиссий, по архитектуре и по земле, обходится предпринимателю в 2 тыс. условных единиц. Стоимость «решения» сессии горсовета начинается с 10 тыс. долларов и иногда переваливает за 100 тыс. Окончательный вердикт, по словам Половенко, выносит главный местный «регионал» – лидер фракции[41].

Согласно же анонимным листовкам, появившимся недавно в Николаеве, схема землеотвода в горсовете с помощью Партии регионов следующая: земельный участок под АЗС в 0.2 га якобы обходится в 100 тыс. долларов, один квадратный метр земли под торговый киоск – в 500 долларов. В листовке также называются фамилии главных лоббистов земельных вопросов в Николаевском горсовете и подчеркивается, что благодаря теневым схемам представителей Партии регионов бюджет города не досчитался более 80 млн долларов[42].

Кто инициатор их выпуска и почему они появились накануне новых выборов в органы местного самоуправления, остается только догадываться.

Использует городской совет для лоббирования личных бизнес-интересов и мэр города Владимир Чайка. В основном он патронирует строительный бизнес своих родственников – сына Владислава и братьев Анатолия и Виктора. Так, в декабре 2009 г. на сорок второй сессии городского совета было принято решение о продаже ООО «Бизнес-Реал» (учредители Владислав Чайка и Алексей Пелипас) 2270 квадратных метров земли в центре Николаева, на живописной набережной реки Ингул за 695 313 гривен, что по тогдашнему курсу обмена валюты составило… 38 долларов за один квадратный метр. На этой территории предприниматели собираются построить гостиничный комплекс, куда войдут ресторан, гостиница, летняя площадка[43].

Также предпринимателям В. Чайке и А. Пелипасу (на этот раз учредителям ООО «Центральный 1») сначала были переданы в аренду, а потом и проданы помещения большинства аптек ОКП «Фармация», с которым в связи с созданием нового коммунального предприятия «Аптека» руководство города не стало перезаключать договор для последующей деятельности. Заметим: за продажу этих объектов коммунальной собственности, размещавшихся в коммерчески привлекательных местах, бюджет города получил копейки[44].

Кроме вышеперечисленного бизнес-партнер сына городского главы А. Пелипас получил в аренду сроком на 25 лет целостный имущественный комплекс «Парк Ленинского комсомола» (решение горсовета от 30 июня 2006 г.) площадью в 11 га[45].

Говоря о бизнесе братьев Чайки, заметим: они владельцы строительной компании «Контакт-Жилстрой», занимающейся строительством и продажей квартир в жилых многоэтажных домах и коттеджах[46], и поэтому постоянно нуждаются в выделении земли преимущественно в центре города. В чем им и помогает родственник.

Свои бизнес-интересы в горсовете отстаивают и 43 представителя (47.7%) так называемого бизнес-коммерческого ресура: предприниматели, руководители государственных и коммерческих структур (для сравнения, в 2002 г. – 23.4%[47]). Из них: 20 депутатов Партии регионов, по 6 от БЮТ и Блока «Николаев – За Владимира Чайку!» (ПРП и Дем ПУ), 5 – Блок Витренко (ПСПУ и Партия «Русско-украинский союз» (РУСЬ), 4 – ПЗУ, 2 – КПУ[48]. И по участию каждой политической

силы в дерибане коммунального имущества можно привести достаточное количество примеров. Для этого нужно просто воспользоваться поисковой системой решений Николаевского городского совета, введя фамилию того или иного депутата[49].

К сожалению, ситуация, сложившаяся в Николаеве, не единичная. После выборов 2006 г. с «захватом государства» на местном уровне столкнулись во всех областях Украины. Этот феномен, по нашему мнению, значительно ослабляет авторитет и доверие в глазах избирателей к институту местного самоуправления, а общественность получила определенные основания говорить о коррупции в местных представительных органах власти и процессе сращивания власти и бизнеса.

Подводя итоги, необходимо отметить: несмотря на то, что пропорциональная система имеет ряд преимуществ и может стимулировать процесс институционализации партий на местном уровне, ее применение на выборах 2006 г. в органы самоуправления было преждевременным.

31 октября 2010 г. в Украине очередные выборы в органы местного самоуправления прошли на основе смешанной мажоритарно-пропорциональной системы.

Возвращение, хоть и частичное, к мажоритарной системе означает понятный алгоритм формирования представительных органов власти и ответственности депутатов местных советов. Так, эта избирательная система сможет уменьшить заполитизированность советов благодаря попаданию туда независимых кандидатов. Однако в этом случае есть риск того, что партийные ячейки будут стремиться усилить свое влияние, проводя работу по перетягиванию беспартийных кандидатов на свою сторону. Не исключено, что на местных выборах при мажоритарной системе может быть использована технология, аналогичная той, что была использована блоком «За единую Украину» на выборах 2002 г., когда ставка на большинство формально беспартийных кандидатов позволила им потом сформировать наибольшую фракцию в Верховной Раде и получить около 2/3 всех мажоритарных мандатов.

Мы считаем, что оптимальным для Украины, которая до сих пор находится в процессе трансформации политической системы, является переход к пропорциональной системе с открытыми партийными списками. Эта система будет способствовать как большей открытости внутрипартийной жизни, укреплению кадрового состава партий, так и предоставит возможность избирателям не только проголосовать за список кандидатов определенной партии, но и отдать преимущество определенным кандидатам внутри этого списка, способствуя их избранию[50].

Примечания

1 Перевернутый слоган автомобилей Студебеккер (Studebaker) 1950-х гг. More Than They Promised.

2 Подробнее о реформах местного самоуправления см.: Яцунська О.О. Чотири кити реформування. Європейський досвід організації самоврядності // Віче. 2002. № 7. С. 22–27.

3 Регульська, Й., Регульські, Є. Реформа місцевого самоврядування в Центральній та Східній Європі: успіхи та невдачі // Аспекти самоврядування. Часопис українсько-американської програми «Партнерство громад». 1999. 3 (5). С. 3.

4 Закон України «Про вибори депутатів Верховної Ради Автономної Республіки Крим, місцевих рад та сільських, селищних, міських голів» / Відомості Верховної Ради (ВВР). 2004. № 30-31. Ст. 382. http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi

5 Закон України про внесення змін до Закону України «Про статус депутатів місцевих рад» // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 2005. N 51, ст.552. http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi

6 Генеральна прокуратура України. Офіційний сайт: http://www.gp.gov.ua/ua/news.html?_m=publications&_t=rec&_c=view&id=79677

7 Закон України про внесення змін до Закону України «Про статус депутатів місцевих рад» // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 2006. N 21, ст.171. http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi

8 Там же.

9 Малюта, Я., Чаленко, А., Львовский, М., Воронкова, Л. Прайс-лист на выборы // Сегодня. 2005. № 2223. 9 декабря: http://today.viaduk.net; Евсеев, Е. Бизнес-призыв 2006 // Газета по-киевски. 2006. 13 января. http://www.pk.kiev.ua/article.php?story=20060113155809906

10 Закон України про внесення змін до Закону України «Про статус депутатів місцевих рад» // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 2005. № 51. Ст. 552: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi

11 Серіал «Династія» на виборах-2006 // news.uzhgorod.ua. 2006. 25 березня: http://www.news.uzhgorod.ua/news/16085

12 См.: Раздел II. Депутат местного совета – представитель интересов территориальной громады, избирателей своего избирательного округа // Закон Украины «О статусе депутатов местных советов». http://www.cvk.gov.ua/laws/status_dep_mis_rad.htm

13 Місцеве самоврядування в Україні: стан та перспективи розвитку. Аналітична доповідь. К.: НІСД, 2009. С. 18.

14 Там же. С. 19.

15 2-й номер в списке провластного блока «Народный Союз «Наша Украина» в Верховную Раду.

16 Кинах баллотируется в Луганский облсовет // Подробности UA. 2006. 5 февраля. http://www.podrobnosti.ua/power/parties/2006/02/05/283699.html; ПППУ утвердила список кандидатов в депутаты в Одесский облсовет // misto.odessa.ua. Информационный сайт Одессы: http://www.misto.odessa.ua/index.php?u=novosti/odessa/nom,1782,1782

17 4-й номер в партийном списке Оппозиционного блока «Не так!» в Верховную Раду.

18 Притула, В. Партийные бои за Крым // Elcomart. Выборы-2006. http://e-elections.com.ua/party_life/Partijnye_boi_za_Krym.html

19 Пирович, В. Харизма политиков «пролазит» в местные советы // Elcomart. Выборы-2006: http://e-elections.com.ua/local/Kharizma_politikov_prolazit_v_mestnye.html; Падалка, Л. Партийный бизнес по-местному // Elcomart. Выборы-2006. http://e-elections.com.ua/

local/Partijnyj_biznes_pomesnomu.html; Паленко, О. Кто кем силен – выборы в местные советы // Elcomart. Выборы-2006. http://e-elections.com.ua/local/Kto_chem_silyon__vybory_v_mesnye_sovety.html

20 Закон України «Про місцеве самоврядування в Україні». http://www.cvk.gov.ua/laws/samovryaduvannya.htm

21 Наход, М. Майбутнє пропорційної виборчої системи в Україні: національний та регіональний рівень. Політична реформа очима експертів: значення публічних консультацій. Київ: Український освітній центр реформ, 2007. С. 100.

22 Україна: рік після виборів. Моніторинг регіонів / За заг. ред. І.О. Когута; Лабораторія законодавчих ініціатив. Київ; Львів: Видавництво «Мс», 2007. С. 12.

23 Местные советы начали наращиваться // Новости на украинском портале. 2005. 26 декабря. http://news.uaportal.com/pub/news/16044; Прищепа, К. Депутати розмножуються // Український вибір. 2006. http://uv.ukranews.com/r6/massmedia/review/article.html?id=14132

24 Дюверже, М. Политические партии. Москва: Академический проект, 2005. С. 430.

25 Прищепа, К. Депутати розмножуються // Український вибір. 2006. http://uv.ukranews.com/r6/massmedia/review/article.html?id=14132

26 Список всех новых меров // Elcomart. Выборы-2006. http://e-elections.com.ua/local/Spisok_vsekh_novykh_merov.html; Горячие головы 2006 // Elcomart. Выборы-2006. http://e-elections.com.ua/Other+opinion/Gorjachie_golovy_2006.html

27 Мер Миколаєва вирішив піти // Корреспондент.Net 2006. 2 октября. http://ua.korrespondent.net/ukraine/276725

28 Мер Миколаєва Чайка відмінив рішення подавати у відставку // Новини України ProUa. 2006. 4 октября. http://ukr.proua.com/news/2006/10/04/123904.html

29 Удержится ли Чайка на посту мэра? // Правда. mk.ua. 2008. 20 февраля. http://www.pravda.mk.ua/news/analytics_and_comments/2008/02/20/42291.html

30 Там же.

31 Депутати Ужгородської міської ради готові віддати свої повноваження... меру Сергію Ратушняку!?! // Закарпаття online open. 2007. 1 червня. http://news.uzhgorod.ua/novosti/21660/

32 Выборы в Тернополе: быть или не быть? // Polittech. Агенство политического консалтинга и PR. 2009. 24 февраля. http://www.polittech.org/index.php?option=com_content&task=view&id=940&Itemid=2

33 В Тернополе грызутся, в Киеве – мирятся // Polittech. Агенство политического консалтинга и PR. 2009. 25 февраля. http://www.polittech.org/index.php?option=com_content&task=view&id=941&Itemid=2

34 Выборы в Тернополе: быть или не быть? // Polittech. Агенство политического консалтинга и PR. 2009. 24 февраля. http://www.polittech.org/index.php?option=com_content&task=view&id=940&Itemid=2

35 Выборы в Тернополе и перспективы радикализации Востока и Юга Украины // Materik.Ru. 2009. – 22 апреля. http://www.materik.ru/pda/rubric/detail.php?ID=5073

36 Концепция образования «политических машин» впервые была описана Джеймсом Скоттом (James C.Scott). О том, как они работают на постсоветском пространстве, в том числе в Украине, см.: Kerstin Zimmer.

The Comparative Failure of Machine Politics, Administrative Resources and Fraud // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes. Vol. XLVII, Nos. 1-2, September-December. 2005. P. 361–384.

37 О чем свидетельствуют региональные выборы 2006? // Центр социальных исследований «София». К., 2006. С. 9.

38 Опасные связи. Владимир Пузаков сменил «неестественный» союз с БЮТ на «естественный» с ПР // Деловая столица. 2007. 28 мая. http://www.dsnews.ua/policy/art31080.html

39 Под мэром Кировограда расшатывают кресло // Комментарии. 2008. 18 июля. http://comments.com.ua/?art=1216310321

40 12 января 2007 г. Верховная Рада Украины установила императивный мандат для депутатов Верховной Рады Крыма и местных советов. Президент подписал его 5 февраля. Согласно закону, основанием для отзыва депутата Верховной Рады Крыма и местного совета политической силой, по спискам которой он был избран, является невхождение этого депутата в состав депутатской фракции соответствующей политической партии, выход из состава такой фракции, переход в другую депутатскую фракцию. Полномочия такого депутата прекращаются досрочно.

41 «Конвейер коррупции» в Партии Регионов // Николполи: Николаевская политическая история. 2009. 3 ноября. http://nikopolis.org/article/32/31/

42 Предупреждены и опасны. Мэр Николаева ввязался в войну компроматов с «регионалами» // Деловая столица. 2007. 5 ноября. http://www.dsnews.ua/policy/art33352.html

43 Чайке и Пелипасу продали кусок ингульской набережной – по 38 долларов за метр // Новости-N. 2009. 21 декабя: http://novosti-n.mk.ua/news/read/?id=18331

44 Депутат Николаевского горсовета Александр Жолобецкий: Когда все продано, таблетка от жадности не поможет... // Николаевские новости. 2009. 17 ноября. http://www.niknews.mk.ua/2009/11/17/deputat-nikolaevskogo-gorsoveta-aleksandr-zholobetskij-kogda-vse-prodano-tabletka-ot-zhadnosti-ne-pomozhet/

45 Парк возле «Юности» продают по кускам // Новости-N. 2009. 31 декабря. http://novosti-n.mk.ua/analitic/read/?id=637

46 000 «СК "Контакт-Жилстрой"». http://kontaktgilstroy.com/index.html

47 Яцунская, Е.А. Николаев от перестройки к независимости: историко-правовой анализ. Николаев, 2008. С. 164.

48 Депутати Миколаївської міської ради V скликання // Офіційний портал Миколавської Міської Ради. http://www.gorsovet.mk.ua/deputy_list.ua

49 Нормативні акти Миколаївської Міської Ради та Міськвиконкому // Офіційний портал Миколавської Міської Ради. http://ngik.gorsovet.mk.ua/ru/sovdocs/

50 Настоящая статья была написана в рамках проекта CASE в 2010 г.

Анна Горбан

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ (на примере Республики Молдова)

Abstract

The article examines the specificity and dynamics of migration processes in the Republic of Moldova, in particular those that involve people with higher education. Recently, the country is leaving more and more representatives of the Moldovan intellectual elite, which looks better fate abroad, mainly in Western countries – the United States and the European Union. The loss of the best members of society is fraught with the Republic of Moldova for poor results in the implementation of reforms and the achievement of social progress. The situation is complicated by the fact that people with higher education tend to leave for long periods or even permanently, and then there are emigrants. This process, known as the "brain drain" undermines the national safety of the country and affects the prospects for the development and future of the Moldovan society.

Keywords: migration, migration processes, social mobility, labour migration, emigration.

Миграция – одна из наиболее острых и актуальных проблем, представляющих взаимный интерес в условиях глобализации и в рамках Восточного партнерства. Различные страны рассматривают миграцию в категориях развития и безопасности. Сюда входят следующие проблемы: демографическая, старение населения; социально-экономическая проблема, необходимость устойчивого развития экономики на основе использования высококвалифицированной рабочей силы; потребности научно-технического прогресса, достойной конкуренции с другими государствами.

Решение этих задач невозможно без привлечения интеллектуальной элиты, высокая подготовка и потенциал которой необходим для осуществления социального прогресса. Но ситуация осложняется тем, что представители этой элиты все чаще отказываются от участия в процессе реализации общественного благополучия в пользу личных интересов и заботы о собственном будущем.

В настоящее время в мире наблюдается интенсификация миграционных процессов, субъектами которых все чаще выступает население с высоким уровнем человеческого капитала (в частности, с высшим и постуниверситетским образованием). В научной литературе этот процесс фигурирует под названием «миграция элит» и подразумевает массовую миграцию высококвалифицированных специалистов, которая связана с растущей ролью транснациональных корпораций и снижением значения национальных экономик в мировой экономике, что коренным образом меняет конфигурацию принципа «спроса» и «предложения» рабочей силы в мировых масштабах (Бурдельный 2011: 119).

Согласно экспертным оценкам миграция лиц с высшим уровнем социального капитала обусловлена не только социальными и экономическими проблемами, характерными для стран в процессе демократического транзита, но и политическими, а также культурными причинами. Иными словами, миграция социальной элиты является ответом на тот общий системный кризис, в котором пребывают государства, застрявшие в состоянии перехода к демократии. Фасадный демократический режим, установившийся во многих посткоммунистических странах, общая неэффективность их экономик, больше напоминающих пародию на свободный рынок, снижение уровня культуры и образования в обществе, а также отсутствие внятных социальных перспектив – все это становится теми выталкивающими факторами (push-factors), которые и определяют отъезд (как правило, навсегда) лиц с высшим уровнем образования.

Так, согласно мнению Андраса Бозоки, самые талантливые покидают страну, потому что социальная элита в их родной стране сформировалась в ходе волнений переходного периода, зараженного коррупцией и морально нечистоплотным капитализмом, создавшим «олигархическую» концепцию управления государством, которая не может быть привлекательной. В этом контексте явление «утечки мозгов» можно объяснить как избежание прямого социального конфликта и тихой революцией тех, кто хочет быть оцененным по заслугам и не благодаря «менеджерским» способностям, воспринимаемым как основа для осуществления лжеперехода (Vedran 2004: 90).

Все эти процессы характерны и для Республики Молдова, где затянувшийся политический кризис, высокая конфликтогенность общества, неблагоприятные социально-экономические условия наряду со слабыми возможностями для профессиональной реализации способствуют все большему оттоку высококвалифицированной рабочей силы за границу. Так, среди общего числа мигрантов, находящихся за рубежом, именно молдавская диаспора характеризуется высоким

уровнем образования, более трети ее представителей – мигранты с «наивысшим уровнем человеческого капитала» (работники креативной и иновационной деятельности).

В настоящее время существует масса различных оценок общего числа мигрантов из Республики Молдова. Согласно мнению экспертов, данный показатель колеблется от 600 тысяч до миллиона человек (население страны составляет 3.5 миллиона человек) (Botnarenco, Cebotari 2011: 105). Официальная статистика оперирует иными данными, представленными в табл. 1.

Таблица 1. **Число лиц от 15 лет и старше, находящихся за границей на работе или в поисках работы, тыс. чел.**

	2000	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**
Всего	138.3	172.0	231.3	291.0	345.3	394.5	310.1	335.6	309.7	294.9	311.0	316.9
Лиц с высшим образованием	10.7	12.7	17.1	22.9	26.1	31.1	26.5	28.0	29.4	31.5	33.3	33.6

Источник: Labour force migration, 2012

Итак, мы видим, что количество лиц, вовлеченных в трудовую миграцию, неуклонно растет, в том числе и среди лиц с высшим образованием. Динамика подчиняется определенным законам и циклам миграционных процессов, которые были описаны иностранными и отечественными специалистами. Так, согласно экспертам М. Люк, Т.О. Махмуд и П. Пингер, массовая миграция в Республике Молдова разворачивалась в три этапа. Первый относится к концу 90-х годов и представлен молодыми людьми со средним уровнем образования, преимущественно мужчинами из городской среды. Эти люди стали в некотором смысле первопроходцами в процессе освоения и развертывания трудовой миграции из Республики Молдова, сумели обосноваться за границей, создать в принимающих странах социальные сети мигрантов-соотечественников и облегчить путь за рубеж для других молдаван, ищущих лучшей судьбы. Эти «первооткрыватели» стали своеобразным информационным каналом для остальных желающих мигрировать и значительно способствовали набиранию миграционных оборотов.

Вторая волна берет свое начало на заре третьего тысячелетия и намного мощнее и значительнее первой. Если первый цикл можно назвать «открытием» и «тестированием» миграционной альтернативы молдавскими гражданами, то второй являет собой ее полное «освоение». Субъекты миграционных процессов этого периода представлены людьми старшей возрастной группы, опять же мужчинами с низким уровнем образования и преимущественно из сельской местности. Именно этот миграционный цикл обусловлен необходимостью удовлетворения базовых нужд, связанных с материальными потребностями.

И, наконец, третья волна, характеризующая миграцию конца первого десятилетия двухтысячных годов. В этом случае все чаще мигрантами становятся молодые люди, женщины с высшим образованием, из городской среды. Таким образом, эта миграция связана не столько с лишениями на родине, сколько с возможностями заграницы (привлекающие факторы – pull factors). Эта миграция с большей вероятностью становится невозвратной и принимает форму не временной трудовой миграции, как в рамках первого и второго этапов, а эмиграции – постоянного проживания за рубежом. Соответственно, данные формы мобильности могут быть идентифицированы как «утечка мозгов» (brain drain), так как предполагают отъезд из страны социальной элиты на длительные сроки (Matthias Luecke, Toman Omar Mahmoud, Pia Pinger 2007: 11) (см. табл. 2).

Таблица 2. **Доля молдавских мигрантов с высшим образованием от общего числа мигрантов, %**

	I волна	II волна		III волна
	1999	**2005**	**2006**	**После 2007**
Образование высшее	5.97	7.96	19.12	29.28

Источник: Matthias Luecke, Toman Omar Mahmoud, Pia Pinger. 2007. С. 46.

Тот факт, что в Республике Молдова доля мигрантов с высшим образованием в несколько раз превышает долю людей с высшим образованием в составе взрослого населения страны, связан с тем, что университетское образование значительно повышает уровень социальных притязаний личности, которые общество удовлетворить не может (Г. Руснак, В. Мошняга, В. Цуркан, 2007). Как правило, молдавские граждане с высоким уровнем человеческого капитала предпочитают миграцию в страны Северной Америки и Европейского союза, что является для них своеобразной финансовой инвестицией и связано с планами долгосрочного пребывания за рубежом или, зачастую, с постоянным проживанием за границей (см. табл. 3).

В частности, в общем массиве мигрантов, выбравших западные страны (Европу и США), доля мигрантов с университетским и постуниверситетским образованием составляет 50% и более, тогда как в Россию чаще всего едут люди с более низким уровнем образования, что обусловлено спецификой российского рынка труда. В составе мигрантов, уехавших в Европу, доля лиц с университетским образованием составляет 37%, тогда как тех, кто выбрал Россию, в два раза меньше (15%). Если охарактеризовать уровень представленности мигрантов с высшим уровнем квалификации по европейским странам, то мы получим следующие цифры: Великобритания – 75%, Испания – 69%, Италия – 67.9%, Германия – 66.7%, Чехия – 54.5%, Ирландия – 50% (Botnarenco, Cebotari. 2011, с. 110).

Таблица 3. **Выталкивающие и притягивающие факторы, определяющие мировую миграцию**

	Страны ЕС (%)	В среднем (%)
Выталкивающие факторы		
Отсутствие работы	26.43	34.27
Низкий уровень жизни	46.56	46.78
Бедность	12.69	20.51
Притягивающие факторы		
Более высокий уровень жизни за границей	5.89	3.36
Низкая стоимость переезда	14.18	49.10

Источник: Миграционные тенденции и политики в Черноморском регионе. 2008. С. 8.

Миграция лиц с высшим образованием связана с социально-экономическими проблемами и угрозами, свойственными для данной категории населения. Так, в 2011-м году в Республике Молдова доля безработных с университетским образованием составила 21.3% от общего числа безработных, ненамного уступая аналогичному показателю в случае лиц со средним профессиональным образованием (25%) и с общим средним образованием (23.1%), которые удерживают первенство в этом отношении (Labour force migration 2012).

На рынке труда отсутствует адекватное предложение для выпускников вузов (по статистике, в Республике Молдова только 10% выпускников находят работу по специальности), что связано с несоответствием национальной системы высшего образования требованиям трудовой сферы (переизбыток юристов и экономистов). Необходимо отметить, что высокий уровень безработицы среди населения с высшим уровнем образования не характерен для стран с рыночной экономикой и поэтому представляет особый повод для беспокойства, а также для серьезных сомнений в эффективности молдавской системы образования, ее соответствия спросу на отечественном рынке труда. Играет роль и низкий уровень доходов и заработных плат (средняя зарплата в Республике Молдова 300 дол. США), высшее образование не благоприятствует более высокому заработку.

Анализ миграции высококвалифицированных кадров молдавского общества предполагает разделение данного феномена на два вида: потенциальная и реальная миграция. Реальная миграция измеряется фактической динамикой миграционных процессов, в которых участвуют молдавские граждане. Так, по данным последних опросов, 21% граждан с высшим образованием и 66.7% с научной степенью заявили о наличии у них опыта трудовой миграции (Цуркан, Мошняга, 2011).

Потенциальная миграция предполагает личное принятие субъектом такой поведенческой альтернативы, как миграция. Согласно социологическим опросам, реализуемым в Республике Молдова последние 10 лет, пятая часть населения с высшим образованием покинула бы страну навсегда, будь у них такая

возможность, а половина респондентов уехали бы на время (см. табл. 4). Особенно высок этот показатель у людей с научной степенью – почти 50% из них готовы к невозвратной миграции (эмиграции). Особенно тревожен тот факт, что данный процент достигает максимальных значений в случае медицинских специалистов (Цуркан, Мошняга, 2011).

Таблица 4. **Динамика общих миграционных ориентаций населения Республики Молдова в среднем и среди лиц с высшим образованием за 2002–2010 годы, в % (Барометр общественного мнения 2002–2010)**

Если бы у Вас была реальная возможность уехать из Молдовы, как бы Вы поступили?	2002		2003		2004		2005		2006		2010[1]	
	В среднем	С ВО[2]	В среднем	С ВО	В среднем	С ВО	В среднем	С ВО	В среднем	С ВО	В среднем	С ВО
Уехал(а) бы навсегда	15.0	24.5	14.3	16.3	14.0	21.4	14.5	20.0	15.7	16.2	14.6	16.3
Уехал(а) бы только на время	37.0	42.0	41.6	47.8	39.2	45.2	37.1	42.7	47.6	54.0	41.7	44.1
Не уехал(а) бы	45.0	30.0	39.5	32.4	43,8	30.9	42.7	30.7	34.3	29.0	40.2	36.2
Не знаю, нет ответа	3.0	3.5	4.6	3.5	3.0	2.5	5.7	6.6	2.4	0.8	3.5	3.4
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Индекс[3]	0.07	0.37	0.16	0.32	0.09	0.36	0.09	0.32	0.29	0.41	0.16	0.24

Данные свидетельствуют, что для Республики Молдова характерен высокий уровень миграционной предрасположенности как для населения в целом, так и для лиц с высшим образованием. Показателен тот факт, что граждане с наивысшим уровнем человеческого капитала в большей степени ориентированы на миграцию, чем категории населения с более низким уровнем образования. С другой стороны, радует тот факт, что к 2010 году количество тех, кто воспользовался бы шансом уехать из Молдовы, снижается (в 2002 году показатель индекса составлял 0.37 против 0.24 в 2010 году).

В настоящее время в Республике Молдова, донора высококвалифицированных трудовых ресурсов, предпринимаются попытки предотвращения и минимизации негативных последствий процесса «утечки мозгов» (brain drain) (Casiadi, Porcescu, Varzari, 2010). Миграционная политика в стране нацелена не только на предупреждение массового оттока населения (что требует сложных комплексных решений и громадных ресурсов), но и максимизацию положительных сторон миграции в

виде использования знаний и опыта, полученных высококвалифицированными мигрантами за рубежом, что в перспективе может способствовать повышению уровня человеческого капитала в Молдове (brain gain).

Литература

Botnarenco, S., Cebotari, S. Actual migration tendencies of the Republic of Moldova population towards european area // Moldoscopie (Проблемы политического анализа), nr.3 (LIX), 2011. Кишинев: USM, 2011. С. 103–114.

Casiadi, O., Porcescu, S., Varzari, V. The Moldavian scientific Diaspora's mobilization – contributions for the development of the origin country // Moldoscopie (Проблемы политического анализа), nr.2 (XLIX), 2010. Кишинев: USM, 2010. С. 26–43.

Labour force migration: Existent tables. Databank. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://statbank.statistica.md/pxweb/Database/EN/03%20MUN/MUN07/MUN07.asp

Matthias Luecke, Toman Omar Mahmoud, Pia Pinger. Models and trends of migration and remittances in Moldova. Chişinău: OIM, 2007. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.iom.md/materials/5_patterns_ro.pdf

Vedran, H. Brain Drain. Threat to Successful Transition in South East Europe? // Southeast European Politics no.5 (1), 2004. P. 76–93. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www. seep.ceu.hu/archives/issue51/horvat.pdf

Барометр общественного мнения 2002–2010. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://ipp.md/lib.php?l=ro&idc=156.

Бурдельный, Е. Современное состояние трансграничных международных миграций // Moldoscopie (Проблемы политического анализа), nr.3 (LIX), 2011. Кишинев: USM, 2011. С. 115–128.

Миграционные тенденции и политики в Черноморском регионе: на примере Республики Молдова, Румынии и Украины. Кишинев, 2008.

Руснак, Г., Мошняга, В., Цуркан, В. Человеческий капитал как фактор адаптации в миграционной ситуации: молдавские мигранты с высшим образованием (по данным социологических опросов) // Moldoscopie (Проблемы политического анализа), nr.4 (XXXIX), 2007. Кишинев: USM, 2007. С. 86–107.

Цуркан, В., Мошняга, В. Потенциальная и реальная миграция населения с высшим образованием // Утечка умов: на примере Республики Молдова, Виктор Морару (коорд.). Кишинев: Sirius, 2011. С. 80–91.

Примечания

1 Лица с высшим образованием.

2 В таблице представлены данные тех лет, когда в Барометр общественного мнения был включен соответствующий вопрос. К сожалению, между 2006-м и 2010-м годами, а также после 2010-го года вопрос о миграционной ориентации в исследовании не фигурировал.

3 Данный индекс выражает общую ориентацию респондентов на миграцию и высчитывается по формуле: И = (+) – (–) / (+) + (0) + (–), где (+) – «Уехал(а) бы навсегда» и «Уехал(а) бы только на время»; (–) – «Не уехал(а) бы»; (0) – «Не знаю, нет ответа». Численное значение индекса колеблется от + 1 до – 1, соответственно, от положительной до негативной оценки переменной. Положительные значения индекса представлены без знака, а отрицательные – со знаком минус.

Татьяна Букос

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЯ ЧАСТНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Abstract

Over 20 years of independence, higher education in Moldova becomes widespread, due to both global trends and structural changes faced by the tertiary education system. Given the limited government funding of tertiary education, universities have to provide paid educational services to households. Attractiveness and accessibility of higher education in terms of payment allowed the Moldovan society to achieve higher educational levels of population.

The low level of funding from the state and government intervention in the pricing of paid services provided by the universities, as well as university education policy aimed at attracting large numbers of students, led to a significant drop in the quality of education and manifestations of the phenomenon of inflation of diplomas.

Acute economic problems encountered by the tertiary education of Moldova during the period of structural transformation were largely been resolved from the households funds. The financial dependence of universities on households led to overproduction of certain professional specialties, as well as the increase in the shareholders of diplomas certifying a higher education in the structure of unemployment and emigration.

Keywords: tertiary education, paid educational services, education's funding , public and private universities, number of students per 10000 persons, inflation of diplomas.

27 августа 2011 года Республика Молдова отпраздновала 20 лет независимости. За эти годы молдавское общество подвергалось многочисленным трансформациям, вызванным

как стремлением создания независимого демократического государства, так и переходом от командно-административной к рыночной экономике. Установление и преобразование молдавского государства происходит на фоне структурных трансформаций в мировой экономике – согласно экономистам-теоретикам, в середине 90-х годов XX века мировая экономика подвергается структурным изменениям, результатом которых является установление экономики знаний.

Структурным трансформациям подвергались все сферы общественной жизни молдавского общества, в том числе высшее образование. На протяжении изучаемого периода высшее образование Республики Молдова приобретает массовый характер – с 1992 по 2002 гг. удваивается количество студентов вузов, а количество студентов на 10 000 населения увеличивается почти в 3 раза к 2006 г. (см. диаграмму 1).

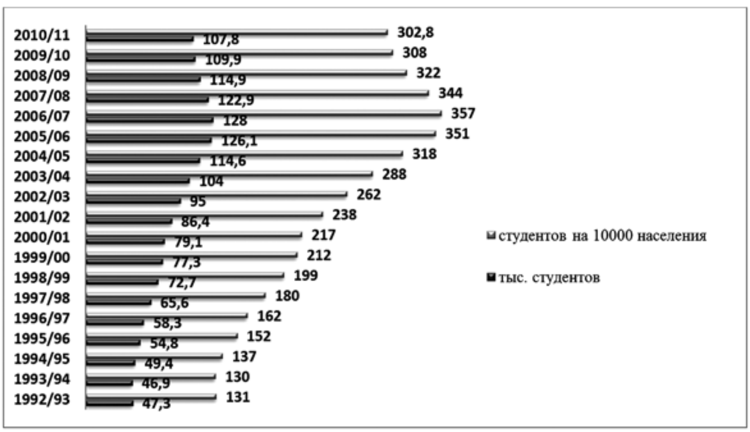
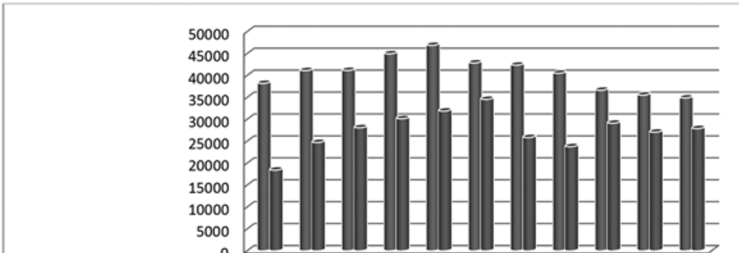

Диаграмма 1. Динамика показателей численности студентов высших учебных заведений в Республике Молдова в 1992–2011 гг.

Источник: Разработано автором на основе данных Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Согласно данным диаграммы 1, численность студентов в Молдове достигла своего пика в 2006/2007 учебном году, после чего данный показатель снижается как под воздействием демографических факторов, так и вследствие ограничений, установленных государством на прием вузами студентов на контрактной основе.

О приобретении высшим образованием в Молдове массового характера говорит и сравнительный анализ в динамике количества поступивших в вузы и выпускников лицеев и общеобразовательных школ за изучаемый период. Согласно статистическим данным, если в 2000 г. число поступивших студентов составляло 48% относительно числа выпускников лицеев и общеобразовательных школ, то в 2005 г. этот показатель достигает 80% (диаграмма 2):

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
■ Выпускники лицеев, общеобразовательных школ	38202	41127	41155	44960	46872	42868	42359	40506	36644	35527	34878
■ Число поступивших в ВУЗы	18 436	24 731	28 086	30 150	31 896	34 553	25 854	23 767	29 122	27 075	27 895

Диаграмма 2. Прием в вузы и выпуск из школ и лицеев.
Источник: Разработано автором на основе данных Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Та же тенденция заметна и при сравнительном анализе уровней образования, которым отдают предпочтения выпускники школ и лицеев. Согласно статистическим данным, большинство выпускников предпочитают университетское образование (диаграмма 3):

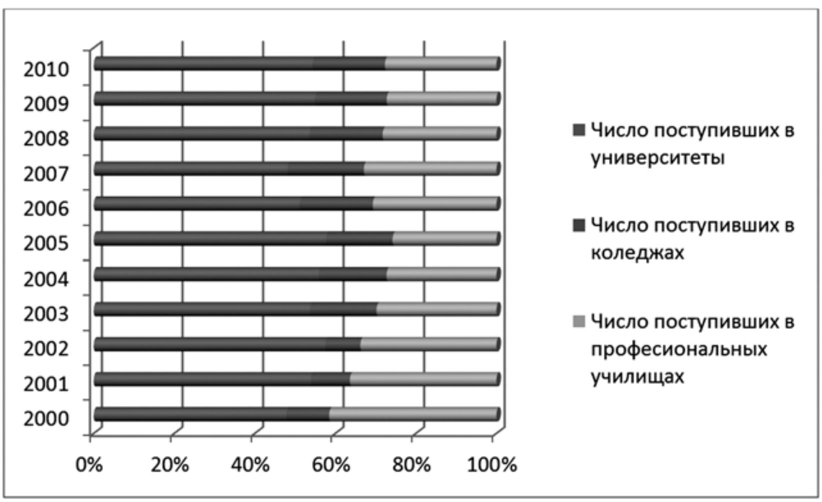

Диаграмма 3. Структура поступления выпускников школ и лицеев по уровням образования.
Источник: Разработано автором на основе данных Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Согласно данным диаграммы 3, выпускники отдают все большее предпочтение университетскому образованию, все меньшеих выбирает профессиональное техническое образование, несмотря на попытки правительства перена-

править выпускников школ и лицеев в данные учебные заведения, обеспечивая их бесплатным образованием, общежитием и стипендией.

Значительные изменения, происходящие в высшем образовании, являются следствием как мировых тенденций (в период становления экономики знаний высшее образование приобретает массовый характер), так и структурных изменений в образовании вообще и в высшем образовании в частности постсоветском пространстве. Так, всеобщий тренд демонополизации и разгосударствления, характерный для экономики постсоветского периода, охватывает и непроизводственную сферу, в том числе образование.

Разгосударствление, предполагавшее появление частного сектора в отрасли, становится возможным благодаря изменениям в законодательстве Республики Молдова. Согласно Закону «Об образовании» от 21.07.1995 высшее образование в Республике Молдова осуществляется как государственными, так и частными вузами. Частные учебные заведения создаются по инициативе физических и юридических лиц с согласия министерства образования в форме некоммерческих организаций – Закон предусматривает, что полученная учебным заведением прибыль не может быть распределена в виде дивидендов между учредителями, а направляется для реализации уставных целей учебного заведения. На диаграмме 4 представлена структура высших учебных заведений Молдовы по формам собственности.

Как показывают данные диаграммы, на протяжении 90-х годов в республике значительно увеличивается количество высших учебных заведений – это произошло в первую очередь за счет появления негосударственных учебных заведений. Пик развития частных учебных заведений в Молдове достигнут в 2001/2002 учебном году, когда действовал 31 частный и 16 государственных, в дальнейшем количество частных учебных заведений сокращается из-за ряда нормативов, установленных государством. К таким нормативам относятся: введение минимального предела уставного капитала в размере миллиона леев, а согласно части 5 ст. 36 «Закона об образовании»: «Уставной капитал частного учебного … не может изыматься в ходе деятельности учебного заведения, за исключением случаев, предусмотренных законодательством». Нормативы, установленные государством, приостановили деятельность некоторых университетов, которые не смогли соответствовать необходимым условиям.

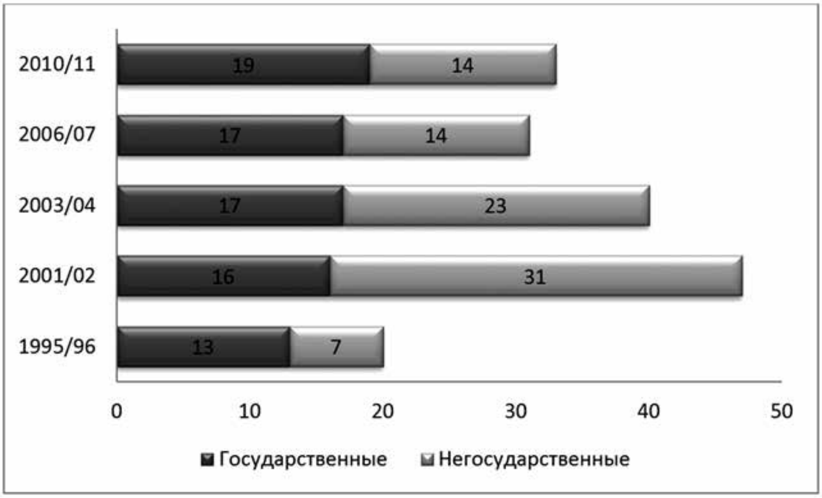

Диаграмма 4. Государственные и негосударственные высшие учебные заведения в Молдове.
Источник: Разработано автором на основе данных Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Несмотря на то, что негосударственные вузы появились еще в начале 90-х годов, и количество негосударственных вузов в некоторые годы преобладало над государственными, студенты в Молдове отдают предпочтение государственным вузам (диаграмма 5):

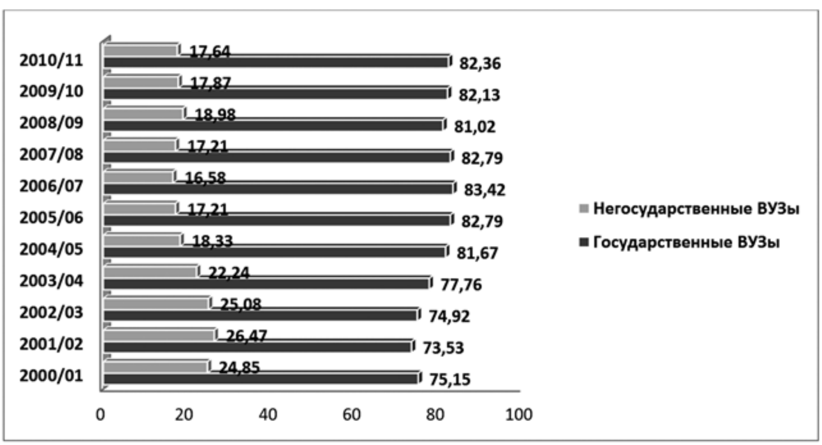

Диаграмма 5. Доля студентов, обучающихся в государственных и негосударственных вузах.
Источник: Разработано автором на основе данных Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Согласно данным, представленным выше, доля студентов, обучающих в государственных вузах, значительно выше количества студентов, обучающихся в негосударственных вузах. Так, в 2001/02 учебном году (в этом году количество негосударственных вузов в Молдове достигло максимального уровня) только 26.47% студентов учились в негосударственных учебных заведениях, а в 2006/07 учебном году (в этом году количество студентов достигло максимального уровня) их доля была на уровне 16.58%.

Такая ситуация объясняется как возможностью получить бесплатное образование в государственных благодаря бюджетному финансированию, так и переходом государственных высших учебных заведений на рыночные основы хозяйствования в 90-е годы. В условиях несостоятельности государства финансировать высшие учебные заведения Законом определяются альтернативные источники финансирования государственных учебных заведений. Согласно Закону Республики Молдова «Об образовании» деятельность государственных высших учебных заведений финансируется за счет: 1) бюджетного финансирования; и 2) других легальных источников финансирования, т.е. средства от подготовки и переподготовки кадров, от исследовательской деятельности, от продажи благ, произведенных в течение образовательного процесса, от сдачи в аренду помещений, оборудования, гранты, спонсорские средства, средства от международного сотрудничества, пожертвования частных и юридических лиц.

Из всех перечисленных Законом источников финансирования государственные вузы стали активно использовать один – средства от подготовки кадров, предлагая рынку образовательные услуги на контрактной основе. Предоставление платных услуг государственными вузами привело к значительному росту численности студентов, таким образом, в 2006/07 учебном году в молдавских вузах учились 127 997 студентов, из которых только 26 401 учились за счет бюджетного финансирования, что составляет 20% от общего количества студентов, в 2010/11 учебном году этот показатель был на уровне 28%. В самих государственных вузах доля студентов, получивших платное образование, значительно выше, чем студентов, обучающихся за счет бюджетного финансирования (диаграмма 6).

Рост доли студентов, учащихся за счет бюджетного финансирования, к 2011 году не является следствием увеличения бюджетного финансирования высшего образования государством, а результатом сокращения общего количества студентов под в силу демографических факторов, возможности выпускников лицеев получить бесплатное образование за рубежом (к примеру, в 2011/2012 учебном году Румыния предоставила гражданам Молдовы свыше 2 тыс. бюджетных мест в вузах по сравнению с 6800 бюджетными местами в молдавских вузах и давления на данные вузы со стороны государства. С 2006 года молдавское государство в рамках программы по борьбе с безработицей устанавливает ограничения на количество платных мест в государственных учебных заведе-

ниях, таким образом пытаясь разрешить проблему перепроизводства определенных категорий специалистов с высшим образованием.

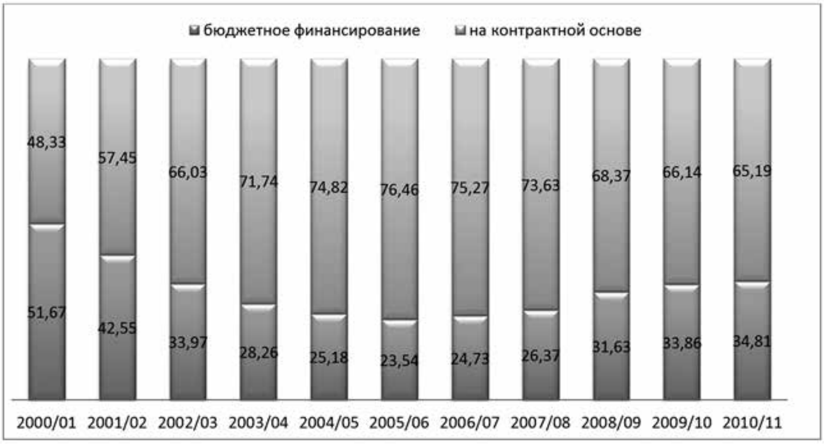
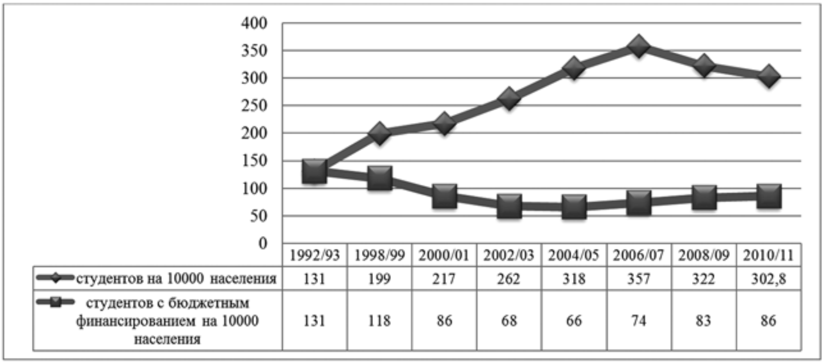

Диаграмма 6. Доля студентов в зависимости от источника финансирования в государственных вузах.
Источник: Разработано автором на основе данных Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Анализ статистических данных указывает на улучшение показателей, касающихся высшего образования, в частности приближение количества студентов на 10 000 населения к европейским стандартам (в среднем по ЕС-27 этот показатель был на уровне 380 в 2009 году), данное улучшение – следствие предоставления платных образовательных услуг, как частными, так и государственными вузами. Так, на протяжении всего изучаемого периода показатель количества студентов, финансируемых из бюджета, на 10 000 населения был значительно ниже показателя 1992 года (диаграмма 7).

Понимая важность образования для социально-экономического развития страны, молдавское государство объявляет о приоритетности образования в социально-экономической политике. Данный приоритет закреплен законодательно, так, пункт 2 статьи 61 Закона Республики Молдова «Об образовании» гласит: «Финансирование образования является приоритетным для государства. Государство гарантирует ежегодное выделение бюджетных средств на образование, включая валютные средства, в размере не менее 7 процентов внутреннего валового продукта».

	1992/93	1998/99	2000/01	2002/03	2004/05	2006/07	2008/09	2010/11
студентов на 10000 населения	131	199	217	262	318	357	322	302,8
студентов с бюджетным финансированием на 10000 населения	131	118	86	68	66	74	83	86

Диаграмма 7. Доля студентов на 10000 населения в Молдове.
Источник: Разработано автором на основе данных
Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Закон «Об образовании» был принят Парламентом Республики Молдова в 1995 году, а в 1998 году другим Законом приостанавливается действие пункта 2 статьи 61 Закона «Об образовании», гарантирующей финансирование образования в размере 7% от ВВП. Реальная динамика бюджетных расходов указывает на несостоятельность молдавского государства вопросе финансировать образование в намеченных размерах (диаграмма 8):

Диаграмма 8. Государственные расходы на образование, в % от ВВП.
Источник: Разработано автором на основе данных
Министерства финансов Республики Молдова.

Значительное сокращение финансирования образования в 1998, 1999 гг. стало результатом сокращения финансовых возможностей государства из-за структурного кризиса, пережитого республикой в переходном периоде. В то же время рост государственных расходов на образование во второй половине

2000-х гг. результат того, что, начиная с 2006 года, все зарабатываемые государственными вузами деньги были включены в бюджетный процесс. Так, деньги, заработанные высшими учебными заведениями за счет платных образовательных услуг, включены в плановые показатели доходов и расходов госбюджета и проходят как специальные средства публичных учреждений. В результате данных изменений в бюджетном формировании резко подскочил показатель удельного веса финансирования образования в ВВП Республики Молдова (в 2000 г. – 4.5%, 2009 – 9.5%, 2010 – 9.7%).

Статистические данные касаются финансирования образования вообще, однако в структуре образовательных расходов государство отдает предпочтение начальному и среднему образованию, высшему образованию предназначена лишь малая доля общих бюджетных средств, направленных на финансирование образования (диаграмма 9):

Диаграмма 9. Государственные расходы на образование и на высшее образование, в % от ВВП.
Источник: Разработано автором на основе данных
Министерства финансов и Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Анализ показателей государственных расходов на образование в Молдове указывает на финансовую поддержку данной сферы общественной жизни со стороны государства. Для сравнения: в среднем по ЕС бюджетные расходы на образование в 2007 году составили 5.04% от ВВП, в Германии 4.44%, во Франции 5.63%, а США тратят ежегодно на образование в среднем 5.5% от ВВП. То же можно говорить и о бюджетных расходах, направленных на финансирование высшего образования, в среднем европейские государства тратят в год 1.3% бюджетных средств на финансирование высшего образования.

Если в процентном выражении показатели финансирования как образования вообще, так и высшего образования в частности, соответствуют стандартам развитых государств, то в абсолютных цифрах финансирование образования государством значительно отстает. На практике высокий уровень показателя финансирования образования в республике является результатом

невысокого ВВП (для сравнения: в 2010 году ВВП на душу населения в Молдове составил 1503 долл США, в Германии этот показатель был на уровне 40512, во Франции 40591, в США 47132).

Возможности бюджетного финансирования высшего образования и открытость вузов к предоставлению платных образовательных услуг сказываются на структуре финансовых средств, находящихся в распоряжении вузов, и на образовательной политике вузов. Значительная финансовая зависимость от получателей образовательных услуг характерна как для частных, так и для государственных вузов, таким образом, если в частных вузах почти 100% финансовых средств формируются за счет контрактных средств, то в государственных вузах этот показатель находится в пределах 50% (диаграмма 10):

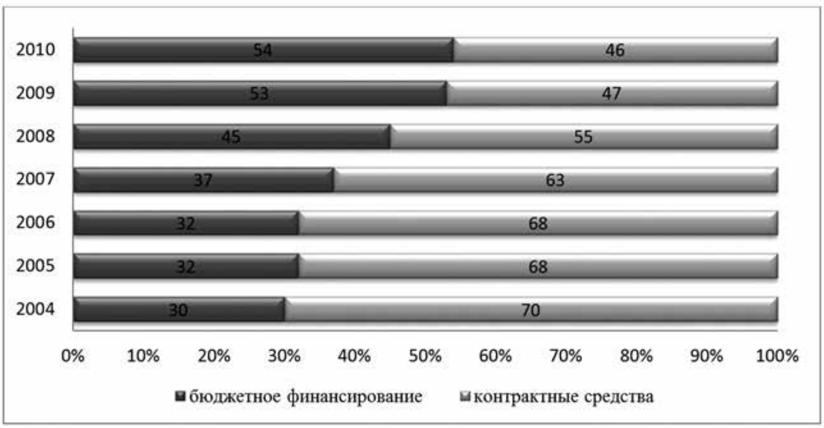

Диаграмма 10. Структура финансовых средств государственных и частных вузов.
Источник: Разработано автором на основе данных Министерства финансов Республики Молдова.

Из диаграммы 10 можно сделать вывод о тенденциях роста доли бюджетного финансирования в структуре финансовых средств государственных вузов. Если в 2004 году бюджетному финансированию соответствовало 30% финансовых средств молдавских государственных вузов, то в 2010 году этот показатель был уже на уровне 54%. Рост доли бюджетного финансирования – следствие тенденции государства контролировать процесс приема студентов, используя единые планы приема, которые касаются как бюджетных мест в вузах, так и предоставления платных образовательных услуг. С 2005 года государство пытается контролировать процесс приема не только путем разработки единых планов приема, но и контролируя процесс использования контрактных средств вузами. Согласно экспертному анализу, государство принудило государственные вузы обучать студентов по заниженным ценам, частично предоставляя вузам дотации на обучение студентов, поступивших на контрактной основе, взамен

возможности контролировать использование вузами контрактных средств. Диаграмма 11 подкрепляет данные утверждения.

Диаграмма 11. Доля расходов на одного студента.
Источник: Sistemul de învățămînt superior din republica moldova în contextul procesului bologna: 2005–2011. Chișinau 2012. С. 46.

На основе диаграммы можно заметить тенденцию роста разрыва в размерах бюджетных затрат на одного студента и размера контракта, так, если в 2005 году размер контракта составлял 65% относительно бюджетных средств, предоставленных государством на обучение одного студента, то в 2010 он составляет 46%. Полученное вузами финансирование из бюджета, так и за счет предоставления платных услуг недостаточно для функционирования вузов, что отрицательно сказывается на качестве образования (для сравнения: в 2005 году на 1 студента в ЕС в среднем потрачено в системе высшего образования 8289 евро, в Молдове государство тратило меньше 500 евро).

Данные позволяют сделать выводы относительно эффекта государственного регулирования размера контрактов для предоставления платных образовательных услуг вузами. В условиях низких цен на платное образование вузы столкнулись с высоким спросом на предоставляемые услуги. Согласно экспертным оценкам, в условиях платности образования рост уровня доступности высшего образования, благодаря вмешательству государства, привел к сокращению качества образования. Система высшего образования столкнулась с дилеммой – подготовить квалифицированные кадры для национальной экономики или выполнить социальные функции в рамках социальных программ государства (IDIS Viitorul 2012).

Таким образом, рост доли бюджетного финансирования государственных вузов на протяжении последних лет является следствием воздействия различных факторов: роста финансовых возможностей государства; сокращения

численности студентов, получивших платное образование, демографические изменения и нормативы, установленные государством на платное образование, меняются; приобретения образованием статуса приоритетности в долгосрочных стратегиях государства; популистская политика правящих партий.

Зависимость высших учебных заведений от финансирования домашних хозяйств привела к дисбалансу на рынке труда, в последние годы наблюдается тенденция роста доли выпускников вузов в структуре безработицы (диаграмма 12):

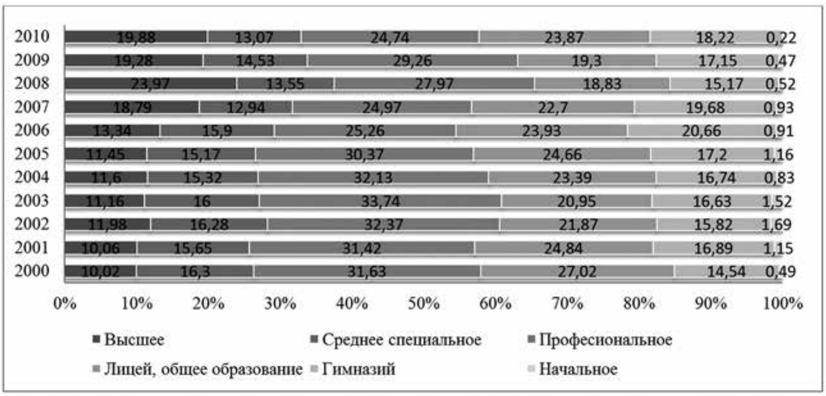

Диаграмма 12. Структура безработицы относительно уровня образования.
Источник: Разработано автором на основе данных
Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Данные диаграммы 12 указывают на значительный рост доли безработных с дипломами о высшем образовании в общей структуре безработицы республики, так, если этот показатель был на уровне 10% в 2000 году, то к 2008 году достигает уровня 24%. Более глубокий анализ указывает на то, что среди держателей дипломов о высшем образовании наибольшему риску подвергается молодежь (диаграмма 13).

Согласно диаграмме 13, в возрастной структуре безработицы преобладают возрастные группы от 15 до 34 лет – это более 60% от числа безработных с высшим образованием. То есть в структуре безработицы преобладают держатели дипломов с высшим образованием, выданных за последние 10 лет. Это означает, что система высшего образования Молдовы сегодня выпускает специалистов, не способных интегрироваться на рынке труда. Согласно данным Национального Бюро статистики, в 2010 году получили дипломы о высшем образовании 28.4 тысячи человек, из которых нанялись на работу только 2 тысячи или 10.3 % от общего числа выпускников вузов. Таким образом, организация образовательного процесса находится в противоречии с основной целью самой системы высшего образования страны – согласно проекту «Кодекса образования» система высшего образования республики

ориентирована на формирование компетенций и качеств, необходимых для успешной интеграции на рынке труда и реализации профессиональной карьеры.

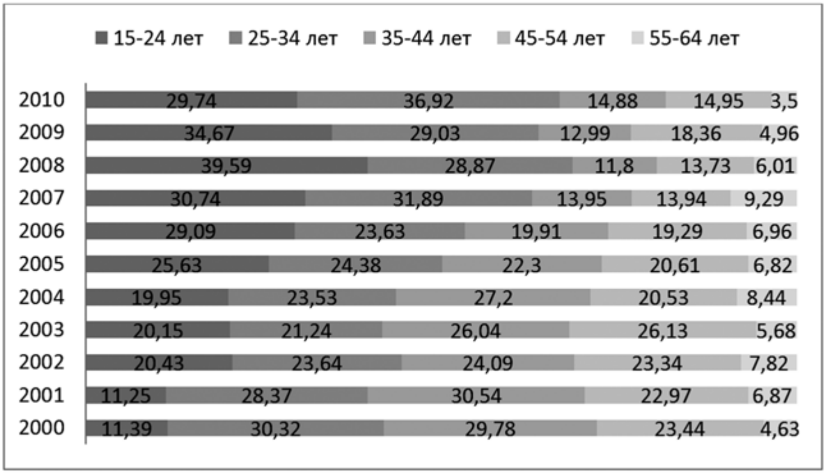

Диаграмма 13. Возрастная структура безработных с высшим образованием.
Источник: Разработано автором на основе данных
Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Ситуация была бы еще хуже, если бы в анализе учитывался такой аспект, как трудоустройство выпускников вузов согласно квалификациям дипломов. Очень часто выпускники нанимаются на работу более низкой квалификации, таким образом появляется своеобразная скрытая безработица. К скрытой безработице можно отнести и эмигрантов, которые вынуждены покидать страну после получения диплома о высшем образовании. Согласно опросу, проведенному в студенческой среде, 46% заявили, что намерены в будущем эмигрировать. Статистические данные указывают на тенденцию роста доли населения с высшим образованием в структуре эмигрантов из Молдовы. Так, если в 2000 году этот показатель был на уровне 7.7%, то в 2010 году увеличился до 10.7% (диаграмма 14):

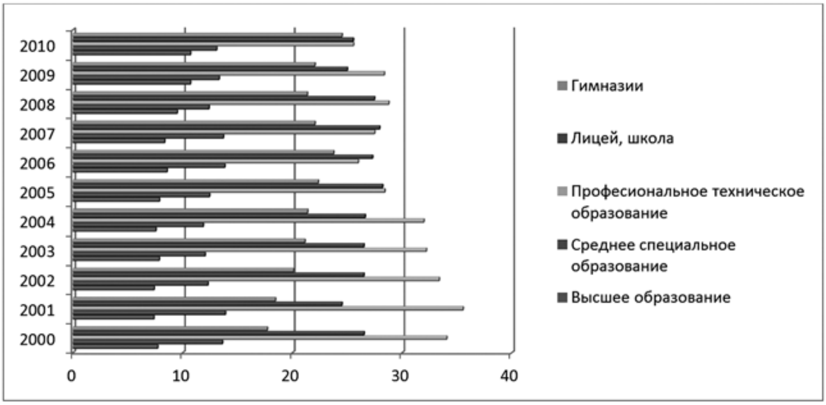

Диаграмма 14. Доля держателей дипломов в структуре эмигрантов (%).
Источник: Разработано автором на основе данных
Национального Бюро статистики Республики Молдова.

На основе перечисленных фактов можно сделать вывод о том, что система высшего образования Молдовы, не создавая у выпускников конкурентноспособных качеств, фактически производит безработных и эмигрантов.

Высокая доля безработных и эмигрантов с высшим образованием в Молдове является следствием множества проблем системы высшего образования, недостаточного бюджетного финансирования вузов и формирования финансовой зависимости учебных заведений от средств, полученных от платных образовательных услуг. В условиях коммерциализации образовательных услуг и финансовой зависимости вузов от индивидов, получающих образовательные услуги, значительно понизилось качество высшего образования, сократился уровень подготовки как абитуриентов, так и выпускников высших учебных заведений.

В «Докладе об анализе ограничений экономического роста» за 2010 год говорится о том, что значительным ограничением в достижении экономического роста в республике является низкое качество человеческого капитала – как следствие низкого качества высшего образования. В Отчете конкурентоспособности Всемирного Экономического Форума (WEF) за 2009 год качество образования в Молдове оценено в 3.2 балла из 7-ми возможных. Согласно исследованию рынка труда, проведенного центром CIVIS в 2008-м году, 35% опрошенных экономических агентов отметили низкий уровень качества образования рабочей силы, подготовленной учебными заведениями. Опрашиваемые отметили несоответствие теоретической подготовки выпускников учебных заведений требованиям реальной экономики.

Другой проблемой системы высшего образования республики является несоответствие структуры рабочей силы по квалификациям со структурой спроса на труд специалистов с высшим образованием. В условиях коммерциа-

лизации высшего образования квалификационная структура образования корелируется не с прогнозами динамики рынка труда, а со спросом на образовательные услуги со стороны потребителей (диаграмма 15):

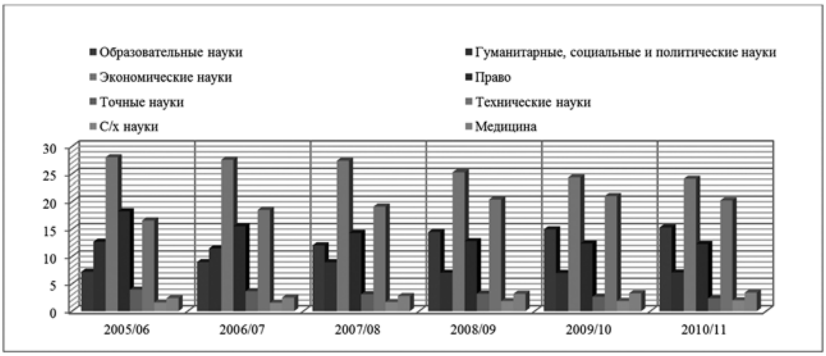

Диаграмма 15. Структура студентов высших учебных заведений по специальностям (%).
Источник: Разработано автором на основе данных
Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Согласно данным диаграммы 15, количественно преобладают студенты экономических факультетов, права и технических наук. Данная характеристика сохраняется весь изучаемый период, хотя за последние годы замечается тенденция сокращения доли данных факультетов в пользу образовательных наук из-за изменения приоритетов в направлениях бюджетного финансирования вузов. Так, если в 2005/06 учебном году государство финансировало 433 места на факультетах права, то в 2010/11 учебном году государство финансировало лишь 181 место.

Учитывая значительную долю студентов, обучающихся на платной основе, структура студентов по специальностям в значительной степени зависит от структуры спроса на образовательные услуги. В структуре спроса на образовательные услуги преобладают факультеты, считающиеся престижными в молдавском социуме, в частности, экономические, технические специальности и право (диаграмма 16).

Наибольшим спросом пользуются экономические специальности (31%), а низкая популярность медицины объясняется жестким контролем государства за данными специальностями, множеством специализаций, так как они финансируются исключительно за счет бюджета. Таким образом, это приводит к появлению избытка выпускников определенных специальностей, ситуация может в дальнейшем привести к инфляции дипломов и понижении их значимости на рвнке труда.

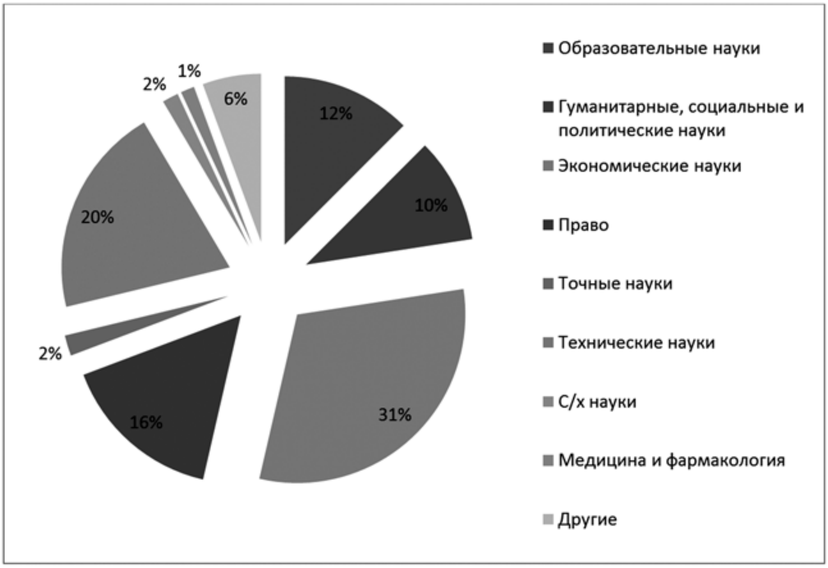

Диаграмма 16. Структура студентов на контрактной основе по специальностям за 2010–2011 учебный год (%).
Источник: Разработано автором на основе данных Национального Бюро статистики Республики Молдова.

Выводы

Острые экономические проблемы, с которыми столкнулась сфера высшего образования в период структурных трансформаций, в значительной мере решены за счет поступающих средств.

Привлекательность и доступность высшего образования в условиях комерциализации позволили молдавскому обществу добиться роста уровня образованности населения за последние 20 лет.

Низкий уровень финансовых возможностей бюджета в вопросе финансирования высшего образования и вмешательство государства в ценообразование на предоставленные вузами платные услуги, а также образовательная политика вузов, направленная на привлечение как можно большего количества студентов, привели к значительному падению качества высшего образования и инфляции дипломов.

Финансовая зависимость вузов от студентов-платников привела к перепроизводству специалистов определенных специальностей, что содействует росту количества выпускников вузов в структуре явной и скрытой безработицы, а также в структуре миграции.

Литература

Верёвкин, Л. Массовое высшее образование в условиях конкуренции и коммерциализации // Вестник российской академии наук. Том 79. № 10. 2009. С. 921–930.

Закон Республики Молдова «Об образовании». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=311684&lang=2

Проект «Кодекса об образовании». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.pedsovet.info/pages/documents/normativ/codecs_part1.htm

Плаксий, С.И. Парадоксы высшего образования. М.: Национальный институт бизнеса, 2005.

Список стран по ВВП (номинал) на душу населения. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki

Ciurea, C., Litra, L. Impactul politicilor autorităților publice centrale asupra sistemului universitar din Republica Moldova // Politici Publice. № 2. 2009. C. 38.

Educaţia în republica moldova 2010/2011. Статистический сборник. Национальное Бюро Статистики Республики Молдова. Кишинэу, 2011. С. 106.

Oprunenco A., Popa A., Raport privind analiza constrângerilor în creşterea economică. Кишинэу 2010. С. 78.

Piaţa muncii din R. Moldova. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://mmpsf.gov.md/file/ilo/piata_muncii_RM_2009_md.pdf

Relațiile de muncă în Republica Moldova in perspectiva companiilor. Studiu. Expert-Grup. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.expert-grup.org/?go=biblioteca&n=58

Ciurea C. Sistemul de învățămînt superior din Republica Moldova în contextul procesului bologna: 2005–2011. Chișinau, 2012. C. 94.

Официальные сайты

Официальный сайт Национального Бюро статистики Республики Молдова. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.statistica.md

Официальный сайт Министерства финансов Республики Молдова. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://mf.gov.md

Татьяна Кузнецова

МЕТАМОРФОЗЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЙНОЙ АКСИСФЕРЫ: УКРАИНСКИЙ ВАРИАНТ

Abstract

The article is devoted to the axiological research of informational space of modern Ukraine. The paper presents the axiological conception of mass-media communication, which allowed us to determine the peculiarity of media axiosphere and its socio-cultural determinants.

Keywords: media axiological sphere, media, informational space, value dominants, socio-cultural determinants.

Когда-то давно старик открыл своему внуку
одну жизненную истину:
– В каждом человеке идет борьба, очень похожая
на борьбу двух волков. Один волк представляет зло:
зависть, ревность, сожаление, эгоизм, амбиции, ложь.
Другой волк представляет добро: мир, любовь,
надежду, истину, доброту и верность.
Внук, тронутый до глубины души словами деда,
задумался, а потом спросил:
– А какой волк в конце побеждает?
Старик улыбнулся и ответил:
– Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь.

В XXI веке социокультурное пространство переживает «большой взрыв». Обнаруживаемые при этом трансформации ценностной системы вызывают пристальный интерес у многих исследователей. Разговоры, которые велись на закате второго тысячелетия о конфликте цивилизаций, являлись, в сущности, отражением приблизившегося социокультурного перелома. Причем масштаб как происходящих, так и

грядущих изменений сегодня грандиознее, нежели это виделось несколько лет назад.

Многие страны столкнулись со сложными социокультурными изменениями, серьезными проблемами трансформации ценностной парадигмы. Значительную роль в этом играют СМИ, которые сегодня стали одним из главных инструментов распространения сообщений, воздействующих как на общественное сознание, так и на модели поведения человека.

В информационную эпоху именно средства массовой информации определяют ценностные приоритеты социальной, политической и духовной жизни общества. Они и есть тот действенный механизм, который отбирает, транслирует, формирует и изменяет ценности в обществе. Конструируя аксиологическую медиареальность путем трансляции ценностных доминант, массмедиа предлагают аудитории определенную ценностную модель, которая может нести как конструктивную, так и деструктивную функцию.

Особое значение СМИ приобретают в кризисные, переломные эпохи, когда в обществе происходят процессы трансформации / деформации социально важных ценностей, вытеснения общечеловеческих морально-этических доминант на нижние ступени ценностной шкалы. Именно тогда массмедиа претендуют на роль посредника в поиске ценностных ориентиров. Аудитория, воспринимая массмедийную информацию, усваивает нравственные нормы и ценностные приоритеты общества, формирует представление о сущностных признаках аксиологических доминант, что отражается на ее специфике мировосприятия, основных моделях поведения.

Медийная аксиосфера в широком понимании представляет собой мозаичную картину накладывающихся друг на друга ценностных доминант, которые детерминированы целым комплексом социокультурных факторов.

Политические конфликты, экономический и культурно-ценностный кризис, природные катаклизмы привнесли в коммуникативно-информационное пространство Украины чувство опасности, синдром усталости, агрессивной неопределенности, недовольство жизненными возможностями, разочарование и пессимизм. Сегодня массмедийные сообщения превратились в сводки негативных новостей, которые заполонили теле- и радиоэфир, интернет, прессу. В информационных блоках украинского ТВ и радио, на страницах газет уровень негатива достигает 50–80%. На телевизионном экране современный зритель видит сцены агрессии в среднем каждые 16 минут, а в период с 19.00 до 23.00 (прайм-тайм), когда перед экраном собирается самая многочисленная аудитория, этот условный интервал сокращается до 12 минут[1].

Согласно проведенному в ноябре 2011 года клип-контенту украинских телевизионных каналов, в телепространстве часто тиражируются материалы, содержащие негативные ценностные доминанты. В частности, анализ ценностей, обнаруженных в 300 фрагментах телепередач украинских каналов УТ-1, «Интер»,

«Новый канал», «1+1», ТРК «Украина», СТБ, ICTV, ТЕТ, «Тонис», НТН (каждый канал пересматривался ежедневно дважды в течение недели) показал, что негативный контент составляет 62.4%, а положительный – только 37.6% (см. табл. 1). Среди транслируемых антиценностей наиболее частотными являются «потребительство», «агрессия», «преступление», «смерть», «грабеж», «болезни», «природные катаклизмы». Как правило, они имеют место в блоках новостей, художественных кинофильмах, телесериалах и мультфильмах. Среди положительных тенденций контента ТВ следует назвать наличие ценностей культурно-познавательного направления («культура», «наука», «национальные традиции»), пропаганда здорового образа жизни («спорт», «здоровье»), знания («образование», «ум»).

Таблица 1. **Ценностные доминанты, тиражируемые украинским ТВ**

Позитивные доминанты	**Количество фрагментов**	**Негативные доминанты**	**Количество фрагментов**
Благотворительность	2	Агрессия	13
Добро	4	Болезни	8
Дружба	3	Война	6
Духовность	3	Грабеж	8
Здоровье	3	Жадность	2
Красота	3	Зависть	2
Культура	12	Катастрофа	5
Любовь	4	Насилие	6
Наука	5	Неправда	6
Национальные традиции	5	Потребительство	23
Образование	3	Предательство	2
Природа	5	Преступление	10
Родина	2	Природные катаклизмы	8
Семья	1	Разлука	1
Спорт	8	Смерть	8
Трудолюбие	3	Ссора	6
Уважение	1	Убийство	7
Ум	5	Эгоизм	1
Щедрость	3	Экономический кризис	6
Всего	**77 (37.6%)**	**Всего**	**128 (62.4%)**

Аналогичная ситуация наблюдается и в печатных СМИ, которые в последнее время превратились в «прессу катастроф», где много негативного и сенсационного. Даже беглый обзор названий материалов всеукраинских газет ярко свидетельствует о перенасыщении информационного пространства агрессивной ин-

формацией. Так, ключевыми словами многих материалов являются «метафоры войны», которые присутствуют в материалах разнообразной тематики: «***Война** за окружающую среду*» (День. – 2009. – № 94. – 5 июня), «***Война** за теплые батареи*» (День. – 2009. – № 170. – 24 сентября), «*Пестицидная **война***» (День. – 2008. – № 227. – 12 декабря), «***Войны** людей, **борьба** фильмов*» (Украина молодая. – 2008. – № 32. – 16 февраля), «***Битва** дипломатов на фоне **войны***» (Украина молодая. – 2008. – № 143. – 12 августа), «***Наступление на все фронты**: Абитуриенты **«штурмуют»** приемные комиссии отечественных вузов*» (Украина молодая. – 2009. – № 121. – 8–15 июля), «*Психологическая **война***» (День. – 2001. – № 38. – 27 февраля), «*Информационная **война***» (День. – 1999. – № 225. – 4 декабря), «***Поле битвы** – телевизор*» (Украинская правда. – 2008. – 23 сентября), «*В **газовых войнах** победителей не бывает*» (Украина молодая. – 2009. – 14 января), «*Пляжная **война** продолжается*» (Украина молодая. – 2009. – 2 июля), «*Кровожадная высокобюджетная **война***» (Зеркало недели. – 2010. – № 18 (798). – 15–21 мая), «*Языковые **войны***» (День. – 2005. – № 147. – 18 августа).

Агрессивность медиапространства порождает значительное количество лексических единиц, относящихся к семантическим полям «смерть», «криминал» (*убивать, уничтожать, ударить, ограбить* и т.д.), которые, по данным многих исследователей, доминируют среди всех оценочных единиц медийных материалов[2]. Как правило, эти лексемы являются ключевыми словами заголовочного комплекса, например: «*И снова **смерть** на пути*» (Украина молодая. – 2008. – № 53. – 20 марта), «***Смертельно** скользко*» (Украина молодая. – 2007. – № 230. – 12 декабря), «***Смертельный** «поцелуй» на дороге*» (Украина молодая. – 2007. – № 148. – 16 августа), «***Смерть** в тумане*» (Украина молодая. – 2006. – № 29. – 29 марта), «***Смерть** и хеппи-энд*» (Украина молодая. – 2008. – № 77. – 23 апреля), «*Кто заплатит за **смертельное** шоу?*» (Украина молодая. – 2004. – № 140. – 30 июля), «*Жизнь и **смерть** на ощупь*» (Украина молодая. – 2008. – № 64. – 4 апреля), «*Виктор Бут, «торговец **смертью***» (Украина молодая. – 2008. – № 48. – 13 февраля), «*Дорогой **смерти***» (Украина молодая. – 2009. – 2 июня), «***Смерть** – это очень балетная тема*» (День. – 2006. – № 183. – 25 октября), «***Смерть** еврозоны*» (Зеркало недели. – 2010. – № 18 (798). – 15–21 мая), «*Политическая **смерть***» (Зеркало недели. – 2010. – № 3 (782). – 30 января – 4 февраля).

Лексемы с семами «агрессия», «зло» используются даже в рекламном дискурсе. Кажется, авторы рекламных объявлений типа «*Фирме необходимы охранники – агрессивные молодые люди*» видят в этом определенную позитивность, которая для потребителя информации лишний раз порождает агрессию и злость.

Достаточно активно негатив тиражируется и в электронной сети, причем даже в позитивных якобы порталах. Так, основные рубрики «Портала позитивной политики», «Позитива Дня», «Антистресса», «Позитивного хлама», «Страниц позитива» часто содержат агрессивную, даже оскорбительную информацию. Например, в рубриках «Рисунки», «Фото» активно транслируются

порнографические изображения. В «Новостях» представлены специфические сенсационные сообщения типа «*Человек с горящей задницей*», «*Хотел подсмотреть девушке под юбку*», «*Почти порно ...*» и т.д. Среди объявлений о концертах, развлекательных программах выделяются те, которые вызывают появление негативных эмоций и чувств. Например, в объявлении о концерте одной из рок-групп[3] ключевой оказалась агрессивная лексика типа *зубокрошительное и мозгоподрывное рок-буйственное мероприятие*, *бешеное шоу*, *гаражно-подвальные ретро-рокеры*, *безумные скачки*, *адское рок-представление*. Как свидетельствует приведенный лексический ряд, понятия «буйство», «неистовство», «ад» лежат в основе текстов, которые по своей сущности априори должны быть нейтральными или позитивными. Возможно, для некоторых современных молодых людей такие слова и несут позитив, в частности, сами организаторы это мероприятие иронически называют *счастьем*: «*Цена счастья: 150 рублей (200 рублей в день концерта)*». Однако активное тиражирование подобной информации заставляет адресата привыкать к агрессивному общению, вследствие чего происходит искривление сущностных признаков СЧАСТЬЯ–НЕСЧАСТЬЯ, КРАСИВОГО – БЕЗОБРАЗНОГО, ДОБРА – ЗЛА.

Для многих СМИ уже стало нормой привлечение внимания публики прежде всего яркими «модными» материалами из сферы шоу-бизнеса. Многочисленные публикации о «культурных тусовках» современных «художников» часто шокируют не только читателей, но и самого автора материала. Сравните комментарий о Международном фестивале поэзии, который проходил в мае 2009 года в столице Украины: «*Почти всю прошлую неделю столица ритмично пульсировала стихами в исполнении прибацанных юношей, пожилых мужиков с безумным блеском в глазах, припанкованных и дерзких «девушек» и томных созданий а ladekadans с катастрофически подведенными глазами и шелковыми тесемками вокруг грубо окрашенных голов в стиле gothic. Эта поэтическая вакханалия под названием Международный фестиваль поэзии «Киевские лавры – 2006» началась 15, а закончилась 20 мая неким импровизированным перформансом на Днепре, разбитыми стульями на теплоходе «Эльбрус», несколькими разбитыми носами, стриптизом от украинской писательницы Светланы Поваляевой, традиционным уже открытием купального сезона и общим «сатори»... Когда я слушала эти стихи* (Кичинского. – Т. К.) *в столичном Доме учителя, мне хотелось только одного: стыдливо спрятать голову под крыло. Но, к сожалению, я не птица... На всем этом гостевом фоне наши Светлана Поваляева (на фестивале она шпацировала в черной футболке с огромным серебряным крестом на всё пузо и в красной футболке с «кока-кольной» надписью «CYKA – CYKA»), Дмитрий Лазуткин (в красной футболке с надписью, что в переводе с английского означало «трахни маму»), Богдан-Олег Горобчук, Богдана Матияш и другой молодой человек (прежде по духу) действительно казались, извините за графоманскую банальность, свежим дуновением ветра* (Украина молодая. – 2006. – № 93. – 25 мая).

Освещая так называемые «культурные вопросы», журналисты часто обращают внимание на бульварные подробности из жизни современных поп-звезд и шоуменов, используя соответствующий стиль подачи информации, сравните: «*Покажи гламуру дулю!*» (Украина молодая. – 2005. – № 209. – 9 ноября), «*Взял волк жеребенка, пусть и кобылу берет. Наверное, примерно так рассуждает Дженнифер Анистон, которая до сих пор зализывает раны после развода со своим мужем*» (Украина молодая. – 2005. – № 198. – 25 октября).

Актуализация тех или иных ценностных смыслов в массмедийной коммуникации в значительной степени обусловлена спецификой коммуникативного поведения журналистов, которые создают медиатекст и тем самым задают ему ту или иную аксиологическую направленность.

Сегодня, когда современный этап развития цивилизации все чаще описывается вербальными средствами «катастрофизма», активно используется «язык вражды» или, как его называют современные лингвисты, словесный экстремизм, дискурс ненависти, речевая (словесная, языковая, вербальная, коммуникативная) агрессия, заполонившая современные СМИ.

Среди основных средств выражения вербальной агрессии чаще всего называют инвективную лексику, в которой, как правило, присутствуют грубость и пошлость, агрессия и злость. Журналисты, к сожалению, ее не только не стыдятся, но даже бравируют такой «инвективностью», достаточно активно используя в массмедийном дискурсе. Сравните: «*... О политике – ни слова! Говорить об этом – бл...ство!*» (Зеркало недели. – 2009. – № 43. – 7–13 ноября); «*В первую очередь – это самопиар, для того чтобы потом, возможно, ... показать, что у него есть «отморозки», которые могут в определенных уличных акциях выполнить роль «девятой роты*» (Украина молодая. – № 68. – 14 апреля); «*... Сколько надо осушить самогона, чтобы трахнуть ослицу*» (Украина молодая. – 2008. – 2008. – № 61. – 24 октября).

Особенно яркие негативные характеристики получают представители властных структур, бездействие и безнравственность которых возмущает журналистов, сравните: «*О каком «бесплатном» образовании врут эти николаенкиевские биг-морды*» (Персонал плюс. – 2007. – № 32 (235). – 22–28 августа), «*Кандидат из «дерьма*» (Украина молодая. – 2007. – № 170. – 19 августа), «*... безмозглые чиновники*» (Украина молодая. –2006.– 3 апреля) «*словоблудная парламентская трибуна*» (Украина и мир сегодня. – 1999. – 9 октября); «*Политические обезьяны, шимпанзе украинской политики, обезьяноподобные люди*» (Украинская правда. – 2009. – 14 декабря).

Довольно часто журналисты цитируют политических лидеров, которые активно пользуются бранной лексикой при характеристике своих оппонентов. Например:

– *Я хочу плюнуть в морду герою Украины Литвину!*

– *Держи его, сука*, – крикнул кто-то из ложи правительства (Украинская правда. – 2010. – 28 апреля);

Порошенко – Ющенко: «*Слушай, ну чего ты привязался к этой дуре*?» (Украинская правда. – 2005. – 6 июля);

Шуфрич хвалится, что *«дал по морде» каратисту Зинченко* (Украинская правда. – 2004. – 25 октября);

«*Честно говоря, так откровенно власть еще, кажется, публично не ругал никто* [речь идет об одном из выступлений Луценко]. *Виктор Янукович получил характеристику «маразматический» раз десять, Василий Цушко обзавелся прозвищем «колхозная водокачка», Азаров получил новую фамилию «Дапашливы*» (Украинская правда. – 2007. – 24 марта).

Использование оскорбительных единиц иногда является авторским выражением категорического непринятия реальности, агрессивностью самого журналиста, причины которой не всегда известны адресату информации. Вследствие этого может вызвать агрессию и злость даже текст, в основе которого – позитивный факт.

Современным СМИ присуща и немотивированная пейоративная оценка. В медиатекстах встречаются словесные формулы, дискредитирующие даже те реалии, которые не заслуживают осуждения, например: «*Шевченко – «за бортом*» (Украина молодая. – 2007. – №. 43. – 19 сентября); «*Дети немилосердия*» (День. – 2010. – № 114. – 2 июля), «*Лишние*» *дети* (День. – 2003. – № 232. – 30 декабря), «*Неудобные*» *дети* (День – 2008. – № 189. – 21 октября), «*Студенчество – главный враг государства?*» (Зеркало недели. – 2001. – № 20 (344). – 26 мая – 1 июня). Дидактическая задача немотивированного пейоратива состоит, очевидно, в том, чтобы приучить читателя к ироническому, с долей цинизма, взгляду на жизнь. Это, как отмечает А. Басовская, своего рода материализация принципа «ничего святого», своеобразная манипуляция, которая насаждает в обществе привычку к агрессивности речевого поведения[4]. Кроме того, подобная репрезентация картины мира способна сформировать в аудитории искаженное представление о системе ценностей, доминирующих в обществе.

Транслируя сообщения из жизни «общества спектакля», журналисты пользуются различными манипулятивными методами и приемами, которые провоцируют агрессию и вражду в социуме. Наиболее частыми среди них можно назвать:

– Метод сверхинформирования, который заключается в перенасыщении информацией, что вызывает у читателей негативную реакцию на определенное явление или человека. Особенно активно такой прием применяется СМИ во время предвыборной кампании, когда избыток информации (даже положительной) о своем оппоненте вызывает у реципиентов раздражение и злость.

– Метод психологического шока – насыщение прессы текстами о жестокости определенных групп людей, что порождает у читателей негативное отношение к ним.

– Метод замены понятий, который заключается в использовании позитивно оценочных определений для обозначения нелицеприятных действий (или наоборот). Целью данного метода является создание одобрительного отношения к насилию и к тем, кто его совершает.

– Создание атмосферы страха, неуверенности в будущем достигается путем издания агрессивных текстов о некоторых социальных группах, народах, явлениях и т.д.

– Выборочный подбор информации – использование только тех фактов, которые выгодны для информационно-психологического воздействия.

– Метод отвлечения внимания – представление не очень важной информации в максимально сенсационной форме.

– Использование дезинформации – распространение ложных сообщений[5].

Как видим, сегодня активно проявляется духопатия массмедиа – упадок в информационном пространстве духовности и этичности, тиражирование психотравмирующих текстов с многочисленными сценами насилия, жестокости, отрицающих высшие духовные ценности и порождающих материализм, распространение вербальной агрессии.

Такая ситуация во многом определяется и глобализационными процессами, влияющими на все сферы жизнедеятельности человека. Сама по себе глобализация как неоднозначный феномен, который имеет как положительные (например, диалог культур), так и отрицательные (столкновение цивилизаций) последствия, порождает в коммуникативном пространстве противоположные по ценностным направлением тенденции.

С одной стороны, в результате глобализационных изменений увеличивается объем информационного потока, что дает возможность современному реципиенту получить максимальное количество разнообразной информации, приобщиться к лучшим достижениям мировой культуры, техники, науки, а следовательно, увеличить свою осведомленность по различным вопросам. По словам Дж. Стиглица, лауреата Нобелевской премии 2001 года по экономике, глобализация уменьшила чувство изоляции, остро ощущавшейся в развивающихся странах, и открыла многим из них доступ к знаниям и информации в таком масштабе, который на порядок выше возможности даже самых богатых жителей любой страны сто лет назад[6].

Об информационной революции свидетельствуют следующие факты. За последние три десятилетия произведено больше информации, чем за прошедшие 5 тыс. лет. Специалистами в области информатики установлена динамика роста информации: к 1800 г. ее объем удваивается каждые 50 лет, с 1950 – каждые 10, с 1970 – каждые 5 лет, с 1990 – ежегодно. В одном выпуске газеты «The New York Times» содержится больше информации, чем мог получить в XVI веке среднестатистический житель Англии за всю жизнь. Ежедневно в мире издается более 4000 книг. Прежде чем современный ребенок достигнет совершеннолетия, он

успеет посмотреть более 140 тыс. рекламных роликов. Средний европейский потребитель ежедневно получает около 3000 различных коммерческих сообщений. Ежегодно появляются 100 тыс. журналов (на 60 языках), 5 млрд. научных книг и статей, 250 тыс. диссертаций и отчетов. Всемирный книжный фонд удваивается каждые 10–15 лет, число телефонных каналов – каждые 11 лет, число автоматизированных баз данных увеличивается в 10 раз за 10 лет[7].

С другой стороны, глобализация, к сожалению, приводит к унификации национальных культур на основе западной масскультуры, размыванию форм национальной идентичности. Вместо того чтобы стать средством обогащения каждой культуры всеми другими в процессе равноправного диалога, она постепенно превращается в форму обезличивания многих культур, уничтожает некоторые национально-культурные традиции, навязывает ценности западного мира, признанного культурным стержнем глобализации.

Доминирующими принципами глобализированного мира становятся американские принципы потребительства, индивидуализма, которые ярко проявляются в средствах массовой коммуникации. Именно «... западные бренды ... заняли ведущие позиции не только в экономическом, но и в социально-политическом пространстве. Их создателям удалось внедрить в массовое сознание заимствованные мифы, связанные с соответствующими потребительскими стереотипами»[8].

Под влиянием активно транслируемой зарубежной медиапродукции (телесериалов, музыкальных клипов, рекламы) формируется «местная» масскультура, которая вбирает в себя привнесенные черты «чужих культур». Например, на украинских каналах тиражируются низкопробные сериалы, реклама, шоу, телеигры, созданные по образцам американской и европейской медиапродукции. Так, по данным В. Кулика, распространенным жанром нового украинского телевидения стал сериал. Сначала он импортировался из США или Латинской Америки, а потом стал продуцироваться в самой России и Украине[9]. Проанализировав продолжительность сериалов на шести рейтинговых телеканалах (Интер, 1+1, Новый канал, ICTV, СТБ, Украина) в будни одной недели весны 2008 года (31 марта – 6 апреля), исследователь обнаружил, что в эфире большинства из них этот жанр занимал видное место, заполняя от трети до более половины общего ежесуточного времени. Сравните: Интер – более 30%, 1+1 – у 58%, Новый канал – 52%, ICTV – 42%, СТБ – 12%, Украина – 25%, в целом – около 40%[10]. При этом по контексту представленных событий (местом и национальной принадлежностью героев) доля Украины в сериальном мире – мизерная, «этот мир остается разделенным на русскую и западную (главным образом американскую) части»[11].

Такие тенденции, в свою очередь, обусловливают появление новой глобальной масскультуры, сочетающей в себе различные ценностные смыслы, идеи и значение, которые не только влияют на образ жизни человека, его психическое состояние, но и порождают кризис культурно-ценностной идентичности.

В ситуации перенасыщения информационного пространства негативной информацией возникает необходимость в активном тиражировании непосредственного позитива, что ощущают не только потребители информации, но и работники СМИ. 14 апреля 2009 в пресс-центре УКРИНФОРМ состоялось заседание круглого стола «СМИ, экономика и общество в капкане негатива», на котором обсуждались проблемы социальной ответственности СМИ и влияние негативных медийных сообщений на жизнь общества. Его участники пришли к выводу, что государство должно вмешаться в работу массмедиа с целью гармонизации транслируемой информации, работники СМИ должны быть более ответственными за представленные материалы и не обходить хорошие новости.

Активно обсуждается эта проблема и в зарубежной журналистике. Глава федеральной организации Немецкого союза С. Вайшенберг указывает на определенный парадокс «плохих новостей» (badnews): «... в античные времена тех, кто приносил дурные вести, казнили. Сегодня же, в эпоху сплошных коммерциализированных медиа, картина скорее противоположная ...Несчастье, трагические события и катастрофы пользуются в медиа значительно большим вниманием, чем позитивные новости»[12].

Необходимость насыщения коммуникативного пространства позитивной информацией журналисты отмечают и на страницах печатных изданий. В частности, А. Тарнаруцкий, координатор созданной в г. Сумы (областном центре восточной Украины) в 2009 году Ассоциации хороших новостей, отмечает, что «*при нашей жизни без негативных новостей не обойтись. Но если мы акцентируем внимание только на них и отказываемся от позитивных сообщений, то тоже грешим против журналистской объективности*» (Украина молодая. – 2009. – № 63. – 7 апреля). В. Нянькин, корреспондент сумского издания «Панорама», в своем материале «Радости человека» отмечает: «*Люди перестали визиулизировать положительное представление о будущем… Победить нынешний кризис экономическими методами всеукраинского масштаба мы, маленькие люди, не в силах. Наш шанс – по кирпичику разбирать эту стену негатива, воздвигая свой монумент из положительных эмоций. Радостных эмоций маленьких людей*» (Панорама. – 2009. – № 11 (535). – 11–18 марта).

Этот монумент положительных эмоций начинает постепенно появляться в современном информационном пространстве Украины.

Так, с сентября 2008 года на «Интере» стартовал новый утренний проект, главная задача которого, по словам его руководителя А. Панноты, «зарядить зрителей позитивом, хорошим настроением и уверенностью, что сегодняшний день будет лучше минувшего»[13]. В марте 2009 года на канале «1+1» транслировался цикл телепередач «Территория позитива», в котором акцентировалось внимание на ценностях добра, счастья, веры. По словам автора этого проекта, корреспондентки Ю. Дячук, главная его цель – помогать мечтам стать реальностью. В апреле 2008 года телеканал «1+1» запустил социальный проект под общим

девизом «Счастье рядом», в котором транслировалась информация о простых украинцах, которым удалось изменить свою жизнь, а также серия специальных роликов о толковании сущности понятия «счастье». Кроме того, был проведен интернет-конкурс позитивных фотографий. Кстати, респонденты приняли в нем активное участие: всего за две недели было отправлено 25 000 положительных фотографий. Канал ICTV с начала 2009 года по пятницам транслирует «Хорошие новости», в которых говорится о благотворительности, порядочности, человечности. Интересную познавательную информацию сегодня можно найти не только на западноевропейских каналах «Discovery», «National Geographic», «Viaset History», а и всеукраинских: СТБ (транслирует еженедельную передачу «Вокруг света»), Тонис («Хит-парад дикой природы»), ICTV («Про-Ziкаве ua»). Положительной направленностью отличаются проекты «Я люблю Украину», «Танцую для тебя», «Украина имеет таланты», «Народный талант» и другие. К ним следует добавить детские образовательные телепередачи, которые, как известно, способствуют интеллектуальному развитию и социализации ребенка, развивают воображение, углубляют знания, формируют навыки решения проблем и т.д. В эфире Первого национального канала 2 ноября 2008 появилась новая детская программа «Антивирус для детей», которая, по словам ее авторов, «базируется на глубоких моральных ценностях», «подает хорошие и безопасные для детской психики решения проблем, способствует развитию позитивных психологических стереотипов», «создает базу для формирования у современного ребенка истинных жизненных ориентиров»[14].

В отдельных прессовых изданиях прослеживается появление положительных рубрик. «Украина молодая» несколько лет имела страницу «Доброе дело», где говорилось о благотворительности. «Персонал Плюс» имеет рубрику «Милосердие», «Образование Украины» – «Доброе слово о добром деле». Позитивностью отличаются представленные во всех всеукраинских печатных СМИ материалы об историко-культурном достоянии, исторических личностях, научных открытиях. Следует обратить внимание, что в последнее время все больше публикуется положительно оценочных материалов о судьбах обычных людей, которые помогают другим, преодолевают жизненные трудности, отличаются оптимистическим настроением и мироощущением. Такие материалы вызывают у читателей положительные эмоции, а их герои действительно становятся примером для подражания. В одном из отзывов читаем: «*В современной прессе не хватает позитива, спасибо автору, описывающему простых положительных людей, достойно идущих по жизненному пути! Это помогает любить людей, видеть в них жизненный пример*» (Леся).

Позитив начинает постепенно появляться и в электронной сети. В начале 2009 года заявил о себе украинский информационный портал «ХОРОШИеНОВОСТИ». Авторы этого проекта поставили цель – представить качественные и полезные материалы о наиболее позитивных, интересных событиях в жизни

общества. В основных рубриках портала – «Экономика», «Политика», «Общество», «События», «Наука», «Культура» – приводится информация о достижениях, успехах в различных сферах жизни, представлены интересные факты из сферы науки, культуры и искусства. Вообще на этом портале нельзя встретить слов «кризис», «негатив», которые стали ключевыми в текстах многих других изданий. Предлагаемая информация не содержит и чрезмерного позитива, которым были насыщены материалы советских СМИ.

Положительной направленностью отличается «Портал украинских гуманистов», где можно найти положительные сообщения об общественной жизни, культуре, науке. Ключевыми в новостях являются сообщения о помощи, успехах, благотворительных акциях.

Яркой позитивностью также отличаются недавно созданные развлекательные порталы: «Молодежный портал позитивного настроения», «Мир позитива», «Фотопроект «Позитив +» – их целью является формирование оптимистического взгляда на жизнь и окружающий мир.

Как видим, украинское медийное пространство начинает постепенно наполняться позитивной информацией. Однако этот сегмент пока составляет незначительную часть инфосферы: ей присуща информационно-аксиологическая асимметрия в соотношении позитивной и негативной информации, смещение аксиологических векторов в сторону негатива.

Такая ценностная диспропорция обусловлена прежде всего спецификой социокультурного контекста. Политико-экономический и культурно-ценностный кризис, глобализационные процессы, стремление к свободе, понимаемой как вседозволенность, предопределяют создание информационно-коммуникативного пространства, которому присущи чрезмерная агрессивность, злость, абсолютизация гедонистических ценностей, искажение привычных стереотипов. Значительную роль в этом играет и агрессивное коммуникативное поведение журналистов. Используемые ими языковые средства уже сами по себе выступают символом ценностей / антиценностей и тем самым закладывают предвзятое отношение к той или иной информации. Будучи чувствительным индикатором каких-либо изменений, происходящих в социокультурном пространстве, язык не только фиксирует тенденции развития / трансформации ценностной системы общества, но и влияет на ее формирование. Языковой код одновременно играет роль маркера и детерминанта ценностных ориентиров коммуникантов. Нарушение культурно-этических норм, использование манипулятивных технологий и языковых средств, выражающих агрессию, с одной стороны, свидетельствуют о негативных сдвигах в общественной жизни, а, с другой, оказывают негативное влияние на адресатов: порождают раздражение, злость, стимулируют деструктивные изменения их мировоззренческих установок.

Причину агрессивного коммуникативного поведения чаще видят в сложностях жизни, которые якобы заставляют людей быть жестокими, а язык как

социокультурное явление отражает настроения, доминирующие в обществе. Очевидно, что «язык – это очки, без которых нам не разглядеть окружающий мир. Язык – слуга и господин. Язык – наш друг и враг одновременно. Любой язык изменяется под влиянием различных факторов: внешних или внутренних. Он как будто бы следит за нами и фиксирует все самые важные наши проблемы и больные места. Он не дает ни соврать, ни обмануть самих себя. Общество становится криминальнее, и язык вслед за ним. Общество поддается чужому влиянию, и язык тоже. Общество становится свободнее, и язык отражает это. Более того, меняясь, язык начинает влиять на всех людей, говорящих на нем ... это не просто выбор, как говорить, а выбор, как думать и как жить»[15].

Еще О. Есперсен отмечал, что в периоды общественных катаклизмов размываются культурные стандарты, этические и эстетические традиции, которые сопровождаются вульгаризацией национального языка. Это наблюдалось в Англии XIV–XV вв., Франции конца XVIII в., СССР 20-х годов прошлого века, а также многих странах СНГ с конца XX ст. Однако, несмотря на социокультурный контекст, агрессивному слову может противостоять милосердное слово, «языку вражды» – «язык добра». И сегодня, по справедливому замечанию украинских исследователей А. Чичановського и В. Шкляра, «как никогда следует действовать по известному выражению: «Пресса – это все новости мира, а не школа злословия»[16].

Кроме того, известно, что основным принципом массмедийной коммуникации является золотое правило экономики: спрос рождает предложение. Однако и предложение в значительной степени может повлиять на спрос. Объективная трансляция актуальной информации, акцентирование внимания на базовых ценностных доминантах, интересных познавательных фактах могут способствовать появлению новых вкусов даже у поколения, которое долгое время кормили негативной информацией и приобщали к низкопробной культуре. Кажется, уже назрела необходимость в осуществлении идейно-смысловой трансформации массмедийной аксиосферы путем наполнения ее социально значимыми сюжетами, ценностными идеями, что может привести к информационно-аксиологическому балансу в современных СМИ.

Примечания

1. Зайцев, А.А. Мониторинг сцен насилия в программах ведущих телеканалов Украины [Электронный ресурс] / А.А. Зайцев, Ю.В. Онышко, Р.И. Исаков // Архів психіатрії. 2002. № 2 (29). С. 32. Режим доступа: http://www.politik.org.ua/projects/view.php.
2. См., например: Сковородников, А.П. Языковое насилие в современной российской прессе / А.П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методический бюллетень / М-во общ. И проф. образования РФ. Краснояр. гос. ун-т. Лаб. лингвоэкологии и речевой культуры Краснояр. науч. центра Сиб. отд-ния Междунар. акад. наук высш. шк. Красноярск; Ачинск, 1997. С. 35–41.

[3] *30 августа в клубе «АГАВА» специально для ВАС и только для ВАС состоится зубокрошительное и мозгоподрывное рок-буйственное мероприятие под названием «COVERFEST-2008». На этом бешеном шоу вас ждут новые и оригинальные версии супербоевиков и баллад прошлых лет и современности, забытая классика и свежие рок-шедевры, песни, которые вы, возможно, никогда не услышите живьем в исполнении самых реактивных и динамичных команд города Уфы. Хиты от: TheBeatles, Guns'N'Roses, TheHives, TheStrokes, Eric'aClapton'a, Rufio, TheKillers, BillyIdol'a, Anti-Flag& многих других легенд для ВАС исполнят гаражно-подвальные ретро-рокеры из THE SWEETS, американо-башкирская oldschool-хард-рок-панк группировка АЙБАТ ХАЛЛЯР, развеселые и активные поп-панкеры из К-19 и неунывающий ансамбль песни и пляски под управлением автопилота КОЛЛЕКЦИЯ ДНЕЙ. Масса развлечений, мощное шоу, безумные скачки, холодное пиво, адское рок-представление и много еще чего вас ждет на этом празднике великих мелодий и песен.*
Долой «Дискотеку 80-х», даешь COVERFEST – 2008!!!
Начало буйства: 18.00.
Цена счастья: 150 рублей (200 р. в день концерта). Предварительная продажа в рок-магазине «САУНД» (проспект Октября 16/2, ост. «Округ Галле»).

[4] Басовская, Е.Н. Немотивированный пейоратив в публицистическом тексте / Е.Н. Басовская // Эмоции в языке и речи: [сборник научных статей / под ред. И.А. Шаронова; Российский государственный гуманитарный университет]. М.: РГГУ, 2005. С. 234.

[5] Детальный анализ манипулятивных технологий см., например: Жмуров, Д.В. Насилие (агрессия) и литература [Электронный ресурс] / Д.В. Жмуров. Иркутск: АСПринт, 2005. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psiho/gmurov; Кара-Мурза, С. Власть манипуляции / С. Кара-Мурза. М.: Академпроект, 2009; Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. К.: Оріяни, 2003; Колосов, С.А. Манипулятивные стратегии дискурса ненависти / С.А. Колосов // Критика и семиотика. 1994. Вып. 7. С. 248–256; Ковалевська, Т.Ю. Комунікативні аспекти нейролінгвістичного програмування: монографія / Т.Ю. Ковалевська. Одеса: Астропринт, 2001; Панкратов, В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация / В.М. Панкратов. М.: Изд-во Института психотерапии, 2000.

[6] Стиглиц, Д. Человеческое лицо глобализации [Электронный ресурс] / Д. Стиглиц. Режим доступа: http://www.elib.org.ua.

[7] См. об этом: World Communication and Information Report, 1999–2000. UNESCO Statistical Office [Электронный ресурс]. – Paris: UNESCO, 1999. Режим доступа: http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001190/119077e.pdf; Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей [Текст] / А.Д. Еляков // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 114–121.

[8] Грицюта, Н.М. Естетичні тенденції креативу сучасної реклами (до проблеми використання міфотехнологій у рекламній творчості) / Н.М. Грицюта // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2007. № 766. Серія: Філологія. Вип. 51. С. 149.

[9] Кулик, В. Дискурс українських медій: ідентичності, ідеології, владні стосунки / В. Кулик. К.: Критика, 2010. С. 218.

[10] Там же, с. 220.

[11] Там же, с. 227.

[12] Вайшенберг, З. Новинна журналістика: навчальний посібник; за заг. ред. В.Ф. Іванова / З. Вайшенберг. К.: Академія Української преси, 2004. С. 25.

[13] См.: htpp://www.inter.ua/ua/media.

[14] См.: htpp://www.kreschatic.kiev.ua.

[15] Кронгауз, М. Язык мой – враг мой? [Электронный ресурс] / М. Кронгауз // Новый мир. 2002. № 10. Режим доступа: http://www.classes.ru/ru.philology/krongauz-02.htp.

[16] Чічановський, А.А. Світ інформації: особистість, суспільство, держава / А.А. Чічановський, В.І. Шкляр. К.; М.: Вид-во «Слов'янський діалог», 1995. С. 20.

Юрий Петрушенко

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Abstract

Business culture is described by the ways in which organizations run their business for profit. Nowadays corporate social responsibility is not a voluntary supplement to the business. It is mostly a method of business management. Therefore, one can determine the effectiveness of the formed business culture looking at the relation to social responsibility.

The purpose of the paper is to determine the specificity of forming corporate social responsibility in terms of formation of national business culture in Ukraine.

Keywords: social responsibility, business culture, national economy, motivation of socially responsible behavior, insider-outsider model.

Коммерческое предприятие – это творение общества и экономики, и общество и экономика могут уничтожить любой бизнес за ночь. Предприятие существует с молчаливого согласия общества и экономики, и только до тех пор, пока они полагают, что предприятие выполняет нужную полезную результативную работу. ... Не существует никакого внутреннего противоречия между прибылью и необходимостью для компании приносить общественную пользу – более того, первое необходимо, чтобы достигать второго... Предприятие, которое не сможет учитывать свое воздействие на общество и свою ответственность перед ним, может быть подвергнуто справедливой атаке

со стороны общества...
Протест против «общества потребления»
и борьба за экологию – это не враги экономики,
но симптомы того, что бизнес не может
осознать свою широкую социальную роль.

Питер Друкер
«Цели бизнеса и потребность в выживании» (1958 г.)

Введение

Процесс развития общества открывает для его членов ранее недоступные возможности, но также выдвигает к ним и новые требования. Увеличение общественных требований к экономической деятельности реализовалось именно в распространении концепции корпоративной социальной ответственности, которая уже несколько десятков лет занимает центральное место в дискуссиях об отношениях бизнеса и общества.

Доктрина социальной ответственности до сих пор не получила окончательного признания как попытка согласования намерений и результатов капитализма. И все дело в том, что сторонники свободного рынка по-прежнему верят в то, что бизнесмены служат обществу в наибольшей степени только в том случае, когда стремятся достичь личного интереса. Приверженцы социальной ответственности бизнеса не отрицают эффективности мотива максимизации прибыли, но также верят в то, что в долгосрочной перспективе интересы бизнеса и общества связаны таким образом, что достигнут успеха именно те фирмы, которые подчинили этот мотив общественным целям.

Таким образом, под понятием «социальная ответственность» сегодня скрывается противоречивое разнообразие как взаимодополняющих, так и альтернативных взглядов. Более того, социальная ответственность бизнеса трактуется и как теория, и как концептуально неоднородное «движение». В связи с этим можно вести речь об изменении предпринимательской культуры хозяйственной деятельности вследствие влияния как теоретических идей концепции социализации бизнеса, так и ее практических достижений.

Сущность предпринимательской культуры раскрывают способы, с помощью которых организации осуществляют свою деятельность с целью получения прибыли. Поэтому через отношение к социальной ответственности, которая сегодня не добровольное дополнение к хозяйственной деятельности предприятия, а метод управления бизнесом, можно проследить эффективность предпринимательской культуры.

Цель статьи – определить специфику формирования социальной ответственности бизнеса в условиях становления предпринимательской культуры в национальном хозяйстве Украины.

Задачи статьи: 1) определить мотивы социально ответственного поведения предприятий в современных условиях и охарактеризовать причины распространения концепции социальной ответственности; 2) проанализировать существующие национальные модели социальной ответственности бизнеса; 3) выявить особенности проявления принципов социальной ответственности в хозяйственной культуре предприятий Украины.

Предпосылки развития концепции социальной ответственности бизнеса в современном мире

Распространение концепции социальной ответственности бизнеса связано с проблемами сохранения достигнутых позиций и усилением конкуренции предприятий в современных условиях, которые постоянно меняются. Усиление международной конкуренции и развитие международной торговли – объективные факты, с которыми вынуждено считаться любое предприятие. Среди факторов, которые приводят к росту уровня неопределенности и риска – глобализация экономики; стремление найти баланс между государственным вмешательством в экономику и ее саморегуляцией; обострение экологических и социальных проблем; ускоренное развитие новых технологий; изменение общественных настроений и вкусов. Ситуация усложняется тем, что эти факторы взаимодействуют между собой и влияют на все сферы деятельности предприятия.

Таким образом, невозможно понять современное состояние бизнеса и ту роль, которую он способен исполнять в новых условиях, а также проанализировать социально-ответственные направления его деятельности, не исследовав перед тем основные условия формирования современной деловой среды и не проанализировав существенные изменения последних десятилетий.

К основным причинам, которые вызвали коренные изменения в развитии мировой экономической системы, а также привели к пересмотру традиционных ролей бизнеса и содействовали распространению феномена социальной ответственности, относятся:

1. *Глобализация экономических процессов.* Можно выделить две основные научные точки зрения относительно социальных последствий глобализации. Приверженцы первой считают, что следствия этого процесса в большей мере положительны: глобализация вызывает увеличение темпов экономического роста и качества жизни населения, содействует распространению демократических ценностей. Приверженцы другой точки зрения полагают, что доминируют негативные последствия: ослабление национальных правительств, угроза экономической безопасности государств, существенные изменения на рынке труда и ухудшение благосостояния трудящихся. Сторонники такого подхода настаивают, что процесс глобализации приведет к росту социальной несправедливости, дальнейшему расслоению между бедными и богатыми, увеличению

факторов неопределенности, усложнению управления и прогнозирования экономических процессов.

Несмотря на различия в оценке глобализации, сторонники обеих точек зрения согласны с тем, что происходит формирование тесных связей во многих социально-экономических сферах между странами и частями мира, следствием которых является возрастающая взаимозависимость. Это требует увеличения масштабов рассмотрения любых проблем, перехода от национального уровня к мировому. В условиях возрастающей нестабильности, постоянного увеличения числа участников международных отношений, разнонаправленности их интересов возникает необходимость в новых принципах взаимодействия экономических и социальных институтов на международном уровне. Таким образом происходит формирование мировой деловой этики, которая меняет характер сосуществования бизнеса и общества, а также выступает предпосылкой формирования социально ответственного поведения экономических субъектов (Кричевский 2008: 26).

2. *Изменение структуры собственности.* Существенная трансформация традиционных ролей государства и бизнеса объясняется эволюционными изменениями форм собственности предприятий в развитых странах, стремительными преобразованиями в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Эти изменения привели к увеличению темпов экономического роста и улучшению условий жизни. В странах, где происходят трансформационные процессы, продолжаются процессы приватизации, слияния и поглощения. Поскольку во многих странах нет глубоких традиций взаимодействия между бизнесом и обществом, появилась необходимость влиять на формирование новых экономических субъектов со стороны государства и общественных институтов. Одновременно происходит рост количества владельцев предприятий из числа их прежних руководителей и работников (Шевчук 2005: 2, 17–26).

3. *Ускорение научно-технического прогресса.* Достижения в области информационных технологий существенно влияют на экономические отношения. Благодаря этому производители имеют возможность получать больший объем информации о потребителях и партнерах, более эффективно взаимодействовать с ними. Информационные технологии позволяют отслеживать информацию о движении капитала, условиях производства, делать прогнозы с высоким уровнем достоверности. Благодаря этому мобильность капитала и скорость его перемещения постоянно возрастают, что приводит к постепенной интеграции отдельных стран в единую мировую экономическую систему.

Доступность информации приводит к открытости предприятий, но и делает их чувствительными к любым изменениям. Это обусловливает необходимость более детального учета всех факторов, которые могут влиять на деятельность предприятия. Оно должно оперативно реагировать на изменения в социальной и экономической среде. Все это приводит к качественным изменениям в хозяй-

ственной деятельности предприятий, одним из которых является необходимость отвечать новым социально-ответственным требованиям для достижения экономического успеха.

4. *Повышение роли персонала предприятия.* В настоящий момент повышается роль человеческого и социального капитала не только в деятельности предприятий, но и в обеспечении конкурентоспособности национальной экономики (Мескон 2004: 84; Соболева 2008: 298–331). Такой процесс объясняется тем, что конкурентоспособность компаний определяется не только ценовыми факторами, но и факторами качества продукции и услуг. Персонал перестает быть просто дополнением к капиталу, а становится ключевым стратегическим ресурсом развития предприятия. Соответственно изменяются представления об обязанностях, рабочем месте, карьере, мотивации работников. Под влиянием современных телекоммуникационных технологий и благодаря новым формам занятости изменяются традиционные представления о профессиональном развитии в рамках одной компании без изменения специальности.

При дефиците квалифицированной рабочей силы привлечение, развитие и мотивация талантливых сотрудников будут иметь все большую важность. Предприятия могут использовать свой хороший имидж, который сложился в результате социально ответственной деятельности, как ключевой элемент в рекрутинговой деятельности.

5. *Необходимость согласования интересов многих субъектов социально-экономических отношений*. В современных условиях наблюдается диверсификация интересов предприятия, разных слоев общества, потребителей, персонала. Деятельность предприятия связана с функционированием широкого круга субъектов хозяйствования, влияющих на его деятельность. В свою очередь такая деятельность имеет возможность обратного влияния. Если рассматривать взаимоотношения бизнеса и общества, то единственная возможность их бесконфликтного существования состоит в согласовании потребностей по возможности большего количества групп влияния с интересами предприятия. В случаях, когда деятельность компании противоречит ценностям и ожиданиям представителей общества, возникают потенциальные угрозы ведению бизнеса.

К предпринимателям приходит понимание того, что существует сфера общих интересов общества и бизнеса. Могут наблюдаться отличия в мотивации, но вместе с тем наблюдается и единство преследуемых целей. Кроме получения максимальной прибыли и сокращения расходов, целями каждой бизнес-организации становятся рациональное использование ресурсов, забота о персонале, оптимизация отношений с кругом заинтересованных сторон и долгосрочные перспективы развития (Alchian 1972: 6, 777–795).

6. *Давление со стороны бизнеса-окружения*. В последнее время распространяется тенденция, согласно которой большие компании, ведущие бизнес в соответствии с принципами социальной ответственности, совершают влияние на

своих «менее сознательных» партнеров. Если большая компания в своей деятельности руководствуется принципами социальной ответственности, то она будет требовать этого же и от своих партнеров. Таким образом, социальная направленность постепенно становится чертой не только больших глобальных компаний, но и меньших предприятий национального и регионального уровней (Алексеева 2008: 3(571), 23–26).

В последнее время приобрело распространение «этическое инвестирование». Согласно ему выбор компаний для инвестирования и сотрудничества обусловливается и этическими мотивами. Рациональность такого выбора подтверждается исследованиями, указывающими на наличие положительной связи между социальной активностью и стоимостью акционерного капитала (Аналитический отчет по результатам исследования Ассоциации менеджеров «Социальная роль бизнеса в общественном развитии: корпоративная благотворительность и спонсорство» 2001). В этом случае преимущество отдается компаниям, которые удовлетворяют критериям социальной ответственности.

Другая тенденция – стремление инвесторов получить достоверную и полную информацию о предприятии. Большую важность для них имеет информация о конкурентоспособности компании, стабильности ее деятельности, возможные инвестиционные риски. Потребность в привлечении инвесторов вынуждает бизнес снижать риски будущей деятельности, в том числе путем развития социальных инициатив. Все это приводит к тому, что компании начинают предавать гласности как традиционные финансовые, так и социальные отчеты (Воробей 2005: 10, 19–29).

Необходимо отметить, что рост внимания к внедрению принципов социальной ответственности связывается со стремлением компаний вывести свои ценные бумаги на фондовые биржи. Размещение акций на бирже является действенным инструментом финансирования дальнейшего развития компании и открывает доступ к более дешевым источникам капитала. Чтобы разместить акции на наиболее крупных мировых биржах, необходимо пройти проверку по многим аспектами деятельности, в том числе социальным (Экспертная оценка и практика в Украине 2008: 24).

7. *Экологические проблемы*. Человечество все чаще сталкивается с проблемой недостатка природных ресурсов. Становится понятно, что даже большие усилия отдельных национальных правительств не в состоянии существенно изменить ситуацию. Негативные внешние экологические эффекты деятельности предприятий в большинстве случаев влияют на сферы, которые не имеют непосредственного отношения к экономической деятельности. Промышленность попрежнему уничтожает природные ресурсы, которые находятся в общественной собственности.

Реальной возможностью преодоления подобных проблем является консолидированная деятельность международных надгосударственных органов,

международных организаций, которые способны повлиять на формирование новых принципов функционирования бизнеса во всем мире. Таким образом, политические и общественные организации могут ограничивать деятельность предприятий в новых условиях, принуждая их рационально использовать экологические ресурсы и заниматься решением проблем окружающей среды.

8. *Изменения на рынке труда*. Развитие транснациональных корпораций и больших международных компаний, а также усиление конкуренции привело к формированию международного рынка труда. Национальные рынки труда постепенно теряют свою ограниченность. Между странами возникают транснациональные потоки перемещения рабочей силы, движение которых принимает системный характер. Происходит ослабление государственной монопольной власти на формирование социально-трудовых отношений.

Формирование международного рынка труда свидетельствует того, что процессы глобализации постепенно меняют общественные и трудовые отношения. Международные компании являются пространством, где встречаются разные модели социальной политики, которые сформировались в разных странах, в условиях разных национальных традиций и социального опыта. Таким образом, формирование международного рынка труда – это многогранный социально-экономический процесс, который позволяет пользоваться мировым общественным опытом эффективного хозяйствования и стимулирует формирование новых принципов взаимодействия между обществом и экономическими субъектами.

9. *Изменение функций власти и бизнеса*. Также нужно обратить внимание на взаимопроникновение функций государства и большого бизнеса. Причина – образование большого количества транснациональных корпораций и международных компаний. Крупные бизнес-организации обладают большим объемом физического капитала, инфраструктурой, землей, финансами, информационными ресурсами, чем правительства отдельных стран, и сегодня являются наиболее влиятельными субъектами на международной арене. Они значительно влияют на государственную политику, международную торговлю и рост национальных экономик. Таким образом, большие компании могут рассматриваться как новый центр власти, от которого общество ожидает такого выполнения социальных функций, которое можно было бы сравнить с объемом его ресурсов.

Исследование изменений в полномочиях современных институтов позволяет проследить тенденцию к увеличению власти ТНК, которые рассматриваются в качестве глобальных игроков. В современном мире правительственные институты находятся в менее выгодном положении, поскольку ограничены национальными интересами и правовой системой государства, что объясняет рост активности транснациональных компаний в решении глобальных проблем, где правительствам сложно найти общее решение.

Иерархические уровни социальной ответственности

Единого подхода к определению границ социальной ответственности предприятий не существует, что обусловлено разными подходами к оценке ее значимости и целесообразности. Для анализа различных аспектов воплощения социальной ответственности в реальные меры можно выделить три уровня. Первый уровень – это экономическая модель государства, второй – подход к внедрению социальной ответственности в деятельность предприятий, и третий уровень – модели корпоративного управления компаний (рис. 1).

Рис. 1. Уровни реализации концепции социальной ответственности.

На первом уровне можно выделить три наиболее типичные экономические модели государства: либерально-рыночную, социально-рыночную и командно-административную. Каждая из них характеризуется собственным пониманием целесообразности социальной ответственности компании и формирует присущий ей подход к внедрению принципов социальной ответственности.

На втором уровне рассматриваются концептуальные подходы, объясняющие сущность и целесообразность социальной активности предприятий (Барабанник 2010: 1, 5–11). Первый подход, который отвечает либерально-рыночной модели, традиционный, он получил название «концепции корпоративного эгоизма». Его сторонники – М. Фридман и Т. Левит. Они полагают, что основная цель бизнеса – оптимальное использование ресурсов ради достижения максимальной прибыли, при этом компания должна функционировать в пределах

действующего законодательства (Friedman 1970: 6). При условиях выполнения нормативных требований менеджеры должны тратить корпоративные ресурсы таким образом, чтобы удовлетворить интересы владельцев. Приверженцы такой концепции выступают против социальной ответственности в более широком понимании, считая, что подобная практика ослабляет основную функцию бизнеса – получение прибыли.

Не только экономисты-теоретики, но и предприниматели все чаще используют в своей деятельности не принцип максимизации прибыли, а стратегию оптимизации поведения в долгосрочном периоде (Агапова 2002: 36; Клишова 2008: 34–1, 150–157). Такая точка зрения соответствует социально-рыночной экономической системе и носит название «концепции корпоративного альтруизма». Она возникла в публикациях М. Фридмана и впервые сформулирована в США Комитетом по экономическому развитию, в рекомендациях которого отмечалось, что корпорации должны вносить вклад в улучшение качества жизни общества (Туркин 2004: 7, 18–25). Согласно этой позиции корпорация обязана учитывать негативные аспекты собственной деятельности, влияние на экологию и местное население, а также принимать участие в решении проблем на общенациональном уровне.

«Концепция разумного эгоизма» («концепция просвещенного эгоизма») является компромиссным вариантом объединения двух предыдущих, в целом противоположных, подходов. Предприятие, согласно ей, должно избирать такие направления социальной деятельности, которые позволят решать социальные проблемы, улучшать экономические результаты предприятия. Компания, занимая социально ответственную позицию, в дальнейшем получает выгоду вследствие снижения будущих рисков. При этом в долгосрочной перспективе расходы на социальные инициативы целесообразно рассматривать как социальные инвестиции.

Четвертый подход, который получил название «концепции предприятия – социального гаранта», соответствует командно-административной модели экономики (в частности бывшего СССР). Согласно ему предприятие имеет ряд общественных обязанностей и управляет объектами социальной инфраструктуры. Эта концепция получила свое развитие в условиях, когда не существовало развитой системы социальных заведений и меры по ее формированию были переданы предприятиям. Ситуация в таком государстве характеризовалась недостаточной эффективностью распределения социальных благ и сложностью содержания большого количества непрофильных активов для предприятий. Данная концепция, в отличие от других, не получила дальнейшего развития в связи с переходом стран, в которых она господствовала, к рыночным отношениям.

На третьем уровне мы рассматриваем модели корпоративного управления компаний, которые характеризуются избранными подходами к внедрению

принципов социальной ответственности (Лозовая 2010: 1, 84–88). Концепция «корпоративного эгоизма» стала основой для модели «компании владельцев» (shareholders company). Согласно этой модели персонал рассматривается как продавец своей рабочей силы и получает лишь заработную плату. Все социальные потребности работники должны удовлетворять за счет заработной платы, поэтому компании не следует осуществлять дополнительных мероприятий социальной направленности. Это функция исключительно государства, а предприятие принимает участие в решении социальных проблем, образовывая рабочие места, выплачивая заработную плату и налоги, удовлетворяя нужды общества в качественных товарах и услугах.

В пределах такой модели компания воспринимается как социальное сообщество, которое в ходе своей деятельности вынуждено взаимодействовать с кругом других субъектов (владельцы ресурсов, акционеры, инвесторы, менеджеры, наемные работники, органы власти, поставщики, потребители), а социальная ответственность – итоговый результат их взаимодействия. Содержание модели в том, что все заинтересованные лица и организации, которые прямо или опосредованно связаны с компанией, не только поддерживают определенные отношения и связи, но и образовывают объединенное общими интересами сообщество (Шевчук 2005: 2, 17–26).

Модель «предприятие – корпоративный гражданин» является продолжением модели «компании участников». Отличием концепции в том, что в состав стейкхолдеров начинают зачисляться государственные органы разных уровней, с которыми взаимодействует компания. Помимо того, в ней впервые отобразились тенденции глобализации, и к кругу заинтересованных сторон начали относить международные организации. Однако существенное расширение круга стейкхолдеров вызвало сложность в исследовании обеспечения баланса их интересов.

Мотивация внедрения принципов социальной ответственности в деятельность предприятия

Процесс распространения социально ответственного поведения в реальной практике хозяйствования испытывает влияние как положительных, так и отрицательных факторов.

Аргументы в пользу внедрения социально ответственного поведения можно поделить на две группы (рис. 2). Во-первых, предприниматели ожидают определенных выгод или преимуществ, которые формируют активную мотивацию, содействуют изменениям в деятельности предприятий. Вместе с тем большое значение играют доводы о том, что социальные меры выступают ключевым элементом управления рисками. Эти аргументы формируют реактивную мотивацию, то есть социальное ответственное поведение рассматривается как средство сохранения стабильности (Алексеева 2008: 128–134).

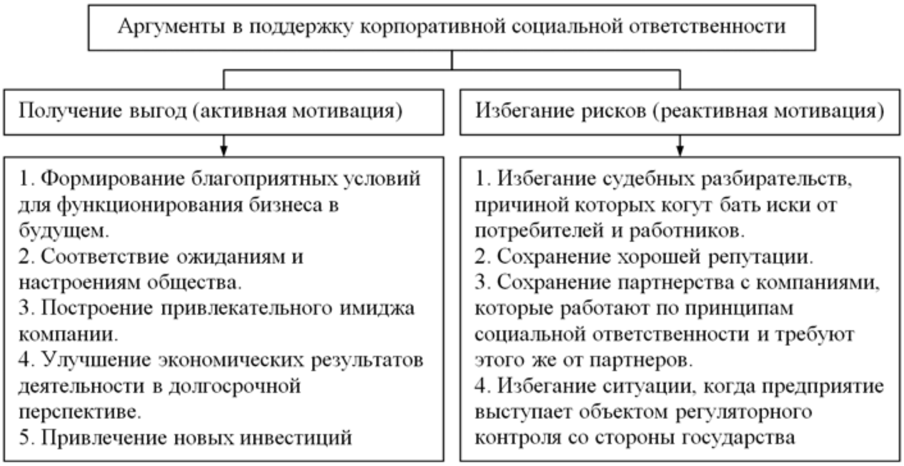

Рис. 2. Комплекс мотивационных факторов внедрения корпоративной социальной ответственности.

В роли аргументов, которые противодействуют распространению социально ответственного поведения, выступают следующие явления (Балакирев 2005: 3–4 (20/21), 65–77):

- нарушение принципа максимизации прибыли. Социально ответственное поведение усложняет и ограничивает пути получения прибыли и накладывает ряд дополнительных условий, лишь выполнив которые предприятие может достичь финансового успеха;
- средства, которые выделяются для проведения социальных мероприятий, в краткосрочной перспективе являются для предприятия расходами и должны покрываться или за счет владельца, уменьшая его прибыль, или за счет потребителей – в виде повышения цен на продукцию;
- преследование целей улучшения имиджа. Для многих предприятий важно получение быстрых результатов и с этой точки зрения иногда достаточно задекларировать преданность социальным принципам, чтобы улучшить репутацию и защитить себя от нападок со стороны общественности;
- отсутствие опыта в решении социальных вопросов. В условиях недостаточного опыта возникает необходимость в помощи специалистов и сотрудничестве с общественными и государственными институтами;
- сложность расчетов экономического эффекта от социальной деятельности. Вопрос существования связи между мерой ответственности предприятия и его финансовыми результатами до сих пор не имеет четкого решения.

Институционализация концепции социальной ответственности

Институционализация – процесс формализации социальных отношений, переход от неформальных отношений (объединений, соглашений, переговоров) и неорганизованной деятельности к созданию организационных структур с иерархией власти, регламентацией соответствующей деятельности, тех или других отношений, их юридической легализацией (Новая философская энциклопедия 2010: 2, 125).

Организационное закрепление социальной ответственности происходит путем создания учреждений и организаций, которые распространяют принципы социальной ответственности. Тенденция учитывать социальные и экологические показатели при выборе объектов инвестирования появилась в 1998 году, когда была разработана система показателей устойчивого развития компаний всемирного индекса Доу-Джонса, которые поддерживают концепцию устойчивого развития (Dow Jones Sustainability Group Index). В 2001 году введен аналогичный индекс для европейских компаний (DJSI STOXX) (Хилтон 2003: 132).

В 2001 году на Лондонской бирже на основе индекса FTSE (Financial Times Stock Exchange) введен новый индекс FTSE4Good. Дополнительные критерии для вхождения в листинг такого индекса – это осуществление мер по защите окружающей среды, формирование отношений с акционерами и соблюдение прав человека (Хилтон 2003: 134).

Процесс институционализации корпоративной социальной ответственности на международном уровне осуществляется в виде образования международных организаций. В 1996 году образована «Европейская бизнес-сеть – КСВ Европа» (European Business Network – CSR Europe), главными задачами которой стали популяризация идей и распространение опыта внедрения принципов социальной ответственности. В 1997 году при поддержке «Программы ООН по окружающей среде» возникла «Глобальная инициатива по отчетности» (Global Reporting Initiative), сферой деятельности которой стала разработка стандартов отчетности предприятий и улучшение качества планирования с учетом устойчивого развития (Гусєва 2003: 6, 51–62). В 2000 году образован «Глобальный договор» (Global Compact), участниками которого стали компании всего мира. В пределах этого образования были сформированы принципы, регулирующие трудовые отношения, экологические аспекты деятельности компании и соблюдение прав человека, соблюдать которые обязались члены организации (Экспертная оценка и практика в Украине 2007: 10).

Также процесс институционального оформления социальной ответственности включает нормативное закрепление, осуществляющееся путем разработки и внедрения законодательных инициатив, стандартов социальной от-

ветственности и предусматривает подготовку социальной отчетности, которая может воплощаться с помощью двух базовых подходов (Шура 2004: 34–35).

Первый предусматривает подготовку отчета в свободной форме. Предприятие самостоятельно избирает показатели деятельности, которые отображаются в публичном отчете. Также компания избирает объем и перечень данных, которые отображаются. При этом предприятие имеет большую свободу в выборе содержания отчета, количества ресурсов, которые выделяются на социальные меры и окончательное оформление отчетности. Такая ее форма присуща компаниям, делающим первые шаги по внедрению целостной стратегии социальной ответственности.

Согласно второму подходу компания, которая готовит отчет, использует внешние стандарты. Сегодня наиболее распространены стандарты социальной отчетности – руководство GRI (GRI Guidelines), система стандартов AA1000 (AA1000 Assurance Framework) и стандарты социального и этического менеджмента серии SA8000 (Social Accountability 8000). В 2010 году завершена разработка стандарта ISO 26000 «Руководство по социальной ответственности», который представляет собой руководство по принципам, лежащим в основе социальной ответственности.

Кроме официальных стандартов, распространение также получили неофициальные нормативные документы, которые регулируют социальную ответственность предприятий и имеют локальный характер применения. Их авторы – бизнес-ассоциации, отдельные компании и даже отдельные лица (Пустовійт 2006: 211).

Национальные модели социальной ответственности бизнеса

На уровне отдельных государств процесс институционализации осуществляется путем формирования национальных моделей социальной ответственности. Основной их характеристикой является набор учреждений, которые играют приоритетную роль при формировании комплекса мероприятий по участию бизнеса в жизни общества. Социальные требования к предприятиям могут поступать от официальных или неофициальных общественных институтов, а также самостоятельно определяться представителями бизнес-сообщества. В первом случае происходит регламентация участия бизнеса в общественной жизни с помощью коммерческого, экологического, трудового или налогового законодательства. Во втором – мера социальной активности определяется предприятием самостоятельно.

Существует несколько национальных моделей социальной ответственности, каждая из которых отвечает национальным традициям, направлениям развития экономики, стилям управления, общественно-экономическому укладу, особенностям функционирования общественных институтов и правовым нормам

конкретных стран. Рассмотрим основные национальные модели социальной ответственности (табл. 1).

Таблица 1. **Особенности национальных моделей социальной ответственности**

США	Страны западной Европы	Япония
1. Поощрение социально ответственной деятельности предприятий со стороны государства. 2. Социальная деятельность компании имеет четкие направления. 3. Решение социальных проблем на уровне местного сообщества является приоритетом. 4. Целевое использование израсходованных средств и ориентированность на конкретные результаты	1. Широкий круг стейкхолдеров. 2. Определение государством правил поведения и контроль их выполнения. 3. Непопулярность благотворительных мер вследствие высоких налогов и отсутствия льгот и других стимулов. 4. Высокий уровень интеграции социальной деятельности в общую стратегию развития компании	1. Активное влияние власти вследствие стратегического планирования развития государства. 2. Основное направление – инициативы, направленные на удовлетворение нужд работников. 3. Сотрудничество в сфере социальной ответственности между компаниями. 4. Распространение практики владения объектами социальной инфраструктуры

Основной особенностью американской модели является значительная роль инициативы бизнес-сообщества, относительно слабое регулирование со стороны государства и второстепенная роль общественных организаций (Брэдгард 2005: 2, 50–70). Американское правительство переносит решение большого количества социальных проблем на местный уровень. В таких условиях местная власть вынуждена активно взаимодействовать с местным бизнесом. В США распространена практика использования корпоративных фондов, с помощью которых решаются социальные проблемы по определенным направлениям. Основными направлениями социальной деятельности выступают пенсионные, образовательные, медицинские программы. Социальные инициативы находят поддержку со стороны государства в виде налоговых льгот. Данная модель социальной ответственности предусматривает свободу предприятий в определении уровня привлечения к решению социальных проблем. Вместе с этим используются законодательно закрепленные механизмы, которые стимулируют предприятия и позволяют уменьшить государственное вмешательство. Можно очертить следующие специфические черты этой модели:

- добровольный характер участия бизнеса в решении социальных проблем;
- вмешательство государства происходит путем поощрения социально ответственной деятельности;
- социальная деятельность компании имеет четкие направления;
- приоритетом является решение социальных проблем на уровне местной общины и отдельного региона;

• компании контролируют целевое использование израсходованных средств и ожидают конкретных мер.

Главная черта европейской модели социальной ответственности состоит в значительной роли государственного регулирования. Компании не занимаются самостоятельным решением социальных проблем, но активно взаимодействуют с государственными органами, некоммерческими организациями и другими общественными институтами.

Основные особенности этой модели:

• высокий уровень интеграции социальной деятельности в общую стратегию развития компании;

• государство выступает в роли института, который определяет правила поведения и следит за их выполнением;

• высокий уровень внимания со стороны общественности;

• практикуется экономическое обоснование социальных мер и контроль их эффективности;

• благотворительные меры не являются распространенными, что обусловлено высоким уровнем налогов, отсутствием льгот и других стимулов.

• Основным фактором развития японской модели социальной активности являются культурные традиции страны. Социальная ответственность связана с коллективным взаимодействием внутри предприятия и деловым взаимодействием между корпорациями. Характерные особенности японской модели:

• активное влияние государства, которое участвует в стратегическом планировании развития крупного бизнеса;

• распространенность социально-бытовых инициатив, которые направлены на удовлетворение нужд работников;

• обеспечение социально-бытовых благ на коллективной основе;

• распространение среди компаний практики владения объектами социальной инфраструктуры (Оксинойд 2007: 67).

Также выделяется ряд других национальных моделей, в частности скандинавская, немецкая, британская (Баюра 2009: 1, 21–25), анализ которых позволяет сделать вывод о том, что определяющим фактором формирования национальной модели являются существующая предпринимательская культура и степень участия государства в процессах социализации бизнес-деятельности.

Особенности реализации концепции социальной ответственности бизнеса в хозяйственной практике украинских предприятий

Можно утверждать, что в Украине отсутствует сформированная национальная модель социальной ответственности. В то же время неразвитость процессов социальной ответственности является составной частью более широкого круга про-

блем. Такие рыночные институты координации экономической деятельности, как собственность, капитал, максимизация прибыли не способны заложить фундамент гармоничного социально-экономического устройства в условиях трансформационной экономики, а институты, которые импортируются извне, испытают искажения из-за традиций административно-командной системы.

Несмотря на то, что социальная ответственность бизнеса становится необходимым условием для экономического процветания в развитых странах, Украина характеризуется собственными тенденциями развития. Наиболее распространенным объяснением этого является дефицит средств на социальные мероприятия как у предприятий, так и государства. Однако такое объяснение можно принять лишь с существенными ограничениями.

Общий дефицит средств характеризует национальную экономику. Решение же относительно внедрения мероприятий социальной ответственности принимают владельцы предприятий, имеющие возможность выделять на них необходимые суммы. Также следует отметить, что величина относительных расходов на социальные меры для предприятий достаточно низкая. В то же время другие издержки, среди которых, в частности, расходы на лоббирование собственных интересов в органах государственной власти, расходы на содержание спортивных команд, могут превышать расходы на социальную ответственность. Можно сделать вывод, что владельцы предприятий сознательно избирают такую структуру издержек, где расходы на социальные мероприятия не являются приоритетными и первоочередными.

Следовательно, причиной низкой социальной активности является не ограниченность средств, а отсутствие у владельцев предприятий весомых стимулов быть социально ответственными. Украинский ученый В.В. Дементьев отмечает, что на большинстве украинских предприятий субъектом, который принимает решение относительно распределения ресурсов, является владелец – физическое лицо (Дементьев 2010: 2, 2, 81–95). Доминирующим мотивом его деятельности является максимизация прибыли. Социальная ответственность и ее положительные следствия для владельца не главная цель владения активами предприятия. Вместо этого они ассоциируются с определенными угрозами, поскольку нуждаются во вложениях, а их результаты могут существенно не повлиять на улучшение экономических результатов деятельности предприятия.

Исключение составляют владельцы больших капиталов, происхождение которых в большинстве случаев носит сомнительный, с общественной точки зрения, характер. Социальная ответственность в таком случае часто оторвана от производства, трансформирована в благотворительность и используется как средство противодействия негативному имиджу и формирования позитивного. Здесь можно отметить благотворительные фонды украинских олигархов Р. Ахметова и В. Пинчука.

Низкий уровень социальной ответственности украинских предприятий определяется источниками прибыли и способами, с помощью которых ее

можно максимизировать. В экономической теории рассматриваются два основных способа получения экономической прибыли вследствие создания конкурентных преимуществ: инновационных путей получения прибыли и рентного. Эти два способа несовместимы, использование одного из них усложняет применение другого. Согласно первому пути развития предприятие должно применять инновации (в том числе и в социальной сфере), а формирование прибыли происходит за счет сокращения расходов вследствие применения новых технологий или производства продукции, которая является лучшей в сравнении с конкурентами, или имеет дополнительные свойства, привлекательные для потребителей. Именно наличие дополнительных свойств характеризует продукцию социально ответственных предприятий. Однако такой путь получения прибыли рискован, требует долгосрочного планирования деятельности и не приносит мгновенных прибылей.

Второй способ получения прибыли достигается рентным путем его максимизации. В отличие от предыдущего способа экономическая прибыль обеспечивается путем несовершенной конкуренции, сокращением социальных расходов, занижение уровня выплат за использование труда и ресурсов, которые необходимы для производства, а также за счет искусственного повышения цены продукции предприятия. Экономическая власть, подкрепленная административным ресурсом, является основным конкурентным преимуществом предприятия при рентном пути получения прибыли.

Недостаток социальных инициатив в украинском национальном хозяйстве свидетельствует о том, что отечественные предприниматели избирают второй путь, а альтернативные способы максимизации прибыли более эффективны и надежны, чем социальные меры. При этом вложения в обеспечение экономической власти привлекательнее, поскольку обеспечивают прогнозируемый результат за менее продолжительный период времени, а сама экономическая власть – более дешевый и надежный способ влияния на контрагентов.

Рентный способ получения прибыли не только блокирует инвестиции в социальную сферу предприятия, но и создает дополнительные препятствия для развития социальной ответственности. Среди них следует выделить такие:

- структура управления предприятиями не приспособлена к системной социальной деятельности, поскольку ориентирована на достижение других интересов;
- недостаточное распространение практик социальной ответственности обусловливает относительно высокие расходы на их проведение в том случае, если предприятие решает их внедрить;
- предприятия используют ограниченные горизонты планирования, в то время как для обеспечения социальной ответственности необходимо прибегать к долгосрочному планированию.

Однако рентный путь получения прибыли имеет ограниченные возможности применения. Есть основания утверждать, что на данный момент в Украине ресурсы получения прибыли исчерпываются. Искусственное повышение цен на продукцию и снижение расходов на ее производство вызывает диспропорции развития экономики, деформирует условия воспроизведения ресурсов, усиливает социальное неравенство. Отрицательными следствиями этих процессов для персонала компаний являются: низкая заработная плата, что приводит к деформации структуры подготовки специалистов и снижению квалификации рабочей силы; существенное ослабление потенциала использования работников вследствие того, что при отсутствии социальных мер по отношению к персоналу они рассматривают себя как внешние агенты (аутсайдеры) по отношению к предприятию.

Выводы и предложения

Формирование конкурентоспособной экономики предусматривает создание таких институциональных условий, при которых социальная деятельность предприятия является источником максимизации индивидуального дохода его собственников. Несмотря на неразвитость социальной ответственности бизнеса в Украине, альтернативы ей нет, что дополнительно подтверждается необходимостью неотложной реакции на возрастающую социальную напряженность в обществе.

Это обусловливает потребность в повышении эффективности деятельности предприятий средствами социальной ответственности, в первую очередь через повышение эффективности работы персонала.

По мнению многих современных исследователей, важнейшим фактором влияния на эффективность деятельности как работника, так и предприятия является идентичность персонала (Ван Дик: 2006; Сергієва 2008: 1, 202–212). Работники должны находиться на тех должностях, которые формируют идентичность индивида, ассоциирующего себя с предприятием. В этом случае персонал работает более эффективно, поскольку такая идентификация не требует повышенного вознаграждения за выполнение работником своих обязанностей.

Наиболее показательной моделью, которая учитывает влияние идентичности работника на результаты деятельности предприятия, является модель инсайдера-аутсайдера Дж. Акерлофа и Р. Крентон.

В модели «инсайдера-аутсайдера» рассматриваются два типа работников. Первый тип – инсайдеры – работники, которые отождествляют себя с предприятием. Они разделяют цели компании и считают необходимым прикладывать дополнительные усилия для их достижения. Второй тип – аутсайдеры – работники, которые не идентифицируют себя как часть предприятия. Этот тип представителей персонала не имеет мотивации прикладывать дополнительные

усилия, поскольку руководствуется лишь собственными целями, а не целями предприятия. Такое поведение работников обозначается как «уклонение». Поведение обеих типов персонала объясняются тем, что в случае прикладывания дополнительных усилий инсайдер получает полезность идентичности, тогда как аутсайдер ее теряет.

Отличия в идентичности для двух типов работников приводят к необходимости разных видов вознаграждений, которые нужны для того, чтобы работник повышал собственную эффективность и прикладывал большие усилия (рис. 3). Для работника-инсайдера необходимо меньшее дополнительное вознаграждение, чтобы он работал напряженно. Вместо этого работник-аутсайдер нуждается в большем размере вознаграждения, поскольку при напряженной работе он теряет полезность идентичности.

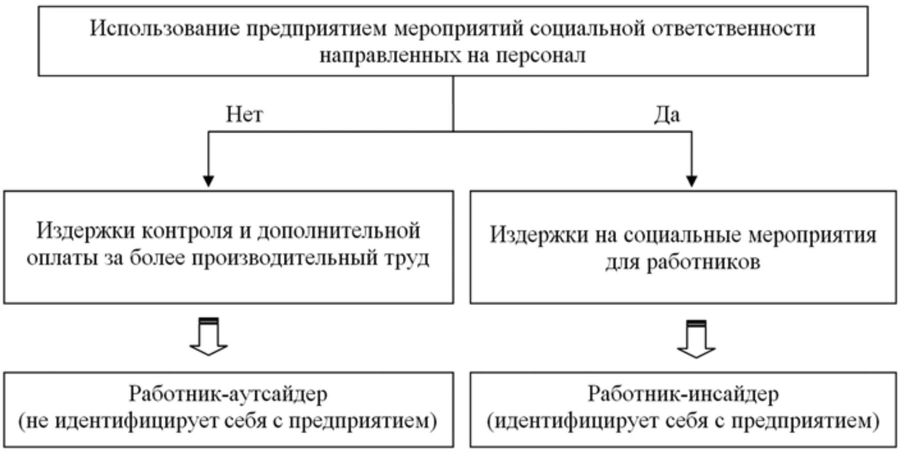

Рис. 3. Формирование статуса работников в модели инсайдера-аутсайдера.

Поэтому эффективный менеджмент предприятий должен внедрять систему мер, которые формируют идентичность инсайдера, поскольку это связано с большей эффективностью и меньшими расходами на вознаграждение за дополнительную работу. Когда дополнительное материальное вознаграждение и расходы на процедуры контроля превышают расходы на мероприятия, обеспечивающие изменение идентичности, предприятию становится выгодным формировать у персонала идентичность инсайдера. Среди мер, которые этому содействуют, наиболее эффективны меры социальной ответственности, направленные на персонал.

Повышение эффективности работы персонала, сокращение расходов на материальное вознаграждение и сокращение расходов на контроль могут достигаться формированием у персонала идентичности инсайдера. Однако такое формирование связано с определенными издержками. Существует ряд харак-

теристик компании и окружающей ее среды, которые указывают на то, что расходы на формирование идентичности персонала предприятия целесообразны:

- издержки на формирование и поддержку среди работников идентичности инсайдера меньше, чем издержки контроля и дополнительного материального поощрения;
- для окружающей среды характерна неопределенность, а процессы развития экономики являются трансформационными;
- персонал предприятия выполняет сложную работу, индивидуальные результаты которой трудно проследить;
- персонал предприятия не расположен к риску;
- процессы производства не постоянны во времени и нуждаются в неоднородных усилиях в разные периоды (Акерлоф 2010: 53).

Такие условия характеризуют деятельность значительной части украинских предприятий.

Активность в решении социальных вопросов по традиции рассматривается как необязательная, однако даже в развитых западных странах все чаще можно наблюдать призывы к тому, чтобы сделать инициативы социальной ответственности принудительными и обязательными для выполнения предприятиями.

Поэтому, несмотря на то, что концепция социальной ответственности определяется сегодня исключительно моральными императивами и культурой хозяйствования, для повышения эффективности ее внедрения в специфических условиях Украины и некоторых других постсоветских государств (России, Беларуси, Молдовы) необходимо перейти от сугубо добровольной к юридически оформленной ответственности.

Опишем общую схему перехода от морально обусловленной (добровольной) ответственности к юридически закрепленной (рис. 4). Возникновение деловых практик, соответствующих социальной ответственности, обуславливается конкретными предпосылками, на которые реагируют субъекты социально-экономических отношений. После распространения этих деловых практик среди значительной части субъектов хозяйствования возникает восприятие такой деятельности как необходимого условия деятельности предприятия (хотя и в дальнейшем могут существовать компании, которые их не соблюдают). Правовое оформление, на следующем этапе должно стимулировать компании, которые еще не внедрили новые принципы в свою деятельность. Кроме того, происходит окончательное закрепление в деятельности предприятий достигнутых практик. После этого, с развитием социально-экономических отношений, возникают новые проблемы, и цикл может повторяться.

На стадиях 2–4 важна положительная мотивация. Дело в том, что социальная ответственность всегда означает опережение требований действующего законодательства. Когда таковые не выполняются, властные структуры прибегают к санкциям. В то же время в большинстве случаев государственные органы

никаким образом не отмечают положительные достижения предприятия в том случае, когда наблюдается превышение уровня установленных законом обязанностей. В связи с этим актуальны два направления улучшения ситуации. Во-первых, необходимо стимулировать подобную активность предприятий, предусматривая в законодательстве механизмы, позволяющие компаниям – лидерам социальной ответственности получать материальные преимущества (например, в виде снижения налогов). Во-вторых, необходимо развивать альтернативные системы морального поощрения в виде государственных премий, рейтингов, наград.

Рис. 4. Процесс правового закрепления моральной ответственности.

В итоге к причинам необходимости правового закрепления принципов социальной ответственности можно отнести следующие:

- ускорение распространения социально ответственного поведения;
- фиксация достижений и невозможность снижения их уровня;
- гармонизация практик и обмен информацией на национальном и международном уровнях.

Описанный выше процесс законодательного закрепления принципов социальной ответственности уже начал проявляться в мировой практике. Европейская Комиссия является инициатором интеграции принципов корпоративной социальной ответственности к любым политическим стратегиям, которые проводятся Европейским союзом. Среди них – стратегии решения социальных, экологических и экономических проблем, защиты потребителей, государственных заказов, международных отношений, развития и др. Этот процесс ускоряется благодаря усилиям многих неправительственных общественных организаций, недовольных активностью государственных органов относительно стимулирования программ социальной ответственности бизнеса.

Прогрессивное деловое сообщество понимает, что социальная ответственность даже в пределах, которые сегодня максимальны, с течением времени станет обязательной. Это всего лишь промежуточное состояние, и с ростом активности предприятий в социальном направлении социальная ответственность

станет неотъемлемым условием функционирования бизнеса. Чтобы создать за ее счет существенное конкурентное преимущество на длительный срок, необходимо начинать уже сегодня. С. Хилтон и Д. Гиббонс высказывают мысль о том, что для того чтобы закрепить приобретенную положительную социальную роль, предприятие будет вынуждено сделать следующие шаги и обратиться к концепциям социального лидерства и социального менеджмента (Хилтон 2003: 174). Следовательно, важным аспектом успешной деятельности фирмы в долгосрочном периоде является перспективная направленность ее деятельности к превышению требований любого законодательства. Ретроспективное восприятие ответственности направлено на избежание санкций за неверное поведение. При этом достаточным полагается «нормальное» поведение, которое не допускает нарушений законодательства. Но, предусматривая изменения социально-экономических отношений, такая стратегия не дает гарантий от негативных последствий в будущем. Фирма, руководство которой обладает перспективным мышлением, должна отслеживать и предусматривать возможные негативные эффекты поведения, считающиеся на данный момент стандартным или оптимальным. Стратегия социальной деятельности должна быть сконцентрирована в областях с наиболее актуальными проблемами, а также там, где активность предприятия будет наиболее эффективной.

Таким образом, бизнес и общество все чаще рассматриваются как элементы единой системы, за пределами которой их эффективное существование невозможно. Социальная ответственность все теснее связывается с корпоративной стратегией, а успехи социальных инициатив становятся предпосылкой будущих экономических достижений. Конкуренция выходит на мировую арену, и предприятия, которые концентрируются лишь на внутренней деятельности, будут не в состоянии выдержать конкурентную борьбу. Успеха смогут достичь лишь те компании, которые трансформируются в организационные структуры, способные действовать ответственно по отношению к обществу и окружающей среде.

Литература

Агапова, И.И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия. М.: Юрист, 2002. С. 36.

Акерлоф, Дж., Крэнтон, Р. Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М.: Карьера Пресс, 2010. С. 53.

Алексеева, А. Вирус ответственности // Компаньон. 2008. № 3 (571) С. 23–26.

Алексеева, О. Международный опыт в сфере мониторинга и оценки КСО компаний / глав. ред. И. Хисамов // Корпоративная социальная ответственность бизнеса. Экспертная оценка и практика в Украине: сборник статей и рекомендаций / К.: ТЭФ ОЛБИ, 2008. С. 128–134.

Аналитический отчет по результатам исследования Ассоциации менеджеров «Социальная роль бизнеса в общественном развитии: корпоративная благотворительность

и спонсорство». М.: Ассоциация менеджеров, 2001. [Електронний ресурс.] Режим доступа: http://www.cgp.ru/pdfs/amr2001.pdf. Назва з екрану.

Балакирев, В. Оценка влияния корпоративных социальных программ в России: ситуация, постановка задачи // Огранизация. № 3–4 (20/21). 2005. С. 65–77.

Барабанник, Л.Б., Вознюк, О.В. Концепція корпоративної соціальної відповідальності бізнесу та її становлення в Україні // Вісник Дніпропетровської державної академії: Економічні науки. 2010. № 1. С. 5–11.

Баюра, Д. Корпоративна соціальна відповідальність в системі корпоративного управління // Україна: аспекти праці. 2009. № 1. С. 21–25.

Брэдгард, Т. Социальная ответственность бизнеса между государственной политикой и политикой предприятий // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2005. № 2. С. 50–70.

Ван Дик, Р. Преданность и идентификация с организацией. Харьков: Гуманитарный Центр, 2006.

Воробей, В. Корпоративна соціальна відповідальність чи вигода? // Києво-Могилянська Бізнес Студія. 2005. № 10. С. 19–29.

Гусева, Т.В., Молчанова, Я.П., Виниченко, В.Н. Новые инициативы деловых кругов: отчетность в области устойчивого развития // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 6. С. 51–62.

Дементьев, В.В., Вишневский, В.П. Почему Украина не инновационная держава: институциональный анализ // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2, № 2. С. 81–95.

Клишова, Е.В. Социальное поведение: функциональный анализ экономической рациональности // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. 2008. Випуск 34–1. С. 150–157.

Корпоративная социальная ответственность бизнеса. Экспертная оценка и практика в Украине: сборник статей и рекомендаций / глав. ред. И. Хисамов. К.: Оранта, 2007. С. 10.

Корпоративная социальная ответственность бизнеса. Экспертная оценка и практика в Украине: сборник статей и рекомендаций / глав. ред. И. Хисамов. К.: ТЭФ ОЛБИ, 2008. С. 24.

Кричевский, Н.А., Гончаров, С.Ф. Корпоративная социальная ответственность. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. С. 26.

Лозовая, И.С. Корпоративное управление: понятие и основные подходы к его определению // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: экономика. 2010. № 1. С. 84–88.

Мескон, М., Альберт, М., Хедоури, Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 2004. С. 84.

Новая философская энциклопедия: В 4 томах / Ред. совет: В.С. Стёпин[и др.]. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 125.

Оксинойд, К.Э. Управление социальным развитием организации: учеб. пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2007. С. 67.

Пустовійт, Р.Ф. Інституціональне середовище підприємництва в трансформаційній економіці: [монографія]. Черкаси: Брама-Україна, 2006. С. 211.

Сергієва, Л. Формування соціальної політики на рівні національної держави: європейський досвід та Україна // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. 2008. № 1. С. 202–212.

Соболева, И.В. Человеческий и социальный капитал – определяющие факторы экономического роста // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 298–331.
Туркин, С. Зачем бизнесу социальная ответственность // Управление компанией. 2004. № 7. С. 18–25.
Хилтон, С., Гиббонс, Д. Бизнес во благо. Делаем деньги, делая мир лучше / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Добрая книга, 2003. С. 132.
Хилтон, С., Гиббонс, Д. Бизнес во благо. Делаем деньги, делая мир лучше / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Добрая книга, 2003. С. 134.
Хилтон, С., Гиббонс, Д. Бизнес во благо. Делаем деньги, делая мир лучше / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Добрая книга, 2003. С. 174.
Шевчук, А.В. Социальная роль бизнеса в моделях корпоративного управления // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2005. № 2. С. 17–26.
Шура, П., Тросников, И., Чернов, К. Социальный портрет бизнеса. Путеводитель по социальным программам российского бизнеса. М.: The Platzdarm Group, Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 34–35.
Alchian, A.A., Demsetz, H. Production, Information Costs and Economic Organization // American Economic Review. 1972. Vol. 62, № 6. P. 777–795.
Friedman, M. The Social Responsibility of Business is to Increase its Profits // The New York Times Magazine. September 13, 1970. P. 6.

Рецензии

Александр **ФЕДУТА**

КОРМЯ ЧУЧЕЛО ДВУГЛАВОГО ОРЛА...
Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб: Алетейя, 2010. 400 с.

Монография Е.И. Пивовара (2-е изд.) заслуживает внимания по ряду обстоятельств, одним из которых является статус автора: доктор исторических наук Ефим Иосифович Пивовар, член-корреспондент Российской Академии наук, что свидетельствует об официальном признании его научной состоятельности, ректор Российского гуманитарного университета, по праву считающегося флагманом гуманитарной науки России.

Книга состоит из двух частей. Первая излагает то, что укладывается в жанр «исторического очерка», – собственно историю принятия уставных документов различных интеграционных образований, действующих на постсоветском пространстве, а вторая содержит документы – библиографию вопроса, в том числе отсылки к литературе, содержащей оценочные характеристики интеграционных процессов на различных их этапах.

Собственно говоря, именно вторая часть делает книгу Е.И. Пивовара заслуживающей внимания читателей и многократного переиздания – во всяком случае до тех пор, пока судьба интеграционных образований будет интересовать исследователей и читателей их трудов. Первая часть, аналитический обзор процесса интеграции на одной шестой части суши, обозревает все, но мало что объясняет. Говоря словами одного из отцов исторической науки Нового времени, выдающегося прусского историка Леопольда фон Ранке, мы имеем дело с «попыткой … просто показать, как, по существу, происходили события». И в принципе сборник документов вкупе с аннотированной библиографией удовлетворяет этой задаче.

Однако если использовать современный молодежный сленг, под таким подходом мог бы подписаться не только выдающийся историк, живший, как ни крути, в начале XIX века, но и персонаж культового голливудского фильма Капитан Очевидность. Персонаж этот констатирует истины, которые никому не интересны, поскольку очевидны, и ничего сами по себе не объясняют и ничего не дают для понимания происходящего.

Это заметно там, где, по прошествии времени, стали очевидны и провалы в намерениях интегрирующихся сторон. Скажем, на с. 98 отмечается, что 12 августа 2009 года в Москве было «принято решение о формировании переговорной группы по совместному вступлению входящих в Таможенный союз стран в ВТО». Прошло совсем немного времени, и свершилось то, что заранее было известно всем, включая и профессора Е.И. Пивовара: Россия вступила в ВТО без оглядки на мнение своих партнеров по Таможенному союзу. Но в тексте монографии нет ни слова о возможности подобного исхода.

В четвертой главе монографии, посвященной «новым региональным модулям на постсоветском пространстве», автор описывает, например, причины создания ГУУАМ (позже – ГУАМ) в тонах, несколько не свойственных общему объективистскому нарративу труда. Скажем, говорится о «радикализации <…> антироссийской политики» (с. 117) государств–членов ГУУАМ (кроме вышедшего из организации Узбекистана и «пересмотревшего» свою политику Азербайджана). Но речь идет о 2001 годе, когда все государства, входящие в ГУУАМ, являются членами СНГ, противоречие, которого автор не замечает – напротив, подчеркивает, что «достигнуто согласие в определении приоритетов СНГ» (с. 52). Одним из таких приоритетов является «налаживание сотрудничества с другими региональными интеграционными объединениями и организациями, прежде всего, с Евросоюзом» (с. 52). Однако, говоря об апрельском 2005 года кишиневском саммите ГУУАМ, отмечается, что «утверждению жесткой позиции ГУУАМ по отношению к СНГ и России способствовали присутствовавшие на саммите <…> представители США и ряда их союзников в Европе» (с. 118). Поскольку значительное число государств – членов Евросоюза одновременно являются союзниками США по НАТО, автор мог бы прояснить, продолжает ли к 2010 году – году выхода второго, исправленного издания его монографии – сотрудничество с Евросоюзом быть одним из приоритетов СНГ, или уже нет – и наоборот. Но он этого не делает, к нашему сожалению.

Точно так же как из описания деятельности ГУУАМ в монографии не вытекает, в чем, собственно говоря, состоит суть его «жесткой позиции». В договоренности «активизировать энергетическое сотрудничество, направленное на реализацию совместных энергетических программ и проектов на основе их коммерческой рентабельности, в частности, по транспортировке энергоресурсов Каспийского региона на европейский энергетический рынок с использованием государств-участников Объединения без участия России» (с. 118)? Но, собственно

говоря, это их суверенное право, основывающееся на принципах деятельности ВТО, куда все эти годы стремилась и Российская Федерация. В подчеркивании важности «решения Стамбульского саммита ОБСЕ 1999 г.» об исполнении «Россией принятых на себя обязательств о полном выводе российских войск и вооружений из Республики Молдова и Грузии» (с. 119)? Но Россия, во-первых, действительно приняла на себя такие обязательства, а, во-вторых, согласно Уставу ОБСЕ Декларация Стамбульского саммита была бы попросту не принята, если бы Россия проголосовала сама и уговорила кого-либо из «лояльных» к ней партнеров по СНГ проголосовать против этого документа (принцип «консенсус минус один»).

Таким образом, читатель монографии не получает авторской оценки ни причин метания Узбекистана, ни противоречивой позиции Беларуси или Молдовы, ни объяснения тому, почему украинская элита успела пересмотреть итоги «оранжевой революции», но не стала пересматривать общий курс по отношению к России и Европе. Пример Узбекистана в этом отношении наиболее показателен: «Основной причиной <для выхода Узбекистана в 2005 г. из состава ГУУАМ. – А.Ф.> стало серьезное ухудшение отношений между Ташкентом и Вашингтоном из-за событий в Андижане, а также недовольство Узбекистана резко отрицательной позицией, занятой по отношению к узбекскому руководству лидерами других государств-членов ГУУАМ» (с. 119). Поскольку Е.И. Пивовар не счел нужным даже намекнуть на то, что именно произошло в Андижане и стало причиной резко отрицательной позиции новых лидеров Украины и Грузии (прежде всего), дальше становится непонятным и все остальное. В частности, почему в 1999 году Узбекистан вышел из организации Договора о коллективной безопасности, в 2006 году вернулся в ОДКБ, и уже совсем недавно – в 2012 году – вновь ее покинул. Собственно говоря, объяснение двух первых событий автоматически, на наш взгляд, делало бы понятным и выход Узбекистана из ОДКБ в 2012 году.

Примечателен также принцип, которым руководствуется автор при описании интеграционных процессов в социокультурной сфере. Скажем, высоко оценивается деятельность фонда «Русский мир» «по сохранению и распространению русской культуры и языка на постсоветском пространстве и в мире в целом» (с. 148). Поддержка статуса русской культуры и русского языка в мире, бесспорно, – высокая задача. Но при этом ни слова не говорится о деятельности аналогичных организаций на территории самой России: скажем, о деятельности украинской или белорусской диаспор по распространению культурных достижений их народов. А ведь ни для кого не секрет, что этнические украинцы и белорусы проживают если не во всех, то в большинстве субъектов Российской Федерации, в ряде из них имеют официально зарегистрированные культурно-просветительские объединения. Описание интеграции в сфере образования содержит упоминание лишь одного образовательного проекта, не связанного

фактически с открытием филиалов российских университетов в других государствах СНГ либо с принятием в российские университеты целевых групп абитуриентов из новых независимых государств; единственное исключение – открытие Университета ШОС, в котором не идет речь «о доминирующей роли какой-либо из стран-участниц ШОС, идет ли речь о России или Китае» (с. 160).

Это, на наш взгляд, связано с принципиальной установкой автора: Е.И. Пивовар не хочет давать какие-либо политические оценки событиям на постсоветском пространстве. И это связано с тем, что оценки эти, говоря словами Л.Н. Толстого, носили бы «обоюдоострый характер». Например, кризис в ГУУАМ 2005 года был связан не просто с «событиями в Андижане», а с применением узбекскими властями огнестрельного оружия против собственного народа. Вашингтон, Киев и Тбилиси действия узбекских властей осудили – причем украинское и грузинское руководство осудили еще и потому, что их страны совсем недавно имели опыт мирного исхода из подобной ситуации. А Москва не осудила – поэтому Ислам Каримов попытался вернуться в систему российского патронажа. И опиши эту ситуацию Е.И. Пивовар хотя бы в подобных, вполне корректных тонах, понятно, что оценка российской политики в регионе стала бы, мягко говоря, более жесткой: скажи мне, кто твой друг…

Еще более уязвимой становится позиция Е.И. Пивовара, когда он описывает функционирование Союзного государства России и Беларуси и пересказывает документы, регламентирующие его создание и деятельность. Во втором случае автор вынужден употреблять глаголы преимущественно в условном наклонении: например, «за исполнением бюджета Союзного государства был призван следить специальный аудиторский орган с узкой компетенцией – Счетная палата, которая осуществляла бы контроль за исполнением доходных и расходных статей бюджета Союзного государства…» (с. 65) – но при этом не говорится, был ли создан такой предусмотренный договорами орган или нет, и почему. Описывая вопрос укладки новых труб газопроводов по территории Беларуси (фактически по территории Союзного государства), автор не называет причин, по которым в момент выпуска монографии он не был разрешен, а ограничивается намеком: «Вопрос является не техническим, а политическим. Возможность выбора в пользу белорусского пути газового транзита – фактор большой политической игры в отношениях между Россией и Польшей, Россией и Украиной, Россией и Евросоюзом» (с. 67). Кажется, нужно добавить всего одно слово, разъясняющее, чья именно игра имеется в виду, и все становится на свои места. Но Е.И. Пивовар слово этого не добавляет, отчего читателю остается лишь гадать о субъекте этого загадочного процесса.

По нашему мнению, историк напрасно пренебрегает той информацией, которая содержится в работах «поденщиков Истории», журналистов. Многое объясняют в происходящих интеграционных и дезинтеграционных процессах постсоветского пространства публикации издательского дома «КоммерсантЪ»,

газеты «Зеркало Недели» (Украина), «Белорусской деловой газеты» и «Белорусской газеты» (Беларусь), других вполне русскоязычных изданий, либо изданий, имеющих русскоязычную печатную версию, собственные архивы в интернете и подшивки в крупнейших российских библиотеках. На страницах этих и других изданий политические акторы – в том числе президенты, главы правительств и парламентов, министры и депутаты – откровенно объясняют мотивы тех или иных поступков. В частности, там содержатся оценки – оперативные и по прошествии разного времени – таких важных событий, как Беловежские соглашения, высказанные их подписантами и высшими должностными лицами экс-СССР. Даются различные концепции интеграционной политики руководства России, например, во время правления Бориса Ельцина и Владимира Путина. Из этих газет можно узнать, что, оказывается, был вооруженный конфликт между Россией и экс-членом СНГ Грузией, и можно узнать, как и почему реагировали на этот конфликт на всем постсоветском пространстве.

Причем все это случилось до выхода второго издания монографии Е.И. Пивовара.

По нашему мнению, подзаголовок монографии не соответствует тому, что автор решился сказать. Какой именно смысл вкладывался им в словосочетание «альтернативы интеграции»? Имелись ли в виду различные концептуальные подходы к интеграции либо возможные альтернативы интеграционным процессам – спрогнозировать, что будет происходить с теми постсоветскими государствами, которые отказываются реинтегрироваться в описанную модель?

В первом случае можем констатировать неудачу: как раз концептуально ни одна из возможных моделей не анализируется. Пересказ документов и описание событий не заменяют анализа избранной модели. Кроме того, концепции интеграции не только не персонифицированы (скажем, мы не узнаем из книги, каковы подходы к данной проблеме Нурсултана Назарбаева и Александра Лукашенко – двух общеизвестных претендентов на статус «главного интегратора СНГ», но даже чем интеграционный процесс в годы правления Бориса Ельцина отличался от интеграционного процесса при его преемниках), но и просто не сформулированы.

Второго варианта Е.И. Пивовар, на наш взгляд, также избегал сознательно. Потому что иначе нужно сказать о судьбе трех постсоветских республик, благополучно являющихся сегодня членами двух крупнейших интеграционных образований – Европейского союза и НАТО. Речь идет о бывших Латвийской, Литовской и Эстонской советских социалистических республиках. И если их судьба в интеграционном контексте никак не рассматривается – возможно, под предлогом того, что они интегрировались в структуры, где есть государства, не являющиеся наследниками СССР, то непонятно становится, почему много внимания уделяется Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которой участвует Китай.

И дело, с нашей точки зрения, вовсе не в научной некорректности автора рецензируемой монографии. Дело в его политической лояльности.

Действительно, трудно лояльному, но интеллигентному человеку дать оценку тому факту, что руководство его страны не осудило расстрел в союзной (Узбекистан – член СНГ) державе людей, не вооруженных огнестрельным оружием. Проще обойти этот факт. Не интерпретировать его – как, в принципе, и учил Леопольд фон Ранке.

Трудно не увидеть «информационные войны» между Кремлем и «братской» Беларусью, если они бушуют на твоем телеэкране. Трудно – потому что пока книга находится в типографии, война может и закончиться.

Трудно объяснить, почему ностальгирующие по Советскому Союзу русскоязычные граждане и неграждане трех балтийских государств вместе с тем не спешат получить российское гражданство в массовом порядке и переезжать на родину своих предков. Как непонятно – почему так сильно интеграции, скажем, Латвии в состав Евросоюза обрадовались представители среднего российского бизнеса.

Наконец, трудно объяснить, почему власть в Украине меняется как при батьке Махно и гетмане Скоропадском, но вот отношение украинской элиты к России не меняется, какая бы риторика при этом ни пускалась в ход. Трудно, потому что тогда нужно давать оценку истинному поведению российских инвесторов на постсоветском пространстве.

Леопольд фон Ранке не интерпретировал факты, поскольку это задевало бы его родную Пруссию, болезненно ощущавшую собственную слабость, однако пытавшуюся не преодолеть ее, а попросту не замечать. Это было в первой половине XIX века. Историку могло тогда еще казаться, что не расскажи он читателю о проблемах его родного государства объективно – и этих проблем не будет. Достаточно ничего не объяснить и строго воспроизводить событийную канву.

Нельзя требовать от кабинетного ученого, чтобы он выходил на баррикаду. И никто не ждал этого от Ефима Иосифовича. Однако если автор пишет о той части истории, которая все еще воспринимается как современность, ему следовало бы хотя бы иногда выглядывать в окно.

Главу, посвященную методологии, использованной фон Ранке, и его стилю изложения, известный историк, член Британской академии Стивен Бенн назвал в своей книге «Одежды Клио» «Историк как такседермист», которую мне недавно купили в книжной лавке «У Кентавра» в одном из корпусов РГГУ.

Действительно, высокое искусство требуется, чтобы набить чучело так, чтобы оно в точности напоминало живую птицу – например, орла.

Еще труднее делать при этом самому вид, что орел этот – не чучело.

Ранке это удавалось.

Александр Федута

ПАМЯТЬ РАНЕНОГО ПОКОЛЕНИЯ
Nowak A. Strachy i lachy. Przemiany polskiej pamięci 1982–2012. Kraków: Biały kruk, 2012. 344 str.

Профессор Ягеллонского университета Анджей Новак принадлежит к числу наиболее авторитетных польских историков среднего поколения – тех, кто старше сорока, но моложе шестидесяти. Каждая его книга встречает бурный прием у читательской аудитории, что отчасти связано и с непримиримой позицией самого проф. Новака. Не скрывая своих радикально-критических оценок современности (Анджей Новак одновременно с академической деятельностью еще и лидер краковского отделения партии PiS), профессор избрал одной из главных тем научной специализации тему исторической памяти и трансформации исторического знания в идеологию. И это при том, что выступает он периодически и как историк, и как идеолог.

Новая книга Анджея Новака не исключение. Он включил в том, украшенный карикатурами, статьи, представляющие его и как академического ученого, и как яркого политического публициста. Как историк он не чужд публицистики, а как публицист щедро использует богатые познания в истории.

Книга состоит из трех разделов. Первый содержит публицистические статьи, написанные до 2003 года. Вероятно, будь у Новака статьи более позднего периода, которые он хотел бы включить в сборник, он довел бы раздел до 2005 года, который воспринимается им как переломный: не случайно между первым и вторым разделом размещен портрет умершего в 2005 году папы Иоанна Павла II – бесспорного нравственного авторитета для большинства поляков (как, впрочем, и не только поляков). И назван раздел красноречиво: «Между свалкой и памятником: Борьба за память в III Речи Посполитой».

Под «свалкой» автор имеет в виду неразборчивую память той части польского общества, которая охотно, по мнению профессора, смирилась с версией событий новейшей истории, преподносимой ей экс-, пост- и неокоммунистами. Неслучайно в начале этого раздела размещен анализ воспоминаний генерала Войцеха Ярузельского: Анджей Новак показывает, как мемуарист Ярузельский интерпретирует собственную жизнь и свои действия времен введения военного положения в Польше – пытаясь при этом манипулировать общественным мнением. Статья «Философия гуманистической хирургии» написана еще в 1994 году, однако явно не утратила своей актуальности. Ярузельский, по мнению историка, остается символом ушедшей эпохи – эпохи, не заслуживающей положительной оценки и доброй памяти. И переход от свалки к святыне – от Ярузельского к Иоанну Павлу II – есть тот путь, который должно было бы проделать, но не проделало польское общество.

Второй раздел книги менее публицистичен – что и понятно, поскольку в него включены работы, носящие, на наш взгляд, сугубо научный характер, хотя Новак и в них остается Новаком, резким и непримиримым. Он называется «Более глубокая память империи» и анализирует идеологию польского консерватизма XIX века – века для поляков болезненного во всех отношениях, поскольку именно это столетие (если рассматривать его широко – от первого раздела Речи Посполитой и до 1918 года) – единственное в польской истории, когда Польша была лишена государственности, а стало быть, и права на самостоятельную, отличную от общеимперской, историческую память.

Сразу следует отметить, что у Новака здесь мало соперников. Польский консерватизм XIX века в социалистической Польше рассматривали вообще крайне неохотно, поскольку приходилось бы говорить о двух его направлениях – пророссийском (фактически – коллаборантском, ассоциирующимся с «петербургской котерией» – Юзефом Пшецлавским, Генриком Жевусским, Игнатием Головинским и другими авторами) и антироссийском, представленном поколением «великой эмиграции». И то, и другое для социалистических властей крайне нежелательно: анализ мысли «коллаборантов» навевал грустные параллели с современностью, а среди консерваторов-эмигрантов были великие писатели – в частности, один из трех «пророков», Зигмунт Красиньский, деканонизировать взгляды которого в общественном сознании попросту невозможно, а пропагандировать их крайне нежелательно. Поэтому Красиньского издавали, но пытались уйти от обсуждения его идеологических установок, вписывая в общую схему развития польского романтизма.

Новак не просто анализирует взгляды Красиньского. Он демонстративно помещает в сборнике свое большое исследование «Россия и революция – Зигмунт Красиньский», написанное в 1982–1983 гг. и оглашенное впервые в Институте исследования литературы ПАН, на семинаре великого польского филолога и историка мысли Марии Янион – то есть тогда, когда и Польша откровенно входила

в зону идеологического влияния России, и тайная полиция отслеживала любое проявление инакомыслия. Впрочем, само изучение столь неудобного классика, каким был Красиньский, уже было откровенным проявлением инакомыслия. И как в 1983 году Новак демонстрировал инакомыслие своим докладом, так сейчас он демонстрирует: я не изменился; говоря словами другого классика – столь же неудобного при анализе его политических взглядов, сколь и великого, он гимны прежние поет.

Другой главной фигурой второго раздела книги является еще один выдающийся польский мыслитель-эмигрант Генрик Каменьский. Именно Новаку принадлежит заслуга реанимации Каменьского в исторической науке Польши: его работа 1984 года «Польша и “Барбария” – пророчества Генрика Каменьского» читается так свежо, как если бы анализ, содержащийся в ней, написан вчера. Главный труд самого Каменьского – «Россия и Европа. Польша – Введение в изучение России и москалей» (1857) – несомненно, дает историку возможность поразмышлять, какова же роль России в сознании поляков XIX века – и, косвенно, в сознании поляков веков XX и XXI.

Нужно сразу отметить, что роль эта далеко не позитивна. Понятно, что критик, читающий всемирную – или, по крайней мере, европейскую – историю откуда-то из Москвы или Санкт-Петербурга и изначально отрицающий возможность иного ракурса исторического процесса – обвинит и Каменьского, и его исследователя в русофобии. Однако история не может быть русофобской, полонофобской или, скажем, германо- и франкофобской. Вопрос в том, признает читатель и критик некоторые очевидные вещи или не признает. Например, признает ли он, что на протяжении XVIII, XIX и XX столетий Российская империя, а затем Советский Союз активно участвовали в процессе ликвидации польской государственности, а затем и польского суверенитета – в условиях обретения Польшей государственности формальной. Если признает – все становится на свои места, и Каменьскому отводится место в истории польской мысли примерно такое же, какое отводится сегодня Михаилу Никифоровичу Каткову в истории мысли российской. Ибо воевать с покойниками, успевшими истлеть в могилах, бессмысленно, а, по нашему мнению, и вредно: перегибание палки в одну сторону неизбежно вызывает у кого-то другого желание перегнуть ее в другую. И выясняется в конце концов, что только таким образом эту палку и можно выпрямить.

Новак палку эту выпрямляет, ибо неприязни своей к имперской политике России не скрывает. Причем эта неприязнь, на наш взгляд, не является русофобией, поскольку положительными персонажами для Новака, бесспорно, являются, например, внутренние критики России – если внутренними критиками можно считать политических эмигрантов XIX века вроде Александра Герцена. Вопрос для Новака не в том, русским является политик или не русским, а в том, как он относится к Польше и полякам. Собственно говоря, можно сказать, что

подход Новака в этом отношении – отнюдь не русофобский, а вполне патриотический.

Вопрос в другом. Вопрос для уважаемого профессора в том, являются ли сами поляки патриотами и насколько. И решению этого вопроса посвящена третья часть книги Анджея Новака: «Память после катастрофы: трагедия и фарс». Даже не слишком ангажированный во внутрипольскую политическую проблематику читатель способен понять, что речь идет о катастрофе президентского самолета под Смоленском 10 апреля 2010 года. Эта несомненная трагедия польского народа (в катастрофе погиб не только действующий президент Польши Лех Качиньский с супругой, но и значительная часть польских военачальников, и многие видные политики, включая представителей старой, легендарной «Солидарности») дает повод вновь задуматься о том, что делает политика с исторической памятью даже в краткосрочной перспективе.

Новак не сомневается в том, что польские проправительственные медиа сделали все, чтобы затушевать истинный смысл смоленской авиакатастрофы. Глубокая символическая связь между этой и другой катастрофой – массовым уничтожением польских офицеров в лагере под Катынью, куда и направлялся самолет президента Польши – для него очевидна. Как очевиден и тот факт, что такая позиция правительства – не только ориентированных на него медиа – избрана отчасти и для того, чтобы не педалировать наболевший «русский вопрос»: в условиях, когда руководство Польши крайне заинтересовано в сохранении экономических отношений с Россией, официальная версия случившегося должна, по крайней мере, не противоречить позиции России.

И здесь Новак задает сакраментальный и почти риторический вопрос: что есть позиция России? «Есть ли это точка зрения Ленина или Николая II? Феликса Дзержинского или Бориса Савинкова? Владимира Путина или Владимира Буковского?» (с. 259). Этот вопрос задается по другому поводу – по поводу интерпретации «белых пятен» истории польско-российских отношений в новейшем совместном труде ученых двух стран. Но возразить профессору нечего, поскольку исторический нарратив, как и любой иной нарратив, предполагает наличие различных точек зрения. И вопрос Новака неожиданно трансформируется в знаменитое горьковское «С кем вы, мастера культуры?».

Новак не скрывает, с кем он. Ему внятна и боль «Реквиема» Анны Ахматовой, и честная научная позиция Наталии Лебедевой. Такую Россию он приемлет. Нет сомнений и в том, что Россию Владимира Буковского он тоже приемлет.

Но вот что делать с иной Россией? Она тоже существует. Как и проклятый вопрос общей истории.

Здесь, конечно, можно сказать самому себе: это не дело историков, это – дело политиков – давать ответ на этот проклятый вопрос. Дело историка же в том, чтобы его задать.

Но парадокс: Анджей Новак в своей новой книге выступает одновременно и как историк, и как политик. Ибо политическая публицистика – даже если формально ты ограничиваешься высказываниями по поводу трактовок истории своей страны и своего народа – есть составная часть политики. И если историк Анджей Новак ставит вопросы – что, собственно, он вправе делать, то политик Анджей Новак отвечает на эти вопросы, точно играя с собой в поддавки.

Он делает это блестяще и талантливо.

Но если ты признаешь, что ты – един в двух ипостасях, то ты не только можешь, но и должен давать ответы.

Анджей Новак – историк ставит вопрос о том, что Россия до сих пор вмешивается во внутренние дела поляков – в том числе позиция России влияет на трактовку правительством того или иного события общей истории.

Анджей Новак – политик однозначно подчеркивает, что речь идет о России Ленина, Дзержинского, Сталина, Андропова, Путина, в которой мертвый хватает живого, а живой не может сопротивляться мертвому.

И тот же Анджей Новак – политик упрекает журналиста и политика Адама Михника (редактора крупнейшей польской газеты «Выборчей») в том, что он подыгрывает России, полемизируя с «польскими русофобами».

Может быть, и так. Вопрос, какой именно России подыгрывает Михник? Редактор, чья газета однозначно осуждает любое проявление авторитаризма на постсоветском пространстве, не может играть – и, на наш взгляд, не играет на стороне России Сталина и Андропова. Наоборот! Михник – на стороне России Ахматовой и Мандельштама. На стороне высокой русской культуры – которую не отрицает, признает, и, судя по всему, неплохо знает и Анджей Новак.

Но тогда почему они оказываются по разные стороны баррикад?

Ни один из двоих Новаков – ни политик, ни ученый – не дает ответа на этот вопрос. То есть политик дает – Михник, с его точки зрения, играет на стороне другой, путинской России. Но читателя не оставляет ощущение, что здесь политику Новаку явно не хватает объективности.

И понятно – почему.

Профессор Анджей Новак принадлежит к поколению польской интеллектуальной элиты, в молодости испытавшей на себе – студентами, аспирантами, молодыми учеными и преподавателями университетов – все, так сказать, «прелести» военного положения. Ярузельский и Кищак, Брежнев и Андропов, журналист Урбан и маршал Куликов слились в сознании этого поколения в единый образ врага, с которым необходимо бороться. Которому нельзя отдать своего пространства свободы ни на йоту. Это поколение ранено идеей свободы, которую, по его мнению, успели предать отцы новой Польши – те, кому поверили и за кем пошли. Неслучайно на обложке его книги размещена о многом говорящая карикатура: дрожащему от ужаса президенту Леху Валенсе является тень Юзефа Пилсудского, изгоняющая нобелевского лауреата прочь из Бельведера. Вдохно-

витель «чуда над Вислой» противостоит в этой системе ценностей человеку, который, по мнению Новака, чуда не совершил.

Так история Польши предстает в глазах одного из ведущих польских историков движением не от свалки к памятнику, а от памятника к свалке.

И это грустно.

Но, с другой стороны, можно утешать себя тем, что в России тоже не все благополучно – в том числе и с памятниками. Ведь еще Гоголь писал в «Ревизоре»: «Только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откудова и нанесут всякой дряни!» Так что свалка у подножия монумента не есть национальная черта одних поляков.

Это первое.

И второе.

Страх уступить влиянию Империи частицу собственной свободы заставляет воевать с Империей так яростно, что она, уже полупокойная, в конце концов оживает. Борец со страхами превращается в реаниматора собственных страхов – причем именно в тот момент, когда бесстрастные интонации историка меняются эмоциональными всплесками политика. Призрак России, бродящий по Центральной и Восточной Европе, ничуть не менее интенсивно, нежели некогда призрак коммунизма, обретает плоть в трудах краковского профессора, угрожающе начинают сокращаться мышцы, и…

В общем, лучше заниматься наукой.

НАШИ АВТОРЫ

Богачевская Ирина (Вишневый, Киево-Святошинский р-н. Киевской обл., Украина) – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Института философии образования и науки Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова. Научные публикации: 2 единоличные монографии, 1 в соавторстве, раздел коллективной монографии, раздел учебника, свыше 80 научных статей в украинских и заграничных изданиях. Сфера научных интересов: лингвистическое религиоведение, социология религии, философия языка, семиотика, нарратология. e-mail: bogachevska@bigmir.net.

Букос Татьяна (Кишинев, Молдова) – докторант, преподаватель кафедры «Экономическая теория и экономические политики», Экономической Академии Молдовы. Сфера научных интересов: экономическая роль образования, экономика знаний, экономический потенциал. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Бырлэдяну Виржилиу (Кишинев, Молдова) – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории, государства и права Академии Наук Молдовы. Сфера научных интересов: историческая, культурная антропология, проблемы трансформации коллективной идентичности и проекты нациостроительства в восточноевропейском Пограничье. Со-редактор научного журнала Interstitio. East European Review of Historical and Cultural

Anthpology. Исполнительный директор института социальной истории. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Горбан Анна (Кишинев, Молдова) – магистр политических наук, научный сотрудник в лаборатории научных исследований «Социология политики» Молдавского государственного университета. Сфера научных интересов: миграция, миграционные процессы, социальная мобильность, демократия, демократизация, демократический переход, политическое участие, цивилизационные ориентации. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Дзярнович Олег (Минск, Беларусь) – кандидат исторических наук, доцент, Институт истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: история и культура региона Центрально-Восточной Европы. Последняя книга: Алег Дзярновіч. Фрэскі гісторыі: Артыкулы і эсэ па гісторыі і цывілізацыі Цэнтральна-Усходняй Еўропы. – Мінск: РІВШ, 2011. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Еловая Татьяна (Минск, Беларусь) – магистр политических наук, преподаватель ЕГУ. Сфера научных интересов: современная политическая и социальная теория, постсоветские трансформации, легитимность власти. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Зеленская Евгения (Минск, Беларусь) – младший научный сотрудник, Институт философии Национальной Академии наук Республики Беларуси. Сфера научных интересов: этика ответственности, культуриндустрия в позднем капитализме, трансформации высшего образования в глобализирующейся экономике. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Королёв Геннадий (Киев, Украина) – кандидат исторических наук, Институт истории Украины Национальной академии наук Украины. Сфера научных интересов: идея федерализма в Восточной Европе, украинская революция 1917 – 1921 гг. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Кузнецова Татьяна (Сумы, Украина) – доктор наук по социальным коммуникациям, профессор кафедры журналистики и филологии Сумского госу-

дарственного университета. Сфера научных интересов: аксиология СМИ, медиапсихология, социальные коммуникации. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Миненков Григорий (Вильнюс, Литва) – кандидат философских наук, профессор, декан бакалаврской школы ЕГУ. Сфера научных интересов: современная социальная теория, теория идентичности, теория и практика высшего образования. Автор более 150 научных и учебных публикаций, из них 4 монографии. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Морозова Надежда (Вильнюс, Литва) – доктор гуманитарных наук, старший научный сотрудник Института литовского языка (Вильнюс). Сфера научных интересов: кириллическая письменность Великого княжества Литовского, история и культура русского староверия в странах Балтии.

Нечипорук Дмитрий (Санкт-Петербург, Россия) – кандидат исторических наук, факультет истории, научный сотрудник Центра исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Сфера научных интересов: социетальные проблемы Балтийского моря, российско-американские отношения начала XX века.

Осин Вадим (Днепропетровск, Украина) – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин Академии таможенной службы Украины. Сфера интересов: когнитивные основания социальных наук, социология и политика научного знания, методология социальных наук. Наиболее важные публикации: Монография: Осин В.В. Процессы конституирования и воспроизводства в науке: исследование вариаций контент-анализа. – Днепропетровск: Лира, ЛТД., 2007. Статьи: Осин В.В. Политическая наука как призвание vs. политическая наука как идеология: к постановке вопроса о мотивации (выдающихся) политологов // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Вашкевич. – К.: ВІР УАН, 2011. – Випуск 55 (№ 12). – С 458–463. Осин В.В. «Слепое пятно» историописания: рост посредственных ученых в политической науке // Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. – Харьков, 2010. – Вып. 7. – С. 20–42. Осин В.В. Імплікації «легітимаційного проекту» політичної науки: випадок історіописання // Вісник Харківського національного університету. – 2010. – № 885. – С. 11–21. Осин В.В. Легитимизация политологического знания: возможности сетевого подхода // Грані: науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах – 2010. – № 3

(71). – С. 116–120. Осин В.В. Научные сообщества в эпоху большой науки: рационализация центробежных сил в социальных науках // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – 2009. – Вип. 4. – С. 89–124. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Паньковский Анатолий (Минск, Беларусь) – PhD по философии, главный редактор сайта экспертного сообщества «Наше мнение» (http://nmnby.eu), координатор Агентства политической экспертизы при Белорусском институте стратегических исследований (http://www.belinstitute.eu), составитель и редактор «Белорусского ежегодника», преподаватель Европейского гуманитарного университета (курс «Медиа и политическая коммуникация»). Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Петрушенко Юрий (Сумы, Украина) – кандидат экономических наук, доцент, докторант Сумского государственного университета. Сфера научных интересов: теория развития сообществ, экономика культуры, теория общественного выбора. Автор ряда научных работ, посвященных экономическому обеспечению устойчивого развития территориальных сообществ в Украине, в том числе соавтор международного учебника «Социально-экономический потенциал устойчивого развития» (Украина, 2007). Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Пынзарь Светлана (Баньская Быстрица, Словакия) – магистр политических наук (июнь 2001), кандидат PhD в области международных отношений (январь 2012), университет им. Матея Бела в Баньской Быстрице, факультет политических наук и международных отношений, кафедра международных отношений и дипломатии. Сфера научных интересов: многосторонняя дипломатия, внешняя политика и дипломатия Европейского Союза, дипломатия Вышеградских стран, Вышеградская Группа. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Ролёнок Андрей – (Минск, Беларусь) – социальный теоретик, магистр философии, лектор Европейского гуманитарного университета. Сфера научных интересов: современная критическая социальная теория, политическое конструирование идентичности, теории и практики современного образования.

Русецкая Галина (Минск, Беларусь) – магистр философии, социолог. Сфера научных интересов: социальная теория, психоанализ. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Чулицкая Татьяна (Беларусь, Литва) – преподаватель Европейского гуманитарного университета, докторантка Литовского центра социальных исследований. Сфера научных интересов: публичная политика, социальная политика, анализ политики, социальная и политическая справедливость, политика Беларуси и Восточной Европы, НГО и гражданское общества, процессы постсоветской трансформации, политическая сфера Беларуси, выборы и электоральное поведение (Беларусь), политическая коммуникация, дискурс-анализ, СМИ, PR, методология политической науки, политическая философия.

Яцунская Елена (Николаев, Украина) – кандидат политических наук, доцент, директор «Центра развития местного самоуправления». Участник многих научных конференций и стажировок, в том числе в Венгрии (Центрально-Европейский университет), Словакии (Университет им. Коменского), США (Институт Кеннана при Центре имени Вудро Вильсона, Центр Джона Клюга при Библиотеке Конгресса), Канаде (Университет Торонто). Автор 4 книг, опубликованных в Украине, США и Японии, а также более 75 публикаций, вышедших на украинском, русском, венгерском и английском языках. Сфера научных интересов: местное самоуправление, электоральные процессы, сравнительная политология, политическая психология. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Информация для авторов

К рассмотрению принимаются оригинальные статьи (до 80 тыс. знаков), рецензии (до 20 тыс. знаков) и переводы (при наличии авторских прав). Материалы необходимо представлять на русском языке и присылать их по адресу: perekrestki@ehu.lt

Статьи должны сопровождаться:

1) краткой (до 250 слов) аннотацией на английском языке с указанием (на англ.) имени и фамилии автора, названия статьи и 5–7 ключевых слов;

2) сведениями об авторе на русском языке. В сведениях об авторе просим указать: город/страну, ученую степень и звание (если имеется), институциональную принадлежность (если имеется), сферу научных интересов.

Материалы необходимо присылать в формате «doc» или «rtf». Литература и сноски оформляются в конце статьи в разделах: «Литература» и «Примечания». При цитировании и ссылках на авторов в тексте необходимо указывать в скобках автора, год издания книги, если необходимо – страницу, например: (Дюркгейм 1912: 23) или (Geerz 1996). Полная информация о книге должна находиться в разделе «Литература», в котором необходимо указывать только те источники, на которые есть ссылки в тексте.

Guidelines for Authors

“Perekrestki” invites qualified researches and reviewers to publish the articles, reviews and translations contribute to the journal’s issues. All materials must be submitted in Russian, electronic form, format Microsoft Word (doc. or rtf.): articles are normally 80000–90000 symbols, reviews – up to 20000 symbols. Texts should be e-mailed to perekrestki@ehu.lt.

All article submissions must be accompanied by:

1) a 250-word abstract (in English) with the author’s full name (first the given name, then the last name of the author in English), the title of the article and 5–7 keywords;

2) information about author in Russian (city/country, scientific degree and rank (if available), institutional affiliation (if available), research interests).

References and footnotes should be presented at the end of the article in the sections: “Works cited” and “Notes”. Citations and references to authors are referred to in the text by giving the author’s surname, the year of publication and the page numbers if necessary, for example, (Durkheim, 1912:23) or (Geerz, 1996). Full information on the book should be presented in the section “Works Cited” in which it is necessary to specify only the sources which are referred to in the text.

Примеры оформления литературы, сносок (Examples of Citations and Footnotes)

Книга (A book)

1. Инишев, И.Н. 2007. *Чтение и дискурс: трансформации герменевтики.* Вильнюс: ЕГУ. С. 28.

2. Ершов, П.М. *Искусство толкования*. В 2 ч. Дубна: Феникс, 1997. Ч. 1: Режиссура как практическая психология. Ч. 2: Режиссура как художественная критика.

3. Купала, Я. 1997. *Поўны збор твораў.* Мінск: Маст.

Глава в книге (A chapter from the book)

1. Петрушонис, В. 2006. Средства оперирования контекстом в процессе культурной идентификации. В: *Американские исследования*: Ежегодник, 2004–2005. Под ред. Ю.В. Стулова. Минск: Пропилеи. С. 394–404.

Перевод (Translation)

1. Макинтайр, А. 2000. После добродетели. Исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга.

2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 145.

Статья (Article)

1. Michele Lamont, Virag Molnar. The Study of Boundaries in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. № 28. 2002. P. 167–195.

2. Белякова, Н. Эволюция церковно-государственных отношений в западных республиках СССР в период Перестройки // Вестник РУДН. М. Серия «История России». 2009. № 2.С. 111–120.

3. Pavardenis, V.; Pavardenyté, V. 1995. "Philosophy in Lithuania", Journal of Identity 33(2): 231–245.

Электронный ресурс (Electronic Resource)

1. Бурдьё, П. Начала. Choses dites. М., 1994 // Социальное пространство и символическая власть. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/hrest/burde.htm

2. Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З // Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.by/WEBNPA/text.asp?RN=H10000361

3. Аузан, А. Публичная лекция «Экономические основания гражданских институтов», 19 мая 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polit.ru/lectures/2004/05/19/auzan.html

ЦЕНТР ПЕРЕДОВЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (CASE) ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Центр передовых научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE) при Европейском гуманитарном университете создан в 2003 г. при финансовой поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и административном содействии Американских Советов по международному образованию ACTR/ACCELS и Американского центра по образованию и исследованиям.

Основной целью деятельности CASE является содействие обновлению системы научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук, развитию профессионального сообщества, а также мобилизации интеллектуальных и профессиональных ресурсов для изучения процессов социальных трансформаций в Пограничье Центрально-Восточной Европы (Беларусь, Украина, Молдова).

Задачами центра являются:

- интенсификация научных исследований в области социальных трансформаций в регионе Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- накопление и распространение информации о научных исследованиях и учебно-методических разработках в области социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- координация научных исследований по важнейшим проблемам и направлениям, соответствующим профилю центра;
- организация продуктивного научного диалога между исследователями и преподавателями региона по проблемам социальных трансформаций в регионе Пограничья;

- создание сети партнерских образовательных и исследовательских учреждений в Беларуси, Украине, Молдове;
- создание и развитие информационной базы для проведения исследований по проблематике центра;
- содействие мобильности региональных и зарубежных исследователей, вовлеченных в работу центра.

Основные виды работ CASE:

- проведение конкурсов для аспирантов и докторантов на получение стипендий для проведения исследований по проблематике CASE;
- осуществление образовательных программ для стипендиатов CASE;
- проведение региональных исследовательских семинаров и международных конференций;
- издание научного ежеквартальника «Перекрестки»;
- издание сборника работ стипендиатов CASE;
- издание монографий по проблематике CASE;
- создание и апробация учебных, учебно-методических материалов, а также инновационных технологий обучения стипендиатами центра;
- создание библиотеки CASE.

Тематические приоритеты CASE:

- теории и модели Пограничья в современных гуманитарных науках;
- исторические и этнокультурные контексты формирования Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- трансграничная, межрегиональная и транснациональная кооперация в Пограничье;
- политические и правовые трансформации в условиях Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Беларусь, Украина, Молдова в контексте европейской интеграции: противоречия и преимущества Пограничья;
- Пограничье и проблемы европейской безопасности;
- национальная идентичность в условиях Пограничья;
- социальная роль образования и культуры в условиях трансформации (Беларусь, Украина, Молдова);
- регионы Пограничья в условиях глобализации.